PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY
SERIES: LAW

F o u n d e r:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL:

Chairman – *Yu. N. Starilov*, dr of legal sciences, prof.
Deputy chairmen – *Yu. A. Bubnov*, dr of philosophical sciences, prof.;
D. V. Kostin, dr of physical and mathematical sciences, associate prof.
Coordinator – *N. M. Bliznyakov*, cand. of physical and mathematical sciences, associate prof.
Members of editorial board: *V. G. Artyukhov*, dr of biological sciences, prof.; *V. N. Glazyev*, dr of historical sciences, prof.; *S. N. Zharov*, dr of philosophical sciences, associate prof.; *P. A. Kanapukhin,* dr of economic sciences, associate prof.; *A. A. Kretov*, dr of philological sciences, prof.; *S. A. Kurolap*, dr of geographical sciences, prof.; *A. D. Savko*, dr of geological and mineralogical sciences, prof.; *A. A. Sirota*, dr of technical sciences, prof.; *V. V. Tulupov*, dr of philological sciences, prof.; *S. A. Shabrov*, dr of physical and mathematical sciences, associate prof.

EDITORIAL COMMITTEE OF SERIES:

Editor in chief – *Yu. N. Starilov*, dr of legal sciences, prof. Deputy editors in chief – *Yu. B. Nosova,* cand. of legal sciences, associate prof.; *O. S. Rogacheva*, dr of legal sciences, associate prof. Executive secretary – *O. N. Shemeneva*, dr of legal sciences, associate prof. Members of editorial committee: *A. I. Abdullin*, dr of legal sciences, prof. (Kazan (Privolzhsky) Federal University); *Yu. V. Agibalov*, cand. of economic sciences, associate prof. (Voronezh branch of RANEPA); *M. O. Baev*, dr of legal sciences, prof.; *O. Yu. Bakaeva*, dr of legal sciences, prof. (Saratov State Law Academy); *O. V. Baulin*, dr of legal sciences, prof.; *K. Beshe-Golovko*, dr of law, visiting prof. (Moscow State University named after M. V. Lomonosov); *P. N. Birukov*, dr of legal sciences, prof.; *T. M. Byalkina*, dr of legal sciences, prof.; *A. N. Vylegzhanin*, dr of legal sciences, prof. (Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation); *A. A. Efremov*, dr of legal sciences, associate prof. (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSUA)); *D. V. Zotov,* cand. of legal sciences, associate prof.; *T. D. Zrazhevskaya*, dr of legal sciences, prof.; *S. D. Knyazev*, dr of legal sciences, prof. (Constitutional Court of the Russian Federation, St. Petersburg); *N. A. Lopashenko*, dr of legal sciences, prof. (Saratov State Law Academy); *E. B. Luparev*, dr of legal sciences, prof. (Kuban State University); *A. V. Malko,* dr of legal sciences, prof. (Volga Region Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)); *S. P. Matveev*, dr of legal sciences, associate prof.; *S. N. Mahina*, dr of legal sciences, prof.; *V. A. Meshcheryakov*, dr of legal sciences, prof. (Central branch of the Russian State University of Justice); *E. I. Nosyreva*, dr of legal sciences, prof.; *K. K. Panko*, dr of legal sciences, prof.; *S. V. Perederin*, dr of legal sciences, prof.; *R. A. Podoprigora*, dr of legal sciences, prof. (Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, Astana); *M. V. Sentsova* (*Karaseva*), dr of legal sciences, prof.; *Yu. V. Sorokina*, dr of legal sciences, prof.; *L. V. Tumanova*, dr of legal sciences, prof. (Tver State University); *S. E. Channov*, dr of legal sciences, prof. (Saratov State Law Academy); *N. A. Shishkin*, cand. of legal sciences, deputy of General Prosecutor of the Russian Federation

Registrated by Federal Service for Supervisions of Mass Media and Cultural Heritage Protection. Registration certificate ПИ № ФС77-28322 of 08.06.2007

The journal is included in the List of Peer-reviewed Scientific Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Legal sciences (group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties: 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences; 5.1.2. Public law (state legal) sciences; 5.1.3. Private law (civilistic) sciences; 5.1.4. Criminal law sciences; 5.1.5. International legal sciences)

Editorial committee address: 394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1
Voronezh State University.
Editorial committee of «Proceedings of VSU. Series law»
E-mail: vestnik_pravo@law.vsu.ru
Tel./fax: 8 (473) 239-00-94

© Voronezh State University, 2026
© Desing, original-model. Publishing house of the Voronezh State University, 2026

Вестник Воронежского государственного университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ: ПРАВО
Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Серия: Право. 2026. № 3 (66). Июль – сентябрь

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Бялкина Т. М. Некоторые размышления о новой легальной дефиниции российского местного самоуправления 6

Краснов М. А. Эволюция законодательного регулирования замещения должности и прекращения полномочий главы субъекта Российской Федерации (2000–2026 годы) 13

Таваралиев Х. Д. Правовое положение соотечественников за рубежом 30

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И ПРОКУРАТУРА

Заплатникова Ю. В., Заплатников М. Ю. Пределы прокурорского надзора и гарантии прав проверяемых лиц: анализ судебной практики сквозь призму пробелов законодательства 40

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Дмитриева О. В. Проблемные вопросы гражданско-правового положения граждан, ограниченных в дееспособности по причине психического расстройства 48

Иванов Е. И. Урегулируемость правовых споров: критерии, алгоритм определения и юридическое значение 57

Федорова И. В. О допустимости коммодификации донорских органов и тканей человека 63

Кондратенко Е. В. Соотношение категорий «цифровой объект», «цифровое имущество», «цифровой актив» и «цифровое право» в гражданском праве 78

Романюк В. И. К вопросу о совершенствовании механизма обращения в доход государства имущества, нажитого коррупционным путем, по иску прокурора 85

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Тищенко С. В. Государственный водный реестр России: от кадастрового наследия к цифровой трансформации 100

Жигулин А. И. История развития института оспаривания решений, действий (бездействия) органа, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями в России 106

Лупарев Е. Б., Адыгезалова Г. Э. Понятие и природа административно-правового спора в свете парадигмы публичного управления 115

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Безрукавая Н. И. Отдельные вопросы реализации прокурором функции административного преследования в суде 122

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО. БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Красюков А. В. Денежные фонды саморегулируемых организаций: финансово-правовой аспект....128

Кукушко С. Р. Налогообложение субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса....135

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

Шаталов А. С. Понятия и их дефиниции в уголовно-процессуальном законе: анализ и систематизация 145

Астафьев А. Ю. Размышления о феномене рациональности правосудия....154

Гриценко Д. В. Конфликты между участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения и способы их преодоления....161

Новокшонов Д. В. Уголовная политика в особый период: проблемы реализации и противодействия преступлениям против военной службы 168

Пантюхина И. В., Ларина Л. Ю. Разграничение персональных данных, личной и семейной тайны как предметов преступлений, предусмотренных статьями 137 и 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации 175

Печегин Д. А. Согласительные процедуры в российском уголовном процессе 185

Никоноров Г. В. Основания выделения уголовных дел в современном российском уголовном процессе 192

Пономарёв С. Е. Процессуальные гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина в ходе заочного судопроизводства 201

Фомина В. Е. Институт пробации: понятие и правовая природа....208

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Андриевский К. В., Годованик Е. В., Зарубин Д. В. Обзор II Международной научно-практической конференции, посвященной 60 -летнему юбилею принятия Пактов ООН о правах человека 217

Басова А. Д. Регулирование деятельности малого и среднего предпринимательства в праве Евразийского экономического союза: проблемы асимметрии и пути гармонизации 221

Белкин Д. С. Источники международного права и их применение в международном строительном контрактном праве 232

ЦИФРОВОЕ ПРАВО. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Гудкова М. В. К вопросу об использовании инновационных цифровых технологий в банковской сфере в Российской Федерации: финансово-правовой аспект....242

Золоева З. Т. Сравнительно-правовой анализ законодательства государств Южного Кавказа в сфере защиты персональных данных 249

ИНФОРМАЦИЯ

Требования к материалам, направляемым в редакционную коллегию журнала для опубликования....256

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES: LAW
First published in 2006
Published quarterly

Series: Law. 2026. № 3 (66). July – September

CONTENTS

STATE AUTHORITY. LEGISLATIVE PROCESS. CONSTITUTIONAL LAW. PUBLIC MANAGEMENT. LOCAL SELFGOVERNMENT

Byalkina T. M. Some reflections on the new legal definition of russian local government 6

Krasnov M. A. Evolution of legislative regulation of the replacement of position and termination of powers of the head of the subject of the Russian Federation (2000–2026) 13

Tavaraliev K. J. The legal status of compatriots abroad 30

JUDICIARY AND PROSECUTOR'S OFFICE

Zaplatnikova Yu. V., Zaplatnikov M. Yu. Limits of prosecutorial supervision and guarantees of the rights of persons under review: analysis of judicial practice through the prism of legislative gaps 40

CIVIL LAW AND PROCEDURE

Dmitrieva O. V. Problematic issues of the civil legal status of citizens who are limited in their legal capacity due to a mental disorder 48

Ivanov E. I. The settlementability of legal disputes: criterion, algorithm and juridical significance 57

Fedorova I. V. On the admissibility of the commodification of human donor organs and tissues 63

Kondratenko E. V. The correlation between the categories of «digital object», «digital property», «digital asset», and «digital right» in civil law 78

Romanyuk V. I. On the issue of improving the mechanism for converting property acquired through corruption into state property at the request of the prosecutor 85

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

Tishchenko S. V. The state water register of Russia: from cadastre heritage to digital transformation 100

Zhigulin A. I. The history of the development of the institution of challenging decisions, actions (or inaction) of bodies and officials vested with state or other public powers in Russia.....106

Luparev E. B., Adygezalova G. E. The concept and nature of an administrative and legal dispute in the light of the public administration paradigm 115

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Bezrukavaya N. I. Separate issues of the prosecutor's function of administrative prosecution in court 122

FINANCIAL LAW. TAX LAW. BUDGET LAW

Krasyukov A. V. Monetary funds of self-regulatory organizations: financial and legal aspect 128
Kukushko S. R. Taxation of natural monopoly entities in the fuel and energy complex.....135

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCESS, CRIMINALISTICS

Shatalov A. S. Concepts and their definitions in the Criminal procedure law: analysis and systematization 145
Astafyev A. Yu. Reflections on the phenomenon of rationality of justice 154
Gritsenko D. V. Conflicts between the prosecution parties in criminal proceedings and how to overcome them.....161
Novokshonov D. V. Criminal policy in a special period: problems of implementation and counteraction to crimes against military service.....168
Pantyukhina I. V., Larina L. Yu. Differentiation of personal data and personal or family secrets as subjects of crimes under Articles 137 and 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation 175
Pechegin D. A. Conciliation procedures in Russian criminal proceedings 185
Nikonorov G. V. The grounds for the allocation of criminal cases in the modern Russian criminal process.....192
Ponomaryov S. E. Procedural guarantees for the protection of human and civil rights and freedoms during absentee proceedings.....201
Fomina V. E. The institute of probation: the concept and legal nature.....208

INTERNATIONAL LAW

Andrievskii K. V., Godovanik E. V., Zarubin D. V. Review of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the 60th anniversary of the adoption of the UN Covenants on Human Rights.....217
Basova A. D. Regulation of small and medium-sized enterprises activities in the law of the Eurasian Economic Union: problems of asymmetry and ways to harmonization.....221
Belkin D. S. Sources of international law and their application in international construction contract law.....232

DIGITAL LAW. ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Gudkova M. V. On the question of use of innovative digital technologies in the banking sphere in the Russian Federation: financial and legal aspect 242
Zoloeva Z. T. Comparative legal analysis of the legislation of the South Caucasus States in the sphere of personal data protection 249

INFORMATION

The reguirements to the materials, sent to the editorial staff for publishing.....258

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

УДК 342.5
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/6-12

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НОВОЙ ЛЕГАЛЬНОЙ ДЕФИНИЦИИ РОССИЙСКОГО МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Т. М. Бялкина
Воронежский государственный университет

SOME REFLECTIONS ON THE NEW LEGAL DEFINITION OF RUSSIAN LOCAL GOVERNMENT

T. M. Byalkina
Voronezh State University

Аннотация: анализируется понятие местного самоуправления, закрепленное в новом федеральном законодательстве, в контексте принципа единства системы публичной власти и соотношения с государственной властью, в частности такие его характеристики, как «самоорганизация граждан», «решение вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения». Подчеркиваются фактический переход к государственной концепции местного самоуправления и усиление централизации в организации публичной власти.
Ключевые слова: местное самоуправление, государственная власть, единство системы публичной власти, самоорганизация населения, вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Abstract: the article analyzes the concept of local self-government, enshrined in the new federal legislation, in the context of the principle of unity of the system of public power and its relationship with state power, in particular, its characteristics such as «self-organization of citizens», «solving issues of direct provision of vital activity of the population». Emphasizes the actual transition to the state concept of local self-government and increased centralization in the organization of public power.
Key words: local self-government, state power, unity of the system of public power, self-organization of the population, issues of direct provision of vital activity of the population.

Прошло более года после вступления в силу Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Федеральный закон № 33-ФЗ)[1], однако острота дискуссий по основным направлениям новой муниципальной реформы, которые велись еще в период обсуждения его проекта, не уменьшилась[2]. Наоборот, практическое применение ряда положений данного закона увеличило количество спорных вопросов, требующих научного и прежде всего доктринального анализа, прогнозирования возможных направлений развития данного публично-правового института,

[1] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 12. Ст. 1200.

[2] См., например: *Баженова О. И.* «Переходные положения» закона как инструмент воздействия государства на местное самоуправление // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 6. С. 33–41 ; *Болдырев О. Ю.* Проект нового закона о местном самоуправлении без самоуправления // Там же. 2022. № 2. С. 65–70 ; *Мурашкинцева А. Н.* Местное самоуправление как элемент механизма государства : основные тенденции и перспективы // Муниципальное имущество : экономика, право, управление. 2023. № 1. С. 31–34 ; *Пешин Н. Л.* Конституционная реформа местного самоуправления : новая (старая) модель соотношения государственной и муниципальной формы публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 10–15 ; и др.

© Бялкина Т. М., 2026

и самое главное – возможных последствий этой деятельности. Анализ многих норм данного закона в контексте сопоставления с конституционными основами местного самоуправления и выработанной за прошедший период на их основе научной, в том числе подкрепленной решениями Конституционного Суда Российской Федерации, его концепции представляется весьма важным и необходимым.

Особое значение имеет осмысление нового понятия местного самоуправления, закрепленного в Федеральном законе № 33-ФЗ, поскольку его содержательные характеристики являются определяющими для правовой регламентации всех входящих в него институтов: территориальных, организационных, компетенционных основ и т. п. Иными словами, невозможно объяснить те или иные новации в правовом регулировании отдельных элементов местного самоуправления без понимания изменений его сущностных характеристик.

В связи с этим подробнее остановимся на некоторых базовых аспектах новой дефиниции местного самоуправления. Часть 1 ст. 1 Федерального закона № 33-ФЗ закрепляет следующее определение: «Местное самоуправление – признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации форма самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) в пределах полномочий, предусмотренных в соответствии с Конституцией Российской Федерации настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации». Необходимо, на наш взгляд, рассмотреть по меньшей мере три вопроса.

Во-первых, местное самоуправление называется *формой самоорганизации граждан.* Как известно, термин «самоорганизация» применяется для определения организаций, объединений, создаваемых *на добровольной основе,* по собственной инициативе их участников для осуществления какой-либо деятельности, решения возникшей проблемы и т. п. Самоорганизация граждан может иметь место, когда граждане сами посчитают это необходимым, а может и не случиться, если на то у граждан не возникнет желания. Это можно проиллюстрировать примером из текста того же самого Федерального закона № 33-ФЗ, поскольку термин «самоорганизация» употребляется в ст. 50 применительно к территориальному общественному самоуправлению: «Под территориальным общественным самоуправлением понимается самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории муниципального образования для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения».

Получается, что законодатель в этом случае не делает различия между местным самоуправлением в целом как одной из форм народовластия и одной из форм участия населения в его осуществлении. Означает ли это, что если вдруг не произойдет самоорганизации граждан на какой-то территории, то там не будет и местного самоуправления? А как это соотносится с тем, что местное самоуправление осуществляется гражданами не только через формы прямого волеизъявления, но и через органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 33-ФЗ), а органы местного самоуправления, наряду с органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами, как известно, входят в единую систему публичной власти (ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»[3], ч. 4 ст. 1 Федерального закона № 33-ФЗ,)? Органы местного самоуправления как органы публичной власти никак нельзя считать добровольными организациями, образующимися по инициативе граждан, т. е. формой их самоорганизации, они создаются в силу требований законодательства. Нельзя также сказать, что признак самоорганизации относится только к органам местного самоуправления в отличие от органов государственной власти, поскольку Конституция РФ закрепляет принцип *единства системы публичной власти*, который закрепляется, раскрывается многими другими федеральными законами, в том числе в ст. 2 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти

[3] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

в субъектах Российской Федерации»[4], предусматривающей принцип согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти на федеральном, региональном, муниципальном уровнях.

Трудно предположить, что отмеченные противоречия не были очевидны законодателям при работе над текстом Федерального закона № 33-ФЗ. Полагаем, что в данном случае имеет место вполне осознанный подход, поскольку определение местного самоуправления через самоорганизацию граждан становится логичным, только если не считать более органы местного самоуправления органами муниципальной власти, а путем включения их в систему публичной власти (при доминировании позиции о том, что публичная власть есть власть государственная) де-факто считать их органами государственной власти, ее нижним уровнем на местах. Иными словами, Федеральный закон № 33-ФЗ не делает различия между органами публичной и государственной власти, и это подтверждает еще одна его норма, а именно ч. 7 ст. 1: «Органы публичной власти в соответствии с настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами участвуют в решении задач местного самоуправления». В соответствии с ч. 1 ст. 132 Конституции РФ местное самоуправление самостоятельно решает вопросы местного значения. Органы государственной власти могут участвовать в этом в случаях, предусмотренных федеральными законами, в частности в случаях перераспределения полномочий органов местного самоуправления в соответствии с ч. 2 ст. 32 Федерального закона № 33-ФЗ. Поскольку процитированная ч. 7 ст. 1 Федерального закона № 33-ФЗ-ФЗ говорит об участии в данных задачах органов публичной, а не государственной власти, тем самым подтверждается тезис об отождествлении органов государственной и публичной власти, включении в эту систему в качестве нижнего, третьего уровня органов местного самоуправления, которые наряду с органами государственной власти помогают населению, использующему различные *формы самоорганизации,* решать свои местные проблемы.

Таким образом, по мнению законодателя, местным самоуправлением теперь является именно инициативная деятельность населения в предусмотренных законом формах самоорганизации граждан. Закрепленный в 2020 г. в Конституции РФ и затем во многих федеральных законах *принцип единства системы публичной власти* позволяет, таким образом, организовать публичную власть на местах, что органы местного самоуправления практически превращаются в местные органы государственной власти. Этим объясняются многие иные спорные, на первый взгляд, положения Федерального закона № 33-ФЗ. Так, данный закон предоставляет возможность высшему должностному лицу субъекта РФ оказывать существенное влияние на замещение должности главы муниципального образования при избрании его представительным органом на конкурсной основе, а также непосредственно вносить кандидатуры для избрания в представительный орган муниципального образования (ч. 7, 8, 10 ст. 19); применять к нему такие меры дисциплинарной ответственности, как предупреждение, выговор и отрешение от должности (ч. 7 ст. 29); назначать временно исполняющего полномочия главы муниципального образования (ч. 6 ст. 19, ч. 16 ст. 21) и др. Часть 20 ст. 19 Федерального закона № 33 называет главу муниципального образования лицом, одновременно замещающим муниципальную должность и государственную должность субъекта Российской Федерации, несмотря на закрепленное в ст. 12 Конституции РФ положение о том, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Именно законами субъектов РФ регулируются многие важные вопросы жизнедеятельности муниципалитетов, а уставы муниципальных образований должны лишь воспроизводить их положения, что еще раз доказывает: в трактовке Федерального закона № 33-ФЗ местное самоуправление более не самостоятельный институт публичной власти, а возможность населения в предусмотренных законом формах самоорганизации участвовать в решении вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Во-вторых, конституционный термин *«вопросы местного значения»* при определении местного самоуправления заменяется другим – «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения». «Вопросы местного значения» упоминаются в Федеральном законе № 33-ФЗ только в рассматриваемой первой статье, т. е. всего лишь один раз, причем в скобках после слов «вопросы непосредственного жизне-

[4] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

обеспечения населения». Безусловно, возникает вопрос, с какой целью это было сделано, к чему такое усложнение формулировки.

Предположим, что это необходимо для того, чтобы формально дезавуировать противоречие норм Федерального закона № 33-ФЗ о компетенции местного самоуправления положениям Конституции РФ о том, что вопросы местного значения решаются органами местного самоуправления самостоятельно. Поскольку две группы полномочий из трех, предусмотренных ст. 32 Федерального закона № 33-ФЗ, предполагают возможность их непосредственного осуществления органами государственной власти субъектов РФ, то ни о какой самостоятельности органов местного самоуправления в данном случае речи не идет. Однако формулировка «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» носит достаточно широкий, неопределенный характер и не идентична понятию «вопросы местного значения». Безусловно, все органы публичной власти: и органы государственной власти, и органы местного самоуправления – действуют в интересах населения, создают необходимые условия для комфортного проживания граждан во всех регионах Российского государства, осуществляя в этих целях установленные для них законами полномочия. Четкого разграничения вопросов на местные и государственные, как показала практика, осуществить невозможно. Поэтому, если говорить кратко, то для эффективной организации публичной управленческой деятельности необходимо четко определить полномочия органов всех трех уровней публичной власти в соответствующих сферах, областях общественных отношений и обеспечить их реализацию необходимыми экономическими, финансовыми, кадровыми и другими ресурсами. При изменении конкретных социально-экономических и иных условий, обстоятельств в государстве распределение полномочий между органами публичной власти тоже может меняться.

Анализ содержания ч. 1 ст. 32 Федерального закона № 33-ФЗ, закрепляющей полномочия органов местного самоуправления, которые не могут быть перераспределены законами субъектов РФ соответствующим органам государственной власти, т. е. «собственные» полномочия органов муниципальной власти, позволяет сделать вывод о том, что этот уровень публичной власти де-факто самостоятельно мало что решает, поскольку в этой группе полномочий практически ничего не осталось из того, чем местная власть занимается сегодня. То есть принцип единства системы публичной власти в данном случае как бы оправдывает полную зависимость органов местного самоуправления от усмотрения органов государственной власти субъектов РФ в части того, какие именно полномочия они будут осуществлять и за счет каких именно ресурсов, что опять-таки подтверждает вывод о том, что данные органы выводятся из числа субъектов, самостоятельно осуществляющих местное самоуправление (решающих «вопросы местного значения»), и превращаются в нижний уровень органов государственной власти.

В-третьих, представляется не вполне корректным еще один момент в формулировке ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 33-ФЗ. Там говорится, что местное самоуправление как форма самоорганизации граждан осуществляется *в целях осуществления народом своей власти* для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Власть как определенное качество субъекта, принимающего решения, позволяет обеспечивать исполнение этих решений, делает их обязательными для тех, на кого они распространяются. В толковых словарях С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова власть определена как право и возможность подчинять кого-что-нибудь своей воле, распоряжаться действиями кого-нибудь[5]. Иными словами, власть является важным средством, условием решения каких-либо проблем, выполнения целей и задач, в том числе и публичная, политическая власть. Не обладание властью само по себе является целью деятельности тех или иных лиц, групп, объединений граждан, а решение с помощью власти своих задач, ради достижения которых они и борются за эту власть.

В ситуации с местным самоуправлением предпочтительнее говорить о том, что его целью является решение населением важных для него вопросов собственного жизнеобеспечения, самостоятельное и ответственное осуществление необходимых для этого полномочий. Чтобы решать данные задачи, население должно обладать определенной публичной властью, в том числе самостоятельно формировать органы местного

[5] См.: URL: https://znachenie-slova.ru/власть

самоуправления, наделяя их частью своей публичной власти.

То есть власть – не цель, а необходимое средство, условие деятельности. Принадлежность всей власти народу уже закреплена ст. 3 Конституции РФ, и жителям муниципальных образований нет необходимости ее добиваться, поскольку имеется конституционное право ее осуществлять в установленных законами пределах. Рассмотренная формулировка Федерального закона № 33-ФЗ в определении местного самоуправления лишний раз свидетельствует о том, что у местного населения, действующего в формах самоорганизации, более не предполагается наличие самостоятельной публичной власти. Она принадлежит только органам публичной власти, в число которых включены органы местного самоуправления, а население вправе лишь поучаствовать в осуществлении этой публично-властной деятельности, если у него будет на то желание.

На основании всего изложенного выше логично предположить, что одной из основных целей принятия Федерального закона № 33-ФЗ является преодоление императива ст. 12 Конституции РФ о самостоятельности местного самоуправления, о невхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти. Данные конституционные положения давно критикуются многими представителями конституционно-правовой науки[6], на решение этой задачи также были направлены изменения федерального законодательства о местном самоуправлении последних лет, в частности 2014–2015 гг., в том числе поправки, внесенные в главу 8 Конституции РФ в 2020 г.[7]. При недопустимости правок содержания главы первой Конституции РФ оказалось возможным путем отказа от использования в федеральном законодательстве конституционных терминов, изменения их смыслового содержания создать видимость соответствия данных текстов основному нормативному правовому акту государства. Именно таким образом была осуществлена трансформация сущностных характеристик местной власти, именно так получила официальное закрепление государственная концепция местного самоуправления. Принцип единства системы публичной власти стал преобладающим над всеми иными принципами местного самоуправления.

Вероятно, по этой причине в Федеральном законе № 33-ФЗ отсутствует отдельная статья, содержащая определения его основных понятий и терминов. Ясность и однозначность используемых в законе дефиниций есть важное требование юридической техники, показатель качества нормативного правового акта, однако это явно не входило в задачи его создателей. Если отталкиваться от предлагаемого содержания принципа единства системы публичной власти, то этот закон должен называться «Об общих принципах организации публичной власти и местного самоуправления в муниципальных образованиях», поскольку он предполагает создание и деятельность в них местных органов публичной (государственной) власти и осуществление местного самоуправления в различных формах самоорганизации населения (ТОС, старосты, инициативные проекты и др.).

Нельзя не отметить еще одно обстоятельство. Определение местного самоуправления, закрепленное в ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 33-ФЗ, весьма созвучно его понятию, которое было дано Законом СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР». В его ст. 1 было сказано следующее: «Местное (территориальное) самоуправление в СССР – это самоорганизация граждан для решения непосредственно или через избираемые ими органы всех вопросов местного значения, исходя из интересов населения и особенностей административно-территориальных единиц, на основе законов и соответствующей материальной и финансовой базы»[8].

1990 год – время заката советской эпохи, поиска новых принципов общественного и государственного строительства, его организационных форм, в том числе в устройстве местной

[6] См., например: *Авакьян С. А.* Стабильность Конституции и конституционные реформы : некоторые вопросы теории и практики // Конституционное право России : избранные статьи. 2010–2026. Махачкала : Изд-во ДГУ ; М. : Проспект, 2026. С. 110 ; *Зорькин В. Д.* Недостатки в Конституции можно устранить точечными изменениями // Рос. газета. 2018. 9 окт. ; и др.

[7] См.: О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

[8] Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 267.

власти. Данный закон СССР отражал первые, неясные пока подходы к тому, что такое местное самоуправление, каким оно должно быть, можно ли считать органами местного самоуправления существовавшие в тот период местные органы государственной власти – Советы народных депутатов. Повторение в 2025 г. формулировки 35-летней давности может означать, что за прошедший период так и не стало понятным, какая именно местная власть нам необходима. Закреплением в Федеральном законе № 33-ФЗ нового «старого» понятия местного самоуправления предлагается вернуться в ту отправную точку, когда местные Советы были местными органами государственной власти, частью единой системы государственной (сегодня – публичной) власти.

В рамках данной статьи не ставится задача давать оценку тому, хорошо это или плохо. В современный период происходит пересмотр многих казавшихся незыблемыми постулатов, теорий, концепций, под иным углом зрения оценивается сложившаяся практика функционирования многих институтов публичной власти. Это вполне закономерный процесс в условиях глобальных изменений практически всех условий – как внутренних, так и внешних – существования нашего государства.

Происходящее изменение законодательства о местном самоуправлении, по мнению М. Р. Зазулиной, «…выглядит не ситуативной попыткой исправить существующее положение дел, а продуманной стратегией, ориентированной на сознательный отход от общепринятых демократических стандартов в пользу поиска аутентичных путей развития. Грядущая реформа местного самоуправления в этом плане является образцом отечественного варианта импортозамещения демократии. И именно это позволяет законодателю изящно определять сближение самоуправленческих и государственных структур не как вертикализацию, а как их объединение в рамках единой системы публичной власти. Именно эти концептуальные изменения очерчивают новый политический контекст, в котором в обозримой перспективе будет проходить институциональная реорганизация местного самоуправления в России»[9].

Аналогичное мнение высказывается Т. Н. Михеевой и Д. С. Михеевым: «Анализ многочисленных корректировок законодательства не указывает на их бессистемность, скорее, напротив, в них проглядывает логика к изменению вектора местного самоуправления, направленного на сокращение дистанции в его взаимоотношениях с органами государственной власти»[10].

Безусловно, только время, складывающийся новый практический опыт покажут, станет ли благом для России, для функционирования и развития местной публичной власти реализация положений нового Федерального закона № 33-ФЗ о местном самоуправлении. В любом случае не хотелось бы, чтобы спустя какое-то количество лет вновь возникла необходимость обсуждать обстоятельства, аналогичные тем, по которым в начале 90-х гг. XX столетия централизованная система управления в нашей стране была признана неэффективной, и искать способы преодоления ее негативных последствий. Следует, на наш взгляд, помнить, что в таком большом многонациональном государстве, как Россия, с регионами, отличающимися по уровню развития, собственными традициями и др., управление делами на местах обязательно должно осуществляться на принципах децентрализации, обеспечиваемых в том числе реально функционирующей системой местного самоуправления.

Библиографический список

Авакьян С. А. Стабильность Конституции и конституционные реформы : некоторые вопросы теории и практики // Конституционное право России : избранные статьи. 2010–2026. Махачкала : Изд-во ДГУ ; М. : Проспект, 2026. С. 100–111.

Баженова О. И. «Переходные положения» закона как инструмент воздействия государства на местное самоуправление // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 6. С. 33–41.

Болдырев О. Ю. Проект нового закона о местном самоуправлении без самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 65–70.

Зазулина М. Р. Встроиться в систему : местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы. URL: https://orcid.org/0000-0001-8984-1129

Зорькин В. Д. Недостатки в Конституции можно устранить точечными изменениями // Рос. газета. 2018. 9 окт.

[9] *Зазулина М. Р.* Встроиться в систему : местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы. URL: https://orcid.org/0000-0001-8984-1129

[10] *Михеева Т. Н., Михеев Д. С.* Конституционная парадигма местного самоуправления в единой системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 67–68.

Михеева Т. Н., Михеев Д. С. Конституционная парадигма местного самоуправления в единой системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 64–69.

Мурашкинцева А. Н. Местное самоуправление как элемент механизма государства : основные тенденции и перспективы // Муниципальное имущество : экономика, право, управление. 2023. № 1. С. 31–34.

Пешин Н. Л. Конституционная реформа местного самоуправления : новая (старая) модель соотношения государственной и муниципальной формы публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 10–15.

References

Avakian S. A. Stability of the Constitution and constitutional reforms : some issues of theory and practice // Constitutional Law of Russia : selected articles. 2010–2016. Makhachkala : DSU Publishing House ; Moscow : Prospekt Publishing House, 2016. P. 100–111.

Bazhenova O. I. «Transitional provisions» of the law as an instrument of state influence on local self-government // Constitutional and Municipal Law. 2025. No. 6. P. 33–41.

Boldyrev O. Y. Draft new law on local self-government without self-government // Constitutional and Municipal Law. 2022. No. 2. P. 65–70.

Zazulina M. R. To integrate into the system : local self-government in the context of the new federal reform. URL: https://orcid.org/0000-0001-8984-1129

Zorkin V. D. Shortcomings in the Constitution can be eliminated by point changes // Russian Newspaper. 9 October. 2018.

Mikheeva T. N., Mikheev D. S. The constitutional paradigm of local self-government in the unified system of public power // Constitutional and municipal Law. 2023. No. 12. P. 64–69.

Murashkintseva A. N. Local self-government as an element of the state mechanism : main trends and prospects // Municipal property : economics, law, management. 2023. No. 1. P. 31–34.

Peshin N. L. Constitutional reform of local self-government : a new (old) model of the relationship between state and municipal forms of public power // Constitutional and municipal law. 2020. No. 6. P. 10–15.

Воронежский государственный университет
Бялкина Т. М., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина
E-mail: tbyalkina@yandex.ru

Поступила в редакцию: 13.08.2026

Для цитирования:
Бялкина Т. М. Некоторые размышления о новой легальной дефиниции российского местного самоуправления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 6–12. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/6-12

Voronezh State University
Byalkina T. M., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law named after Professor V. S. Osnovin
E-mail: tbyalkina@yandex.ru

Received: 13.08.2026

For citation:
Byalkina T. M. Some reflections on the new legal definition of russian local government // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 6–12. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/6-12

УДК 343.115
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/13-29

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАМЕЩЕНИЯ ДОЛЖНОСТИ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ГЛАВЫ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (2000–2026 ГОДЫ)

М. А. Краснов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

EVOLUTION OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE REPLACEMENT OF POSITION AND TERMINATION OF POWERS OF THE HEAD OF THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION (2000–2026)

M. A. Krasnov

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: в статье представлены результаты анализа законодательных поправок, касающихся принципов и порядка замещения должности, а также отрешения от должности главы субъекта Российской Федерации. Эти изменения и дополнения вносились на протяжении 25 лет в федеральные законы «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (1999 г.) и «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (2021 г.). Основной смысл вносимых поправок, начиная с 2000 г., состоит в установлении всё более плотного контроля федерального центра над руководителями регионов.
Ключевые слова: глава субъекта РФ, губернатор, порядок замещения должности, досрочное прекращение полномочий, полномочия Президента РФ.

Abstract: the article presents the results of an analysis of legislative amendments concerning the principles and procedure for filling positions, as well as the dismissal of the head of a constituent entity of the Russian Federation. These amendments and additions have been made over the course of 25 years to the federal laws «On the General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation» (1999) and «On the General Principles of the organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation» (2021). The main point of the amendments introduced since 2000 has been to establish an increasingly tight control of the federal center over the heads of the regions.
Key words: head of the subject of the Russian Federation, governor, procedure for filling office, early termination of powers, powers of the President of the Russian Federation.

Введение

Настоящая статья содержит результаты ***анализа изменений и дополнений норм, закрепляющих условия и порядок замещения должности главы субъекта РФ/губернатора***[1]***, а также досрочного прекращения его полномочий***. Представленный в статье обзор поправок в названной области может оказаться полезным, как минимум, в качестве иллюстративного материала для тех исследователей, которые занимаются проблемами федерализма, а также изучают институт президента. Анализ проведен с помощью ***справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»***, в которой весьма удобно сравнивать редакции нормативных правовых актов. Кроме того, использовалась информация, представленная в электронной *Системе*

[1] Таковы в настоящее время ***официальные наименования*** должности высшего должностного лица субъекта РФ. В статье применяются оба названия – «***глава субъекта РФ***» и «***губернатор***».

© Краснов М. А., 2026

обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». В ряде случаев автор комментирует законодательные поправки, в том числе пытается объяснить причины их появления.

Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»[2] (далее – **Закон 1999 г.**) с 29 июля 2000 г. по 11 июня 2021 г. претерпел **166** редакций (первая редакция – изначальный текст). Однако редакций, в рамках которых вносились изменения и дополнения, относящиеся *к нашей теме*, меньше – **38** (в целях экономии места полные реквизиты законов о поправках не указываются). На смену ему пришел **Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»**[3] (далее – **Закон 2021 г.**), который с 14 марта 2021 г. по 29 декабря 2025 г. (на момент сдачи статьи в редакцию журнала) успел пережить **26** редакций; к теме статьи относятся **4**.

Число редакций Закона 1999 г. позволяет его включить в «группу лидеров» по поправкам. Правда, в этом отношении «чемпионом» он не является. Например, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» имеет 178 редакций. Но наиболее подвержены изменениям и дополнениям российские кодексы. Все они претерпели не менее трех до девяти с лишним десятков редакций, а 13 из них – ***более сотни*** (список приводится в порядке убывания числа редакций):

– Кодекс РФ об административных правонарушениях (2001) – 566;

– Налоговый кодекс РФ, ч. 2 (2000) – 385;

– Уголовно-процессуальный кодекс РФ (2001) – 280;

– Уголовный кодекс РФ (1996) – 268;

– Налоговый кодекс РФ, ч. 1 (1998) – 182;

– Земельный кодекс РФ (2001) – 179;

– Бюджетный кодекс РФ (1998) – 166;

– Градостроительный кодекс РФ (2004) – 164;

– Жилищный кодекс РФ (2004) – 134;

– Трудовой кодекс РФ (2001) – 124;

– Гражданский процессуальный кодекс РФ (2002) – 124;

– Гражданский кодекс РФ, ч. 1 (1994) – 123;

– Уголовно-исполнительный кодекс РФ (1997) – 118.

Уже давно и неоднократно высказывалась критика нестабильности российского законодательства. Однако на практике это никак не сказалось. Между тем такая нестабильность отнюдь не безобидное явление. Еще Аристотель писал: «Если исправление закона является незначительным улучшением, а приобретаемая таким путем *привычка с легким сердцем изменять закон дурна* (курсив в цитате мой. – *М. К.*), то ясно, что лучше простить те или иные погрешности как законодателей, так и должностных лиц: не столько будет пользы от изменения закона, сколько вреда, если *появится привычка не повиноваться существующему порядку*»[4].

Конечно, развитие общественных отношений, изменение взглядов на те или иные социальные явления и т. п. требуют корректировки законодательства. Но всегда ли в основе корректировки лежат действительно значимые причины? В какой-то мере настоящая статья дает ответ и на этот вопрос.

2000 год

Закон 1999 г. в неизменном виде просуществовал меньше года, что объясняется довольно просто. Новый Президент страны В. В. Путин сразу же определил свой первый приоритет: ликвидация состояния страны как совокупности «удельных княжеств». И вскоре после его инаугурации 7 мая 2000 г. началась реализация этого приоритета. Президент образовал федеральные округа, сформировал Государственный совет как консультативный орган, куда вошли главы субъектов РФ, и внес в Государственную Думу законопроекты, направленные на существенное усиление федерального контроля над деятельностью региональных властей, в том числе законопроект об изменениях и дополнениях в Закон 1999 г.

Закон о поправках **от 29 июля 2000 г.** был принят Госдумой 30 июня, но 7 июля отклонен Советом Федерации, чего в то время стоило ожи-

[2] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

[3] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

[4] *Аристотель*. Политика // Платон. Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. М. ; СПб. : Эксмо-Terra Fantastica, 2003. С. 361.

дать. Однако Госдума 84 % голосов преодолела «вето» верхней палаты и сама направила закон о поправках в своей редакции на подпись Президенту РФ. Изменения, предусмотренные в этом Законе, были направлены на ***создание механизма, позволяющего обеспечивать соответствие регионального законодательства федеральному***[5]. Ранее Закон 1999 г. упоминал об ответственности только органов исполнительной власти. Причем именно *упоминал*, поскольку никаких санкций со стороны федеральной власти не предусматривалось[6]. И вот впервые появляются полномочия федеральных органов власти по реализации ответственности за нарушение региональными органами федерального законодательства: ***возможность роспуска законодательного органа и отрешение губернатора от должности Президентом РФ*** (ранее губернатора в отставку в связи с выражением ему недоверия мог отправить только законодательный орган). Было также установлено полномочие Президента *временно отстранять* губернатора от должности в случае предъявления ему *обвинения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления* по мотивированному представлению Генпрокурора РФ.

Без сомнения, появление в законодательстве угрозы принудительной отставки стало шоком для губернаторского корпуса, что осознавала и федеральная власть. Поэтому на первом этапе новый механизм был введен скорее именно в качестве угрозы. Если говорить бытовым языком, губернатору надо было «очень постараться», чтобы его отрешили от должности. Ведь сначала Президент должен был вынести предупреждение в случаях: а) непринятия губернатором мер по исполнению судебного решения, признавшего, что изданный им нормативный правовой акт противоречит федеральному законодательству, и б) уклонения от отмены приостановленного Президентом акта или от внесения в него изменений, если губернатор не обратился в суд для разрешения спора. И только после того, как в течение месяца глава субъекта РФ не принял «мер по устранению причин, послуживших основанием для вынесения ему предупреждения», Президент отрешает его от должности.

2001–2003 годы

В указанный период Закон 1999 г. претерпел пять редакций, но к нашей теме относятся только две.

Законом **от 8 февраля 2001 г.** была внесена поправка, касающаяся *числа сроков полномочий* главы субъекта РФ (на самом деле в этом и большинстве других законов в поправках изменений больше, но в статье упоминаются лишь поправки, имеющие отношение к нашей теме). Возможно, это было в некотором роде компенсацией за ужесточение федерального контроля. В главу «Заключительные и переходные положения» была введена новая статья (30.1), в которой говорилось, что на тех губернаторов, кто уже избран на момент принятия Закона от 8 февраля 2001 г., не распространяется правило о возможности избираться на эту должность не более двух раз подряд. Иными словами, эта статья устанавливала ***«обнуление» губернаторских каденций*** (кажется, в то время этот термин еще не применялся): действующие главы регионов могли баллотироваться еще два раза (правда, они еще не знали, что вскоре им еще восемь лет не придется идти на выборы). Любопытно, что данное изменение не было поддержано Правовым управлением Госдумы и рядом депутатов[7].

Закон **от 4 июля 2003 г.** стал, можно сказать, этапным. В него была внесена глава, содержащая нормы, относящиеся к *иному предмету регулирования*, т. е. не отвечающие названию Закона 1999 г.[8] Кроме того, ряд новелл еще более

[5] Здесь и далее под термином «законодательство», в зависимости от прилагательного, понимаются Конституция РФ и федеральные законы либо конституция (устав) субъекта РФ и его законодательные и иные нормативные акты.

[6] Представляется, что конституционное полномочие Президента РФ «приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае противоречия этих актов Конституции Российской Федерации и федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина» (ч. 2 ст. 85) не является санкцией, ибо признать наличие нарушения должен суд.

[7] Законопроект № 12995-3 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» // Портал Государственной Думы РФ СОЗД ГАС «Законотворчество». URL. https://sozd.duma.gov.ru/bill/12995-3 (дата обращения: 20.04.2026).

[8] Речь идет о новой главе (IV.1) под названием «Общие принципы разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта Российской

усиливал федеральный контроль над органами власти регионов[9]. Что же касается изменений и дополнений, непосредственно относящихся к статусу глав субъектов РФ, их можно разбить на три группы.

1. Появились ***новые ограничения для замещения губернаторской должности***. Если раньше глава субъекта РФ не имел права быть одновременно депутатом законодательного органа государственной власти субъекта РФ и депутатом представительного органа местного самоуправления, то теперь ему было запрещено быть еще и депутатом Государственной Думы РФ, членом Совета Федерации, судьей, замещать иные государственные должности Российской Федерации, государственные должности федеральной государственной службы, иные государственные должности субъекта РФ или государственные должности государственной службы субъекта РФ, а также выборные муниципальные должности и муниципальные должности муниципальной службы.

2. Федеральный законодатель довольно подробно урегулировал ***основания и порядок отзыва губернатора избирателями***. Дело в том, что Закон 1999 г. устанавливал: губернатор может быть отозван избирателями, если это предусмотрено законодательством субъекта РФ. Но Конституционным Судом РФ в 2000 г. этот пункт был признан не соответствующим Конституции РФ, поскольку не предусматривал необходимость четких правовых оснований отзыва главы субъекта РФ, не устанавливал процедурных гарантий, что создавало возможность произвольного применения данного института, особенно в случаях, когда отзыв связывается с утратой доверия по политическим мотивам[10]. В 2003 г. законодатель, сохранив возможность отзыва, унифицировал его основания и порядок.

3. Для регионов, законодательство которых не ограничивало ***число губернаторских каденций***, устанавливалось, что первым сроком из числа двух возможных является срок, на который губернатор был избран после 19 октября 1999 г. (даты вступления в силу Закона 1999 г.). Если же законодательство субъекта РФ (по состоянию на 19 октября 1999 г.) содержало ограничение числа сроков, этот субъект получил право «самостоятельно решить вопрос о том, продолжается ли исчисление, ранее установленное законодательством субъекта Российской Федерации, либо оно начинается после вступления в силу настоящего Федерального закона».

Помимо этого, в отношении глав субъектов РФ были внесены и менее значимые поправки:

– если выборы были признаны несостоявшимися или недействительными, повторные должны быть проведены *не позднее четырех месяцев* вместо шести в прежней редакции;

– такое основание для выражения недоверия главе субъекта РФ соответствующим законодательным органом, как совершение иного грубого нарушения федерального законодательства, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, а также законодательства самого субъекта Федерации, если это повлекло за собой массовое нарушение прав и свобод граждан, было *дополнено условием, что нарушение должно быть установлено соответствующим судом*.

2004 год

11 декабря 2004 г. был принят Закон, который, помимо других изменений в Закон 1999 г., впервые установил ***механизм прямого контроля Президента страны над формированием губернаторского корпуса***.

Стоит напомнить, что принятию данного Закона о поправках предшествовали траги-

Федерации». Тем самым в Закон об организации власти были имплантированы нормы, относящиеся к предмету регулирования другого закона – «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» (от 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ), который утратил силу. Правда, он не содержал конкретных полномочий по предметам совместного ведения и принципы их финансового обеспечения (эти нормы появились именно в Законе 1999 г.). Признаюсь, мне до сих пор непонятен смысл такой юридической конструкции: ведь логично было бы включить конкретные полномочия субъектов РФ по предметам совместного ведения в Закон № 119-ФЗ.

[9] Требует отдельного анализа поиск точки, когда необходимые для государственного единства средства перерастают в угрозу принципу федерализма.

[10] Пункт 8 резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 25. Ст. 2728.

ческие события: 1 сентября 2004 г. в Северо-Осетинском городе Беслане боевики захватили и по 3 сентября держали в качестве заложников более тысячи людей. Тогда погибли более 300 человек, в большинстве своем дети, и около 800 человек получили ранения разной тяжести. Уже через десять дней Президент РФ официально – на расширенном заседании Правительства РФ – заявил: «Прежде всего важнейшим фактором укрепления государства считаю *единство системы исполнительной власти в стране* (здесь и далее курсив мой. – *М. К.*). Единство, вытекающее из смысла и буквы статьи 77 Конституции Российской Федерации. Фактически речь идет о том, что по предметам ведения Российской Федерации и по предметам совместного ведения органы исполнительной власти в Центре и в субъектах Федерации образуют единую систему власти и, соответственно, должны работать как целостный соподчиненный единый организм. Нужно признать, что *такой системы власти в стране до сих пор не создано*. Борьба с террором – это общегосударственная задача. Задача, для выполнения которой требуется мобилизация всех ресурсов. И очевидно, что единство действий всей исполнительной вертикали здесь должно быть обеспечено в первую очередь и безусловно. Считаю также, что в целях обеспечения единства государственной власти и последовательного развития федерализма *необходимо совместное участие Федерации и ее субъектов в формировании исполнительных органов власти в территориях России*. И в этой связи полагаю, что высшие должностные лица субъектов Российской Федерации должны избираться законодательными собраниями территорий по представлению главы государства. В таком случае механизм формирования высшей исполнительной власти в регионах будет построен *по принципам, практически идентичным принципам образования Правительства Российской Федерации*»[11]. Через две недели после этого Президент РФ внес соответствующий законопроект в Государственную Думу (он был зарегистрирован в аппарате ГД 28 сентября 2004 г.).

Вполне вероятно, что поправки в Закон 1999 г. готовились заранее или, по крайней мере, основная идея прорабатывалась до событий в Беслане. Но они послужили поводом для реализации задуманного. Такое мнение высказывалось некоторыми аналитиками. Так, «по мнению политолога Дмитрия Бадовского, вопрос о "назначаемости" губернаторов и переход к пропорциональной системе – это те реформы, которые обдумывались и готовились и до бесланских событий. "Все-таки Беслан, с точки зрения этих политических новаций, был дополнительным катализатором, дополнительным толчком, чтобы принять решения, *которые и до этого обсуждались*. Эти реформы не готовились в экстренном порядке в течение недели после Беслана", – считает он»[12]. Можно отметить три крупных нововведения.

Первое – это введение ***фактической назначаемости губернаторов***. Конечно, с формальной точки зрения, о назначаемости речь не шла. В Пояснительной записке к законопроекту сказано, что изменения и дополнения вносятся «в целях *обеспечения единства системы исполнительной власти* в Российской Федерации в соответствии с частью 2 статьи 77 Конституции Российской Федерации, *повышения роли и ответственности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации при формировании высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации*»[13]. Действительно, в новой редакции закреплялось лишь, что губернатор наделяется полномочиями *законодательным органом* государственной власти соответствующего субъекта РФ *по представлению Президента РФ*. К этому добавлялось проведение «соответствующих консультаций» Президента с законодательным органом субъекта РФ (правда, непонятно, с кем именно). Однако речь в поправках шла не о переходе к парламентской модели в регионах, когда законодательным

[11] Выступление Президента России Владимира Путина на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов РФ 13 сентября 2004 г. // Независимая газета. 2004. 14 сент.

[12] Политическая реформа по Путину : пять лет спустя // РИА «Новости» 2009. 11 сент. URL: https://ria.ru/20090911/184648915.html (дата обращения: 02.04.2026).

[13] Законопроект № 93081-4 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и в Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"» // Портал Государственной Думы РФ СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/93081-4 (дата обращения: 04.04.2026).

органом формируется однопартийное или коалиционное правительство на основе результатов «парламентских выборов», что для регионов как раз было бы правильно[14], а о механизме, легитимирующем кадровый выбор Президента страны. Ведь *кандидатура, предлагаемая им, практически становилась обязательной*, ибо если бы региональный парламент два раза отклонил ее либо не принял никакого решения, то после представления ее в третий раз Президент мог его распустить. Тем самым, как и обещал глава государства на расширенном заседании Правительства РФ 13 сентября 2004 г., на региональный уровень была перенесена конструкция, закрепленная федеральной Конституцией в отношении Председателя Правительства РФ: Госдума вынуждена соглашаться с кандидатурой премьера под угрозой роспуска.

Поправки, означавшие возможность федеральной власти фактически формировать губернаторский корпус, вызвали негативную реакцию. Правда, ни региональные законодательные органы, ни губернаторы не решились обращаться в Конституционный Суд. Жалобы последовали лишь от ряда граждан. Однако Суд отказал в удовлетворении этих жалоб. Вопреки своей правовой позиции, выраженной как в цитировавшемся выше постановлении от 18 января 1996 г.[15], так и в некоторых других своих решениях, Суд *на этот раз* не обнаружил нарушения Конституции РФ[16], ссылаясь, главным образом, на то, что изменились условия[17]. На самом деле изменилось лишь отношение к Президенту.

Второе крупное нововведение состояло в ***расширении участия Президента РФ в решении вопросов о досрочном прекращении полномочий главы субъекта Федерации***.

Во-первых, глава государства получил право отрешать губернатора от должности в случае вынесения ему недоверия законодательным органом данного субъекта РФ. Но в этом случае речь шла не о своеобразной верификации решения регионального парламента (хотя и это было бы странным, с точки зрения принципов федерализма), а практически о согласии или несогласии с ним. Дело в том, что по новой редакции решение парламента о недоверии главе субъекта РФ должно направляться *на рассмотрение Президента для решения вопроса* об отрешении от должности. То есть глава государства мог и не согласиться с тем, что губернатора отправляют в отставку.

Во-вторых, устанавливалось, что при наступлении, так сказать, «объективных» обстоятельств (отставка губернатора по собственному желанию, утрата им российского гражданства, выезд за пределы страны на постоянное место жительства, вступление в силу обвинительного приговора суда и др.) решение хотя и принимается региональным органом законодательной власти, но только *по представлению Президента*. Следовательно, гипотетически в отношении какого-то главы субъекта РФ Президент мог «закрыть глаза» на наступление одного из обстоятельств.

Наконец, в-третьих, Президент получил право *отрешать губернатора от должности в связи с утратой своего доверия и за ненадлежащее исполнение обязанностей*. «Ненадлежащее испол-

[14] См., например: *Краснов М. А.* Учить демократии нужно в регионах // Вестник Сарат. гос. юрид. Академии. 2018. № 3 (122). С. 31–37.

[15] В нем, в частности, говорилось, что избрание губернатора законодательным органом субъекта РФ «не соответствует Конституции Российской Федерации и действующему законодательству. Избранный в таком порядке глава администрации *не может считаться легитимным* независимым представителем исполнительной власти, поскольку ни законодательная, ни исполнительная власть не вправе определять одна для другой ее представителя, в том числе в федеральных органах».

[16] По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 3. Ст. 336.

[17] В частности, в постановлении утверждается, что «Российская Федерация на каждом конкретном этапе развития своей государственности самостоятельно корректирует установленный ею государственно-правовой механизм» (п. 2 мотивировочной части); что «положения Конституции Российской Федерации проявляют свое регулятивное воздействие как непосредственно, так и посредством конкретизирующих их законов в определенной системе правового регулирования, притом в развивающемся социально-историческом контексте», а потому правовые позиции «в результате интерпретации, истолкования тех или иных положений Конституции Российской Федерации применительно к проверявшемуся нормативному акту в системе прежнего правового регулирования и имевшей место в то время конституционной практики, могут уточняться либо изменяться» (п. 5 мотивировочной части) и т. п.

нение губернатором своих обязанностей» стало в рассматриваемой редакции также новым основанием для выражения ему недоверия и законодательным органом. Однако, как сказано выше, с таким решением Президент мог согласиться или отвергнуть его.

Третьим заметным изменением Закона 1999 г. стала ***ликвидация института отзыва главы субъекта РФ избирателями***. В то же время отчасти в качестве «пряника» для губернаторов, отчасти в логике расширения свободы президентского усмотрения утратила силу норма, устанавливавшая число сроков полномочий главы субъекта РФ. Теперь это стало зависеть от того, насколько деятельность губернатора устраивает Президента.

2005–2011 годы

В обозначенный период вносились изменения и дополнения, принципиально не менявшие статуса губернаторов. Поэтому автор счел возможным объединить поправки, внесенные *за семь лет*, в одну структурную часть.

В один день – **31 декабря 2005 г.** были приняты два закона (№ 202-ФЗ и № 203-ФЗ), менявшие две статьи: 18, закреплявшую порядок замещения должности и основные полномочия главы субъекта РФ, и 19, посвященную досрочному прекращению губернаторских полномочий.

Закон **№ 202-ФЗ**, судя по всему, был направлен на смягчение негативной реакции на упразднение выборности губернаторов. В процесс наделения глав субъектов РФ полномочиями были ***включены политические партии***. Партиям, имеющим представительство в региональных парламентах (в июле 2005 г. законодательно ликвидирована возможность образовывать избирательные блоки), было разрешено инициировать рассмотрение соответствующим парламентом *предложения Президенту страны о кандидатуре главы данного субъекта РФ*. Если такое предложение будет поддержано большинством депутатов законодательного органа (большинством в обеих палатах двухпалатного органа), оно направляется главе государства. Однако в Законе умалчивалось об обязательстве Президента внести именно предложенную ему кандидатуру.

Закон **№ 203-ФЗ** внес три поправки *технического или редакционного характера*. Первая устранила ошибку в ссылке на пункт в другой статье; вторая установила, что в случае смерти губернатора не требуется представление Президента для досрочного прекращения его полномочий законодательным органом; наконец, третья уточнила, хотя это и без того было ясно, что в случаях отрешения губернатора от должности Президентом в связи с выражением ему недоверия законодательным органом, а также отрешения его от должности Президентом в связи с утратой его доверия или за ненадлежащее исполнение своих обязанностей *решение о досрочном прекращении полномочий принимает Президент*.

Закон, принятый **25 июля 2006 г.**, продолжил линию на «*патриотизацию*» российских чиновников и политиков. Поправки установили, что губернатором может быть гражданин РФ, «не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства». Соответственно, глава субъекта РФ досрочно прекращал свои полномочия, если он не только утрачивал российское гражданство (как было ранее), но и нарушал перечисленные выше требования.

Закон **от 29 декабря 2006 г.** *расширил компетенцию Президента РФ по принятию решения о досрочном прекращении губернаторских полномочий*, добавив, что такое решение принимается и *при добровольной отставке* губернатора. Таким образом, глава государства получил возможность либо «уговорить» губернатора его не покидать свой пост, либо изменить официальную формулировку и, например, принять решение о досрочном прекращении полномочий губернатора в связи с потерей президентского доверия.

Законом **от 23 марта 2007 г.** были *расширены запреты для глав субъектов РФ (хотя и не только для них) иметь даже минимальные отношения с иностранными организациями и лицами*. Появилась норма о том, что разрешенная губернаторам преподавательская, научная и иная творческая деятельность «не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства», правда, допускалось, что такой запрет не действует, если иное предусмотрено международным договором Российской Федерации или российским законодательством. Тем же условием был ограничен и запрет на уча-

стие в органах управления, попечительских или наблюдательных советах, иных органах иностранных некоммерческих неправительственных организаций и их структурных подразделений, действующих на территории Российской Федерации.

Через три месяца последовал Закон от **18 июня 2007 г.**, внесший незначительное изменение: *с 14 до 30 дней был удлинен срок* внесения Президентом предложения о новой кандидатуре губернатора вместо досрочно прекратившего полномочия.

18 октября 2007 г. был принят Закон, имеющий отношение к нашей теме только потому, что добавил в п. 4 ст. 18 одно слово. В прежней редакции этого пункта говорилось, среди прочего, что губернатор не вправе замещать иные государственные должности субъекта Федерации. Теперь сказано «*данного* субъекта». Формально-логически это означает, что губернатор может одновременно занимать государственную должность *в другом* субъекте РФ; но это было бы абсурдом. Допускаю, что я не понял глубинный смысл поправки. К сожалению, в Пояснительной записке к законопроекту об этом ничего не сказано.

Закон **от 29 марта 2008 г.** расширил дискреционные полномочия Президента РФ, который получил *право определять случаи*, когда в отношении губернаторов *ограничения не применяются* «в части, касающейся замещения государственных должностей федеральной государственной службы». Возможно, это было сделано для совмещения должности главы субъекта РФ с какой-либо должностью военной службы.

В Закон **от 9 февраля 2009 г.** были внесены *технические уточнения*. В предыдущих редакциях ошибочно применялись термины «*государственная* должность федеральной государственной службы» и «*государственная* должность государственной службы субъекта Российской Федерации», тогда как в Законе о системе госслужбы[18] виды должностей названы без слова «государственная».

Законом **от 5 апреля 2009 г**. внесены поправки (помимо редакционных или юридико-технических), в основном относящиеся к процессу наделения полномочиями главы субъекта РФ. Так, *существенно упростилась процедура, предусмотренная на случай несогласия* законодательного органа с президентской кандидатурой губернатора. В прежней редакции предусматривались шесть разных вариантов отклонения и/или непринятия никакого решения региональным парламентом, после которых Президент имел право распустить региональный парламент. Теперь же если законодательный орган *дважды не принял решение* о наделении представленной кандидатуры, Президент с учетом результатов проведенных консультаций, но не ранее 30 дней со дня непринятия решения получил право его распустить.

В данной редакции были ограничены и *возможности для рекомендации Президенту РФ кандидатур потенциальных губернаторов*. С одной стороны, порядок вроде бы демократизировался: ранее *лишь допускалось*, что кандидатуры могли быть внесены политическими партиями, теперь – что кандидатуры (именно так: множественное число) *предлагаются* Президенту именно партией. Но, с другой стороны, во-первых, из этой процедуры *исключался законодательный орган* субъекта Федерации, на рассмотрение которого политические партии вносили свои предложения. И, во-вторых, отныне предлагать кандидатуры могла *только партия, имеющая большинство* в региональном парламенте, а не все партии, имеющие в нем свое представительство. Причем, если эта партия не воспользовалась своим правом или не внесла предложения о кандидатурах повторно либо внесла их с нарушением установленных требований, тогда Президент сам вносит кандидатуру, в том числе из числа лиц, включенных в *федеральный резерв управленческих кадров*. Упоминание о кадровом резерве вряд ли влияло на выбор кандидатуры Президентом. Скорее, оно попало в текст Закона, чтобы популяризировать новую институцию.

Кроме того, были установлены *ограничения для временно исполняющего обязанности губернатора* (далее – ВРИО): запреты распускать законодательный орган и вносить предложения об изменении конституции (устава) субъекта РФ. Иные ограничения, сказано в новой норме, могут устанавливаться конституцией (уставом) субъекта РФ.

Можно было бы отнести к важным поправкам норму о том, что Президент не вправе вносить кандидатуры лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость; содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда; ко-

[18] См.: О системе государственной службы Российской Федерации : федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 22. Ст. 2063.

торым предъявлено обвинение в совершении преступления; подвергнутых административному наказанию за совершение административных правонарушений экстремистского характера (ст. 20.3 и 20.29 КоАП РФ); признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными; отказавшихся от прохождения процедуры оформления допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну. Однако такого рода запреты содержатся в избирательных законах, а, главное, практически не влияют на реальный выбор кандидатуры Президентом РФ.

Закон **от 17 декабря 2009 г**., как и многие другие до и после него, не внес каких-то принципиальных изменений. Вряд ли существенным можно считать сокращение с 14 до 10 дней сроков первого и повторного рассмотрения кандидатуры на должность губернатора, и с 14 до 7 дней – срока повторного внесения представления кандидатуры; или сужение вариантов действий при отклонении кандидатуры, представленной Президентом: ранее он мог повторно внести отклоненную кандидатуру и (или) назначить ВРИО, в новой редакции оставлена возможность только повторного представления кандидатуры.

Впервые на федеральном уровне было предусмотрено принесение *присяги губернатором «на верность народу и Конституции Российской Федерации»*. Кроме того, уточнялся момент вступления губернатора в должность в зависимости от разных условий. Если лицо наделяется полномочиями главы субъекта РФ *до истечения срока* полномочий действующего руководителя (вполне возможно, того же самого), моментом вступления в должность считается день истечения срока или день досрочного прекращения его полномочий. Если же решение о наделении полномочий принято в день или после дня истечения срока полномочий действующего губернатора, новый (или тот же самый) губернатор вступает в должность в день принятия названного решения. Любопытно, что в законопроекте, внесенном Президентом РФ, об этих двух изменениях ничего не говорилось, равно как и в Пояснительной записке к законопроекту[19]. Видимо, их внесли после первого чтения. Этим нововведениям корреспондировала новая норма, гласящая, что Президент вправе представить кандидатуру *до истечения срока полномочий действующего губернатора*. Для кого-то из региональных руководителей это означало «черную метку», а для кого-то, наоборот, «уверенность в завтрашнем дне».

К положению о том, что когда руководитель региона *не может исполнять свои обязанности*, их исполняет должностное лицо, предусмотренное конституцией (уставом) данного субъекта РФ, было добавлено, что такой порядок действует *за исключением случаев,* когда губернатор не может осуществлять деятельность по состоянию здоровья или в связи *с другими* обстоятельствами, временно препятствующими осуществлению его полномочий. При наступлении этих случаев Президент РФ «в целях охраны прав и законных интересов граждан» вправе назначить ВРИО «на период действия указанных обстоятельств». Тем самым фактически утрачивала смысл норма о возможности временного исполнения обязанностей должностным лицом, предусмотренным конституцией (уставом) субъекта РФ. А чтобы окончательно перекрыть возможность назначения ВРИО кем-либо, помимо Президента страны, было установлено, что Президент назначает ВРИО и при истечении срока полномочий действующего главы.

Закон **от 29 марта 2010 г**. дополнил компетенцию законодательного органа полномочием заслушивать отчет губернатора и компетенцию губернатора обязанностью представлять в законодательный орган ежегодные отчеты о результатах деятельности высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ. Тем самым федеральный законодатель обязал регионы следовать конструкции об отчетах Правительства РФ, введенной поправкой к Конституции РФ 30 декабря 2008 г. Однако в регионах, как и на федеральном уровне, эта идея не имеет важного значения, поскольку ни федеральный премьер, ни губернатор практически не зависят от соответствующего парламента и, напротив, институционально зависимы лишь от Президента РФ.

[19] См.: Законопроект № 254343-5 «О внесении изменений в статьи 18 и 19 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и статью 26.1 Федерального закона “О политических партиях”» // Портал Государственной Думы РФ СОЗД ГАС «Законотворчество». URL. https://sozd.duma.gov.ru/bill/254343-5 (дата обращения: 22.04.2026).

Примерно за год до принятия Закона **от 28 декабря 2010 г.** появилась идея *унификации названий должностей глав субъектов РФ*, а лидеры ряда республик в составе РФ поддержали еще и предложение о *недопустимости наименования «президент»*. Законодатель, однако, не пошел на полную унификацию наименований, разрешив субъектам Федерации устанавливать наименование руководителя «с учетом исторических, национальных и иных традиций»[20], а вот наименование «президент» использовать запретил. Думается, это правильная идея: хотя слово переводится буквально как «председательствующий», в сфере государственного строительства оно за два века приобрело более узкий смысл – как глава суверенного государства с республиканской формой правления. Стоит напомнить, что словосочетание «республика (государство)» в ст. 5 Конституции РФ всего лишь след сложной политической ситуации в начале 1990-х гг., когда ряд российских регионов добивались признания их суверенитета. Субъекты Федерации (и не только республики) имеют, конечно, черты государственности, но их нельзя считать полноценными государствами.

Закон **от 21 ноября 2011 г.** отразил серьезную проблему. С принятием в конце 2008 г. Закона о противодействии коррупции[21] началась более системная деятельность государства *по борьбе с незаконным обогащением* государственных и муниципальных служащих, а также лиц, занимающих государственные должности. С этим и связано введение обязанности главы субъекта РФ представлять «сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей», а также распространение на губернаторов ограничений, установленных для членов Правительства РФ. Помимо этого, появилось дополнение, гласящее, что ограничения, установленные Законом «О противодействии коррупции» для государственных и муниципальных служащих, распространяются и на лиц, замещающих *государственные должности* субъектов РФ, в том числе на губернаторов.

2012 год

Сначала процитирую РИА «Новости»: «После выборов в Государственную думу VI созыва, состоявшихся 4 декабря 2011 г., многие россияне, не согласные с их результатами, вышли на улицы по всей стране. Первая акция протеста состоялась на Чистых прудах в Москве 5 декабря 2011 г., а через пять дней, 10 декабря, прошел многотысячный митинг на Болотной площади. Митинги протеста продолжались в течение всего года, на них звучали требования реформы политической системы, проведения досрочных парламентских и президентских выборов (итоги декабрьских и мартовских выборов оппозиционеры сочли нелегитимными), освобождения политических заключенных»[22]. Это и стало причиной для пересмотра модели замещения должности главы субъекта Федерации, введенной в 2004 г. **2 мая 2012 г.** был принят Закон, ***восстановивший выборы главы субъекта РФ и институт отзыва*** (редакционные поправки, в том числе перенос норм из одних статей и пунктов в другие, здесь не рассматриваются).

Прежде всего, утрачивали силу нормы, определявшие, что глава субъекта РФ наделяется полномочиями по представлению Президента РФ законодательным органом региона, а также закреплявшие возможность его роспуска в случае неоднократного отклонения кандидатуры. Соответственно, были восстановлены *выборный характер* замещения должности губернатора и *возможность его отзыва*. Правда, условия губернаторских выборов были восстановлены с некоторыми нововведениями. Федеральный центр сохранил за собой возможности для контроля за составом губернаторского корпуса (в основном, они существуют по сей день).

Во-первых, основным каналом для выдвижения была названа *политическая партия*. Основным – поскольку *в порядке самовыдвижения* допустимо выдвигаться, только если это предусмотрено законом субъекта РФ.

Во-вторых, устанавливался так называемый *«муниципальный фильтр»*: вне зависимости от того, выдвинут ли кандидат партией или в порядке самовыдвижения, такое решение долж-

[20] Этой оговоркой воспользовался, в частности, Татарстан: в настоящее время глава этого субъекта РФ именуется «Раис Республики Татарстан».

[21] См.: О противодействии коррупции : федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

[22] Акции протеста в России после выборов 4 декабря 2011 г. // Сайт РИА «Новости». URL: https://ria.ru/20130506/933060828.html (дата обращения: 11.04.2026).

ны «поддержать от 5 до 10 процентов депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований субъекта Российской Федерации»[23] (точный процент для такой поддержки устанавливается законом субъекта РФ). К этому условию было добавлено еще несколько требований:

– среди поддержавших должны быть от 5 до 10 процентов депутатов и (или) глав *муниципальных районов и городских округов* субъекта РФ (иными словами, поддержку нельзя обеспечить только голосами представителей сельской местности);

– кандидат должен быть поддержан не менее чем в *трех четвертях муниципальных районов и городских округов* субъекта РФ;

– депутат или глава муниципального образования мог поддержать *только одного* кандидата;

– депутат представительного органа муниципального района, состоящего из глав поселений и из депутатов представительных органов поселений данного округа, мог поддержать кандидата *только как депутат представительного органа муниципального района*;

– отсутствовала тайна выражения мнения: требовалась *нотариально заверенная подпись*, поставленная на «листе поддержки кандидата».

Для кандидатов-самовыдвиженцев была предусмотрена также необходимость собрать подписи избирателей в количестве, установленном законом субъекта РФ.

В-третьих, Президент РФ получил право *по своей инициативе* и в установленном им же порядке *проводить консультации* с партиями, выдвигающими кандидатов, а также с самовыдвиженцами.

В-четвертых, введен *запрет для бывшего губернатора*, отрешенного от должности Президентом РФ, баллотироваться на губернаторских выборах (причем ни в одном субъекте РФ) в течение двух лет. А губернатор, досрочно прекративший полномочия в связи с добровольной отставкой или выражением недоверия региональным парламентом не мог больше вообще выдвигать свою кандидатуру, так как в тексте отсутствует оговорка о двухлетнем сроке. В то же время было сформулировано исключение для тех бывших губернаторов, кои проработали на этой должности не менее года: они получили право баллотироваться *с согласия Президента РФ*, если выборы назначены именно в связи с их уходом с должности. Признаюсь, не постиг глубину этой конструкции. Думается, за ней скрывается один из политтехнологических приемов.

Обновились и некоторые положения, связанные *с досрочным прекращением губернаторских полномочий*. Одно из оснований для утраты доверия Президента было конкретизировано: выявление в отношении губернатора *фактов коррупции или неурегулирование конфликта интересов*. А к основаниям для отрешения от должности прибавилось *неисполнение решения Конституционного Суда РФ* в отношении принятого губернатором нормативного правового акта, если это решение «не исполнено в течение одного месяца со дня его вступления в силу или в иной указанный в решении срок».

Были внесены и другие изменения: в частности, вновь устанавливалось, что срок полномочий избранных глав субъектов РФ *не может* быть более пяти лет и продолжаться более двух каденций подряд; а если выборы признаны недействительными или несостоявшимися, Президент страны назначает ВРИО.

2012–2015 годы

Здесь немного нарушен принцип периодизации: 2012 год фигурирует и в названии предыдущего подраздела. Это связано со стремлением автора отделить принципиально важный Закон, восстановивший выборность, от Закона того же года (**от 25 декабря 2012 г.**), внесшего лишь небольшие дополнения. Они были связаны с продолжавшимися усилиями государства по противодействию коррупции: губернаторы обязывались представлять сведения не только о своих (а также супругов и несовершеннолетних детей) доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, но и о *расходах*.

Закон **от 2 апреля 2013 г.**, помимо редакционных уточнений (в нормах об отзыве губернатора), ввел ***возможность избрания главы региона законодательным органом***, правда, как и до 2012 г., только из кандидатур, представленных Президентом РФ. Такую возможность субъекты РФ могут предусматривать в своих конституциях (уставах). Однако далеко не все регионы воспользовались этим правом: в 75 субъектах РФ в

[23] Особенности поддержки кандидата муниципальными представителями в городах федерального значения, а также при некоторых условиях закреплялись в отдельных абзацах.

настоящее время губернаторы избираются населением[24].

При выборе субъектом РФ такого альтернативного способа избрания каждая политическая партия, имеющая представительство в региональном и (или) федеральном парламентах, получила право предлагать Президенту кандидатуры для избрания губернатором (не более трех). Причем эти партии обязывались проводить консультации еще и с партиями, не имеющими права предлагать Президенту кандидатуры. В свою очередь, глава государства вправе представить в региональный законодательный орган тоже не более трех кандидатур. Таким образом, он получил возможность производить «первый отсев». В то же время у региональных парламентов появился некоторый выбор, тем более что был установлен порядок, при котором один из представленных кандидатов побеждал в любом случае, поскольку для окончательного определения победителя требуется лишь относительное большинство голосов. Логично, что законодатель не стал предусматривать возможность роспуска регионального парламента в связи с процедурой избрания губернатора.

Были также расширены *ограничения для избрания губернатора* (в частности, совершение кандидатом тяжких и/или особо тяжких преступлений, преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности[25]). Впрочем, тут не вполне правильно говорить о расширении ограничений, так как все они уже перечислялись в Законе об основных гарантиях избирательных прав[26].

Закон **от 7 мая 2013 г**. был принят одновременно с Законом, запрещающим госслужащим, лицам, занимающим государственные должности и т. д., хранить вклады и ценности в зарубежных банках[27]. Поэтому вполне обоснованно введено *дополнительное условие для утраты губернатором президентского доверия*: установление «фактов открытия или наличия счетов (вкладов), хранения наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владения и (или) пользования иностранными финансовыми инструментами в период, когда такое лицо являлось зарегистрированным кандидатом на данную должность».

Закон **от 21 февраля 2014 г.** внес лишь редакционное изменение (перенос норм из одного пункта в другой).

Главным нововведением Закона **от 3 февраля 2015 г**. стало *выделение отдельного пункта, посвященного порядку избрания губернатора автономного округа*, входящего в состав области (почему-то об автономной области не упоминалось). Особенности здесь состоят в изменении сроков окончания каждой процедуры, а главное, в установлении иного порядка определения кандидатур для избрания губернатора законодательным органом автономного округа (АО). Этот порядок направлен на то, чтобы *существенную роль в избрании главы АО играл губернатор области, в состав которой входит данный АО*. Именно ему должны вносить свои предложения о кандидатурах региональные отделения политических партий, имеющих парламентское (региональное или федеральное) представительство – не более трех от каждой партии. А затем уже глава области предлагает не более пяти кандидатур Президенту РФ. Последний, как и в других субъектах РФ, представляет уже три кандидатуры. Таким образом, было еще раз подчеркнуто неравенство субъектов РФ.

Кроме этих поправок, были также урегулированы вопросы, связанные с определением даты губернаторских выборов (в соответствии с концепцией «Единого дня голосования»).

Закон **от 29 июня 2015 г.** внес *три поправки*. Первая устанавливала, что если голосование по избранию главы субъекта РФ должно быть проведено в год проведения выборов нового состава депутатов законодательного органа, то Президент РФ представляет кандидатов для из-

[24] См.: Законодательные основы выборов глав субъектов РФ // Сайт ТАСС. URL: https://tass.ru/info/21778223 (дата обращения: 13.04.2026).

[25] Сам акцент на правонарушениях экстремистской направленности правомерен, но при условии адекватного понимания экстремизма правоохранительными органами и судами.

[26] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

[27] О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами : федер. закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 19. Ст. 2306.

брания губернатора не ранее чем за пять дней до дня выборов депутатов. Вторая была такого же содержания, но применительно к автономному округу.

А вот третья поправка мне показалась *довольно странной*. Точнее, не сама поправка, которая была отнюдь не обязательной: слово «избирается» дополнилось указанием – гражданами или депутатами законодательного органа соответствующего субъекта РФ. Странность в том, что в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс» поставлено *примечание*: «О применении пункта 5 статьи 18 см. Федеральный закон от 29.06.2015 № 174-ФЗ», – это и есть упоминаемый сейчас Закон. В его ст. 2 сказано, что если лицо занимало губернаторскую должность, а затем избрано на нее, то *первым* является срок, на который оно избрано после вступления в силу Закона от 2 мая 2012 г. (Закона, вернувшего выборность глав субъектов РФ). Таким образом, ранее фактически назначенные губернаторы получили *возможность баллотироваться на эту должность еще на два срока*. Но почему эта важная норма не попала в измененный текст Закона 1999 г.?

Закон **от 13 июля 2015 г**. внес, главным образом, поправки, упорядочивающие передачу субъектам РФ осуществление полномочий по предметам исключительного ведения Российской Федерации и ее полномочий по предметам совместного ведения. Поэтому к таким основаниям для отрешения губернатора от должности Президентом, как *утрата доверия и ненадлежащее исполнение* своих обязанностей, были добавлены слова «в том числе *по осуществлению переданных полномочий* Российской Федерации».

В том же году Законом **от 5 октября 2015 г.** было внесено фактически лишь редакционное дополнение: на глав субъектов РФ стали распространяться не только ограничения, но и *запреты*, установленные для членов Правительства РФ (если иное не установлено федеральным законом). На мой взгляд, понятие «ограничения» логически включает в себя и запреты.

Принятый в конце того же года Закон **от 30 декабря 2015 г.** включил довольно любопытное положение о том, что если нормативным правовым актом субъекта РФ предусмотрены дополнительные социальные и иные гарантии губернатору в связи с прекращением его полномочий (в том числе досрочно), то они распространяются только на тех из них, кто достиг пенсионного возраста или потерял трудоспособность, когда был губернатором, и при этом *не могут распространяться на глав субъектов РФ, покинувших свой пост по «нереабилитирующим» основаниям*. Могу лишь предположить, что в некоторых местах появилась практика предоставления чего-то подобного «золотым парашютам», и поправка стала реакцией федерального центра на эту практику.

2016–2017 годы

Законом **от 9 марта 2016 г**. были внесены поправки в целях экономии бюджетных средств. Правило о том, что днем голосования по избранию губернатора является второе воскресенье сентября года, в котором истекает срок его полномочий, было дополнено: если этот срок истекает в год проведения выборов депутатов Государственной Думы РФ, то днем голосования является день проведения этих федеральных выборов. То же дополнение было применено к избранию нового губернатора вместо досрочно прекратившего свои полномочия и отдельно к избранию губернатора автономного округа.

Среди поправок, внесенных **3 июля 2016 г**., не было изменений и дополнений, непосредственно затрагивающих статус глав субъектов РФ. Тем не менее об одном стоит сказать, так как оно косвенно означало *ужесточение контроля и над губернаторским корпусом*. Дело в том, что появилась новая, причем весьма объемная статья (29.2) под названием «Государственный контроль (надзор) за деятельностью органов государственной власти субъектов Российской Федерации и должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации», в которой довольно подробно говорилось о том, что контроль осуществляют прокуратура, уполномоченные федеральные органы исполнительной власти и специализированные органы государственного контроля (надзора) при координационной роли органов прокуратуры. В статье также закреплялось, как должны готовиться и проводиться плановые и внеплановые проверки и т. п.

Новые изменения, касающиеся замещения и увольнения от должности губернаторов, появились через год: Законом **от 1 мая 2017 г.** *ВРИО приравнивался к главе субъекта РФ в части ограничений и обязанностей по декларированию сведений* об имуществе, доходах и расходах.

2020–2021 годы

После сравнительно долгого перерыва нововведения, относящиеся к нашей теме, появились лишь в Законе **от 27 февраля 2020 г**. Во-первых, нормы о «муниципальном фильтре» были дополнены «*депутатами городского округа с внутригородским делением*». И, во-вторых, было *сокращено число партий, которые вправе предлагать Президенту РФ кандидатуры потенциальных губернаторов*. Поправка исключила возможность делать такие предложения партиям, которым передавался один депутатский мандат, если за их списки на выборах в законодательный орган региона проголосовали более 5 % избирателей, но в целом они получили менее установленного процента голосов.

Среди изменений, внесенных Законом **от 23 мая 2020 г**., к нашей теме относится только одно – введение правила о том, что *выборы губернатора законодательным органом могут быть отложены* по решению этого органа или Центральной избирательной комиссии, если на территории данного субъекта либо на территориях двух и более муниципальных образований введен режим повышенной готовности или чрезвычайной ситуации при наличии угрозы жизни и (или) здоровью граждан. Думается, это одно из тех довольно частых изменений, вносимых в законодательство, которые отнюдь не вызываются необходимостью. Видимо, и само появление этой поправки было довольно случайным. Дело в том, что в тот же день были приняты поправки в Закон об основных гарантиях избирательных прав, в том числе уточняющие, кто и при каких условиях может отложить голосование на выборах. А поскольку оба закона о поправках готовились в одном Комитете Госдумы, наверное, кто-то вспомнил, что об «откладывании голосования» в Законе 1999 г. ничего не говорится.

Поправка, внесенная Законом **от 26 мая 2021 г**., напротив, немного запоздала. Еще в мае 2019 г. в России появился новый вид муниципального образования – *муниципальный округ*. Но только через два года это было отражено в Законе 1999 г.

Последняя редакция Закона 1999 г. была проведена **11 июня 2021 г**.[28]. Она предусматривала технико-юридические изменения. Дело в том, что нормы, перечисляющие требования к кандидату на должность губернатора – *отсутствие у гражданина РФ иностранного гражданства либо документов, дающих право на постоянное проживание вне пределов России*, – повторялись в трех пунктах одной статьи (18). Поэтому был введен новый пункт (2.4), объединивший эти требования (к тому же в прежней редакции не указывалось еще одно условие для участия в избрании – постоянное проживание на территории России).

Редакционные поправки той же направленности были внесены и в нормы об основаниях и порядке досрочного прекращения губернаторских полномочий: вместо «*утраты* гражданства РФ» – «*прекращение*», вместо «*приобретения* гражданства иностранного государства» – «*наличие* гражданства (подданства)».

2021–2026 годы

21 декабря 2021 г. наступил новый этап в истории законодательства об организации власти в субъектах Российской Федерации: принят новый ***Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»***, сменивший Закон 1999 г.

Понятно, что Закон 2021 г. был принят в связи с внесением в 2020 г. поправок в Конституцию России. Однако с содержательной точки зрения *он принципиально не отличается от Закона 1999 г.*, хотя некоторые новеллы есть (наиболее заметные представлены в таблице ниже).

Вряд ли эти различия требовали столь радикального шага, как принятие нового Закона. И всё же законодатель, думается, поступил правильно – использовал повод (новую редакцию Конституции РФ) для замены «обветшавшего», с точки зрения юридической техники, Закона 1999 г., претерпевшего более 300 изменений, следы которых остались на его «теле». Тем более что с юридико-технической точки зрения, новый Закон стал более совершенным, начиная с более краткого его названия и кончая ликвида-

[28] В справочно-правовой системе «Консультант Плюс» значится, что ***три последние*** редакции Закона 1999 г. произведены ***21 декабря 2021 г.*** Это не совсем так. Речь идет об *одном* Законе 2021 г., который в главе «Заключительные положения» предусмотрел *три разных срока* утраты силы глав, статей и пунктов Закона 1999 г.: 1) в день вступления в силу Закона 2021 г., 2) с 1 июня 2022 г. и 3) с 1 января 2023 г. Они и названы редакциями Закона 1999 г. Его гл. III, в которой как раз находились нормы о замещении должности главы субъекта РФ и прекращении его полномочий (ст. 18 и 19), утратили силу с 1 июня 2022 г.

Таблица

Сравнение регулирования отдельных черт правового статуса губернатора по законам 1999 и 2021 гг.

Закон 1999 г. (последняя редакция)	**Закон 2021 г. (первая редакция)**
Норма отсутствует	Губернатор осуществляет *руководство исполнительной властью* в субъекте РФ. *Комментарий:* тем самым на региональный уровень перенесена идея федеральной Конституции в ред. 2020 г., согласно которой «исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации под общим руководством Президента Российской Федерации» (ч. 1 ст. 110)
Губернатор «избирается гражданами Российской Федерации или депутатами законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации на срок не более пяти лет и *не может замещать указанную должность более двух сроков подряд*»	Губернатор «избирается гражданами Российской Федерации или депутатами законодательного органа субъекта Российской Федерации на пять лет». То есть о числе каденций ничего не говорится. *Комментарий:* эту норму можно истолковать и так, что губернатор может занимать свою должность только один раз
Норма отсутствует	Губернатор «одновременно замещает *государственную должность Российской Федерации и государственную должность субъекта Российской Федерации*»
Ограничение, согласно которому губернатор не может одновременно замещать должности федеральной государственной службы, не применяется «в случаях, установленных указами Президента Российской Федерации»	*Норма отсутствует*
Гражданин, замещавший должность губернатора и отрешенный от этой должности Президентом РФ, *в течение двух лет* не может быть выдвинут кандидатом на указанную должность ни в одном субъекте РФ	Гражданин, замещавший должность губернатора и отрешенный от этой должности Президентом РФ, *в течение пяти лет* не может быть выдвинут кандидатом на указанную должность ни в одном субъекте РФ
Списки депутатов и избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований, поддержавших кандидатов на должность губернатора, *публикуются в региональных государственных периодических печатных изданиях*	*Норма отсутствует*
Не имеют права быть избранными законодательным органом на должность губернатора имеющие *следующие ограничения* пассивного избирательного права (*далее перечисляются ограничения*)	Не имеют права быть избранными законодательным органом на должность губернатора имеющие ограничения пассивного избирательного права, предусмотренные федеральным законом, устанавливающим основные гарантии избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации

цией абзацев без номеров в рамках одного пункта, каковых было много в предыдущем Законе (кстати, теперь *пункты статей названы в данном Законе частями, а подпункты пунктами*).

Но, видимо, «совершенствованию нет предела»: уже через четыре месяца после принятия Закона 2021 г. – **14 марта 2022 г.** последовали два первых изменения. К наименованию высшего должностного лица субъекта РФ – «*глава*» (с указанием наименования субъекта РФ) было приравнено наименование «*губернатор*», а главе города федерального значения разрешено именоваться мэром. Но сохранено разрешение «с учетом исторических, национальных и иных традиций» субъекта РФ предусматривать «*дополнительное наименование* должности высшего должностного лица».

Законом **от 6 февраля 2023 г.**, среди прочего, изъята обязанность ВРИО размещать в Интернете или предоставлять общероссийским средствам массовой информации *сведения о своих (а также супруги/супруга и несовершеннолетних детей) доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера*. В данной редакции были внесены и другие изменения, затрудняющие персонализацию информации о депутатах и должностных лицах, обязанных предоставлять подобные сведения.

Третье исправление было внесено Законом **от 15 мая 2024 г.** В соответствии с ним был дополнен перечень оснований для досрочного прекращения полномочий губернатора Президентом РФ: *приобретение статуса иностранного агента*.

Наконец, четвертая редакция, содержащая исправления, относящиеся к теме статьи, обязана Закону **от 28 декабря 2025 г.**, который внес в более чем 20 федеральных законов (в том числе в Закон 2021 г.) изменения, направленные на *уточнение условий контроля за соблюдением должностными лицами требований антикоррупционного законодательства* в соответствии с новой редакцией Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»[29]. До этого момента губернатор обязывался представлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера как своих, так и своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Теперь он представляет такие сведения *при определенных условиях* (главным образом, если расходы не соответствуют доходам). Аналогичное изменение относится и к ВРИО, назначенному Президентом РФ.

Заключение

В целом логика изменений в условиях и порядке замещения должности губернатора и досрочного прекращения его полномочий, произведенные за четверть века, очевидна. Сначала выстраивается система контроля над условиями обретения и утраты губернаторского статуса, а затем этот контроль делается всё более плотным и обусловливает уже зависимость руководителей субъектов РФ от мнения о них Президента страны (скорее, ответственных лиц в его Администрации).

Положительный итог этого процесса состоит в том, что губернаторы с начала 2000-х гг. *стали терять самоощущение полновластных хозяев соответствующей территории*. Но есть и отрицательное следствие: они обрели ощущение себя не как ответственных в первую очередь и главным образом перед своим населением, а скорее как *агентов центральной власти на местах*, чего не изменило даже возвращение в 2012 г. принципа выборности. В статье говорится, что этому могло бы способствовать установление классической парламентской системы в регионах (что одновременно позволило бы развиваться и политической конкуренции). Но, к сожалению, конструкция власти, заданная субъектам РФ федеральным законодательством, не отвечает в полной мере признакам ни одной из существующих форм республиканского правления.

Другой вывод, который напрашивается в результате проведенного анализа, – *слишком детальное регулирование правового статуса руководителей регионов* (впрочем, не только их). Между тем оба закона – 1999 и 2021 гг. – начинаются со слов «об общих принципах». Конечно, трудно определить, где «кончаются» принципы и «начинается» унификация. И хотя федеральное законодательство в некоторых моментах предусматривает варианты, в целом, как представляется, регулирование явно выходит за пределы понятия «общие принципы».

Наконец, третий вывод состоит в *излишне частом изменении норм, регулирующих условия и порядок замещения губернаторской должности и досрочного прекращения полномочий*. Допускаю, что тем самым федеральный центр подчеркивает подконтрольность ему глав субъектов РФ. Но возможно, что поправки вносятся и по иным причинам. Например, юридические подразделения субъектов законодательной инициативы инициируют их для демонстрации своей активности, хотя далеко не всегда их предложения отражают реальность. В частности, довольно много поправок, ужесточающих последствия потенциального несогласия регионального парламента с президентской кандидатурой, было внесено в Закон 1999 г. после отмены выборности губернаторов. Между тем не зафиксировано случаев, когда президентская кандидатура была бы отклонена. В то же время и Государственная Дума РФ недостаточно критически воспринимает законодательные инициативы (а некоторые подписи под законопроектами вообще чуть ли не магически действуют на депутатов).

В какой-то мере паллиативом законодательных поправок (и не только в те законы, о которых говорится в настоящей статье) могла бы стать практика *толкования Госдумой тех или иных законодательных положений*. Конечно, Конституция впрямую не предусматривает такую практику, но и не запрещает. И, в конце кон-

[29] Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6953.

цов, в отличие от толкований конституционных норм Конституционным Судом РФ, имеющих императивный характер, толкования норм федеральных законов Госдумой формально могли бы носить характер рекомендаций, а реально быть обязательными. Любопытно, что еще в первом варианте проекта Конституции РФ, разработанной Конституционной комиссией Съезда народных депутатов РСФСР (11 октября 1990 г.) предусматривалось, что парламент «дает общеобязательное толкование законов Российской Федерации»[30].

Допускаю, что не везде авторские комментарии верны. Но у меня есть небольшое оправдание. Сложность законодательного текста – один из недостатков российского корпуса законов. В литературе верно отмечено: «Удобочитаемость текстов правовых актов с течением времени в России ухудшается. Слишком длинные предложения в правовых текстах, содержащие многочисленные повторы одних и тех же слов, часто делают текст очень сложным для прочтения, притом что не всегда излагаемое является столь сложным»[31].

Библиографический список

Аристотель. Политика // Платон. Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. М. ; СПб. : Эксмо-Terra Fantastica, 2003.

Выступление Президента России Владимира Путина на расширенном заседании Правительства с участием глав субъектов РФ 13 сентября 2004 г. // Независимая газета. 2004. 14 сент.

Краснов М. А. Учить демократии нужно в регионах // Вестник Сарат. гос. юрид. Академии. 2018. № 3 (122). С. 31–37.

References

Aristotle. Politics // Plato, Aristotle. Politics. Science of government. Moscow ; Saint Petersburg : Eksmo-Terra Fantastica, 2003.

Speech by Russian President Vladimir Putin at an expanded meeting of the Government with the participation of the heads of the constituent entities of the Russian Federation on September 13, 2004 // Nezavisimaya Gazeta. 2004. September 14.

Krasnov M. A. It is necessary to teach democracy in the regions // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No 3 (122). P. 31–37.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Краснов М. А., доктор юридических наук, профессор Высшей школы юриспруденции и администрирования, ординарный профессор НИУ «ВШЭ»

E-mail: mkrasnov@hse.ru

Поступила в редакцию: 01.07.2026

Для цитирования:

Краснов М. А. Эволюция законодательного регулирования замещения должности и прекращения полномочий главы субъекта Российской Федерации (2000–2026 годы) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 13–29. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/13-29

National Research University «Higher School of Economics»

Krasnov M. A., Doctor of Legal Sciences, Professor at the Graduate School of Law and Administration, ordinary Professor at the Higher School of Economics

E-mail: mkrasnov@hse.ru

Received: 01.07.2026

For citation:

Krasnov M. A. Evolution of legislative regulation of the replacement of position and termination of powers of the head of the subject of the Russian Federation (2000–2026) // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 13–29. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/13-29

[30] Конституция (Основной закон) Российской Федерации : проект Рабочей группы и группы экспертов Конституционной комиссии РСФСР с параллельными местами и вариантами // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия : стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. (10 кн.) / под общ. ред. О. Г. Румянцева. М., 2009. Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990–1993 гг.). С. 237.

[31] *Савельев Д.* «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает», или Зачем в законодательстве Российской Федерации словосочетание «Российская Федерация» упоминается 5 миллионов раз // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/publication/igzakon/11650 (дата обращения: 04.05.2026).

УДК 342.951
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/30-39

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗА РУБЕЖОМ

Х. Д. Таваралиев
Воронежский государственный университет

THE LEGAL STATUS OF COMPATRIOTS ABROAD

K. J. Tavaraliev
Voronezh State University

Аннотация: в данной статье основное внимание уделено анализу правового регулирования прав российских граждан, которые проживают за рубежом, а также механизмам их государственной поддержки. На основе изучения доклада МИД, научных работ выявляются общие тенденции и специфические проблемы, присущие странам постсоветского пространства, что позволяет сделать выводы о состоянии и перспективах правового положения соотечественников за рубежом. Особое внимание уделено эффективности Государственной программы содействия добровольному переселению соотечественников, которая, несмотря на привлечение более 1,2 млн человек, имеет тенденцию к снижению числа участников с 2022 г., что связано с бюрократическими барьерами, пробелами в механизмах реализации программы, недостатками в координации работы ведомств и геополитическими факторами. Кроме того, двусторонние соглашения о правовой помощи часто не обеспечивают реальной защиты соотечественников (например, в таких странах, как Эстония и Латвия), а их эффективность зависит от политической воли принимающей стороны.
Ключевые слова: соотечественники, СНГ, правовое положение, гражданство, Комитет по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, Всемирный координационный совет, Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, Россотрудничество.

Abstract: this article focuses on the analysis of the legal regulation of the rights of Russian citizens living abroad, as well as the mechanisms of their state support. Based on the study of the Ministry of Foreign Affairs report and scientific works, it identifies common trends and specific problems in the post-Soviet countries, allowing for conclusions about the current state and prospects of the legal status of compatriots abroad. Special attention is paid to the effectiveness of the State Program for the Promotion of the Voluntary Resettlement of Compatriots, which, despite attracting more than 1,2 million people, has been declining in terms of the number of participants since 2022, due to bureaucratic barriers, gaps in the program's implementation mechanisms, insufficient coordination between agencies, and geopolitical factors. Additionally, bilateral legal assistance agreements often do not provide real protection for compatriots (for example, in countries such as Estonia and Latvia), and their effectiveness
Key words: compatriots, CIS, legal status, citizenship, Committee on CIS Affairs, Eurasian Integration, and Relations with Compatriots, World Coordinating Council, Foundation for Support and Protection of the Rights of Compatriots Living Abroad, Rossotrudnichestvo.

Правовое положение соотечественников занимает важное место в государственной политике России, особенно в части миграционной стратегии и защиты прав граждан. Соотечественники, проживающие в других странах мира, могут представлять собой как исторические диаспоры, так и тех, кто покинул Россию относительно недавно. Их права и обязанности часто зависят от законодательства страны проживания, международных норм и от того, как складываются отношения между государствами. Именно поэтому обеспечение правовой защиты

© Таваралиев Х. Д., 2026

соотечественников является одной из главных задач, так как любое изменение в политической ситуации прежде всего затрагивает их интересы и безопасность.

Определение правового статуса соотечественников и механизмов их защиты играет важную роль в обеспечении их прав и свобод, а также в укреплении культурных и исторических связей. Особенно актуальным этот вопрос становится в эпоху глобализации и активных миграционных процессов, когда всё больше людей вынуждены покидать свое государство из-за экономических, политических и социально-гуманитарных причин.

К сожалению, Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (далее – Закон о соотечественниках или ФЗ 99) не содержит легального определения понятия «соотечественники», а ст. 1 лишь указывает категории лиц, относящиеся к ним[1]:

1) граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами России;

2) лица, состоящие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства;

3) выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства либо имеющие вид на жительство или ставшие лицами без гражданства;

4) потомки лиц, принадлежащих к указанным выше группам.

Закон перечисляет разные категории лиц, которые сохранили духовную или правовую связь с Россией, что свидетельствует о стремлении государства выстроить и закрепить комплексную поддержку соотечественников, проживающих за рубежом.

Закон о соотечественниках устанавливает принципы, цели, механизмы и направления работы, формируя целостную идеологию непрерывности российской государственности и ответственности перед теми, кто связан с Россией.

Российская Федерация является правопреемником и правопродолжателем РСФСР и СССР. Эта историко-правовая преемственность напрямую связана с институтом гражданства и является основой для построения отношений с миллионами людей, чьи судьбы оказались связаны с Российской Федерацией. Отношения с соотечественниками законодательно определены как важное направление внешней и внутренней политики Российской Федерации (преамбула ФЗ 99).

Государственная политика в отношении соотечественников представляет собой комплекс правовых, дипломатических, социальных, экономических, информационных, образовательных и культурных мер и является составной частью внутренней и внешней политики России.

Основой политики являются принципы партнерства и сотрудничества, а также признание важности межгосударственного взаимодействия для защиты прав таких лиц. Главные цели заключаются в оказании государственной поддержки, обеспечении правовой защиты интересов соотечественников, создании условий для их равноправной жизни за рубежом или для возвращения в Россию.

«Поддержка соотечественников за рубежом, поддержка их образовательных, языковых, социальных, трудовых, гуманитарных и иных законных прав и интересов представляет собой неотъемлемый элемент государственной политики Российской Федерации»[2].

В Государственной Думе РФ вопросы, связанные с соотечественниками, курирует Комитет по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, который является основным парламентским органом, формирующим правовую базу для поддержки указанных лиц. Комитет участвует в совершенствовании Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению, а также разрабатывает и выступает экспертом законопроектов в сфере гражданства, миграции и поддержки соотечественников и контролирует ее выполнение.

Однако эффективность работы комитета снижается из-за проблем с правоприменением, а также тем, что вопросы правовой защищенности соотечественников в ряде стран остаются

[1] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 22. Ст. 2670.

[2] *Прудников А. С.* Соотечественники за рубежом : административно-правовой аспект // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 211.

острыми и требуют усиления дипломатического и правового давления.

Депутаты комитета поддерживают постоянные контакты с организациями соотечественников, участвуют в крупных форумах. Например, во Всемирном конгрессе соотечественников и тематических конференциях.

Председатель комитета Леонид Калашников обращал внимание на системную проблему миграционной политики, а именно, по его словам, ею занимаются многочисленные структуры. В Совете безопасности РФ соответствующую комиссию возглавляет зампред, в правительстве – вице-премьер, под руководством главы МИДа Сергея Лаврова работает комиссия по делам соотечественников, а министр внутренних дел занимается правами переселенцев. Даже в Думе есть два «миграционных начальника» – специальный представитель палаты по вопросам миграции и гражданства и глава межфракционной комиссии по миграционной политике. По мнению Л. Калашникова, такая раздробленность снижает эффективность работы миграционной политики[3]. Следует создать единый орган, который возглавит это направление и будет принимать ключевые решения.

Закон о соотечественниках закрепляет разные направления, в которых Российская Федерация осуществляет поддержку соотечественников. Проанализируем некоторые из них.

1. *Содействие в приобретении гражданства*. Права и обязанности соотечественников регулируются рядом нормативных актов, включая закон о гражданстве. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»[4] устанавливает упрощенную процедуру приобретения гражданства без соблюдения стандартного пятилетнего срока проживания, что облегчает интеграцию соотечественников в российское общество (ч. 3 ст. 16 ФЗ 99).

Государство способствует сокращению числа лиц без гражданства среди соотечественников. Органы государственной власти РФ и ее субъектов содействуют добровольному переселению соотечественников в Россию (ст. 13.1 ФЗ 99).

Защита прав и свобод соотечественников является неотъемлемой частью внешнеполитической деятельности России (ст. 14 ФЗ 99). Дискриминация российских граждан за рубежом или несоблюдение иностранным государством международных норм в отношении соотечественников может стать основанием для пересмотра политики РФ в отношении такого государства или принятия мер по защите их интересов (п. 4, 5 ст. 14 ФЗ 99).

Соотечественники вправе рассчитывать на поддержку России в обеспечении всего спектра прав человека, в противодействии дискриминации и обеспечении равенства перед законом (ст. 15 ФЗ 99). В продолжение этого Государственная Дума РФ приняла во втором и третьем чтениях законопроект[5], который направлен на усиление защиты российских граждан от неправомерных действий недружественных иностранных государств. В соответствии с данным законом, по решению Президента Российской Федерации, Вооруженные Силы РФ могут быть привлечены к выполнению задач по защите российских граждан, арестованных, удерживаемых или подвергаемых уголовному или иному преследованию по решениям иностранных судов или международных судебных органов, в которых не участвует Россия. Также по решению главы государства необходимые меры по защите таких граждан должны будут принимать органы государственной власти РФ в пределах своих полномочий.

2. *Поддержка в экономической и социальной областях*. Государственные органы стимулируют экономическое сотрудничество российских физических и юридических лиц с хозяйствующими субъектами соотечественников, содействуют созданию совместных предприятий и инвестициям (ст. 16 ФЗ 99). Кроме того, оказывается поддержка социально незащищенным категориям соотечественников и гуманитарная помощь в чрезвычайных ситуациях.

3. *Поддержка в сфере культуры, языка и образования*. Одним из наиболее подробно регламентированных направлений является поддержка культурной и языковой идентичности, а также образовательных прав соотечественников (ст. 17 ФЗ 99).

[3] См.: КПРФ озаботилась проблемой нелегальной миграции. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8608404?ysclid=mp69p41ko3556139751 (дата обращения: 15.05.2026).

[4] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 18. Ст. 3215.

[5] См.: О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» и статью 10 Федерального закона «Об обороне» : законопроект № 1181659-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1181659-8 (дата обращения: 13.05.2026).

Государство поддерживает сохранение и развитие культурного наследия, сотрудничает с национально-культурными автономиями, оказывает помощь культурным центрам, библиотекам, творческим коллективам за рубежом, способствует разным видам культурного обмена.

Закон о соотечественниках обязывает способствовать сохранению знания русского языка и родных языков народов РФ, созданию условий для их изучения и использования. Поддержка в этой области признана основой для «сохранения общероссийской культурной идентичности» (п. 4 ст. 5 ФЗ 99). Россия также содействует получению образования за рубежом на русском языке и снабжает учебными материалами.

4. *Информационная поддержка.* Россия создает условия для передачи информации соотечественникам через телерадиовещание, печать, интернет на русском и родных языках народов России (ст. 18). Поддержка оказывается как российскими СМИ, ориентированными на зарубежную аудиторию, так и СМИ, принадлежащими соотечественникам.

Предусматривается распределение полномочий между различными уровнями власти. К полномочиям Российской Федерации (ст. 19 ФЗ 99) относятся установление основ политики, принятие федеральных законов и программ, заключение международных договоров. Субъекты РФ наделены правом принимать свои законы и программы, создавать при своих органах власти советы (комиссии) соотечественников, поощрять экономические связи регионов с деловыми кругами соотечественников (ст. 19.1 ФЗ 99).

Закон о соотечественниках представляет собой комплексный правовой акт, который формирует долгосрочную стратегию в объединении сообщества людей, связанных с Россией не только гражданством, но и исторической памятью, культурой, языком и духовным выбором. Создание различных мер, а также система представительных органов самих соотечественников обеспечивает сохранение и укрепление связей с десятками миллионов людей по всему миру, что является важным ресурсом «мягкой» силы и фактором устойчивого развития Российской Федерации.

Правовой статус соотечественников формируется под влиянием национального законодательства РФ и законодательства страны пребывания[6]. В зависимости от конкретного государства степень защиты их прав может существенно варьироваться.

Конституционная гарантия о защите и покровительстве граждан, находящихся за пределами Российской Федерации, со стороны последней (ч. 2 ст. 61 Конституции РФ)[7] обусловила заключение более 60 двусторонних договоров о правовой помощи (например, с Австрией, Таджикистаном, Турцией и др.)[8], что позволит улучшить правовое положение соотечественников в зарубежных странах. Данные соглашения регулируют такие аспекты, как оказание правовой помощи, признание и приведение в исполнение судебных решений и др. Несмотря на существующую нормативную базу, особенности национального законодательства, политические разногласия и экономические интересы на практике часто препятствуют полноценному применению соглашений.

Консульские учреждения играют важную роль в защите прав соотечественников за рубежом, предоставляя разные виды услуг (например, информационно-консультационные услуги, услуги в оформлении документов, а также в защите прав граждан)[9]. Кроме того, данные учреждения активно участвуют в культурных и образовательных проектах, направленных на сохранение культуры и русского языка. В этом контексте важно отметить, что именно сохранение русского языка является основным в деятельности большинства организаций. Одна из таких организаций (агентств) за рубежом – Россотрудничество.

Россотрудничество выступает федеральным агентством, осуществляющим работу по укреплению международного гуманитарного сотрудничества и связей с соотечественниками за ру-

[6] См.: *Краснова А. М.* Правовой статус российских граждан, проживающих за рубежом // Вестник Самар. юрид. ин-та. 2014. № 3 (14). С. 114.

[7] См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. № 1-ФКЗ от 14.03.2020 г.) // Рос. газета. 2020. 4 июля.

[8] См.: Международные договоры Российской Федерации о правовой помощи. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=126898&dst=100001#Uwjso7V0KvATvb911 (дата обращения: 09.01.2026).

[9] См.: Консульские функции за рубежом. URL: https://www.kdmid.ru/cons/ (дата обращения: 10.01.2026).

бежом. Его главная миссия – усиливать гуманитарное влияние России в мире[10].

Агентство, созданное Указом Президента РФ в 2008 г.[11], является правопреемником старейшей отечественной гуманитарной организации. История Россотрудничества началась в 1925 г. – со Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), которое в 1958 г. было преобразовано в Союз обществ дружбы, а позже, в 1994 г., – в Росзарубежцентр.

Сегодня Россотрудничество представлено в 71 стране мира 87 загранпредставительствами, которые с 2021 г. носят неформальное название «Русский дом». Приоритетом в деятельности Агентства являются государства СНГ. Россотрудничество активно взаимодействует с международными организациями, участвует в программах помощи странам Содружества и разрабатывает федеральные целевые программы. В России работает с регионами и помогает им развивать международные контакты в образовательной, научно-технической, культурной и экономической сферах[12].

Механизмы государственной поддержки включают в себя программы финансовой, юридической и культурной помощи. Российская Федерация финансирует проекты, направленные на поддержку русскоязычных сообществ, и предоставляет гранты организациям, занимающимся образовательными программами.

Программы содействия добровольному переселению соотечественников являются важным инструментом государственной политики России. На базе данных программ предоставляются льготы, включая компенсацию расходов на переезд и др. В период 2006–2024 гг. в Российскую Федерацию переехало более 1,2 млн соотечественников[13], что говорит о практической востребованности.

Соотечественники имеют право участвовать в культурной и общественной жизни, а реализация данного права осуществляется, в частности, через системную работу организаций по поддержке соотечественников, таких как фонд «Русский мир», который проводит образовательные и культурные программы за рубежом. В условиях роста международной напряженности подобная деятельность приобретает стратегическое значение, так как способствует защите историко-культурного наследия, сохранению русского языка и противодействию его вытеснению. Подобные инициативы позволяют гражданам России, особенно длительно проживающим за рубежом, поддерживать прочную связь с культурой России.

Диаспоры играют большую роль в формировании внешнеполитических приоритетов России, так как в результате распада СССР и образования новых независимых государств миллионы людей, связанных с Россией, оказались за ее пределами. Диаспоры служат инструментом «мягкой» силы, укрепляя культурные и экономические связи, а также продвигая интересы России. Учитывая данные факторы, важно принимать во внимание их интересы при разработке внешнеполитической стратегии, направленной на защиту прав и поддержку соотечественников. В этом контексте диаспоры не только способствуют реализации данных интересов, но и становятся активными участниками процесса формирования внешнеполитической повестки.

Миграционные потоки оказывают значительное влияние на социальные и политические процессы как в России, так и в странах гражданской принадлежности мигрантов. По информации Главного управления по вопросам миграции МВД России по состоянию на 1 сентября 2024 г., на миграционном учете состояли почти 6,2 млн иностранных граждан, что составляет примерно 4,2 % от населения России (146,2 млн человек, по данным Росстата на 2023 г.)[14]. Это способствует культурному обмену и экономическому развитию, но в то же время создает вызовы, связанные с интеграцией и социальной адаптацией. Внешняя политика Российской Федерации, учитывая данные аспекты, стремится поддерживать

[10] См.: О Россотрудничестве. URL: https://rs.gov.ru/about-foiv/ (дата обращения: 10.01.2026).

[11] См.: О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества : Указ Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1315. URL: https://rs.gov.ru/app/uploads/2023/06/u-1315-06_09_2008_3.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

[12] См.: О Россотрудничестве. URL: https://rs.gov.ru/about-foiv/ (дата обращения: 10.01.2026).

[13] См.: Более 1,2 млн соотечественников въехали в РФ по программе переселения за 20 лет. URL: https://ruvek.mid.ru/publications/bolee_1_2_mln_sootechestvennikov_vekhali_v_rf_po_programme_pereseleniya_za_20_let/ (дата обращения: 16.01.2026).

[14] См.: МВД раскрыло число мигрантов в России. URL: https://www.rbc.ru/politics/18/09/2024/66ead3a49a7947fa173f2813?ysclid=m9hfpr8oq7786511135 (дата обращения: 14.04.2024).

взаимодействие с государствами, являющимися источниками миграции.

Диаспоры способствуют укреплению взаимопонимания и сотрудничества. «Культурные обмены являются важной частью гуманитарной сферы взаимодействия между государствами, а особенно между государствами – соседями и партнерами, чьи народы регулярно осуществляют коммуникацию между собой»[15].

Правозащитные организации, действующие за рубежом, играют важную роль в защите прав соотечественников. Эти организации бывают международными (Международный совет российских соотечественников (МСРС), Международная ассоциация русскоязычных адвокатов (МАРА)) или учрежденными при участии РФ, например Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, который создан 1 января 2012 г. Фонд служит немаловажным фактором в поддержке соотечественников за рубежом[16], а учредителями являются МИД РФ и Федеральное агентство «Россотрудничество». Центры правовой защиты выступают партнерскими организациями Фонда (есть представительства в 13 странах мира) и оказывают соотечественникам правовую, консультационную, информационную и иную поддержку, необходимую для защиты их прав, свобод и законных интересов в других странах[17]. Данные центры занимаются также мониторингом правового положения соотечественников в странах пребывания.

Центрами осуществляется просветительская работа по повышению правовой грамотности соотечественников, делаются запросы в исполнительные, законодательные, муниципальные органы власти стран их пребывания, осуществляется работа на международных правозащитных площадках.

Сотрудничество между правозащитными организациями и государственными структурами дает возможность объединять усилия в защите прав граждан и добиваться более результативного решения проблем.

Например, Международная ассоциация русскоязычных адвокатов сотрудничает с соотечественниками, занимающимися юридической практикой за рубежом с использованием в работе русского языка. Предметом такого взаимодействия является защита интересов Российской Федерации, российских граждан в различных органах иностранных государств[18].

За пределами России проживают более 30 млн соотечественников[19], именно поэтому взаимодействие с местными властями является необходимым элементом сотрудничества.

Сотрудничество между российскими консульствами, правозащитными организациями и международными структурами способствует более эффективному решению конфликтных ситуаций. Сотрудничество с местными органами власти реализуется через различные механизмы, включая консульскую поддержку, реализацию двусторонних соглашений и предоставление правовой помощи.

Правоприменительная практика и взаимодействие с местными правовыми системами в отношении соотечественников сталкиваются с разными препятствиями: различиями в правовых системах, языковыми барьерами и терминологическими сложностями, ограниченной доступностью квалифицированной правовой помощи и недостаточной осведомленностью граждан о местном законодательстве. Это особенно актуально в государствах, где русский язык не является распространенным.

Консульские учреждения присутствуют не во всех странах, что может приводить к задержкам в оказании услуг. Необходимо активное участие правозащитных организаций в защите прав соотечественников, что также подтверждается их важной ролью в решении возникающих проблем.

---

[15] *Муратшина К. Г.* Культурные обмены между Россией и Туркменистаном : особенности гуманитарного взаимодействия с «закрытой» страной. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/82387/1/978-5-7996-3000-3_2020_010.pdf?ysclid=mljgdxogd6829784540

[16] См.: *Герасимова В. А.* Российские соотечественники за рубежом // Постсоветские исследования. 2019. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-sootechestvenniki-za-rubezhom (дата обращения: 16.05.2026).

[17] См.: Центры правовой помощи и пункты консультаций по юридическим вопросам. URL: https://pravfond.ru/pravozashchitnye-tsentry/ (дата обращения: 12.02.2026).

[18] См.: Ассоциация юристов «Международная ассоциация русскоязычных адвокатов» (МАРА). URL: https://iarl.pro/?ysclid=mljwhgw9fk167349184 (дата обращения: 12.02.2026).

[19] См.: За пределами России сейчас проживает около 30 миллионов наших соотечественников. URL: https://web194-237.mid.ru/publications/za_predelami_rossii_seychas_prozhivaet_okolo_30_millionov_nashikh_sootechestvennikov_4769/ (дата обращения: 24.10.2025).

Реализация государственной политики строится на взаимодействии федерального центра, субъектов РФ и органов местного самоуправления, а также на активном диалоге с самими соотечественниками через представительные органы (Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом, координационные советы).

Всемирный координационный совет (далее – ВКС)[20] был создан по итогам II Всемирного конгресса соотечественников в 2006 г. для взаимодействия между разрозненными межгосударственными и региональными объединениями в промежутках между конгрессами. ВКС руководствуется Положением, утвержденным Конгрессом и согласованным с Правительственной комиссией по делам соотечественников за рубежом (ПКДСР), которую возглавляет Министр иностранных дел РФ.

ВКС является центральным звеном во взаимодействии диаспоры с Россией и выступает не только как основной представитель интересов общин, но и как ведущий институт «мягкой» силы, защищающий их права, культурную идентичность и историческую память.

Основные направления деятельности ВКС:

– представление интересов соотечественников в государственных органах РФ, сбор и обобщение предложений от соотечественников;

– противодействие фальсификации истории, поддержка русского языка и культуры;

– работа с молодежью, образовательные и воспитательные проекты;

– объединение диаспоры, в этих целях прилагает усилия для сохранения единства диаспоры и ее связи с Россией в условиях геополитического давления.

Благодаря отлаженным каналам связи с госорганами ВКС позволяет оперативно и публично реагировать на факты нарушения прав соотечественников. Совет эффективно работает над продвижением русского языка и культуры за рубежом, противодействуя попыткам переписать историю и формируя у соотечественников ощущения защищенности и связи с Россией. Всемирный координационный совет является не просто площадкой для обсуждения проблем, а действенным механизмом их решения, сочетающим общественную инициативу с прямой государственной поддержкой.

Правовое положение и безопасность соотечественников напрямую зависят от часто недружелюбной правовой и политической среды в странах проживания. Ярким примером служат системные проблемы в странах Балтии, где соотечественники могут становиться объектом дискриминационной политики и пересмотра исторической памяти, что требует от Российской Федерации постоянной гибкости, усиления юридических и дипломатических механизмов защиты, а также повышения правовой грамотности самих соотечественников.

Поддержка соотечественников представляет собой долговременный стратегический проект. Объединение «русского мира» стимулирует сохранение культурно-цивилизационного влияния Российской Федерации, развитие ее позиций на международной арене.

На основе анализа Доклада Министерства иностранных дел Российской Федерации 2025 г. «О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах»[21] можно выделить основные тенденции нарушения прав соотечественников: эскалация русофобии, ограничение культурных и образовательных прав, давление на гражданское общество и СМИ, а также кампания по пересмотру исторической памяти, связанной с ролью СССР во Второй мировой войне. Делается вывод о системном характере нарушений в ряде стран, прежде всего в государствах Прибалтики, Восточной Европы и англосаксонского мира, где антироссийская риторика интегрирована в государственную политику.

Наиболее острую форму проблема защиты прав соотечественников приобретает в Эстонии, Латвии и Литве, где в отношении русскоязычного населения нередко проводится целенаправленная дискриминационная политика.

Проблемы носят не только общеполитический, но и сугубо гражданско-правовой характер, выражаясь в принудительном выдворении российских граждан. Например, латвийские власти системно ужесточают законодательство, расширяя круг лиц, обязанных подтверждать свой статус через сложные процедуры, включая язы-

[20] См.: Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. URL: https://vksrs.com/?ysclid=mp69vd2i2r64614473 (дата обращения: 15.05.2026).

[21] См.: О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах : доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2025. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/2063001/ (дата обращения: 12.01.2026).

ковое тестирование. Целью таких мер является создание правовых оснований для последующего принудительного выдворения неугодных лиц.

Детальное изучение доклада позволило выделить несколько устойчивых категорий нарушений, носящих системный характер.

1. «Бытовая дискриминация», включая «отказы от предоставления разных видов услуг (в образовании, медицине, банковской сфере и др.). Особенно остро это проявляется в странах «коллективного Запада». В Греции и Испании отмечается рост агрессии со стороны националистически настроенных представителей украинской диаспоры, включая физические нападения и травлю в школах. В Канаде дети русскоязычных школ и университетов подвергались травле, а на активистов поступали угрозы убийством.

2. Ограничение культурных, образовательных и языковых прав. Одной из центральных тем доклада является давление на русскую культуру, язык и образование. В Латвии и Эстонии власти продолжают «выдавливать русский язык из всех учреждений образовательной системы». В Бельгии развернута кампания давления на русскоязычную школу «Smart Start» в Генте, включая отказ в аренде, лишение субсидий и принуждение директора подписать обязательство не поддерживать связи с российскими структурами. В Дании реализуются «системные мероприятия по тотальной зачистке информационного пространства», включая ограничение доступа российскими СМИ и «вычищение» из учебных программ материалов, сбалансированно освещающих российскую политику. Повсеместно отменяются концерты российских исполнителей (в Италии, Греции и др.), демонтируются памятники русской культуры (например, памятник А. С. Пушкину в Риге).

3. Политически мотивированные преследования и давление на гражданское общество, что подтверждается обширной практикой уголовного преследования активистов русскоязычных общин. Латвия представлена как наиболее репрессивный пример, где возбуждаются уголовные дела по статьям о «шпионаже», «оправдании агрессии» и «разжигании розни» за выражение пророссийских взглядов, публикации в соцсетях или даже за вывешивание российского флага. Судебное разбирательство над такими лицами может намеренно затягиваться.

4. Война с исторической памятью. Особое место в докладе занимает тема разрушения памятников советским воинам. «Наиболее русофобский курс проводят Польша, государства Прибалтики». В Латвии был демонтирован Памятник Освободителям Риги, уничтожено порядка 150 советских мемориалов, а день 9 Мая законодательно ограничен для празднования. Аналогичные процессы осквернения памятников отмечены в Греции, Болгарии и Дании.

5. Санкционное давление и ограничение консульской защиты. Санкции используются для дискриминации рядовых граждан: блокируются банковские счета, переводы пенсий, затруднено открытие счетов (например, в Австрии, Бельгии, Канаде, на Кипре). Также отмечаются случаи отказа в консульском доступе к задержанным россиянам (например, в Дании) и экстрадиции по запросам третьих стран, в первую очередь США.

Доклад МИД РФ 2025 г. показывает комплексную картину системной дискриминации российских соотечественников в ряде зарубежных стран. Нарушения носят многогранный характер, затрагивая гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права. Наиболее серьезные нарушения совершаются в странах Восточной Европы и Прибалтики, где антироссийская политика является частью государственной идеологии, а также англосаксонских стран (США, Канада, Великобритания, Австралия), активно использующих санкционные и правовые механизмы для давления. Проблема, обозначенная в докладе, выходит за рамки двусторонних отношений и касается фундаментальных принципов недискриминации, свободы выражения и сохранения исторической памяти.

Миграционная политика в отношении соотечественников отличается непоследовательностью[22]. Невыполнение планов регионами, злоупотребления и использование программы как схемы для получения паспортов лицами, не являющимися соотечественниками «по духу, культуре и традициям». Бюрократические барьеры, проблемы с жильем и интеграцией снижают привлекательность.

Таким образом, можно сказать, что Закон о соотечественниках устанавливает принципы, однако не содержит работающих механизмов их

[22] См.: *Кудин О. В.* Российские соотечественники за рубежом : кто они? // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2022. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-sootechestvenniki-za-rubezhom-kto-oni (дата обращения: 27.04.2026).

реализации и не предусматривает ответственности за их неисполнение. Эффективность применения норм закона снижается также существованием многочисленных структур, выполняющих дублирующие функции.

Программа содействия добровольному переселению соотечественников показывает противоречивую динамику и неоднозначную эффективность. С одной стороны, за весь период действия (с 2007 по 2025 г.) в Россию переехало и зарегистрировалось более 1,25 млн участников и членов их семей. С другой стороны, имеет место тенденция к снижению числа переселенцев (с 2022 г.)[23]. Указанные обстоятельства позволяют констатировать, что данная программа не способствует более многочисленной репатриации.

Двусторонние договоры о правовой помощи, призванные обеспечивать защиту прав соотечественников, на практике часто не работают в полной мере, потому что наличие договоренностей само по себе не гарантирует ее соблюдения. Эффективность зависит от добросовестности и политической воли принимающей стороны, которая в современных условиях часто отсутствует. Договорно-правовая база требует постоянного дипломатического сопровождения и механизмов принуждения к исполнению.

Россотрудничество осуществляет гуманитарное и культурное сотрудничество, но его прямой вклад в защиту прав соотечественников косвенный и трудноизмеримый. Координационные советы соотечественников играют важную роль, однако их эффективность невысока из-за разобщенности диаспор.

Исходя из сказанного выше предлагаются следующие направления по совершенствованию государственной политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом.

1. Дополнить Закон о соотечественниках статьей об ответственности за бездействие или неэффективное исполнение обязанностей по защите прав соотечественников, проживающих за рубежом, что позволит превратить декларативные нормы в работающий механизм.

2. Упростить процедуры постановки на учет и получения статуса участника Программы, перевести услуги в электронный формат и сократить бюрократические барьеры. Следует проводить целенаправленную информационную кампанию, разъясняющую преимущества Программы переселения и опровергающую дезинформацию, которая направлена на отказ соотечественников от переезда в Россию.

3. Усилить юридическое сопровождение в международных инстанциях. Наращивать финансирование и организационную поддержку адвокатов, представляющих интересы соотечественников в национальных и международных судебных и правозащитных структурах, особенно по делам, связанным с политически мотивированными преследованиями и дискриминацией. Следует создать специализированный реестр адвокатов, имеющих успешный опыт защиты прав соотечественников за рубежом, и разработать типовые методические рекомендации.

4. Расширить сеть центров правовой помощи Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, особенно в странах с наиболее тяжелой ситуацией в области прав человека (Прибалтика, Восточная Европа) и там, где русский язык не является распространенным.

5. Совершенствовать дипломатические инструменты воздействия на государства-нарушители, включая меры экономического и политического характера, активнее использовать трибуны международных организаций (ООН, ОБСЕ) для систематического информирования о фактах дискриминации.

Библиографический список

Герасимова В. А. Российские соотечественники за рубежом // Постсоветские исследования. 2019. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-sootechestvenniki-za-rubezhom

Краснова А. М. Правовой статус российских граждан, проживающих за рубежом // Вестник Самар. юрид. ин-та. 2014. № 3 (14). С. 114–116.

Кудин О. В. Российские соотечественники за рубежом : кто они? // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2022. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-sootechestvenniki-za-rubezhom-kto-oni

Муратшина К. Г. Культурные обмены между Россией и Туркменистаном : особенности гуманитарного взаимодействия с «закрытой» страной. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/82387/1/978-5-7996-3000-3_2020_010.pdf?ysclid=mljgdxogd6829784540

[23] См.: *Нурадинов Ш. М., Нечай С. Л., Белецкий Н. В.* Конституционно-правовые основы поддержки соотечественников, проживающих за рубежом, в сохранении общероссийской культурной идентичности // Криминологический журнал. 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-podderzhki-sootechestvennikov-prozhivayuschih-za-rubezhom-v-sohranenii-obscherossiyskoy-kulturnoy (дата обращения: 16.05.2026).

Нурадинов Ш. М., Нечай С. Л., Белецкий Н. В. Конституционно-правовые основы поддержки соотечественников, проживающих за рубежом, в сохранении общероссийской культурной идентичности // Криминологический журнал. 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-podderzhki-sootechestvennikov-prozhivayuschih-za-rubezhom-v-sohranenii-obscherossiyskoy-kulturnoy

Прудников А. С. Соотечественники за рубежом : административно-правовой аспект // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 209–211.

References

Gerasimova V. A. Russian compatriots abroad // Post-Soviet Studies. 2019. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-sootechestvenniki-za-rubezhom

Krasnova A. M. Legal status of russian citizens living abroad // Bulletin of the Samara Law Institute. 2014. No. 3 (14). P. 114–116.

Kudin O. V. Russian compatriots abroad : who are they? // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-sootechestvenniki-za-rubezhom-kto-oni

Muratshina K. G. Cultural exchanges between Russia and Turkmenistan : features of humanitarian cooperation with a «closed» country. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/82387/1/978-5-7996-3000-3_2020_010.pdf?ysclid=mljgdxogd6829784540

Nuradinov Sh. M., Nechai S. L., Beletsky N. V. Constitutional and legal bases of support for compatriots living abroad in preserving the all-Russian cultural identity // Criminological journal. 2024. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-podderzhki-sootechestvennikov-prozhivayuschih-za-rubezhom-v-sohranenii-obscherossiyskoy-kulturnoy

Prudnikov A. S. Compatriots abroad : administrative and legal aspect // Bulletin of economic security. 2016. No. 2. P. 209–211.

Воронежский государственный университет

Таваралиев Х. Д., аспирант кафедры конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина

E-mail: Jtavaraliev@gmail.com

Поступила в редакцию: 18.05.2026

Для цитирования:

Таваралиев Х. Д. Правовое положение соотечественников за рубежом // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 30–39. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/30-39

Voronezh State University

Tavaraliev K. J., Post-graduate Student of the Department of Constitutional and Municipal Law named after Professor V. S. Osnovin

E-mail: Jtavaraliev@gmail.com

Received: 18.05.2026

For citation:

Tavaraliev K. J. The legal status of compatriots abroad // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 30–39. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/30-39

УДК 343.115
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/40-47

ПРЕДЕЛЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА И ГАРАНТИИ ПРАВ ПРОВЕРЯЕМЫХ ЛИЦ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОБЕЛОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ю. В. Заплатникова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

М. Ю. Заплатников
Первый Дом Консалтинга «Что делать Консалт»

LIMITS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION AND GUARANTEES OF THE RIGHTS OF PERSONS UNDER REVIEW: ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE THROUGH THE PRISM OF LEGISLATIVE GAPS

Yu. V. Zaplatnikova
National Research University «Higher School of Economics»

M. Yu. Zaplatnikov
First Consulting House «What to do Consult»

Аннотация: в статье исследуется проблема правовой неопределенности процедуры проведения прокурорских проверок. На основе анализа судебной практики, включая позиции арбитражных судов округов и кассационных судов общей юрисдикции за последние пять лет, выявляются ключевые «точки напряженности» во взаимоотношениях органов прокуратуры и проверяемых организаций. Рассматриваются дискуссионные вопросы определения оснований и предмета проверки, надлежащего уведомления о ее начале, пределов истребования информации, правовой природы актов прокурорского реагирования. Особое внимание уделяется неоднородности судебной практики по вопросам процессуальных нарушений. Обосновывается вывод о необходимости дальнейшей законодательной конкретизации ряда положений Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» для обеспечения баланса публичного интереса и гарантий прав хозяйствующих субъектов.
Ключевые слова: прокурорская проверка, прокурорский надзор, судебная практика, основания проверки, предмет проверки, представление прокурора, вмешательство в хозяйственную деятельность, процессуальные гарантии, обжалование, права проверяемого лица.

Abstract: the article examines the problem of legal uncertainty in the procedure for conducting prosecutorial inspections. Based on an analysis of judicial practice, including the positions of arbitration courts of districts and cassation courts of general jurisdiction over the past five years, the article identifies key «points of tension» in the relationship between prosecutor's offices and organizations under inspection. The article discusses the controversial issues of determining the grounds and subject of the inspection, proper notification of its commencement, the limits of information request, and the legal nature of acts of prosecutorial response. Special attention is paid to the heterogeneity of judicial practice regarding procedural violations. The article substantiates the need for further legislative specification of a number of provisions of the Federal Law No. 2202-I of January 17, 1992 «On the Prosecutor's Office

© Заплатникова Ю. В., Заплатников М. Ю., 2026

of the Russian Federation» in order to ensure a balance between public interest and guarantees for the rights of business entities.
Key words: prosecutor's inspection, prosecutor's supervision, judicial practice, grounds for inspection, subject of inspection, prosecutor's submission, interference in economic activities, procedural guarantees, appeal, rights of the person being inspected.

Прокурорский надзор является одним из важнейших институтов обеспечения законности в Российской Федерации. Ключевым инструментом реализации надзорной функции выступает прокурорская проверка, посредством которой выявляются, пресекаются и предупреждаются нарушения закона[1]. Само понятие «прокурорская проверка» в законодательстве не определено. Анализ юридической литературы позволяет выделить различные мнения специалистов относительно правовой природы прокурорской проверки. Однако большинство исследователей считают, что прокурорская проверка – это «правовое средство выявления нарушения закона»[2]; другие же рассматривают прокурорскую проверку еще и как «полномочие прокурора по надзору за точным и единообразным исполнением законов»[3]. Именно такой позиции придерживаются и авторы настоящей статьи.

Вместе с тем сама процедура проверки, будучи формой властного вмешательства в деятельность организаций, требует четкой правовой регламентации. Только при этом условии можно говорить о балансе публичного интереса, который призван защищать прокурор, и законных прав, и интересов проверяемых лиц.

Федеральный закон от 7 марта 2017 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”»[4] внес ряд важных изменений в Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации»[5] (далее – Закон о прокуратуре), конкретизировав многие аспекты организации и проведения проверок[6]. Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, ряд принципиальных вопросов остался неурегулированным либо получил оценочный характер, что неизбежно порождает споры и ведет к росту числа судебных разбирательств[7].

В соответствии с п. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре проверки исполнения законов проводятся на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором. Как обоснованно отмечает С. Г. Бывальцева, данная формулировка является ключевой, но при этом законодатель не раскрывает, что именно может рассматриваться в качестве такой информации[8]. Это создает почву для правовой неопределенности и, как следствие, для судебных споров о законности самой проверки.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 17 февраля 2015 г. № 2-П[9] указал, что реали-

[1] См., например: *Ергашев Е. Р., Сагаева А. К.* Прокурорская проверка как средство выявления нарушения закона : проблемы теории и практики // Рос. юрид. журнал. 2025. № 2. С. 151–159.

[2] *Ергашев Е. Р., Сагаева А. К.* Указ соч. С. 151–152. См. также: *Фирсова А. А.* Сравнительная характеристика прокурорской деятельности в странах ЕврАзЭс // Правовой конгресс в Екатеринбурге : электрон. прил. к «Российскому юридическому журналу». 2012. № 5. С. 14 ; и др.

[3] Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения : учеб. пособие / Е. А. Бурмистрова, И. И. Головко, Г. В. Дытченко [и др.] ; под ред. О. Н. Коршуновой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстиция, 2019. Гл. 1.

[4] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 11. Ст. 1536.

[5] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

[6] См.: *Королёв Г. Н.* Правовые гарантии прокурорской деятельности // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2017. № 3. С. 142–146 ; *Мананников Д. Ю.* Правовое обеспечение организации прокурорской проверки на современном этапе в условиях проведения специальной военной операции // Военно-юридический журнал. 2025. № 6. С. 20–25.

[7] См.: *Бывальцева С. Г.* Основание прокурорской проверки в контексте законности ее проведения // Право и государство : теория и практика. 2025. № 4. С. 191–193 ; *Потапова Л. В., Британов А. И.* Проверочное мероприятие как инструмент надзорной деятельности прокуратуры : нормативно-правовой анализ // Юридическая наука. 2023. № 9. С. 59–61.

[8] См.: *Бывальцева С. Г.* Указ. соч. С. 191.

[9] См.: По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр “Мемориал”», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество “Мемориал”», региональной об-

зация прокурором полномочий вне конкретных оснований проверки недопустима. Однако, как справедливо отмечается в науке, ведомственные акты Генпрокуратуры (например, Приказ Генпрокуратуры России от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина») лишь частично восполняют этот пробел, называя в качестве источников информации обращения граждан, сообщения СМИ, а также «другие материалы».

Анализ современной судебной практики демонстрирует крайне широкий подход судов к оценке допустимости оснований. Так, Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа признал законной проверку, проведенную на основании поручения вышестоящей прокуратуры, которое, в свою очередь, ссылалось на сведения Всемирного фонда дикой природы (WWF) о загрязнении рек золотодобывающими предприятиями (постановление от 11 октября 2022 г. № Ф02-4814/2022[10]). Аналогичным образом суды признают достаточным основанием информацию, полученную из любых открытых источников, включая социальные сети и публикации в СМИ.

Таким образом, на сегодняшний день отсутствие в законе четких критериев к источнику и содержанию информации, служащей основанием для проверки, де-факто восполняется судебным усмотрением. Это, с одной стороны, позволяет прокуратуре гибко реагировать на любые сигналы о нарушениях, но с другой – создает риск произвольного инициирования надзорных мероприятий. Представляется, что назрела необходимость в законодательном закреплении минимальных требований к «информации о фактах нарушения», например указание на ее относимость к конкретному лицу и сфере правоотношений.

Пределы прокурорской проверки определяются ее предметом и целями, которые в обязательном порядке указываются в решении о ее проведении (п. 3 ст. 21 Закона о прокуратуре). В научной литературе справедливо отмечается, что проблема определения пределов проверки – одна из наиболее дискуссионных[11].

Судебная практика исходит из того, что выход прокурора за рамки обозначенного предмета является существенным нарушением. Показательно дело, рассмотренное Арбитражным судом Восточно-Сибирского округа (постановление от 5 августа 2021 г. № Ф02-3809/2021[12]). Суд установил, что прокурор, получив задание проверить состояние законности в сфере оплаты труда на предприятиях-банкротах, фактически провел проверку соблюдения законодательства о банкротстве в целом и возбудил дело в отношении конкурсного управляющего по нарушениям, никак не связанным с оплатой труда. Суд расценил это как недопустимое расширение предмета проверки и признал постановление о возбуждении дела недопустимым доказательством.

Особого внимания заслуживает проблема вмешательства прокурора в гражданско-правовые споры между хозяйствующими субъектами. Пункт 2 ст. 26 Закона о прокуратуре прямо запрещает вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность организаций. Тем не менее на практике такие случаи встречаются.

В постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 10 февраля 2023 г. № Ф09-10316/22[13] было признано незаконным представление прокурора, обязывающее регионального оператора по обращению с ТКО принять меры по урегулированию отношений с контрагентами и пересмотреть финансовую политику. Суд указал, что прокуратура неполномочна понуждать коммерческую организацию к исполнению обязательств в пользу другой коммерческой организации, подменяя собой судебный порядок разрешения спора. Аналогичная позиция выражена в постановлении Арбитражного

щественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С. А. Ганнушкиной : постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[10] См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11 октября 2022 г. № Ф02-4814/2022 по делу № А33-28900/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] См., например: *Потапова Л. В., Британов А. И.* Указ. соч. С. 60.

[12] См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 5 августа 2021 г. № Ф02-3809/2021 по делу № А78-10155/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10 февраля 2023 г. № Ф09-10316/22 по делу № А50-15563/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

суда Центрального округа от 20 августа 2021 г. № Ф10-3370/2021[14], где вмешательство прокурора в договорные отношения гарантирующего поставщика и потребителя электроэнергии было расценено как необоснованное.

Представляется необходимым законодательно закрепить критерии, позволяющие четко разграничить защиту публичного интереса (где вмешательство прокурора оправдано) и частноправовой спор, который должен разрешаться в исковом порядке. Ориентиром здесь может служить позиция судов, допускающих вмешательство, когда речь идет о нарушении прав граждан, например на благоприятную окружающую среду, даже если это косвенно связано с договорными отношениями (постановление Двенадцатого Арбитражного апелляционного суда от 13 ноября 2023 г. № 12АП-8463/2023[15]).

Пункт 3 ст. 21 Закона о прокуратуре обязывает прокурора довести решение о проведении проверки до сведения руководителя организации не позднее дня ее начала. При этом закон не устанавливает конкретных способов такого уведомления, что породило обширную и, к сожалению, противоречивую судебную практику.

С одной стороны, суды демонстрируют гибкость и признают надлежащими самые разные способы коммуникации: телефонный звонок (постановление Восьмого Арбитражного апелляционного суда от 7 сентября 2023 г. № 08АП-7062/2023[16]), уведомление через мессенджер (постановление Первого Арбитражного апелляционного суда от 19 апреля 2022 г. № 01АП-2105/2022[17]), направление требования о предоставлении документов, из содержания которого ясны цели и предмет (постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10 ноября 2023 г. № Ф08-10195/2023[18]). Такой подход соответствует потребностям оперативной работы прокуратуры.

С другой стороны, возникает вопрос о правовых последствиях неуведомления или несвоевременного уведомления. И здесь наблюдается явный раскол в подходах судов. Арбитражные суды, как правило, занимают жесткую позицию: направление решения по почте в день начала проверки, если оно получено адресатом значительно позже, является грубым нарушением и влечет недействительность ее результатов (постановление Арбитражного суда Центрального округа от 3 октября 2023 г. № Ф10-4637/2023[19]). Напротив, суды общей юрисдикции в ряде случаев придерживаются иного мнения, указывая, что уведомление носит информационный, а не разрешительный характер, поэтому его отсутствие не может автоматически влечь недействительность результатов (постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 7 апреля 2023 г. по делу № 16-2477/2023 (УИД 91RS0009-01-2022-003262-73)[20]).

Такая двойственность подходов, по нашему мнению, недопустима. Нарушение установленного законом порядка уведомления должно рассматриваться как существенное процессуальное нарушение независимо от того, в каком суде впоследствии оспариваются результаты проверки. Иное нивелирует гарантии, предоставленные проверяемому лицу.

Заслуживают определенного внимания вопросы содержания и пределов реализации права на ознакомление с материалами проверки, затрагивающими права и свободы лица.

Данное право закреплено в п. 4 ст. 5 Закона о прокуратуре. Детализация его содержится в приказе Генпрокуратуры России от 30 января 2013 г. № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры

[14] См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10 февраля 2023 г. № Ф09-10316/22 по делу № А50-15563/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[15] См.: Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 ноября 2023 г. № 12АП-8463/2023 по делу № А12-11905/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[16] См.: Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 7 сентября 2023 г. № 08АП-7062/2023 по делу № А75-1414/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] См.: Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 19 апреля 2022 г. № 01АП-2105/2022 по делу № А43-21531/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[18] См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10 ноября 2023 г. № Ф08-10195/2023 по делу № А32-44333/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[19] См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 3 октября 2023 г. № Ф10-4637/2023 по делу № А83-8554/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] См.: Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 7 апреля 2023 г. по делу № 16-2477/2023 (УИД 91RS0009-01-2022-003262-73). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Российской Федерации» (далее – ведомственная Инструкция № 45). Анализ судебной практики позволяет выделить ряд важных судебных позиций, конкретизирующих данное право.

Во-первых, суды исходят из того, что отказ в ознакомлении должен быть мотивированным и не может быть общим. Прокурор не вправе отказать заявителю, ссылаясь лишь на наличие в деле документов ограниченного доступа; он должен обеспечить доступ ко всем материалам, не содержащим тайны (Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 1 июня 2022 г. № 88А-4759/2022[21]).

Во-вторых, определены пределы этого права. Так, прокурор не обязан выдавать заявителю заверенные копии материалов проверки – ознакомление предполагает личное изучение и снятие копий своими техническими средствами (постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26 декабря 2019 г. № Ф02-6819/2019[22]). Также признается правомерным отказ в предоставлении сведений о привлеченных специалистах, если это не связано с нарушением прав проверяемого лица (постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 апреля 2022 г. № Ф05-4391/2022[23]).

Таким образом, право на ознакомление является действенным, но не абсолютным инструментом. Его реализация во многом зависит от усмотрения прокурора и последующей судебной оценки. Представляется, что дальнейшая конкретизация в законе порядка ознакомления (например, сроки подготовки материалов, возможность фотосъемки) способствовала бы снижению числа споров.

Статья 6 Закона о прокуратуре устанавливает минимальные сроки исполнения требований прокурора: 2 рабочих дня – в ходе проверки, 5 рабочих дней – вне рамок проверки, и 1 сутки – при наличии угроз. Эти сроки являются минимальными, и прокурор может установить более длительные. Однако на практике нередки случаи, когда требование, направленное в конце рабочего дня, должно быть исполнено к концу следующего рабочего дня. Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в постановлении от 17 марта 2025 г. № Ф02-685/2025[24] указал, что само по себе установление такого срока не нарушает прав, поскольку организация вправе уведомить прокурора о наличии объективных причин, препятствующих своевременному исполнению. Это важная правовая позиция, подчеркивающая необходимость добросовестного поведения обеих сторон.

Крайне важным для защиты прав организаций является п. 2.3 ст. 6 Закона о прокуратуре, дающий право не представлять документы, которые: не относятся к предмету проверки; уже передавались прокуратуре ранее; официально опубликованы в СМИ или на сайте организации. Судебная практика подтверждает: отказ от представления документов, мотивированный их неотносимостью к предмету проверки, является правомерным. В то же время ссылка на коммерческую тайну или персональные данные таковым основанием не является – прокурор имеет доступ к любой информации, доступ к которой ограничен (постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27 апреля 2022 г. № Ф01-1996/2022[25]).

Изложенное выше позволяет говорить о необходимости легализации института «мотивированного возражения» на требование прокурора, что позволило бы вывести диалог сторон в правовое поле на ранней стадии, а не на стадии судебного оспаривания.

Далее рассмотрим акты прокурорского реагирования и механизмы их оспаривания. Ключевое значение для понимания природы представления прокурора имеет позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в определении от 24 февраля 2005 г. № 84-О[26]: пред-

[21] См.: Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 1 июня 2022 г. № 88А-4759/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[22] См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26 декабря 2019 г. № Ф02-6819/2019 по делу № А33-26680/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[23] См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 апреля 2022 г. № Ф05-4391/2022 по делу № А40-131204/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[24] См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17 марта 2025 г. № Ф02-685/2025 по делу № А33-25691/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[25] См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27 апреля 2022 г. № Ф01-1996/2022 по делу № А82-8921/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[26] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 84-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Моторичевой Ирины Ивановны на нарушение ее конституционных прав по-

ставление прокурора не имеет абсолютного характера и не обладает силой принудительного исполнения, оно направлено на понуждение к устранению нарушений в добровольном порядке. Несмотря на это, в правоприменении представление прокурора часто воспринимается как императивное предписание.

Анализ судебной практики показал, что указание в прокурорском представлении на конкретные способы устранения нарушений расценивается как вмешательство в хозяйственную деятельность организаций (постановление АС Уральского округа от 10 февраля 2023 г. № Ф09-10316/22[27]). Определение таких мер прокурором означало бы подмену компетенции организации.

Кроме того, интересно рассмотреть квалификацию повторного выявления нарушений после представления. В одном из дел Седьмой кассационный суд общей юрисдикции указал, что в такой ситуации прокурор должен был возбудить дело по ст. 17.7 КоАП РФ за неисполнение его требований, вместо вынесения нового постановления о возбуждении дела по той же статье Особенной части КоАП РФ (постановление от 19 января 2023 г. № 16-52/2023[28]). Эта позиция заслуживает поддержки, поскольку она поощряет фактическое устранение нарушений, а не формальное реагирование на неоднократные акты.

Действующее законодательство дает право проверяемому лицу выбрать способ защиты своих прав: административный (вышестоящему прокурору) или судебный. Представляется, что судебное обжалование, несмотря на формальность и более длительные сроки, предоставляет лицу наиболее полные гарантии. Важным аспектом является определение подсудности. По общему правилу, если проверка затрагивает предпринимательскую деятельность организации, заявление подается в арбитражный суд по правилам гл. 24 АПК РФ, если нет – в суд общей юрисдикции по правилам гл. 22 КАС РФ. Нарушение правил подсудности может повлечь возврат заявления.

Срок на судебное обжалование составляет три месяца со дня, когда лицу стало известно о нарушении его прав (ч. 4 ст. 198 АПК РФ, ч. 1 ст. 219 КАС РФ). При этом необходимо учитывать особенности исчисления этого срока для прокурора, когда он выступает заявителем.

Административное обжалование (вышестоящему прокурору) является более быстрым (30 дней) и менее формальным, однако, по сути, это внутриведомственный контроль, эффективность которого в случаях явных злоупотреблений может быть ниже. Тем не менее он может служить важным досудебным этапом, формирующим доказательственную базу для последующего обращения в суд.

Итак, институт прокурорской проверки в Российской Федерации находится в стадии активного развития. С одной стороны, законодательные новеллы 2017 г. и богатая судебная практика последних лет создают прочный фундамент для его функционирования. С другой стороны, настоящее исследование показало ряд системных проблем, требующих решения.

Весьма важным является вопрос об установлении оснований для проведения прокурорской проверки. Проблему правовой неопределенности в этом вопросе не решает и судебная практика. Всё это усугубляет положение хозяйствующих субъектов. Представляется целесообразным в законодательстве предусмотреть минимальные требования к «информации о фактах нарушения», которые будут служить основанием для прокурорской проверки.

В судебной практике не сложился однозначный подход относительно нарушения порядка уведомления о проведении прокурорской проверки. Представляется, что несвоевременное уведомление является грубым нарушением, лишает организацию возможности реализовать свои права и влечет нарушение порядка проведения проверки.

Важным выводом судебной практики является невмешательство во внутрихозяйственную деятельность и гражданско-правовые споры организаций. И, хотя данный критерий лишь оценочный, предлагается внести изменения в ст. 26 Закона о прокуратуре, дополнив ее ссылкой на то, что прокурорское реагирование не может заменить судебную процедуру разрешения споров, которые вытекают из гражданско-правовых отношений субъектов.

Ознакомление с материалами проверки и мотивированный отказ в предоставлении ин-

---

ложениями статьи 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[27] См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10 февраля 2023 г. № Ф09-10316/22 по делу № А50-15563/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[28] См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

формации также нуждаются в детальном описании. Такой подход позволит свести к минимуму спорные и конфликтные ситуации.

Таким образом, проведенный анализ может выступать основой для дальнейшей научно-исследовательской деятельности по изучению процедуры прокурорского надзора, с целью выработки критериев его эффективности в современных условиях.

Библиографический список

Бывальцева С. Г. Основание прокурорской проверки в контексте законности ее проведения // Право и государство : теория и практика. 2025. № 4. С. 191–193.

Ергашев Е. Р., Сагаева А. К. Прокурорская проверка как средство выявления нарушения закона : проблемы теории и практики // Рос. юрид. журнал. 2025. № 2. С. 151–159.

Королёв Г. Н. Правовые гарантии прокурорской деятельности // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2017. № 3. С. 142–146.

Мананников Д. Ю. Правовое обеспечение организации прокурорской проверки на современном этапе в условиях проведения специальной военной операции // Военно-юридический журнал. 2025. № 6. С. 20–25.

Потапова Л. В., Британов А. И. Проверочное мероприятие как инструмент надзорной деятельности прокуратуры : нормативно-правовой анализ // Юридическая наука. 2023. № 9. С. 59–61.

Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения : учеб. пособие / Е. А. Бурмистрова, И. И. Головко, Г. В. Дытченко [и др.] ; под ред. О. Н. Коршуновой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстиция, 2019.

Фирсова А. А. Сравнительная характеристика прокурорской деятельности в странах ЕврАзЭс // Правовой конгресс в Екатеринбурге : электрон. прил. к «Российскому юридическому журналу». 2012. № 5.

References

Byvaltseva S. G. The basis of the prosecutor's check in the context of the legality of its conduct // Law and state : theory and practice. 2025. No. 4. P. 191–193.

Ergashev E. R., Sagaeva A. K. Prosecutor's check as a means of detecting a violation of the law : problems of theory and practice // Russian law journal. 2025. No. 2. P. 151–159.

Korolev G. N. Legal guarantees of prosecutorial activity // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2017. No. 3. P. 142–146.

Manannikov D. Yu. Legal support of the organization of the prosecutor's check at the present stage in the context of a special military operation // Military law journal. 2025. No. 6. P. 20–25.

Potapova L. V., Britanov A. I. Verification event as a tool for supervisory activities of the prosecutor's office : regulatory analysis // Legal science. 2023. No. 9. P. 59–61.

Prosecutor's check. Methodology and tactics : training manual / E. A. Burmistrova, I. I. Golovko, G. V. Dytchenko [and others] ; ed. O. N. Korshunova. 2nd ed., Revised and add. Moscow : Justice, 2019.

Firsova A. A. Comparative characteristics of prosecutorial activities in the EurAsEC countries // Legal Congress in Yekaterinburg : electronic appendix to the Russian Legal Journal. 2012. No. 5.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Заплатникова Ю. В., кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента публичного права факультета права

E-mail: ymalevanova@hse.ru

Первый Дом Консалтинга «Что делать Консалт»

Заплатников М. Ю., эксперт центра обучения клиентов

E-mail: zaplatnikov@4dk.ru

Поступила в редакцию: 19.05.2026

National Research University «Higher School of Economics»

Zaplatnikova Yu. V., PhD in Law, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines

E-mail: ymalevanova@hse.ru

First Consulting House «What to do Consult»

Zaplatnikov M. Yu., expert of the customer training center

E-mail: zaplatnikov@4dk.ru

Received: 19.05.2026

Для цитирования:
Заплатникова Ю. В., Заплатников М. Ю. Пределы прокурорского надзора и гарантии прав проверяемых лиц: анализ судебной практики сквозь призму пробелов законодательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 40–47. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/40-47

For citation:
Zaplatnikova Yu. V., Zaplatnikov M. Yu. Limits of prosecutorial supervision and guarantees of the rights of persons under review: analysis of judicial practice through the prism of legislative gaps // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 40–47. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/40-47

УДК 347.1
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/48-56

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГРАЖДАН, ОГРАНИЧЕННЫХ В ДЕЕСПОСОБНОСТИ ПО ПРИЧИНЕ ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА

О. В. Дмитриева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

PROBLEMATIC ISSUES OF THE CIVIL LEGAL STATUS OF CITIZENS WHO ARE LIMITED IN THEIR LEGAL CAPACITY DUE TO A MENTAL DISORDER

O. V. Dmitrieva

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: в статье проводится сравнение правового положения гражданина, ограниченного в дееспособности по причине психического расстройства, с правовым положением других категорий граждан, не обладающих полным объемом дееспособности. Делается вывод, что правовое положение ограниченного в дееспособности по причине психического расстройства характеризуется существенной спецификой, которую не всегда удается объяснить рационально. Высказывается предположение о существовании категории граждан с двойным ограничением дееспособности и в целом о возможности пересмотра классификации видов дееспособности граждан при определении для каждой категории адекватных психическому статусу гражданина правовых возможностей, с учетом целей их осуществления. Обосновывается необходимость закрепления в п. 1 ст. 30 ГК РФ права попечителя расходовать денежные средства ограниченного в дееспособности гражданина на общесемейные нужды, поскольку это соответствует цели ограничения дееспособности в данной категории случаев. Доказывается необходимость замены формулировки п. 4 ст. 26 ГК РФ и абз. 4 п. 2 ст. 30 ГК РФ об ограничении или лишении *права* самостоятельного распоряжения заработком, стипендией или иным доходом на фразу об ограничении или лишении *возможности* распоряжения этими средствами. Предлагается прямо закрепить правило о самостоятельной имущественной ответственности ограниченного в дееспособности по причине психического расстройства за причинение им внедоговорного вреда, сопроводив его установлением субсидиарной ответственности попечителя.
Ключевые слова: правовое положение гражданина, дееспособность, ограниченная дееспособность, сделкоспособность, деликтоспособность, психическое расстройство.

Abstract: the article compares the legal status of a citizen who is limited in their legal capacity due to a mental disorder with the legal status of other categories of citizens who do not have full legal capacity. The article concludes that the legal status of a person who is limited in their legal capacity due to a mental disorder has significant specific features that are not always easily explained. It is suggested that there is a category of citizens with double restrictions on their legal capacity, and in general, that it is possible to revise the classification of types of legal capacity of citizens, defining legal opportunities for each category that are adequate to their mental state, taking into account the purposes of their implementation. The necessity of fixing in paragraph 1 of Article 30 of the Civil Code of the Russian Federation the right of a trustee to spend the money of a citizen with limited legal capacity on family needs is substantiated, since this corresponds to the purpose of limiting legal capacity in this category of cases. The article proves the need to replace the wording of paragraph 4 of Article 26 of the Civil Code of the Russian Federation and paragraph 4 of Article 30 of the Civil Code of the Russian Federation on the restriction or deprivation of the right to independently manage earnings, scholarships, or

© Дмитриева О. В., 2026

other income, with the phrase on the restriction or deprivation of the ability to manage these funds. The article proposes to directly establish the rule on the independent responsibility of a person who is limited in their legal capacity due to a mental disorder for causing non-contractual harm, accompanied by the establishment of the guardian's subsidiary liability.
Key words: legal status of a citizen, legal capacity, limited legal capacity, capacity to contract, capacity to be sued, mental disorder.

Категория ограниченно дееспособных образуется за счет граждан, у которых уже имевшийся объем дееспособности был уменьшен в судебном порядке по основаниям, предусмотренным законом.

До 2015 г. действующим законодательством РФ было предусмотрено два основания для ограничения дееспособности гражданина:

1) злоупотребление спиртными напитками, наркотическими средствами и пристрастие к азартным играм, ставящие семью в тяжелое материальное положение (п. 1 ст. 30 ГК РФ);

2) любое расточительство, проявляемое несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, в отношении заработка, стипендии или иных доходов, которыми он вправе распоряжаться самостоятельно (п. 4 ст. 26 ГК РФ).

В 2015 г., в процессе масштабного совершенствования ГК РФ, начатого в соответствии с Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации[1], введено новое (в дополнение к существующим) основание ограничения дееспособности граждан, получившее закрепление в п. 2 ст. 30 и п. 3 ст. 29 ГК РФ.

Его введение устранило имевшийся пробел в правовом регулировании статуса граждан, которые имеют психическое расстройство, полностью не лишающее их способности понимать значение своих действий или руководить ими, но оказывающее влияние на нее таким образом, что они могут понимать значение своих действий или руководить ими только при помощи других лиц.

Сам по себе факт введения этого положения получил безусловное одобрение в научной литературе. В частности, А. Е. Шерстбитов указывал, что «главный смысл состоит в обеспечении достаточного уровня гарантий соблюдения основных прав и свобод человека, исключающего умаление достоинства личности и несоразмерное вторжение в частную жизнь при решении вопроса о дееспособности граждан, страдающих психическим расстройством»[2]. При этом само это положение получило также и долю критики, основанную на том, что далеко не всё, что следовало, оказалось им урегулировано, а некоторые аспекты урегулированы небесспорно[3].

Несмотря на то что с момента внесения этих изменений в ГК РФ прошло более 10 лет, множество проблем – как выявленных ранее, так и привлекших к себе внимание впоследствии – остаются без разрешения. Особо следует отметить, что эти проблемы касаются одного из основополагающих вопросов правового регулирования – определения правового положения субъектов гражданско-правовых отношений, в особенности тех, которые в силу состояния своего здоровья являются в них слабой стороной. Необходимо комплексно подойти к разрешению сложившегося положения и предложить пути совершенствования законодательства, определяющего правовой статус граждан, ограниченных в дееспособности по причине психического расстройства.

[1] См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации : одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95075/ (дата обращения: 28.06.2026).

[2] *Шерстобитов А. Е.* О дееспособности лиц, страдающих психическими расстройствами, в связи с модернизацией правил о правовом положении граждан в ГК РФ // Вестник гражданского права. 2015. № 2. Т. 15. С. 77–85.

[3] См., например: *Богданов Е. В.* Правовое положение граждан, ограниченных в дееспособности вследствие психического расстройства // Адвокат. 2013. № 6. С. 33–37 ; *Данилова Л. Я.* Развитие российского законодательства о защите гражданских прав лиц, страдающих психическими расстройствами // Гражданский кодекс Российской Федерации : 25 лет действия : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2019. С. 130 ; *Останина Е. А.* Гражданская правосубъектность лиц, признанных недееспособными или ограниченно дееспособными вследствие психического заболевания // Пермский юридический альманах. 2025. № 8. С. 164–166 ; *Тарасова Е. Н.* Актуальные вопросы применения критериев недееспособности и ограничения дееспособности в гражданском праве // Ленинградский юридический журнал. Государство и право. Юридические науки. 2015. № 2 (40). С. 102–111 ; и др.

Все предусмотренные законом случаи ограничения дееспособности граждан отличаются друг от друга как по основаниям их применения, так и по последствиям, однако обнаруживают при этом сходство с особенностями приобретения, прекращения и содержательной стороны статуса других категорий граждан, а именно недееспособных и частично дееспособных (главным образом, несовершеннолетних от 14 до 18 лет).

Основания для ограничения дееспособности граждан, имеющих психическое расстройство, имеет сходство с основаниями признания гражданина недееспособным. Их, как известно, два – медицинское и юридическое. И если медицинское основание – наличие психического расстройства – является аналогичным как для признания гражданина недееспособным, так и для ограничения его дееспособности, то юридическое основание отличается. Для признания гражданина недееспособным юридическое основание выражается в полной неспособности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства, а для ограничения дееспособности достаточно того, чтобы гражданин был не способен понимать значение своих действий или руководить ими самостоятельно, но мог это делать при помощи других лиц.

Соответственно, гражданин, чье психическое расстройство оказало не настолько разрушительное воздействие на его интеллектуальные и волевые способности, не нуждается в том, чтобы кто-то полностью заменял его в гражданском обороте (как опекун недееспособного). Он нуждается в том, чтобы кто-то помогал ему разумно совершать юридически значимые действия, поэтому над ним устанавливается попечительство и назначается попечитель.

Кроме того, существенные отличия имеются и в других последствиях признания гражданина недееспособным, с одной стороны, и ограничения его дееспособности – с другой. При этом наступление последствий ограничения дееспособности гражданина сближает правовое положение ограниченно дееспособного с правовым положением других граждан: 1) ограниченных в дееспособности по другому основанию (п. 1 ст. 30 ГК РФ), а также 2) частично дееспособных – несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, причем несовершеннолетних – даже в большей степени, о чем, в частности, свидетельствуют содержащиеся в п. 2 ст. 30 ГК РФ отсылки к ст. 26 ГК РФ.

Если рассматривать сделкоспособность граждан, ограниченных судом в дееспособности по причине психического расстройства, то несмотря на видимое общее сходство со сделкоспособностью несовершеннолетних, она не повторяет ее полностью и обладает собственными особенностями.

Во-первых, не все возможности самостоятельного совершения сделок, предоставленные несовершеннолетним, имеются у ограниченно дееспособных. В частности, ограниченно дееспособные, в отличие от несовершеннолетних, не могут самостоятельно осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности; не могут вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими; не могут стать членами кооператива. Самостоятельно они могут совершать только сделки, которые вправе совершать малолетние (от 6 до 14 лет), включая мелкие бытовые сделки, а также распоряжаться своими заработками, стипендиями и иными доходами.

Во-вторых, возможность совершения, за исключением названных, остальных сделок только с согласия попечителя, кажется точно такой же, как у несовершеннолетних, однако и это не так. Несмотря на то что в качестве «иных доходов», которыми ограниченно дееспособные вправе распоряжаться самостоятельно, можно подразумевать также «выплачиваемые на ограниченно дееспособного алименты, социальную пенсию, возмещение вреда здоровью и в связи со смертью кормильца, иные предоставляемые на его содержание выплаты» (абз. 3 п. 2 ст. 30 ГК РФ), распоряжаться ими ограниченно дееспособные могут только с письменного согласия попечителя. При этом попечитель может определить срок, в течение которого его согласие на распоряжение этими средствами будет действовать, а также может своим решением прекратить действие этого согласия досрочно.

Правовой статус ограниченного в дееспособности по причине психического расстройства имеет и еще одну особенность. В соответствии с абз. 4 п. 2 ст. 30 ГК РФ при наличии достаточных оснований суд по ходатайству попечителя либо органа опеки и попечительства может ограничить или лишить такого гражданина права са-

мостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией или иными и доходами так же, как и несовершеннолетнего, на основании п. 4 ст. 26 ГК РФ. Однако при применении п. 4 ст. 26 ГК РФ ограничивается частичная дееспособность несовершеннолетнего от 14 до 18 лет, а абз. 4 п. 2 ст. 30 ГК РФ применяется к уже ограниченной по причине психического расстройства дееспособности. Таким образом, и без того уже ограниченная дееспособность подвергается дополнительному ограничению, что, возможно, дает основания говорить о дополнительной категории граждан – с двойным ограничением дееспособности.

Основание ограничения дееспособности как несовершеннолетнего, так и ограниченно дееспособного производится судом «при наличии достаточных оснований», которые характеризуются в п. 20 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[4] как «явно неразумное распоряжение своим заработком, стипендией или иными доходами», т. е. расточительство в широком смысле слова.

И если для граждан, обладающих полным объемом дееспособности, ограничение дееспособности предусмотрено при наличии только трех вариантов расточительства: пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или злоупотребления наркотическими средствами (п. 1 ст. 30 ГК РФ), – то ограничение частичной дееспособности несовершеннолетних или ограниченной дееспособности граждан, имеющих психическое расстройство, возможно как при аналогичном, так и при любом другом варианте явно неразумного распоряжения своими доходами. Это может быть проявление обычного шопоголизма – стремления покупать всё, что приглянулось, не размышляя о нужности приобретения, либо чрезмерно дорогие приобретения не разового, а систематического характера, как, например, питание в дорогих ресторанах, приобретение исключительно дорогостоящей брендовой одежды, обуви, дорогостоящих табачных изделий (сигар), непреходящее желание улучшать свою внешность с помощью бьюти-процедур и медицинских вмешательств и т. п.

По смыслу п. 4 ст. 26 и абз. 4 п. 2 ст. 30 ГК РФ не требуется, чтобы такое неразумное расходование вредило интересам семьи, как это необходимо для ограничения полной дееспособности (п. 1 ст. 30 ГК РФ). Однако трудно представить себе, чтобы ограничение и без того неполной (частичной или ограниченной) дееспособности не имело определенной цели. Исходя из широты оснований для ограничения дееспособности можно предположить, что и цели тоже многообразны.

Если говорить о несовершеннолетних, то *расточительство может вредить прежде всего самому несовершеннолетнему*. Например, расходование своего заработка, стипендии или иных доходов на приобретение спиртных напитков, наркотиков, дорогих табачных изделий или азартные игры, конечно, наиболее опасно, так как повреждает здоровье – как физическое, так и психическое. Неумеренное расходование средств на косметику, одежду и т. п. кажется менее опасным, но показывает неумение несовершеннолетнего правильно относиться к своим потребностям, неспособность отдать приоритет обеспечению необходимых из них (питание, лекарства, оплата коммунальных услуг и т. п.), чему должны научить родители, в том числе и через ограничение дееспособности, если другие способы обучения не дали результата. Конечно, не исключается также и цель необходимости оказания материальной поддержки семье. Несмотря на то что несовершеннолетние в силу закона не обязаны содержать ни родителей, ни братьев или сестер, производимые ими чрезмерные траты на приобретение дорогостоящих вещей, в то время как семья находится в затруднительной материальной ситуации, требует от несовершеннолетнего, имеющего источник дохода, участия в общих семейных расходах (например, в виде оплаты части коммунальных услуг, части расходов на питание и т. п.). Если этого не происходит, значит, несовершеннолетний имеет недостатки в воспитании (неспособен к сочувствию ближнему, эгоистичен), и родители должны принять меры к их устранению, в том числе и с помощью применения такой чрезвычайной меры, как ограничение дееспособности.

Что касается граждан, имеющих психическое расстройство, то их расточительство может быть связано в том числе с их психическим состоянием. В этом случае такая мера поможет попечителю исключить ненужные расходы подопечно-

[4] См.: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 25.06.2026).

го и тем самым поддержать уровень его благосостояния. Если же подопечный имеет семью, в том числе детей, которых обязан содержать, то ограничение права распоряжения доходами также будет обеспечивать и интересы семьи.

Рассматривая вопрос об ограничении дееспособности, нельзя не отметить тот факт, что в ст. 26 и 30 ГК РФ говорится, собственно, не об ограничении дееспособности в виде лишения или ограничении самой возможности совершения самостоятельных действий по распоряжению своим заработком, стипендией или иным доходом, а о лишении или ограничении соответствующего права[5]. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько вообще правомерно говорить об ограничении именно дееспособности в этих случаях.

Очевидно, что человек, имеющий источники поступления денежных средств в виде зарплаты, стипендии или иного дохода, имеет как право требования их выплаты от своего контрагента (например, работодателя), так и право собственности на соответствующие денежные суммы, включающее в себя правомочия владеть, пользоваться и распоряжаться ими. Очевидно, что п. 4 ст. 26 и абз. 4 п. 2 ст. 30 ГК РФ никоим образом не направлены на ограничение самих этих правомочий.

Однако *осуществление правомочия распоряжения* заработком, стипендией или иными доходами предполагает совершение сделок. Возможность самостоятельного совершения сделок для приобретения и *осуществления* гражданских прав – это элемент дееспособности (сделкоспособность). И если закон либо вообще запрещает совершение определенных сделок, либо вводит некий порядок их совершения, очевидно, речь идет об ограничении не права, а возможности его осуществления тем или иным образом, т. е. сделкоспособности как элемента дееспособности.

Таким образом, в п. 4 ст. 26 и абз. 4 п. 2 ст. 30 ГК РФ предусматривается ограничение именно дееспособности. В связи с этим можно констатировать неточность текста п. 4 ст. 26 ГК РФ и необходимость замены фразы об *ограничении или лишении права* самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией или иными доходами на фразу об *ограничении или лишении возможности* распоряжения этими средствами.

Как видим из рассматриваемых норм ГК РФ, суд вправе как *ограничить* возможность свободного распоряжения своим заработком, стипендией или иными доходами, так и *лишить* такой возможности несовершеннолетних, а также ограниченных в дееспособности по причине психического расстройства граждан.

Лишение такой возможности означает, что граждане смогут распоряжаться этими средствами только с согласия попечителя, причем попечитель будет получать и расходовать заработок, пенсию и иные доходы гражданина, ограниченного судом в дееспособности, в его интересах (абз. 3 п. 1 ст. 30 ГК РФ), в том числе, например, выделять некоторые суммы подопечному на проезд, на питание в обеденный перерыв и т. п. Кстати, закон не упоминает возможность расходования этих денежных средств также и на общесемейные нужды, что с учетом цели ограничения дееспособности в этой категории случаев, является явным пробелом в регулировании, который нужно восполнить.

Ограничение возможности самостоятельного распоряжения этими средствами законом вообще не раскрывается и никак не разъясняется в постановлении Пленума Верховного Суда, поэтому можно лишь предполагать, что оно может означать некое разделение денежных средств на части, она из которых останется в свободном распоряжении несовершеннолетнего или ограниченного в дееспособности, а другую будет получать попечитель и расходовать в интересах подопечного и его семьи.

Не объясняется также, в каких случаях можно полностью лишить возможности свободного распоряжения, а в каких – только ограничить такую возможность. Вероятно, суду *нужно исходить из характера расточительства*. Если расточительство непосредственно вредит физическому или психическому здоровью гражданина (тратит средства на алкоголь, наркотики, азартные игры), то целесообразным представляется полное лишение возможности свободно распоряжаться своими средствами, а если расточительство не является столь опасным и показы-

[5] В п. 20 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» вообще говорится, что «вопрос об ограничении или лишении гражданина права самостоятельно распоряжаться названными доходами может быть разрешен одновременно с рассмотрением судом заявления об ограничении данного гражданина в дееспособности».

вает лишь неспособность правильно расходовать денежные средства, более разумным представляется ограничение такой возможности. К тому же ограничение, в отличие от полного лишения возможности распоряжения денежными средствами, не будет «отбивать» у такого гражданина желание работать или хорошо учиться, чтобы иметь собственный доход.

Имеются отличия по основаниям отпадения ограничения дееспособности несовершеннолетних и ограниченных в дееспособности по причине психического расстройства.

Ограничение дееспособности несовершеннолетнего на основании п. 4 ст. 26 ГК РФ (включающее все возможные варианты расточительства) автоматически отпадает при достижении им возраста 18 лет, поскольку предусмотрено только для несовершеннолетних. Если этот несовершеннолетний ограничивался в возможности свободного распоряжения заработком, стипендией или иным доходом по причине пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами, то при необходимости он может быть ограничен в дееспособности снова, но уже на основании п. 1 ст. 30 ГК РФ, применяемого к гражданам, имеющим полный объем дееспособности.

Что касается ограничения возможности свободного распоряжения заработком, стипендией или иными доходами гражданина, ограниченного в дееспособности по причине психического расстройства, то автоматически оно не отпадает. Отпадение произойдет только если такой гражданин будет восстановлен судом в полной дееспособности в связи с улучшением его психического состояния и развитием в связи с этим способности понимать значение своих действий и руководить ими без помощи других лиц. При этом появляется возможность ограничения его дееспособности по п. 1 ст. 30 ГК РФ, если в его поведении обнаружатся для этого основания.

Если же его психическое состояние, наоборот, ухудшилось, он может быть признан недееспособным в соответствии ст. 29 ГК РФ. В этом случае он потеряет возможность совершать любые сделки, а не только сделки по распоряжению своими средствами.

Что касается *деликтоспособности* гражданина, ограниченно дееспособного по причине психического расстройства, то в силу абз. 5 п. 2 ст. 30 ГК РФ он самостоятельно несет имущественную ответственность по сделкам, совершенным им в соответствии со своей сделкоспособностью. Что же касается причинения им внедоговорного вреда, то в законе указано, что в этом случае он несет ответственность в соответствии с ГК РФ, однако без конкретизации статьи, что вызывает вопросы. Таким образом, непосредственно из закона однозначно следует, что такой гражданин деликтоспособен только в отношениях, вытекающих из заключенных им сделок, а обладает ли он деликтоспособностью в отношениях, вытекающих из причинения им вреда, предстоит выяснить.

Статья 1077 ГК РФ, которая по своему названию «Ответственность за вред, причиненный гражданином, ограниченно дееспособным» кажется максимально соответствующей ситуации, не может быть прямо применена, поскольку в ней самой указано, на каких граждан она распространяется – ограниченных в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами (т.е. на основании п. 1 ст. 30 ГК РФ). Кроме того, содержание ст. 1077 ГК РФ полностью согласуется с абз. 3 п. 1 ст. 30 ГК РФ, где указано, что граждане, ограниченные в дееспособности на основании п. 1 ст. 30 ГК РФ, несут самостоятельную имущественную ответственность не только по совершенным им сделкам, но также и за причиненный ими вред.

Такое формулирование содержания ст. 1077 ГК РФ можно объяснить тем, что на момент принятия ч. 2 ГК РФ ограничение дееспособности гражданина вследствие психического расстройства не было предусмотрено законом[6].

Другой потенциально возможный вариант – ст. 1074 ГК РФ, предусматривающая ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними от 14 до 18 лет. Они самостоятельно отвечают за причинение вреда, однако законом предусмотрена также субсидиарная ответственность законного представителя на случай недостаточности у несовершеннолетнего средств для полного возмещения причиненного им вреда.

В научной литературе предлагаются и иные варианты. Например, Е. А. Останина предлагает использовать ст. 1078 ГК РФ, устанавливающую ответственность за причинение вреда гражда-

[6] Впрочем, как и такое основание, как пристрастие к азартным играм, появившееся в п. 1 ст. 30 ГК РФ позднее. Это, конечно же, не может послужить оправданием сложившемуся по этой причине несоответствию между положениями ч. 1 и 2 ГК РФ, так как прошло уже достаточно времени для его устранения законодателем.

нином, неспособным понимать значение своих действий или руководить ими[7]. Однако п. 3 этой статьи рассчитан на случай, когда гражданин, имеющий психическое расстройство, не ограничен судом в дееспособности, в связи с этим вряд ли ее можно применить к лицу, уже признанному судом ограниченно дееспособным.

Таким образом, полагаем, что при решении вопроса о деликтоспсобности такого гражданина нужно опираться на ст. 1077 и 1074 ГК РФ по аналогии, т. е. исходить из целесообразности признания за ним деликтоспособности в случае причинения внедоговорного вреда. При этом неизбежно возникает вопрос о том, должен ли попечитель этого гражданина нести субсидиарную ответственность по его деликтному обязательству.

Поскольку разъяснение Верховного Суда РФ по этому вопросу отсутствует, можно высказать предположение, что следует исходить из цели, которую преследовал законодатель, устанавливая субсидиарную ответственность законных представителей по обязательствам несовершеннолетнего и, наоборот, не устанавливая таковой по обязательствам ограниченного в дееспособности по п. 1 ст. 30 ГК РФ.

Как очевидно, субсидиарная ответственность законного представителя несовершеннолетнего необходима для обеспечения права потерпевшего на возмещение вреда в ситуации отсутствия у причинителя достаточных средств для этого. При этом субсидиарная ответственность законного представителя основана на наличии его вины, выражающейся в ненадлежащем отношении к надзору за несовершеннолетним или его воспитанию, что и привело к причинению им вреда[8].

Отсутствие субсидиарной ответственности попечителя ограниченного в дееспособности гражданина объясняется другой целью – необходимостью защиты имущественных интересов его семьи, при том что причинение таким гражданином вреда третьим лицам не является результатом виновного поведения попечителя, поскольку никто не имеет обязанности надзора и тем более воспитания взрослого человека.

Ситуация с ограниченным в дееспособности по причине психического расстройства двоякая. С одной стороны, у такого гражданина с большей долей вероятности, чем у несовершеннолетнего, есть собственные средства, достаточные для возмещения вреда: заработок, стипендия, пенсия и т. д.[9]. С другой стороны, наличие психического расстройства, которое повлекло ограничение его дееспособности и назначение попечителя, всё же свидетельствует о необходимости контроля за его действиями, который и обязан осуществлять попечитель. И если попечитель допустил причинение подопечным внедоговорного вреда, он может быть виновен в том, что недостаточно ответственно относился к своим обязанностям попечителя. Поэтому возможность возложения на него субсидиарной ответственности за причинение подопечным внедоговорного вреда выглядит вполне логично.

Если это так, то ст. 1077 ГК РФ, во-первых, нужно распространить на все категории граждан, ограниченных в дееспособности (как по п. 1, так и по п. 2 ст. 30 ГК РФ), а во-вторых, дополнить ее указанием на обязанность попечителя гражданина, ограниченного в дееспособности по причине психического расстройства, нести субсидиарную ответственность по его деликтному обязательству, которая должна прекращаться в случае получения подопечным достаточного имущества для полного возмещения вреда либо отмены судом ограничения его дееспособности и восстановления полной дееспособности.

Подводя итог, отметим следующее:

1. Правовое положение гражданина, ограниченного в дееспособности по причине психического расстройства, характеризуется существенной спецификой, обусловленной уникальным сочетанием черт ограниченной дееспособности по п. 1 ст. 30 ГК РФ, частичной дееспособности несовершеннолетних, а также недееспособности. Такого рода сочетание выглядит достаточно причудливым и не всегда поддается рациональному объяснению. В связи с этим небезосновательным видится предположение о возможности пересмотра принятой в науке классификации граждан по объему их дееспособности. Как

[7] См.: *Останина Е. А.* Ограниченная дееспособность либо недееспособность : попытка дифференцированного гражданско-правового и гражданско-процессуального анализа // Закон. 2022. № 9. С. 171–179.

[8] См.: *Дмитриева О. В.* Ответственность родителей за вред, причиненный детьми : соотношение норм семейного и гражданского права // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2025. № 3 (62). С. 129.

[9] Но это всё же вероятность, которая в конкретном случае может и не соответствовать действительности, т. е. вполне может оказаться, что у него недостаточно средств для полного возмещения причиненного вреда.

минимум, исходя из действующего законодательства имеются основания выделять категорию граждан с двойным ограничением дееспособности – по причине психического расстройства, дополненным ограничением или лишением возможности осуществления права свободно распоряжаться заработком, стипендией или иным доходом. В качестве максимума, возможно, следует вообще пересмотреть критерии классификации, исходя из градаций состояния гражданина между крайностями в виде абсолютного психического благополучия и наиболее тяжелым психическим расстройством, определяя для каждой категории адекватные правовые возможности с учетом целей их осуществления.

2. Некорректная фраза о возможности ограничения или лишения *права* свободного распоряжения заработком, стипендией или иным доходом, содержащаяся в п. 4 ст. 26 ГК РФ и абз. 4 п. 2 ст. 30 ГК РФ, должна быть заменена на фразу об ограничении или лишении *возможности* распоряжения этими средствами, поскольку закон предполагает ограничение дееспособности как категории возможности, а не субъективного права как категории действительности.

3. В п. 1 ст. 30 ГК РФ попечителю не предоставлено право расходования денежных средств ограниченного в дееспособности гражданина на общесемейные нужды, что с учетом цели ограничения дееспособности в данной категории случаев можно рассматривать в качестве пробела в регулировании, который нужно восполнить.

4. Закон не дает ответа на вопрос о наличии или отсутствии деликтоспособности гражданина, ограниченного в дееспособности по причине психического расстройства, в случае причинения им имущественного вреда. В связи с этим в абз. 5 п. 2 ст. 30 ГК РФ следует внести дополнение, указывающее на то, что такой гражданин несет самостоятельную имущественную ответственность за причинение им вреда. Соответственно, ст. 1077 ГК РФ должна быть переформулирована таким образом, чтобы ее действие распространилось на все категории ограниченно дееспособных по ст. 30 ГК РФ, включая имеющего психическое расстройство. Кроме того, целесообразно предусмотреть возможность возложения на попечителя гражданина, ограниченного в дееспособности по причине психического расстройства, субсидиарной ответственности за причинение подопечным внедоговорного вреда, дополнив этим правилом ст. 1077 ГК РФ.

Библиографический список

Богданов Е. В. Правовое положение граждан, ограниченных в дееспособности вследствие психического расстройства // Адвокат. 2013. № 6. С. 33–37.

Данилова Л. Я. Развитие российского законодательства о защите гражданских прав лиц, страдающих психическими расстройствами // Гражданский кодекс Российской Федерации : 25 лет действия : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2019. С. 124–133.

Дмитриева О. В. Ответственность родителей за вред, причиненный детьми : соотношение норм семейного и гражданского права // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2025. № 3 (62). С. 127–133.

Останина Е. А. Ограниченная дееспособность либо недееспособность : попытка дифференцированного гражданско-правового и гражданско-процессуального анализа // Закон. 2022. № 9. С. 171–179.

Останина Е. А. Гражданская правосубъектность лиц, признанных недееспособными или ограниченно дееспособными вследствие психического заболевания // Пермский юридический альманах. 2025. № 8. С. 158–168.

Тарасова Е. Н. Актуальные вопросы применения критериев недееспособности и ограничения дееспособности в гражданском праве // Ленинградский юридический журнал. Государство и право. Юридические науки. 2015. № 2 (40). С. 102–111.

Шерстобитов А. Е. О дееспособности лиц, страдающих психическими расстройствами, в связи с модернизацией правил о правовом положении граждан в ГК РФ // Вестник гражданского права. 2015. № 2. Т. 15. С. 77–85.

References

Bogdanov E. V. Legal status of citizens with limited capacity due to mental disorder // Advocate. 2013. No. 6. P. 33–37.

Danilova L. Ya. Development of russian legislation on the protection of civil rights of persons suffering from mental disorders // The Civil Code of the Russian Federation : 25 years of operation : materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. 2019. P. 124–133.

Dmitrieva O. V. Responsibility of parents for damage caused by children : correlation of family and civil law norms // Proceedings of the Voronezh State Universiteta. Series: Law. 2025. No. 3 (62). P. 127–133.

Ostanina E. A. Limited capacity or incapacity : an attempt at a differentiated civil law and civil procedural analysis // Law. 2022. No. 9. P. 171–179.

Ostanina E. A. Civil legal personality of persons recognized as incapable or limited capacity due to

mental illness // Perm Legal Almanac. 2025. No. 8. P. 158–168.

Tarasova E. N. Actual issues of application of criteria of incapacity and restriction of legal capacity in civil law // Leningrad law journal : State and law. Legal sciences. 2015. No. 2 (40). P. 102–111.

Sherstobitov A. E. On the legal capacity of individuals suffering from mental disorders in connection with the modernization of the rules on the legal status of citizens in the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of Civil Law. 2015. No. 2. Vol. 15. P. 77–85.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Дмитриева О. В., кандидат юридических наук, доцент департамента частного права, факультет права

E-mail: prok.dmitriev@yandex.ru

Поступила в редакцию: 02.07.2026

Для цитирования:

Дмитриева О. В. Проблемные вопросы гражданско-правового положения граждан, ограниченных в дееспособности по причине психического расстройства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 48–56. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/48-56

National Research University «Higher School of Economics»

Dmitrieva O. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Private Law, Faculty of Law

E-mail: prok.dmitriev@yandex.ru

Received: 02.07.2026

For citation:

Dmitrieva O. V. Problematic issues of the civil legal status of citizens who are limited in their legal capacity due to a mental disorder // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 48–56. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/48-56

УДК 347.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/57-62

УРЕГУЛИРУЕМОСТЬ ПРАВОВЫХ СПОРОВ: КРИТЕРИИ, АЛГОРИТМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Е. И. Иванов

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

THE SETTLEMENTABILITY OF LEGAL DISPUTES: CRITERION, ALGORITHM AND JURIDICAL SIGNIFICANCE

E. I. Ivanov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Аннотация: разрабатывается «урегулируемость правовых споров», позволяющая определить, может ли юридический спор быть завершен примирением. В законе урегулируемость споров закрепляется через общее дозволение, а принцип благоприятствования примирению (*favor conciliationis*) позволяет ввести презумпцию допустимости урегулирования споров. Для облегчения юридической практики предлагается алгоритм определения урегулируемости споров, включающий установление спорности права, проверку законодательного перечня запретов на примирение, а также оценку формальной (конструктивная пригодность правоотношения к примирению) и содержательной (баланс частного и публичного интересов) допустимости примирения. Юридико-практическое значение урегулируемости споров выражается в ее влиянии на инициирование и продолжение примирительной процедуры, остановку судебного процесса в связи с примирением, а также наделение юридической силой мировых соглашений.
Ключевые слова: примирительные процедуры, примирение, мировое соглашение, медиация, медиабельность, компромисс.

Abstract: the article examines «settlementability of legal disputes», which makes it possible to determine, whether a legal dispute may be settled. The settlementability of disputes is established as a general permission in legislation, and the principle of favoring settlement (favor conciliationis) allows the presumption of disputes amenability to be settled. To facilitate legal practice, the article proposes an algorithm for determining a dispute's settlementability, which nuclides checking the existence of dispute, the statutory list of prohibitions of conciliation, and assessment of formal (the structural possibility of dispute to be settled) and substantive (the balance of private and public interests) permissibility of a settlement. The settlementability practical impact concerns the initiation and continuation of the settlement procedure, the suspension of judicial process and the granting legal force to settlement agreements.
Key words: settlement procedures, conciliation, settlement agreement, mediation, mediability, compromise.

Введение

На фоне временных, экономических и организационных неудобств юрисдикционного разрешения правовых споров контрактуализация[2], принцип благоприятствования примирению (*favor conciliationis*)[3] и повсеместное развитие аль-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева в рамках реализации проекта ведущей научной школы № ВНШ/26-ВВ «Альтернативное разрешение и урегулирование споров в цифровую эпоху».

© Иванов Е. И., 2026

[2] См.: *Ярков В. В.* Юридические факты в цивилистическом процессе. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 6.

[3] См.: *Давыденко Д. Л.* Примирительные процедуры в европейской правовой традиции. М. : Инфотропик Медиа, 2013. С. 189, 190.

тернативного преодоления споров[4] актуализируют примирительные процедуры.

Несмотря на удобство примирения, не всегда ясно, какие правовые споры с точки зрения закона могут быть окончены миром. Если оставить без ответа этот вопрос, возникает риск проведения примирительной процедуры по спору, который в действительности не подлежит примирению, что влечет отказ в признании юридической силы за результатом примирения (например, отказ в экзекватуре международного медиативного соглашения[5]). В результате преимущества мирного преодоления споров нивелируются, а временные, экономические и трудовые затраты сторон на примирение дополняются расходами на юрисдикционное разрешение спора.

Чтобы ответить на вопрос, может ли правовой спор быть урегулирован, необходимо задать критерии, характеризующие возможность примирения по спору, и определить перечень таких юридических конфликтов.

I. Урегулируемость споров: название, критерии и перечень

1. ***Название.*** В юриспруденции отсутствует слово, которое обозначало бы возможность и перечень юридических конфликтов, подлежащих мирному окончанию. Эти способность и множество правовых споров можно обозначить словом «урегулируемость». Оно отсутствует в русском словарном запасе, что предотвращает омонимию и привнесение в его употребление бытовых контекстов, а его англоязычным переводом может служить слово «*settlementability*».

2. ***Критерии.*** В перечне правовых споров, которые могут быть урегулированы, выделяются такие юридические черты, которые делают их способными к мирному окончанию. Эти свойства отражаются в формальном и содержательном критериях.

Формальный критерий относится к правовой догматике и выражается в инструментальной, конструктивной возможности урегулирования правового спора. Иными словами, юридическое устройство спорного правоотношения должно позволять урегулировать конфликт (существо отношения[6]). Если определять правоотношение регуляторно (в оппозиции креаторному подходу) – как форму общественного отношения[7], – то формальный критерий нередко задается социологически: возможность урегулирования правового спора часто предопределяется устройством общественного отношения (урегулированного нормами права), из которого возник этот спор.

Например, невозможность установить персональный состав неопределенного круга лиц исключает урегулирование с ним правового спора, поскольку неясно, кто от его имени может участвовать в примирении (в частности, кто будет подписывать мировое соглашение), равно как исключает урегулирование публичных споров отсутствие у публичного органа административного усмотрения.

Содержательный критерий выражается в социальной приемлемости мирного окончания спора. Иными словами, преобладающие в обществе ценности должны допускать примирение[8]. В разное время и разных культурах социальная адекватность примирения по отдельным спорам различается, и законодатель, описывая урегулируемость, учитывает общественные представления о примирении. Основное значение в содержательном критерии имеет соотношение частного и публичного интересов, граница между которыми столь неопределенна, что актуальными становятся отказ от строгого деления права на частное и публичное и переход к гибкой градации – правоотношения с большей или меньшей долей частного или публичного интереса.

Например, социальная значимость тяжких преступлений столь велика, что урегулирование споров о них часто не влечет окончания уголовного преследования, тогда как закон широко допускает примирение по менее опасным преступлениям.

Таким образом, формальный и содержательный критерии – разные взаимодополняющие друг друга характеристики правового спора, влияющие на возможность примирения. Если

[4] См.: *Cappelletti M.* Alternative Dispute Resolution within the Framework of the World-Wide Access-to-Justice Movement // Modern Law Review. 1993. Vol. 56. P. 295.

[5] См.: Подпункт «b» п. 2 ст. 5 Конвенции ООН о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (Нью-Йорк, 2018). URL: https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/ru/mediation_convention_r_0.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

[6] См.: Часть 1 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации». URL: https://clck.ru/3UA4Mf (дата обращения: 01.06.2026).

[7] См.: *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права : учеб. для вузов. М. : Юрайт-М, 2002. С. 288, 289.

[8] О социальной приемлемости, неприемлемости урегулирования отдельных правовых споров в медиации см. подробнее: *Калашникова С. И.* Медиация в сфере гражданской юрисдикции : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 102.

формальный критерий принадлежит догматике права, то содержательный относится скорее к социологии и философии примирения.

3. ***Перечень.*** Обычно правовые конфликты могут быть окончены миром. В частности, примирение допускается по юридическим спорам в сфере гражданских, экономических, семейных и трудовых, а также административных, налоговых, конституционных и уголовных отношений.

Некоторые правовые споры всегда или в отдельных случаях не могут быть окончены миром.

К юридическим конфликтам, по которым вовсе недопустимо примирение (абсолютная неурегулируемость), относятся, в частности:

– публичные споры в сфере конституционного судопроизводства;

– публичные споры об оспаривании нормативных актов (Россия, Узбекистан)[9], решений избирательных комиссий, нотариальных действий, действий органов ЗАГС и отказа в государственной регистрации (Узбекистан)[10] в административном судопроизводстве;

– уголовные дела обо всех (Россия, Беларусь)[11] или некоторых (Казахстан)[12] тяжких преступлениях;

– дела обо всех (Россия) или отдельных (Узбекистан, Казахстан, Молдова)[13] административных правонарушениях;

– правовые споры о защите публичных (Россия)[14] и общественных интересов (Узбекистан[15]).

В число правовых споров, допускающих в некоторых случаях примирение (условная неурегулируемость), включаются в том числе:

– конфликты, затрагивающие интересы лиц, не привлеченных к участию в примирительной процедуре (Россия, Узбекистан, Казахстан)[16];

– уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести (иных аналогичных преступлениях) (Россия, Беларусь, Молдова)[17], а также некоторых тяжких преступлениях (Казахстан)[18].

II. Урегулируемость споров: юридическое значение, техника и применение

1. ***Юридическое значение неурегулируемости споров*** проявляется на разных стадиях примирительных процедур.

Начало примирения. Если при инициировании примирительной процедуры обнаруживается юридическая недопустимость урегулирования спора, то стороны и посредник (при посредничестве) должны отказаться от примирения. Когда проведение процедуры санкционируется государственным судом, он обязан отказать в на-

[9] См.: Часть 12 ст. 213 Кодекса административного судопроизводства РФ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» ; п. 1 ч. 1 ст. 27, ч. 6 ст. 126.1 Кодекса Республики Узбекистан об административном судопроизводстве. URL: https://lex.uz/ru/docs/3527365 (дата обращения: 01.06.2026).

[10] См.: Пункты 3–5 ч. 1 ст. 27, ч. 6 ст. 126.1 Кодекса Республики Узбекистан об административном судопроизводстве. URL: https://lex.uz/ru/docs/3527365 (дата обращения: 01.06.2026).

[11] См.: Статья 76 Уголовного кодекса РФ. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс» ; ст. 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1997 г. № 275-З. URL: https://clck.ru/3UA4BL (дата обращения: 01.06.2026).

[12] См.: Часть 1 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV «О медиации». URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30927376 (дата обращения: 01.06.2026) ; ч. 2 ст. 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V. URL: https://clck.ru/3UA3wS (дата обращения: 01.06.2026).

[13] См.: Статья 64 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V. URL: https://clck.ru/3UA3zs (дата обращения: 01.06.2026) ; ст. 21.2 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности от 22 сентября 1994 г. URL: https://lex.uz/ru/docs/97661 (дата обращения: 01.06.2026) ; ст. 29 Кодекса Республики Молдова о правонарушениях от 24 октября 2008 г. № 218. URL: https://clck.ru/3UA4DE (дата обращения: 01.06.2026).

[14] См.: Часть 5 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[15] См.: Часть 2 ст. 3 Закона Республики Узбекистан от 3 июля 2018 г. № ЗРУ-482 «О медиации». URL: https://lex.uz/ru/docs/3805229 (дата обращения: 01.06.2026).

[16] См.: Часть 5 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» ; ч. 1 ст. 3 Закона Республики Узбекистан от 3 июля 2018 г. № ЗРУ-482 «О медиации». URL: https://lex.uz/ru/docs/3805229 (дата обращения: 01.06.2026) ; ч. 2 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV «О медиации». URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30927376 (дата обращения: 01.06.2026).

[17] См.: Статья 76 Уголовного кодекса РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; ст. 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1997 г. № 275-З. URL: https://clck.ru/3UA4BL (дата обращения: 01.06.2026) ; ст. 109 Уголовного кодекса Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985. URL: https://clck.ru/3UA4Gv (дата обращения: 01.06.2026).

[18] Часть 2 ст. 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V. URL: https://clck.ru/3UA3wS (дата обращения: 01.06.2026).

значении примирения и в остановке судебного процесса. Исключением считается условная неурегулируемость спора, при которой примирение возможно при некоторых обстоятельствах.

Например, медиатор, выяснив на информационной встрече объективную немедиабельность спора, должен отказаться от проведения медиации; если процедура затрагивает интересы иных лиц, он должен предложить им присоединиться к переговорам.

Проведение примирения. Если в ходе проведения примирения обнаружен правовой запрет на урегулирование спора, то процедура подлежит завершению, кроме случаев условной неурегулируемости, допускающей примирение при выполнении определенных условий.

Например, установив правовую недопустимость урегулирования спора, судебный примиритель завершает переговоры; при затрагивании интересов других лиц он оканчивает примирительную процедуру, если они отказываются от участия в ней, а процедура предполагает возможное ухудшение их правового положения[19].

Окончание примирения. Мировое соглашение, заключенное по неурегулируемому спору, не имеет правовой силы, а юридический конфликт не считается урегулированным. В таком случае государство не признает правовых последствий за результатом примирения и требует юрисдикционного разрешения спора.

Например, государственный суд обязан отказать в утверждении мирового соглашения, а арбитр – отказать в утверждении мирового соглашения в качестве арбитражного решения на согласованных условиях, если оно заключено по неурегулируемому правовому спору.

Таким образом, урегулируемость (неурегулируемость) правовых споров имеет прикладное юридическое значение: влияет на начало, проведение и окончание примирительной процедуры, движение судебного процесса (арбитража) и юридическую силу правовых соглашений об урегулировании спора.

2. ***Юридическая техника.*** Пригодность правового спора к примирению в законе фиксируется с помощью общих дозволений и презумпций, относящихся к приемам[20] и средствам юридической техники[21].

Общее дозволение: примирение разрешено. Как правило, урегулируемость правовых споров в силу идейных (контрактуализация и благоприятствование примирению) и юридико-технических (экономия законодательного текста) соображений устанавливается в законе через общее дозволение: мириться разрешено, если прямо не предусмотрено иное.

Например, нередко в национальные законы о медиации включается общая формулировка о ее применении к гражданским, экономическим, семейным, трудовым (Беларусь, Узбекистан[22]) и административным (Россия[23]), а также уголовным отношениям (Казахстан[24]).

В некоторых случаях (уголовное и административное право) более практичным оказывается общий запрет с перечислением споров (категорий споров), которые могут быть урегулированы (Узбекистан, Молдова[25]), что не отменят общей ориентации правопорядка на допустимость примирения.

Презумпция урегулируемости споров: все сомнения в допустимости, недопустимости урегу-

[19] См.: Статья 26 Регламента проведения судебного примирения, утв. постановлением Пленума ВС РФ от 31 октября 2019 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] См.: *Алексеев С. С.* Собр. соч. : в 10 т. М. : Статут, 2010. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. С. 297 ; *Его же.* Теория права. М. : БЕК, 1995. С. 233.

[21] См.: *Красавчиков О. А.* Советская наука гражданского права. (Понятие, предмет, состав и система) // Ученые труды Свердлов. юрид. ин-та. Т. 6. Свердловск, 1961. С. 124–132.

[22] См.: Часть 1 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации». URL: https://clck.ru/3UA4Mf (дата обращения: 01.06.2026) ; ч. 1 ст. 3 Закона Республики Узбекистан от 3 июля 2018 г. № ЗРУ-482 «О медиации». URL: https://lex.uz/ru/docs/3805229 (дата обращения: 01.06.2026).

[23] См.: Часть 2 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[24] См.: Часть 1 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV «О медиации». URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30927376 (дата обращения: 01.06.2026).

[25] См.: Статья 66.1 Уголовного кодекса Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. URL: https://lex.uz/ru/docs/111457 (дата обращения: 01.06.2026) ; ст. 21.2 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности от 22 сентября 1994 г. URL: https://lex.uz/ru/docs/97661 (дата обращения: 01.06.2026) ; ч. 1 ст. 109 Уголовного кодекса Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985. URL: https://clck.ru/3UA4Gv (дата обращения: 01.06.2026).

лирования правового спора должны толковаться в пользу возможности его мирного окончания. Несмотря на отсутствие прямого указания в законодательстве, такая презумпция косвенно выявляется из толкования правил о примирении, а также имеет политико-правовые (благоприятствование примирению) и опытные (обычно правовые споры могут быть окончены миром) основания.

3. ***Применени**е* урегулируемости споров охватывает несколько моментов.

Толкование урегулируемости споров. Наряду с общим дозволением и презумпцией урегулируемости споров примирению способствует расширительное толкование объективной медиабельности и в целом возможности мирного окончания споров. В свою очередь, перечень неурегулируемых споров, будучи исключением, должен толковаться ограничительно.

Например, урегулирование спора без участия лиц, чьи интересы затрагиваются примирением, должно считаться недопустимым, только если их правовое положение ухудшается, в частности на них возлагаются юридические обязанности (*pacta tertiis nec nocent*). Напротив, если в результате примирения их правовое положение улучшается (например, им предоставляются права), то урегулирование спора следует считать правомерным.

Алгоритм определения урегулируемости споров включает несколько действий: установление спорности или бесспорности права (первый шаг), проверку прямо указанных в законе исключений (второй шаг), а также выяснение технической и ценностной допустимости примирения по спору (третий шаг).

Во-первых, постановка вопроса о возможности урегулирования конфликта требует наличия правового спора – неопределенности относительно возникновения, изменения или прекращения материальных прав и обязанностей (субъективный момент), влекущей помехи в осуществлении права (объективный момент)[26]. При этом применимость бесспорного порядка реализации права (приказное производство, исполнительная надпись) к юридической ситуации не означает ее бесспорности[27] и, следовательно, не исключает урегулирования сторонами разногласий.

Во-вторых, в законодательстве нередко закреплены перечни споров, которые не могут быть окончены миром. В таком случае установление урегулируемости включает механическую проверку исключений: соотнесение правового спора с законодательным перечнем споров, не подлежащих примирению.

В-третьих, если в законе нет запрета на примирение, то проверяется формальная и содержательная допустимость урегулирования спора: пригодность правоотношения к примирению с точки зрения его юридического устройства и соотношения в нем частного и публичного интересов. В отличие от строгой проверки исключений и пригодности спорного отношения к примирению, принадлежащей юридической догматике, выяснение социальной адекватности урегулирования спора лежит скорее в сфере социологии и политики права, зависит от гибкости правоприменителя и меняется со времени.

Заключение

Особое значение в альтернативном преодолении споров имеет вопрос о юридической допустимости примирения по конкретному спору. Этот вопрос разрешается с помощью урегулируемости споров – критериев и перечня юридических конфликтов, которые могут быть окончены миром. К таким критериям относятся конструктивная пригодность правоотношения к примирению и социальная приемлемость урегулирования спора.

Обычно правовые споры допускают примирение. Это выражается в общедозволительности примирения, усиливается презумпцией урегулируемости («все сомнения – в пользу мира») и расширительным толкованием перечня споров, подлежащих мирному преодолению.

Относясь к юридической догматике, урегулируемость споров имеет прикладное значение: влияет на инициирование и проведение примирительной процедуры, остановку судебного процесса, а также юридическую силу мировых соглашений. Облегчить юридическую практику призван алгоритм определения урегулируемости, включающий установление спорности или бесспорности права, проверку перечня недопустимых к урегулированию споров, а также критериев урегулируемости.

[26] См.: *Гукасян Р. Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов : Приволж. книж. изд-во, 1970. С. 183, 184.

[27] См.: *Воложанин В. П.* Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров. Свердловск : Средне-Урал. книж. изд-во, 1974. С. 11, 12.

Как национальная культура влияет на урегулируемость споров и насколько она может быть изменена по политико-правовым и социально-инженерным соображениям? Каково соотношение юридико-догматического, социолого- и философско-правового начал в урегулируемости споров? Возможна ли выработка транснациональной урегулируемости споров, универсальной для разных государств и культур? Эти и другие вопросы остаются открытыми и ждут дальнейшего изучения.

Библиографический список

Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. М. : Статут, 2010. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. 471 с.

Алексеев С. С. Теория права. М. : БЕК, 1995. 320 с.

Воложанин В. П. Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров. Свердловск : Средне-Урал. книж. изд-во, 1974. 205 с.

Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов : Приволж. книж. изд-во, 1970. 191 с.

Давыденко Д. Л. Примирительные процедуры в европейской правовой традиции. М. : Инфотропик Медиа, 2013. 232 с.

Калашникова С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 258 с.

Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права. (Понятие, предмет, состав и система) // Ученые труды Свердлов. юрид. ин-та. Т. 6. Свердловск, 1961. С. 124–132.

Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учеб. для вузов. М. : Юрайт-М, 2002. 432 с.

Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 608 с.

Cappelletti M. Alternative Dispute Resolution within the Framework of the World-Wide Access-to-Justice Movement // Modern Law Review. 1993. Vol. 56. P. 282–296.

References

Alekseyev S. S. Collected Works. In 10 volumes. Vol. 2 Special Issues of Jurisprudence. Moscow : Statut, 2010. 471 p.

Alekseyev S. S. Theory of Law. Moscow : BEK Publishing House, 1995. 320 p.

Volozhanin V. P. Non-Judicial forms of resolving civil law disputes. Sverdlovsk : Mid-Ural Book Publishing House, 1974. 205 p.

Gukasyan R. E. The problem of interest in soviet civil procedure law. Saratov : Volga Region Book Publishing House, 1970. 191 p.

Davydenko D. L. Conciliation procedures in the european legal tradition. Moscow : Infotropik Media, 2013. 232 p.

Kalashnikova S. I. Mediation in the Field of Civil Jurisdiction : cand. legal sci. dis. Yekaterinburg, 2010. 258 p.

Krasavchikov O. A. Soviet science of civil law (concept, subject, composition, and system) // Scientific works of the Sverdlovsk Law Institute. Sverdlovsk, 1961. Vol. 6. 379 p.

Cherdantsev A. F. Theory of state and law : textbook for universities. Moscow : Yurayt-M, 2002. 432 p.

Yarkov V. V. Legal facts in the civil procedure. Moscow : Infotropic Media, 2012. 608 p.

Cappelletti M. Alternative Dispute Resolution within the Framework of the World-Wide Access-to-Justice Movement // Modern Law Review. 1993. Vol. 56. P. 282–296.

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Иванов Е. И., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса

E-mail: ivevgig@gmail.com

Поступила в редакцию: 19.06.2026

Для цитирования:

Иванов Е. И. Урегулируемость правовых споров: критерии, алгоритм определения и юридическое значение // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 57–62. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/57-62

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Ivanov E. I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Civil Procedure Sub-Department

E-mail: ivevgig@gmail.com

Received: 19.06.2026

For citation:

Ivanov E. I. The settlementability of legal disputes: criterion, algorithm and juridical significance // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 57–62. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/57-62

УДК 349
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/63-77

О ДОПУСТИМОСТИ КОММОДИФИКАЦИИ ДОНОРСКИХ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

И. В. Федорова
Южный федеральный университет

ON THE ADMISSIBILITY OF THE COMMODIFICATION OF HUMAN DONOR ORGANS AND TISSUES

I. V. Fedorova
Southern Federal University

Аннотация: сохраняющаяся в мире острая нехватка пригодных для трансплантации органов привела к возобновлению дебатов об отмене запрета коммерциализации в сфере донорства органов и тканей. В статье аккумулированы различные подходы к допустимости коммодификации тела человека в контексте коммерциализации суррогатного материнства, предоставления выплат за участие в клинических испытаниях, а также использования в коммерческой деятельности результатов генетических исследований через придание им правовой формы объекта интеллектуальной собственности. С опорой на международное и отечественное законодательство, а также на существующие доктринальные воззрения автор указывает на преждевременность дискуссии о допустимости товаризации донорских органов и тканей в России. Подобное вторжение рыночных отношений в сферу донорства органов и тканей сопряжено с риском спекуляции на экономически уязвимом положении граждан и их принуждении. На основании проанализированного опыта зарубежных стран предлагается включение системы косвенных выплат, целью которых выступает возмещение понесенных донором издержек. Высказываются доводы в поддержку создания единой модели социальной поддержки донорства в Российской Федерации. Существующая практика поощрения доноров крови и (или) ее компонентов свидетельствует о целесообразности применения аналогичных мер для доноров органов и тканей.
Ключевые слова: коммодификация, трансплантация, донорство органов, черный рынок органов, суррогатное материнство, патентование генома, стимулирование донорства, косвенные выплаты.

Abstract: the continuing acute shortage of organs suitable for transplantation worldwide has led to a resumption of the debate on lifting the ban on commercialization in the field of organ and tissue donation. This article summarizes various approaches to the permissibility of commodifying the human body in the context of commercializing surrogacy, providing payments for participation in clinical trials, and using the results of genetic research in commercial activities by giving them legal form as intellectual property. Based on international and domestic legislation, as well as existing doctrinal views, the author points to the premature nature of the discussion on the admissibility of commodification of donated organs and tissues in Russia. Such an intrusion of market relations into the sphere of organ and tissue donation is fraught with the risk of speculation on the economically vulnerable position of citizens and their coercion. Based on an analysis of the experience of foreign countries, the author proposes the introduction of a system of indirect payments aimed at reimbursing donors for their expenses. Arguments are presented in support of creating a unified model of social support for donation in the Russian Federation. The existing practice of encouraging blood and/or blood component donors demonstrates the advisability of applying similar measures to organ and tissue donors.
Key words: commodification, transplantation, organ donation, black organ market, surrogacy, genome patenting, donation promotion, indirect payments.

© Федорова И. В., 2026

Действующая в Российской Федерации система донорства органов и тканей построена на принципах гуманизма, добровольности и безвозмездности. Преамбула Закона от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее – Закон о трансплантации)[1] определяет главную цель донорства – спасение жизни и восстановление здоровья граждан. Продажа органов и тканей запрещена под угрозой наступления уголовно-правовой ответственности (абз. 4 ст.1 и ст.15 Закона о трансплантации).

На международном уровне правило о недопустимости извлечения финансовой выгоды из использования человеческого тела и его частей, полученных как от живых, так и от умерших доноров, закреплено в ст. 21 Конвенции о правах человека и биомедицине от 4 апреля 1997 г.[2].

В Руководящих принципах ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов установлен запрет на получение живым донором денежной выплаты или другого вознаграждения в денежном выражении за предоставление клеток, тканей и органов (принцип 5)[3].

На необходимость соблюдения принципа финансовой нейтральности донорства органов указывает Стамбульская декларация о торговле органами и трансплантационном туризме[4].

Вместе с тем действующая альтруистическая модель донорства органов и тканей не позволяет обеспечить всех нуждающихся пациентов подходящими органами, а также сократить период их ожидания. Существующий запрет на извлечение прибыли из донорства исключает любые формы вознаграждения и не предоставляет взамен альтернативных стимулов для увеличения числа доноров. В результате чего решение пожертвовать орган лишено какой-либо мотивации со стороны государства и основывается исключительно на добровольном желании, что лишь укрепляет пассивность потенциальных доноров.

Состоятельность модели донорства, исключающей любое материальное вознаграждение, встретила обоснованную критику в доктрине.

Критикуя действующую модель альтруистического донорства, К. Г. Киктенко и А. А. Кирилина указывают на существующий «“посмертный социализм” (обобществление частных органов), когда от гражданина требуют служения обществу даже после смерти», вне зависимости от того, «служило ли это общество ему при жизни». Дозволение сделок в донорстве исключительно в рамках causa donandi ставит донора в ущемленное положение, поскольку потенциальный донор не может получить справедливое вознаграждение своему предоставлению или хотя бы компенсации понесенного вреда[5].

В исследуемом контексте прогрессивным видится мнение А. А. Серебряковой, М. М. Арзамаскина и М. С. Варюшина, предлагающих ориентир исчисления денежной суммы в рамках договора возмездного донорства в форме размера капитализации вреда здоровья[6].

Таким образом, в рамках концептуального поиска исследователи всё чаще обращаются к идее переосмысления правовой природы тела человека и допустимости предоставления финансовой компенсации донорам органов и тканей при трансплантации.

На протяжении всей истории человечества сама только идея коммерциализации частей человеческого тела вызывала у людей негативные чувства еще до выяснения реального характера и цели предполагаемой сделки. На наш взгляд, причина кроется в том, что восприятие

[1] См.: О трансплантации органов и (или) тканей человека : Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 (ред. от 01.05.2022) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 62.

[2] См.: Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины : Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS №164) : заключена в г. Овьедо 4 апреля 1997 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См.: Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов, утвержденные на Шестьдесят третьей сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения 21.05.2010 г., резолюция WHA63.22 // Сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: https://www.who.int/transplantation/Guiding_Principles Transplantation_WHA63.22ru.pdf (дата обращения: 11.05.2025).

[4] См.: Стамбульская декларация о торговле органами и трансплантационном туризме : принята 2 мая 2008 г. участниками Саммита, проведенного в Стамбуле с 30 апреля по 2 мая 2008 г. Трансплантационным обществом (TTS) и Международным обществом нефрологии (ISN) (ред. 2018 г.) // Официальный сайт ВОЗ. URL: http://www.declarationofistanbul.org/ (дата обращения: 08.08.2025).

[5] См.: *Киктенко К. Г., Кирилина А. А.* Цивилистические основания донорства // Закон. 2023. № 8.

[6] См.: *Серебрякова А. А., Арзамаскин М. М., Варюшин М. С.* Государственно-правовое регулирование использования органов и тканей человека как особых объектов гражданского права в целях трансплантации (компаративистское исследование) // Власть. 2011. № 8.

человеческого тела как экономической категории неизбежно создает ассоциативную связь с рабовладельческим строем, где человек и его тело рассматривались как инструмент достижения чужих интересов. Еще в Древнем Риме существовала классическая формула: liberum corpus nullam recipit aestimationem – *«телу свободного человека не придается денежная оценка»* (D. 9.3.7). Данный принцип проводил четкую границу между свободным гражданином, чья личность и телесная неприкосновенность принципиально неизмеримы, и рабом, который, будучи instrumentum vocale, мог выступать объектом целого ряда сделок.

Аморальность сделок с человеческим телом нашла свое художественное воплощение в знаменитой пьесе Уильяма Шекспира «Венецианский купец». Долговое обязательство между купцом и ростовщиком обеспечивалось весьма необычной формой неустойки – «фунтом плоти из любой части тела должника»[7]. Подобное условие представляет собой доведенный до абсурда пример коммодификации тела человека.

В настоящее время опасения относительно вовлечения тела человека в рыночные отношения приобрели новые формы в связи с развитием медицины и биотехнологий. Возможность извлечения и использования для утилитарных целей структурных компонентов организма, начиная от гена человека и заканчивая его органами, порождает вполне обоснованные опасения относительно проявления к ним экономического интереса, и, как следствие, рассмотрения тела человека как носителя значительного количества ценных ресурсов с присвоением им денежной стоимости. На фоне огромного глобального неравенства существует высокий риск эксплуатации наиболее уязвимых слоев населения, что делает невозможным притязания донора на «свободный выбор» и установление справедливой цены[8].

Причины подобного неприятия обществом допустимости коммерциализации тела прослеживаются также и в генезисе философских и социологических воззрений. В целом можно сказать о трансформации взглядов относительно допустимости вмешательства в целостность человеческого тела: от полного неприятия любой интервенции в тело человека в эпоху Античности и канонического права, поскольку тело человека рассматривалось как объект божественного творения[9], до формирования инструментального подхода к пониманию телесности человека[10].

Отношение к телу как к потенциальному объекту рыночных отношений неизбежно приобретает негативную коннотацию в контексте донорства органов. Современный мир, несмотря на устойчивые успехи в трансплантологии, столкнулся с «непроговариваемой» в публичном пространстве проблемой восприятия посмертной судьбы нашего тела[11]. Страх потерять жизнь или здоровье ради чужой выгоды, посягательство на физическую неприкосновенность, создание устойчивых ассоциаций в виде получения донорских органов исключительно через черные рынки – всё это формирует негативное восприятие донации, возвращая нас к античным взглядам на свое тело.

Изменение парадигмы понимания человеческого тела, установление новых типов рынков повлекли за собой формирование в науке новой концепции взаимодействия с человеческой телесностью – коммодификации, т. е. наделение свойством товара социально – значимого блага. Истоки коммодификации берут свое начало из

[7] *Шекспир У.* Венецианский купец / [пер. с англ. Т. Л. Щепкиной-Куперник]. М. : ИД Мещерякова, 2017.

[8] См.: *Marway H., et al.* Commodification of Human Tissue // Handbook of Global Bioethics. Springer : Dordrecht, 2014. P. 596.

[9] Мыслители данного периода в целом исходили из принципа холизма в понимании телесности человека, где тело выступало «темницей души». Фундаментальной основой для понимания природы человека в учении Аристотеля выступала идея «одушевленного тела», при которой душа и тело представали как два различных проявления одной и той же сущности. В канонических посланиях св. Павла содержится упоминание о явлении Телесности Бога как высшего идеала через тело человека. См.: *Лохов. С. А.* Антропологический холизм в восточно-христианской традиции // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2004. № 1. С. 144–151.

[10] Так, во Введении к «Левиафану» Томас Гоббс дает метафорические образы тела человека: «в самом деле, что такое сердце, как не пружина? Что такое нервы, как не такие же нити, а суставы – как не такие же колеса, сообщающие движение всему телу, так, как этого хотел мастер»? См.: *Гоббс Т.* Основы философии (о теле, о человеке, о гражданине). Человеческая природа. О свободе и необходимости. Левиафан : пер. с англ. М. : АСТ, 2022. С. 440.

[11] См.: *Резник О. Н., Прилуцкий А. М., Лебедев В. Ю., Михель Д. В.* Неприятие обществом проблемы посмертного донорства органов : причины и структура мортальных страхов // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2019. № 1. С. 170.

предложенной Чикагской экономической школы концептуальной схемы свободного рынка: в мире каждый предмет облечен в форму товара и подлежит обмену на рынке, даже если цена на такой товар существует неявно[12]. Именно рынок предлагает механизм, при котором индивидуальные предпочтения частных субъектов доминируют над патернализмом государства.

В понимании Е. С. Бердышевой, коммодификация блага предполагает, что оно обретает статус вещи, которой человек может управлять по своей воле[13].

Н. Кастри описывает коммодификацию как «процесс, в котором качественно различные вещи становятся эквивалентными и продаваемыми с помощью денег»[14].

Обобщая обозначенные выше дефиниции, мы можем определить коммодификацию как процесс трансформации нематериальных ценностей в объект рыночных отношений, обладающий стоимостным выражением и наделенный способностью к обмену с учетом спроса и предложения.

Основной вопрос в дискуссии о коммодификации касается того, какие социальные отношения должны подчиняться рыночным законам.

Как отмечает Т. С. Яценко, «благо способно стать предметом оборота, если его признает в качестве товара общество», следовательно, «неотчуждаемость блага становится условным свойством»[15].

Действительно, в настоящее время мы всё чаще наблюдаем трансформацию подходов к правовой квалификации благ, ранее находившихся за рамками рыночных отношений, в товары, обладающие меновой стоимостью. Этот процесс отражает сложившуюся тенденцию, при которой происходит фактическое вторжение товарных отношений в те сферы социальной жизни, которые ранее не были доступны рынку. Указанное обстоятельство ставит перед законодателем порой непосильную задачу по установлению пределов коммодификации. Наибольшее количество споров данная проблема вызывает в условиях монетизации отношений по распоряжению собственным телом.

Предоставление возмездных услуг по суррогатному материнству стали обыденными реалиями современной действительности[16]. Противники подобного вторжения рыночных отношений в решение стать родителями отмечают, что дети превращаются из субъектов любви в объекты использования[17]. В своих выводах они основываются на возможность наступления негативных последствий «в виде евгенистического изменения человеческой расы, когда на основании возмездных договоров “могут предприниматься усилия по выведению детей”, обладающих характеристиками, которые желают видеть в суррогатном ребенке потенциальные родители»[18].

Таким образом, в доктринальных воззрениях прослеживается мысль о том, что коммерциализация деторождения является явным нарушением права на репродуктивную автономию женщины-суррогатной матери[19], приводит к игнорированию важной связи матери и ребенка, а также к снижению внутренней ценности вынашивания и рождения ребенка.

Между тем реальность такова, что личные качества женщин и их репродуктивная способность становятся объектом коммодификации. Борьба с коммерциализацией рынка гестаци-

[12] См.: *Ertman M. M., Williams J. C.* Rethinking commodification : case and readings in law and culture. N. Y. : University press, 2005. P. 10.

[13] См.: *Бердышева Е. С.* От критики к аналитике : коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экономическая социология. 2021. № 1 (13). С. 69.

[14] *Castree N.* Commodifying what nature? // Progress in human geography. 2003. No. 27. P. 278.

[15] *Яценко Т. С.* Имя физического лица как предмет сделки : от критики до признания в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. № 3.

[16] См.: По данным сайта Агентства суррогатного материнства «Ева» (surmama-donor.ru), средний гонорар суррогатных матерей в Российской Федерации в зависимости от региона и иных факторов составляет в среднем от 1400 000 до 2000 000 рублей.

[17] См. подробнее: *Radin M. J.* Contested commodities : the trouble with trade in sex, children, body parts, and other things. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1996. 296 p. ; *Idem.* Market-Inalienability // Harvard law review. 1987. Vol. 100. No. 8. P. 1849–1894 ; *Radin M. J., Sunder M.* The subject and object of commodification. URL: https://ssrn.com/abstract=582641 (дата обращения: 02.09.2025).

[18] Цит. по: *Яценко Т. С.* Гражданско – правовой режим использования и охраны нематериальных благ : монография. М. : Статут, 2025. С. 20.

[19] Вместе с тем право репродуктивной автономии генетических родителей либо одинокой женщины также может быть нарушено в случае, если суррогатная мать откажется записать их (ее) в качестве родителей (родителя) ребенка в соответствии с п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ.

онных услуг может привести к необратимым последствиям. Даже при условии, что государства запретят коммерческое суррогатное материнство, оно уйдет в «серую» зону, как это уже было с прерыванием беременности в СССР. Любое вмешательство государства в подобные ультрасубъективные отношения подтолкнет к принятию женщинами неоптимальных решений в отношении самих себя, что только навредит им. Подобный запрет станет катализатором возникновения черного рынка, где суррогатные матери окажутся в еще более незащищенном положении.

В России ничего неизвестно о существовании черных рынков репродуктивного материала, поскольку его оборот допустим и коммерциализирован. Вместе с тем в ряде стран действует строгий запрет на любые формы суррогатного материнства, в том числе и альтруистического.

Согласно ст. 16-7 Гражданского кодекса Франции любое соглашение, касающееся вынашивания и рождения ребенка, является недействительным[20]. Ребенок, рожденный с применением методов суррогатного материнства за пределами Французской Республики, может быть усыновлен в течение трех лет с даты своего рождения[21].

Немецкое законодательство также придерживается принципа недопустимости оказания услуг по суррогатному материнству. Закон «О защите эмбрионов» в § 1, п. 1 (7) устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или денежный штраф в отношении лиц, осуществляющих искусственное оплодотворение или передачу эмбриона человека суррогатной матери, которая готова передать своего ребенка на постоянное жительство третьим лицам[22].

В Великобритании правовое регулирование осуществляется на основе комплекса нормативных актов, в частности Surrogacy Arrangement Act (1985)[23] и Human Fertilisation and Embriology Act (2008)[24]. Согласно § 2 Surrogacy Arrangement Act запрещено заключать договоры о суррогатном материнстве на коммерческой основе, в том числе вступать в переговоры с целью заключения договора о суррогатном материнстве. Допускается оплата только разумно понесенных суррогатной матерью расходов, которые должны быть определены сторонами[25]. В соответствии с нормами § 33 и 35 Human Fertilisation and Embriology Act матерью ребенка в силу закона признается женщина, выносившая и родившая ребенка («the woman who is carrying or has carried a child…») вне зависимости от генетической связи. Супруг (или гражданский партнер) суррогатной матери может признаваться вторым родителем в случае его согласия на помещение эмбриона. Генетические родители могут получить статус законных посредством подачи в суд заявления о выдаче так называемого «родительского постановления» (Parental Order) (§ 54), подтверждающего передачу прав и обязанностей родителей от суррогатной матери и ее супруга / гражданского партнера (при наличии) предполагаемыми родителями.

Принято считать, что продажа спермы и ооцитов сопряжена с минимальными медицинскими рисками для донора. Между тем донорство яйцеклеток предполагает длительное гормональное воздействие и проведение инвазивных процедур, которые могут быть связаны как с краткосрочными осложнениями, такими как синдром гиперстимуляции яичников[26], так и с потенциальными долгосрочными последствиями, включая бесплодие[27] и развитие онкологических заболеваний[28]. Однако подобные манипу-

[20] См.: Code civil des Français. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006419302/2025-09-15 (дата обращения 15.09.2025).

[21] См.: *Колодяжная А. И.* Новеллы в правовом регулировании суррогатного материнства в государствах Европы // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 8. С. 154.

[22] См.: Gesetz zum Schutz von Embryonen (Embryonenschutzgesetz – ESchG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/eschg/BJNR027460990.html(дата обращения: 15.09.2025).

[23] См.: Surrogacy Arrangements Act 1985. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/49 (дата обращения: 15.09.2025).

[24] Human Fertilisation and Embriology Act (2008). URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2008/22/contents (дата обращения: 15.09.2025).

[25] *Яценко Т. С.* Указ. соч. С. 20.

[26] *Tober D., Richter K., Zubizarreta D., Daneshmand S.* Egg donor self-reports of ovarian hyperstimulation syndrome : severity by trigger type, oocytes retrieved, and prior history // Journal of assisted reproduction and genetics. 2023. Vol. 40. No. 6. P. 1291–1304.

[27] *Kramer W., Schneider J., Schultz N.* US oocyte donors : a retrospective study of medical and psychosocial issues // Human Reproduction. 2009. Vol. 24. No 12. P. 3144–3149.

[28] См.: *Schneider J., Lahl J., Kramer W.* Long-term breast cancer risk following ovarian stimulation in young egg donors : a call for follow-up, research and informed

ляции не вызывают всеобщего резонанса, а значит, стремление к деторождению в глазах общества оправдывает донорские риски.

Не признается правонарушением и предоставление выплат за участие в клинических испытаниях. Хотя большинство протоколов исследований предполагают безопасные вмешательства, любые исследования, проводимые с целью развития медицины и науки, могут привести к неожиданным и порой необратимым последствиям.

Так, коммерциализация и получение права контроля над генетическими ресурсами способны привести к манипуляциям недобросовестных лиц с биологическими процессами в организме, созданию новых неизлечимых болезней, а также формировать монополии на полученную информацию с целью запрета на проведение исследования с использованием соответствующего гена[29]. Наиболее серьезные опасения высказываются в отношении гена человека как носителя уникальной наследственной информации в управлении биологическими процессами в его организме[30].

Также формируется далеко неоднозначная тенденция использования в коммерческой деятельности результатов генетических исследований через придание им правовой формы объекта интеллектуальной собственности. Как отмечается в п. 16 Директивы № 98/44/ЕС «О правовой охране биотехнологических изобретений», «…тело человека на любой стадии его формирования или развития, в том числе зародышевые клетки, а также простое открытие одного из его элементов или одного из его продуктов, включая последовательность или частичную последовательность человеческих генов, не могут быть запатентованы»[31]. Однако в Директиве особо подчеркивается, что указанный запрет устанавливается исключительно по причине того, что открытия не являются объектами патентных прав[32]. В продолжение данной мысли п. 22 указывает на необходимость соблюдения критериев патентоспособности при выдаче патента на изобретение, которое затрагивает последовательности или частичные последовательности генов. Простая последовательность ДНК без указания функции не является патентоспособным изобретением (п. 23 указанной Директивы).

---

consent // Reproductive Biomedicine Online. 2017. Vol. 34. No 5. P. 480–485.

[29] В 2001 г. компания Myriad Genetics получила патент на генетическую последовательность гена BRCA1 и анализ на мутации, которые могут существенно повысить риск развития рака груди. Лишь в 2014 г. Верховный суд США постановил, что «гены и информация, которую они кодируют, не могут быть запатентованы просто потому, что они были изолированы из окружающего генетического материала» Цит. по: *Богданова Е. Е.* Правовые проблемы и риски генетической революции : генетическая информация и дискриминация // Lex Russica. 2019. № 6. С. 24. См. также: *Новоселова Л. А.*, *Кольздорф М. А.* Генетическая информация как объект интеллектуальных прав // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2020. № 48 ; *Мохов А. А., Яворский А. Н.* Гены и иные образования на основе генов как объекты права интеллектуальной собственности // Гражданское право. 2018. № 4 ; *Пономарева Д. В.* Актуальные проблемы патентования человеческих генов в зарубежной судебной практике // Право и современные технологии в медицине : монография / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2019. С. 162 ; и др.

[30] Так, в юридической литературе отмечается, что «получение человечеством доступа к возможностям редактирования генома переводит человека в разряд "мишени технонауки": человек становится производной от своих генов, продуктом генетических технологий, позволяющих изменять болезнетворные гены, наследуемые от одного или обоих родителей, защитить человека от некоторых заболеваний, улучшить свойства человека (например, толерантность к определенной пище или среде обитания, развитие когнитивных способностей)» и др. Цит. по: *Ксенофонтова Д. С.* Правовые основы генной терапии : в поисках баланса интересов // Lex Russica. 2019. № 6. А. В. Лисаченко выражает вполне обоснованные опасения относительно возможности создания этноспецифического оружия, способного изменить поведенческие реакции целой группы населения путем воздействия на определенные участки ДНК. Блокировка ключевых участков генома позволит управлять поведением людей, в том числе посредством воздействия на человеческие страхи и воспоминания. См. подробнее: *Лисаченко А. В.* Правовой режим «больших геномных данных» : за и против свободного обращения // Рос. юрид. журнал. 2022. № 2. Г. Б. Романовский подчеркивает необходимость законодательной защиты человеческой природы от биотехнологий, способных создать химер, т. е. людей с внедренными генами животных. См.: *Романовский Г. Б.* Конституционная правосубъектность граждан в условиях геномной медицины // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2017. № 3 ; и др.

[31] Директива № 98/44/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О правовой охране биотехнологических изобретений». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[32] Данное положение полностью согласуется с российским законодательством, согласно которому открытия не являются изобретениями, полезными моделями (подп. 1 п. 5 ст. 1350 и п. 5 ст. 1351 Гражданского кодекса РФ).

Как отмечается в литературе, повсеместное патентование генов позволит проводить исследования без необходимости конкурировать с другими организациями, а также станет стимулом для развития научных разработок в коммерческой сфере и, как следствие, повысит их инвестиционную привлекательность[33].

Напротив, некоторые авторы указывают на противоречивость данной практики, поскольку подобное решение преследует исключительную цель обеспечения монопольного доступа к целым областям знаний при распределении результатов геномных научных исследований, что искажает саму суть права промышленной собственности[34].

Также допустимость патентования генома человека в качестве изобретения раскроет содержащуюся в его основе наследственную информацию, что может вступить в конфронтацию с законодательством о защите персональных данных. Обнародование последовательности генов в заявках на выдачу патента, как того требует принцип достаточности раскрытия сущности изобретения[35], сопряжено с риском деанонимизации носителя и, как следствие, с утратой контроля за обращением собственной генетической информации.

Таким образом, на одной чаше весов находятся расширение теоретических знаний в области биотехнологии и фармацевтики, разработка эффективных способов диагностики и лечения различных заболеваний, а на другой – сложные моральные коллизии в виде активного вмешательства в право на охрану частной жизни, личной и физической неприкосновенности. Между тем только подобное прагматичное использование гена человека обеспечит стимулирование (в том числе и финансовое) исследований и научных изысканий в области биотехнологий, которое традиционно обеспечивается за счет «вознаграждения» изобретателя посредством предоставления ему временной законной монополии на использование запатентованного решения[36]. Формирование правовой основы в области патентования генетической последовательности, которая устанавливала бы меры защиты граждан от несанкционированного использования и распространения их генетической информации, способствует повышению требований к охране подобных научных разработок и позволит снять все обозначенные выше проблемы.

Разрешительная политика в отношении продажи органов встречает всеобщий скептицизм и моральное сопротивление. Возникает вполне закономерный вопрос: почему же сохраняются возражения против свободного оборота человеческих органов, если данный способ является очевидным и эффективным способом решения проблемы нехватки донорского материала?

Истинные причины недоверия широких слоев населения к подобной процедуре сопряжены с функционированием нерегулируемых черных рынков органов. Указанная теневая практика является одной из основных причин торговли людьми. В зоне особого риска находятся социально уязвимые группы населения: несовершеннолетние, малоимущие, пораженные в дееспособности лица, а также все те, кто ввиду объективных жизненных обстоятельств не всегда могут оценивать ситуацию и самостоятельно защищать свои права[37]. Отсутствие объективных представлений о потенциальных рисках и последствиях изъятия органов является катализатором распространения эксплуатации данной категории лиц. В условиях социальной и экономической нестабильности получение указанными лицами финансового вознаграждения за изъятый орган может выступать не проявлением автономии воли и осознанного решения помочь ближнему, а вынужденной мерой в отсутствии иных альтернативных источников дохода. Это, в свою очередь, подрывает важнейший принцип добровольности донорства и ставит под сомнение действительность волеизъявления лица.

---

[33] См.: *Пономарева Д. В.* Указ соч. С. 161. См. также: *Ворожевич А. С.* Патентные права на результаты генетических исследований : условия предоставления, допустимые изъятия и ограничения // Вестник гражданского права. 2020. № 2.

[34] См. например: *Bergel S. D.* Patentability of human genes : the conceptual differences between the industrialised and Latin American countries // Journal of community genetics. 2015. Vol. 6. No 3. P. 321–327.

[35] Указанный принцип установлен и подробно раскрыт в п. 53 Приказа Минэкономразвития России от 21 февраля 2023 г. № 107 (ред. от 27.09.2024) «О государственной регистрации изобретений». См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 18.04.2023).

[36] См.: *Новоселова Л. А., Кольздорф М. А.* Указ. соч. С. 297.

[37] Более подробно см.: *Федорова И. В.* Концепция «уязвимости» : взгляд сквозь призму донорства несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2024. № 1.

Таким образом, неосведомленность о характере потенциальных последствий, нахождение в положении крайней экономической нужды и другие обстоятельства могут поставить под сомнение самостоятельность, и, как следствие, действительность волеизъявления донора, позволяя квалифицировать сделку как совершенную на крайне несправедливых условиях (п. 3 ст. 179 Гражданского кодекса РФ).

Рыночная модель неуместна и потому, что при придании органам товарной формы возникает вполне закономерный вопрос – как определить справедливую цену той или иной части человеческого тела? Для оценки товара в денежном эквиваленте он должен быть соизмерим и сопоставим с иными аналогичными атрибутами на рынке. Кто будет определять объективную стоимость: государство или стороны донорского процесса по обоюдному согласию? Предусматриваются ли штрафные санкции к медицинской организации за ошибочное определение размера органа либо предоставление несовместимого с организмом реципиента биологического материала?

Таким образом, все обозначенные выше обстоятельства свидетельствуют о преобладающей в обществе позиции о недопустимости введения в оборот органов и тканей, поскольку подобные взгляды бросают вызов самой природе человека. При таких обстоятельствах донор становится средством достижения цели для реципиента и имеет исключительно «инструментальную» ценность. Подобное отношение формирует ложное представление о человеческом теле как о совокупности взаимозаменяемых частей. Как верно подмечено некоторыми авторами, получение органа не избавляет живых от необходимости умирать. Оно лишь откладывает тот день, когда им придется умирать самим[38].

Есть и те, кто утверждает, что принцип автономии воли является фундаментальным в гражданском законодательстве, в связи с чем люди могут свободно жертвовать или продавать свои тела или части своих тел так, как они пожелают[39].

Последователи идеи коммодификации частей человеческого тела исходят из того, что изъятые из тела человека органы деперсонифицируются и объективируются в реальной действительности. По их мнению, крайний патернализм со стороны государства, выраженный в запрете на продажу человеческих органов, ограничивает совершеннолетних дееспособных граждан в участии в коммерческой сделке, от которой обе стороны ожидают получить выгоду. По данной логике, если существующий рынок почек запрещен из-за угрозы для «продавца», то уязвимым слоям населения не должно быть позволено заниматься в принципе никаким опасным занятием. Подобное решение лишило бы возможности выбора, который, по их мнению, может улучшить их финансовое состояние[40].

Существует целый ряд опасных видов деятельности, которые разрешены без каких-либо юридических препятствий для получения компенсации. Например, в Индонезии добывают серу в кратере действующего вулкана Иджен. Надышавшись ядовитыми испарениями, рабочие обречены на серьезные заболевания. Однако до настоящего времени подобная добыча серы не запрещена законом и является довольно популярным средством заработка[41]. Этот пример иллюстрирует одобрение принципа, согласно которому совершеннолетним лицам разрешено «обменивать» свое физическое здоровье и безопасность на финансовую компенсацию.

Данной позиции придерживаются Арсений и Георгий Шевелевы, по мнению которых, в случае если человек принимает решение, которое приведет к ухудшению его здоровья, в том числе посредством продажи частей своего тела, то в этом решении нет ничего плохого или запретного, поскольку в таком случае он считает свою автономию и достижение своих целей значительно более важными, чем собственное здоро-

[38] Об этом более подробно см.: *Tomas R.* A market price for organs? // The new bioethics. 2013. Vol. 19. No. 2. P. 121.

[39] Об этом более подробно см.: *Старовойтова О. Э.* Тело человека и закон : монография. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 54.

[40] Данная мысль нашла поддержку у Дж. Рэдклиффа-Ричардса, который в соавторстве с другими отмечает, что «…чем беднее потенциальный поставщик, тем больше вероятность того, что продажа почки оправдает любой риск. Если богатые могут заниматься опасными видами спорта ради удовольствия или выполнять опасную высокооплачиваемую работу, трудно понять, почему бедные, которые идут на меньший риск, продавая почки ради большего вознаграждения – возможно, спасения жизней родственников или избавления себя от бедности и долгов, – должны считаться … нуждающимися в спасении от самих себя». См.: *Radcliffe-Richards J et al.* The case for allowing kidney sales // The Lancet. 1998. Vol. 351. P. 1951.

[41] См.: Опасная красота : добыча серы на вулкане Иджен : РИА Новости. URL: https://ria.ru/20160504/1426376839.html (дата обращения: 16.07.2025).

вье. Совершенно нелепо цепляться за здоровье человека, пытаясь защитить его от него самого и утверждая, что человек гораздо меньше знает о своем благе, чем посторонние[42].

Как отмечает Стивен Уилкинсон, установление справедливой компенсации за донорство органов не только нейтрализует аргумент об эксплуатации, но и может привести к значительному уровню выгоды для некоторых из самых бедных людей[43]. А значит, опасения по поводу эксплуатации доноров органов должны решаться путем регулирования торговли органами с назначением государством унифицированной объективной выплаты.

Данная позиция была критически оценена Маргарет Радин, по убеждению которой, введение в гражданский оборот элементов идентичности человека только способствует усилению социального неравенства: «Неравномерное распределение богатства приводит к тому, что беднейшие слои общества, которым практически нечего предложить на рынке, с большей вероятностью превращают себя в товар»[44].

В целом, из трансплантации органов извлекают преимущества все, кроме донора. Выгода реципиента выражается в восстановлении здоровья, улучшении качества жизни и возвращении к трудовой деятельности. Прижизненный донор, напротив, подвергая риску свое здоровье и благополучие, не получает эквивалентной выгоды, кроме чувства морального удовлетворения. При финансируемом донорстве принимающий на себя наибольшие риски донор сможет получить справедливую компенсацию временной утраты трудоспособности, а также финансовое и иное поощрение его благородных мотивов.

В литературе сформулированы различные финансовые и другие ценные стимулы для донорства органов: от простых компенсационных схем[45] до полноценных регулируемых рынков[46].

Рыночные реалии в отношении тела уже существуют в международной практике. Иран является единственной страной в мире, в которой сформирован регулируемый рынок органов. Иранская модель возмездного донорства органов, которая была легализована в 1988 г., предполагает получение почек от живых неродственных доноров с выплатой им двойной компенсации, в рамках которой они получают материальное вознаграждение сразу и от государства, и от самого реципиента. Также донору гарантируются год бесплатного медицинского страхования и последующее льготное медицинское обслуживание в государственных больницах.

По нашему убеждению, на данном этапе формирование рынка человеческих органов и тканей для нашей страны может стать излишне радикальным решением. Коммодификация человеческих органов и тканей противоречит основным представлениям о человеческом достоинстве и низводит человеческую жизнь до уровня рыночного актива.

По убеждению О. Ю. Рыбакова и С. В. Тихоновой, «прямая коммерциализация рассматриваемой сферы однозначно повлечет дегуманизацию общественных отношений, унижение человеческого достоинства и вызовет к жизни новые виды преступности»[47].

Решение о допустимости коммерциализации осложнено также и неоднозначным пониманием правового режима органов и тканей после их отделения от тела человека. От решения данного вопроса зависит наличие либо отсутствие правомочия распоряжения указанными анатомическими сегментами. Так, российская судебная практика исходит из признания сделки по приобретению трупов безродных лиц и ампутированных конечностей в целях изготовления анатомических препаратов тела с дальнейшей перепродажей изготовленных препаратов по коммерческому контракту противоречащей основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ)[48].

Кроме того, «…органы человека, которые имеются у него с момента рождения, действующее законодательство к вещам не относит, сле-

[42] См.: *Shevelev A., Shevelev G.* Commercialization of separated human body parts – unpacking instrumentalization approach // Pace international law review. 2022. Vol. 35. P. 149.

[43] См.: *Wilkinson S.* Bodies for sale : ethics and exploitation in the human body trade. Routledge, 2003. P. 132.

[44] Цит. по.: *Яценко Т. С.* Указ. соч. С. 21.

[45] См.: *Ксенофонтова Д. С.* Правовое и биоэтическое изменение коммодификации человеческих, в том числе биопринтных, органов и тканей // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 9. С. 106.

[46] См.: *De Castro L. D.* Commodification and exploitation : arguments in favour of compensated organ donation // Journal of medical ethics. 2003. 29. P. 143.

[47] *Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В.* Доктрина естественного права и философия трансгуманизма : возможность коммуникации // Lex Russica. 2014. № 2.

[48] См.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 мая 2007 г. по делу № А56-29630/2006. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

довательно, они не могут входить в состав наследственной массы…»[49].

Неприятие обществом модели возмездного донорства способствовало искаженному восприятию трансплантации в целом как разновидности медицинского вмешательства. Благодаря криминальным хроникам она стала восприниматься многими как явление, тесно сопряженное с нелегальным оборотом и деятельностью черных рынков человеческих органов. В ходе проведенного в 2024 г. социологического опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) было выявлено отношение населения к донорству органов. Так, почти пятая часть опрошенных (18 %) отождествляют трансплантацию с развитием черных рынков донорства, похищением и убийством людей ради органов связывают 7 % респондентов, с мошенническими схемами и коррупцией – 5 % и 3 % участников опроса соответственно[50].

Безусловно, как справедливо отмечает А. Г. Карапетов, рыночный способ распределения ресурсов существенно превосходит принудительные формы передачи материальных благ, поскольку он формирует ситуацию взаимной выгоды, стимулирует дальнейшее сотрудничество, тем самым раскрывая огромный потенциал обоюдного удовлетворения интересов и роста благосостояния[51].

Однако, как нам представляется, формирование практики предоставления прямого денежного вознаграждения применительно к донорам органов и тканей неизбежно подорвет и без того хрупкое общественное доверие к самому институту донорства.

Но данное обстоятельство не означает полного игнорирования имущественных интересов данных лиц, которые вынуждены претерпевать различные лишения, в том числе и финансового характера. Безусловно, существующий запрет на возмездные сделки в сфере донорства свидетельствует о значительной интеграции публичных интересов в сферу частного права. В исследовании, посвященном соотношению частно-правовых и публично-правовых начал гражданско-правового регулирования, отмечается, что «…обусловленность использования и назначения публично-правовых начал в гражданском законодательстве состоит в объективной необходимости государственной организации эффективного функционирования экономического оборота, проводимой посредством организации интересов его участников, ограничения их прав, свобод и контроля за осуществляемой ими деятельностью»[52].

Безусловно, право не может развиваться в отрыве от социальной действительности, в которой оно функционирует. А значит, новые вызовы, брошенные гражданскому обороту, требуют интенсификации поиска возможных точек соприкосновения публичных и частных основ в исследуемой сфере.

Для привнесения коммутативной, т. е. корректирующей, справедливости в отношения донорства органов и тканей с учетом частной и публичной значимости рассматриваемого института мы предлагаем введение системы косвенных выплат, которые не могут быть расценены как прямое финансирование донорства органов, но которые компенсировали бы донору расходы, связанные с эксплантацией органа и последующей реабилитацией, а также возмещали утраченный заработок в указанный период.

Мировому сообществу уже известна практика введения подобных выплат. Например, Национальный центр помощи живым донорам (NLDAC) возмещает следующие затраты: транспортные расходы, утраченную заработную пла-

[49] Апелляционное определение Московского городского суда от 16 сентября 2013г. по делу № 11-27391. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». В Апелляционном определении Московского городского суда от 4 июня 2019 г. № 33-23636 содержится аналогичная позиция: «Суд правомерно не согласился с доводом истцов о том, что органы человека являются имуществом и могут быть унаследованы его родственниками, указав в решении, что действующее законодательство РФ не относит к вещам органы человека, которые имеются у него с момента рождения, соответственно, входить в состав наследственной массы они не могут; в связи с изложенным требования истцов о компенсации морального вреда, заявленные на основании нарушения наследственных прав в результате противоправных действий ответчиков, удовлетворению не подлежат». См.: URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/cassation-civil/details/0760f078-f118-4efd-b4e0-59ffe55ba59f?ysclid=li7ouzpivr626695999 (дата обращения: 22.09.2025).

[50] См.: Данные социологического опроса ВЦИОМ «Донорство органов : за или против», 13 августа 2024 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/donorstvo-organov-za-i-protiv (дата обращения: 04.08.2025)

[51] См.: *Карапетов А. Г.* Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. С. 154–155.

[52] *Хавкин В. И.* Публично-правовые начала гражданского законодательства современной России : автореф.… канд. юрид. наук. М., 2007. С. 8.

ту, а также суммы, затраченные на уход за нетрудоспособными гражданами. Максимальный размер указанных возмещений составляет 6 000 долларов США[53].

Для нашей страны представляется целесообразным введение новой нормативной модели государственных компенсаций и социальной поддержки доноров органов и тканей. Указанная система должна унифицировать применение по аналогии преференций, предоставленных донорам крови и (или) ее компонентов, к прижизненным донорам органов и тканей.

Так, в день донации, а также следующий за ним день работник должен быть освобожден от работы в соответствии ст. 186 Трудового кодекса РФ, так же, как и донор крови и (или) ее компонентов.

Кроме того, донору, не госпитализированному в стационар, должно быть гарантировано и право на бесплатное питание (ст. 22 Федерального закона от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов»[54] (далее – Федеральный закон о донорстве крови)).

Последовательным представляется применение к донорам органов и тканей нормы ч. 1 ст. 23 Федерального закона о донорстве крови в части предоставления права на ежегодный оплачиваемый отпуск в удобное для донора время в соответствии с трудовым законодательством, права на внеочередное оказание медицинской помощи в медицинских организациях государственной системы здравоохранения или муниципальной системы здравоохранения в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, а также права на первоочередное приобретение по месту работы или учебы льготных путевок на санаторно-курортное лечение.

Указанная выше норма содержит также условия для награждения нагрудным знаком «Почетный донор России». Считаем целесообразным введение аналогичного отличительного знака и для прижизненного донорства органов и тканей.

На региональном уровне могут быть предусмотрены иные формы социальной поддержки доноров крови и (или) ее компонентов. Так, правительство г. Москвы в своем постановлении от 30 декабря 2008 г. № 1282-ПП[55] в п. 8 ввело для лиц, награжденных нагрудным знаком «Почетный донор Москвы», имеющих место жительства в городе Москве и совершающих на ее территории последующую донацию, дополнительные меры социальной поддержки, а именно:

– право на бесплатный проезд на всех видах городского пассажирского транспорта (кроме такси и маршрутного такси) в г. Москве, а также на железнодорожном транспорте общего пользования в пригородном сообщении вне Малого кольца Московской железной дороги;

– бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов (кроме расходов на оплату стоимости драгоценных металлов и металлокерамики) по медицинским показаниям в медицинских организациях государственной системы здравоохранения г. Москвы;

– оплата в размере 50 % от стоимости коммунальных услуг в пределах размера стандарта нормативной площади жилого помещения, используемой для расчета субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, и нормативов потребления коммунальных услуг независимо от вида жилищного фонда;

– 50%-ная скидка на обеспечение лекарственными препаратами.

Считаем, что указанные меры являются положительным примером стимулирования социально полезного поведения и могут быть закреплены на федеральном уровне для всех категорий доноров органов и тканей человека.

При наличии случаев, установленных Минздравом России, возможна сдача крови и (или) ее компонентов за плату (п. 1 ч. 2 ст. 12 Федерального закона о донорстве крови, п. 1 Приложения к Приказу Минздрава России от 17 декабря 2012 г. № 1069н[56]).

В соответствии со ст. 24 Федерального закона о донорстве крови для лиц, награжденных нагрудным знаком «Почетный донор России»,

[53] The National Living Donor Assistance Center. URL: https://www.livingdonorassistance.org (дата обращения: 18.08.2025).

[54] О донорстве крови и ее компонентов : федер. закон от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Рос. газета. 2012. 23 июля.

[55] О Почетном доноре Москвы : постановление Правительства Москвы от 30 декабря 2008 г. № 1282-ПП // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2009. 20 янв.

[56] Об утверждении случаев, в которых возможна сдача крови и (или) ее компонентов за плату, а также размеров такой платы : приказ Минздрава России от 17 декабря 2012 г. № 1069н (ред. от 12.07.2013) : зарег. в Минюсте России 21 января 2013 г. № 26617 // Рос. газета. 2013. 25 янв.

устанавливается ежегодная денежная выплата в размере 10 557 рублей, которая подлежит индексации. На 2025 г. размер данной ежегодной выплаты составляет 18207,64 рубля.

Как справедливо отмечает М. А. Хомякова, «данная выплата не является платой за куплю крови у донора, а является социальной льготой, положенной почетному донору»[57].

Введение аналогичных мер стимулирования в отношении доноров органов и тканей не противоречит закрепленному принципу безвозмездности, поскольку предложенная выплата не представляет собой возмещение стоимости изъятого донорского материала, а выступает мерой финансовой поддержки. Ее цель – компенсировать понесенные им неудобства.

Ключевым положением должен стать исключительно государственный характер подобной финансовой поддержки. Данное решение исключает формирование товарно-денежных отношений между донором и реципиентом и не создает предпосылок для коммодификации и формирования «черного рынка» донорских органов и тканей.

Вместе с тем считаем обоснованным ограничить применение подобной меры социальной поддержки сферой прижизненного донорства. Причина заключается в том, что фактическая природа прижизненного донорства кардинально отличается от донорства посмертного. Изъятие органа или ткани при постановке диагноза «смерть мозга» не влечет для донора каких-либо негативных последствий, тогда как прижизненный донор добровольно подвергает себя в большинстве случаев сложному хирургическому вмешательству, неизбежно связанному с рисками осложнений и необходимостью нести расходы на лечение и восстановление. Когда выплата направлена непосредственно человеку, который понес физические и экономические издержки, ее компенсационная природа очевидна. Предоставление выплат близким родственникам посмертного донора смещает акцент с компенсации на вознаграждение «за продажу» органов умершего. Все эти различия и оправдывают применение различных подходов к возможности государственной компенсации.

Современный этап развития общества характеризуется неуклонным расширением сферы товарно-денежных отношений. Динамика гражданского оборота демонстрирует тенденцию к вовлечению всё новых благ, ранее находившихся за его пределами. Однако, несмотря на коммерциализацию репродуктивных услуг суррогатных матерей, генетического материала, считаем, что обсуждение вопроса о допустимости коммодификации органов и тканей человека является преждевременным. Вторжение товарных отношений в сферу донорства органов и тканей сопряжено с риском спекуляции на экономически уязвимом положении граждан и их принуждении. Приоритет предоставления донорских органов должен основываться исключительно на медицинских критериях, но никак не на платежеспособности реципиента. Нам видится обоснованным введение системы косвенных выплат донорам, возмещающих все понесенные ими издержки, а также создание единой модели социальной поддержки доноров органов и тканей, аналогичной мерам, применимым к донорам крови и (или) ее компонентов. Подобный подход способствует формированию системного подхода к стимулированию донорства в Российской Федерации.

[57] *Хомякова М. А.* Уголовно-правовой аспект донорства крови в России // Медицинское право. 2022. № 4.

Библиографический список

Бердышева Е. С. От критики к аналитике : коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экономическая социология. 2021. № 1 (13). С. 67–85.

Богданова Е. Е. Правовые проблемы и риски генетической революции : генетическая информация и дискриминация // Lex Russica. 2019. № 6. С. 18–29.

Ворожевич А. С. Патентные права на результаты генетических исследований : условия предоставления, допустимые изъятия и ограничения // Вестник гражданского права. 2020. № 2.

Гоббс Т. Основы философии (о теле, о человеке, о гражданине). Человеческая природа. О свободе и необходимости. Левиафан : пер. с англ. М. : АСТ, 2022. 944 с.

Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. 528 с.

Киктенко К. Г., Кирилина А .А. Цивилистические основания донорства // Закон. 2023. № 8.

Колодяжная А. И. Новеллы в правовом регулировании суррогатного материнства в государствах Европы // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 8. С. 150–156.

Ксенофонтова Д. С. Правовое и биоэтическое изменение коммодификации человеческих, в том

числе биопринтных, органов и тканей // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 9. С.100–107.

Ксенофонтова Д. С. Правовые основы генной терапии : в поисках баланса интересов // Lex Russica. 2019. № 6.

Лисаченко А. В. Правовой режим «больших геномных данных» : за и против свободного обращения // Рос. юрид. журнал. 2022. № 2.

Лохов. С. А. Антропологический холизм в восточно-христианской традиции // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2004. № 1. С. 144–156.

Мохов А. А., Яворский А. Н. Гены и иные образования на основе генов как объекты права интеллектуальной собственности // Гражданское право. 2018. № 4.

Новоселова Л. А., *Кольздорф М. А.* Генетическая информация как объект интеллектуальных прав // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2020. № 48. С. 290–321.

Пономарева Д. В. Актуальные проблемы патентования человеческих генов в зарубежной судебной практике // Право и современные технологии в медицине : монография / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2019. Р. 160–164.

Резник О. Н., Прилуцкий А. М., Лебедев В. Ю., Михель Д. В. Неприятие обществом проблемы посмертного донорства органов : причины и структура мортальных страхов // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2019. № 1. С. 169–179.

Романовский Г. Б. Конституционная правосубъектность граждан в условиях геномной медицины // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2017. № 3.

Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Доктрина естественного права и философия трансгуманизма : возможность коммуникации // Lex Russica. 2014. № 2.

Серебрякова А. А., Арзамаскин М. М., Варюшин М. С. Государственно-правовое регулирование использования органов и тканей человека как особых объектов гражданского права в целях трансплантации (компаративистское исследование) // Власть. 2011. № 8.

Старовойтова О. Э. Тело человека и закон : монография. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. 120 с.

Федорова И. В. Концепция «уязвимости» : взгляд сквозь призму донорства несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2024. № 1.

Хавкин В. И. Публично-правовые начала гражданского законодательства современной России : автореф. … канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.

Хомякова М. А. Уголовно-правовой аспект донорства крови в России // Медицинское право. 2022. № 4.

Шекспир У. Венецианский купец / [пер. с англ. Т. Л. Щепкиной-Куперник]. М. : ИД Мещерякова, 2017.

Яценко Т. С. Гражданско – правовой режим использования и охраны нематериальных благ : монография. М. : Статут, 2025. 178 с.

Яценко Т. С. Имя физического лица как предмет сделки : от критики до признания в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. № 3.

Bergel S. D. Patentability of human genes : the conceptual differences between the industrialised and Latin American countries // Journal of community genetics. 2015. Vol. 6. No 3. P. 321–327.

Castree N. Commodifying what nature? // Progress in human geography. 2003. No. 27. P. 273–297.

De Castro L. D. Commodification and exploitation : arguments in favour of compensated organ donation // Journal of medical ethics. 2003. 29. P. 142–146.

Ertman M. M., Williams J. C. Rethinking commodification : case and readings in law and culture. N. Y. : University press, 2005. 450 p.

Kramer W., Schneider J., Schultz N. US oocyte donors : a retrospective study of medical and psychosocial issues // Human Reproduction. 2009. Vol. 24. No 12. P. 3144–3149.

Marway H., et al. Commodification of Human Tissue // Handbook of Global Bioethics. Springer : Dordrecht, 2014. P. 581–598.

Radcliffe-Richards J et al. The case for allowing kidney sales // The Lancet. 1998. Vol. 351.

Radin M. J. Contested commodities : the trouble with trade in sex, children, body parts, and other things. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1996. 296 p.

Radin M. J. Market-Inalienability // Harvard law review. 1987. Vol. 100. No. 8. P. 1849–1894.

Radin M. J., Sunder M. The subject and object of commodification. URL: https://ssrn.com/abstract=582641

Schneider J., Lahl J., Kramer W. Long-term breast cancer risk following ovarian stimulation in young egg donors : a call for follow-up, research and informed consent // Reproductive Biomedicine Online. 2017. Vol. 34. No 5. P. 480–485.

Shevelev A., Shevelev G. Commercialization of separated human body parts – unpacking instrumentalization approach // Pace international law review. 2022. Vol. 35. P. 119–157.

Tober D., Richter K., Zubizarreta D., Daneshmand S. Egg donor self-reports of ovarian hyperstimulation syndrome : severity by trigger type, oocytes retrieved, and prior history // Journal of assisted reproduction and genetics. 2023. Vol. 40. No. 6. P. 1291–1304.

Tomas R. A market price for organs? // The new bioethics. 2013. Vol. 19. No. 2. P. 111–129.

Wilkinson S. Bodies for sale : ethics and exploitation in the human body trade. Routledge, 2003. 248 p.

Reference

Berdysheva E. S. From criticism toward analytics : commodification of vital goods as an actual research problem in the new economic sociology // Economic sociology. 2021. No. 1 (13). P. 67–85.

Bogdanova E. E. Legal problems and risks of genetic revolution : genetic information and discrimination // Lex Russica. 2019. No. 6. P. 18–29.

Vorozhevich A. S. Patent rights to the results of genetic research : terms and conditions of acceptance // Bulletin of civil law. 2020. No. 2.

Hobbes T. Fundamentals of philosophy (about the body, about man, about the citizen). Human nature. About freedom and necessity. Leviathan : translated from English. Moscow : Ed. AST, 2022. 944 p.

Karapetov A. G. Economic analysis of law. Moscow : Statute, 2016. 528p.

Kiktenko K. G., Kirilina A. A. Civil grounds for donation // Zakon. 2023. No. 8.

Kolodyazhnaya A. I. Novelties in the legal regulation of surrogacy in European countries // Actual problems of Russian law. 2022. Vol. 17. No. 8. P. 150–156.

Ksenofontova D. S. Legal and bioethical changes in the commodification of human, including bioprinted, organs and tissues // Lex Russica. 2020. Vol. 73. No. 9. P. 100–107.

Ksenofontova D. S. The legal foundations of gene therapy : in search of a balance of interests // Lex Russica. 2019. No. 6.

Lisachenko A. V. The legal regime of «big genomic data» : pros and cons of free circulation // Russian law journal. 2022. No. 2.

Lokhov S. A. Anthropological holism in the Eastern Christian tradition // Bulletin of the RUDN University. Series: Philosophy. 2004. No. 1. P. 144–156.

Mokhov A. A., Yavorsky A. N. Genes and other gene-based formations as objects of intellectual property law. 2018. No. 4.

Novoselova L. A., Kohlzdorff M. A. Genetic information as an object of intellectual property rights // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2020. No. 48. P. 290–321.

Ponomareva D. V. Actual problems of patenting human genes in foreign judicial practice // Law and modern technologies in medicine : a monograph / ed. by A. A. Mokhov, O. V. Sushkova. Moscow : Prospekt, 2019. P. 160–164.

Reznik O. N., Prilutskiy A. M., Lebedev V. Yu., Mikhel D. V. Public rejection of the problem of post-mortem organ donation : causes and structure of mortal fears // Bulletin of Transplantology and Artificial Organs. 2019. No. 1. P. 169–179.

Romanovsky G. B. Constitutional legal personality of citizens in the context of genomic medicine // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2017. No 3.

Rybakov O. Yu., Tikhonova S. V. The doctrine of natural law and the philosophy of transhumanism : the possibility of communication // Lex Russica. 2014. No 2.

Serebryakova A. A., Arzamaskin M. M., Varyushin M. S. State-legal regulation of the use of human organs and tissues as special objects of civil law for transplantation purposes (comparative research) // Vlast. 2011. No 8.

Starovoitova O. E. The human body and the law : a monograph. St. Petersburg : LSU named after A. S. Pushkin, 2019. 120 p.

Fedorova I. Vl. The concept of «vulnerability» : a view through the prism of the problem of minor's donation // Issues of juvenile justice. 2024. No 1.

Khavkin V. I. Public law principles of civil legislation of modern Russia : cand. of legal sci. dis. abstr. Moscow, 2007. 24 p.

Khomyakova M. A. Criminal and legal aspect of blood donation in Russia // Medical law. 2022. No 4.

Shakespeare W. The Merchant of Venice; [translated by T. L. Shchepkina-Kupernik]. Moscow : Meshcheryakova Publishing House, 2017.

Yatsenko T. S. The civil law regime for the use and protection of intangible assets: a monograph. Moscow : Statute, 2025. 178 p.

Yatsenko T. S. The name of an individual as the subject of a transaction : from criticism to recognition in civil law // Bulletin of Civil Law. 2022. No 3.

Bergel S. D. Patentability of human genes : the conceptual differences between the industrialised and Latin American countries // Journal of community genetics. 2015. Vol. 6. No 3. P. 321–327.

Castree N. Commodifying what nature? // Progress in human geography. 2003. No. 27. P. 273–297.

De Castro L. D. Commodification and exploitation : arguments in favour of compensated organ donation // Journal of medical ethics. 2003. 29. P. 142–146.

Ertman M. M., Williams J. C. Rethinking commodification : case and readings in law and culture. N. Y. : University press, 2005. 450 p.

Kramer W., Schneider J., Schultz N. US oocyte donors : a retrospective study of medical and psychosocial issues // Human Reproduction. 2009. Vol. 24. No 12. P. 3144–3149.

Marway H., et al. Commodification of Human Tissue // Handbook of Global Bioethics. Springer : Dordrecht, 2014. P. 581–598.

Radcliffe-Richards J et al. The case for allowing kidney sales // The Lancet. 1998. Vol. 351.

Radin M. J. Contested commodities : the trouble with trade in sex, children, body parts, and other things. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1996. 296 p.

Radin M. J. Market-Inalienability // Harvard law review. 1987. Vol. 100. No. 8. P. 1849–1894.

Radin M. J., Sunder M. The subject and object of commodification. URL: https://ssrn.com/abstract=582641

Schneider J., Lahl J., Kramer W. Long-term breast cancer risk following ovarian stimulation in young egg donors : a call for follow-up, research and informed consent // Reproductive Biomedicine Online. 2017. Vol. 34. No 5. P. 480–485.

Shevelev A., Shevelev G. Commercialization of separated human body parts – unpacking instrumentalization approach // Pace international law review. 2022. Vol. 35. P. 119–157.

Tober D., Richter K., Zubizarreta D., Daneshmand S. Egg donor self-reports of ovarian hyperstimulation syndrome : severity by trigger type, oocytes retrieved, and prior history // Journal of assisted reproduction and genetics. 2023. Vol. 40. No. 6. P. 1291–1304.

Tomas R. A market price for organs? // The new bioethics. 2013. Vol. 19. No. 2. P. 111–129.

Wilkinson S. Bodies for sale : ethics and exploitation in the human body trade. Routledge, 2003. 248 p.

Южный федеральный университет

Федорова И. В., старший преподаватель кафедры гражданского права

E-mail: shipetina@sfedu.ru

Поступила в редакцию: 10.06.2026

Для цитирования:

Федорова И. В. О допустимости коммодификации донорских органов и тканей человека // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 63–77. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/63-77

Southern Federal University

Fedorova I. V., Senior Lecturer at the Department of Civil Law

E-mail: shipetina@sfedu.ru

Received: 10.06.2026

For citation:

Fedorova I. V. On the admissibility of the commodification of human donor organs and tissues // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 63–77. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/63-77

УДК 347
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/78-84

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ЦИФРОВОЙ ОБЪЕКТ», «ЦИФРОВОЕ ИМУЩЕСТВО», «ЦИФРОВОЙ АКТИВ» И «ЦИФРОВОЕ ПРАВО» В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Е. В. Кондратенко
Южный федеральный университет

THE CORRELATION BETWEEN THE CATEGORIES OF «DIGITAL OBJECT», «DIGITAL PROPERTY», «DIGITAL ASSET», AND «DIGITAL RIGHT» IN CIVIL LAW

E. V. Kondratenko
Southern Federal University

Аннотация: статья посвящена исследованию соотношения категорий «цифровой объект», «цифровое имущество», «цифровой актив» и «цифровое право» в гражданском праве. Актуальность темы обусловлена развитием цифрового имущественного оборота и отсутствием единого понятийного аппарата, позволяющего последовательно квалифицировать новые цифровые феномены. Цель исследования состоит в определении содержания указанных категорий, выявлении их места в системе объектов гражданских прав и построении непротиворечивой модели их соотношения. Обосновывается, что цифровые права в легальном смысле представляют собой не самостоятельный объектный феномен, а юридическую форму фиксации и обращения имущественных прав в цифровой среде. Показано, что «цифровой объект» является наиболее широкой категорией, тогда как «цифровое имущество» охватывает лишь те цифровые объекты, которые обладают имущественной ценностью, обособленностью и оборотоспособностью. Доказывается, что «цифровой актив» выступает не самостоятельной родовой категорией, а функциональной экономико-правовой характеристикой цифрового имущества. Научная новизна исследования заключается в разграничении объектного и правового контуров анализа, уточнении критерия перехода цифрового объекта в цифровое имущество и обосновании функционального понимания цифрового актива.
Ключевые слова: цифровой объект, цифровое имущество, цифровой актив, цифровое право, цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, объекты гражданских прав, иное имущество, гражданское право.

Abstract: the article examines the correlation between the categories of «digital object», «digital property», «digital asset», and «digital right» in civil law. The relevance of the topic is determined by the development of digital property turnover and the absence of a unified conceptual framework for the legal qualification of new digital phenomena. The purpose of the study is to define the content of these categories, determine their place in the system of civil law objects, and develop a consistent model of their interrelation. It is substantiated that digital rights in their legal meaning do not constitute an independent object phenomenon but rather represent a legal form for the recording and circulation of property rights in the digital environment. It is shown that the category of «digital object» is the broadest one, whereas «digital property» covers only those digital objects that possess economic value, separability, and transferability. It is argued that a «digital asset» should not be treated as an independent generic category, but as a functional economic and legal characteristic of digital property. The scientific novelty of the study lies in distinguishing the object-related and legal dimensions of analysis, clarifying the criterion by which a digital object becomes digital property, and substantiating the functional understanding of a digital asset.

© Кондратенко Е. В., 2026

Key words: digital object, digital property, digital asset, digital right, digital rights, digital financial assets, digital currency, objects of civil rights, other property, civil law.

Цифровизация имущественного оборота поставила перед гражданским правом проблему квалификации новых нематериальных феноменов, существующих и обращающихся в информационных системах. В современном обороте участвуют криптовалюты, токены, цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, NFT-объекты, виртуальные игровые предметы и иные цифровые сущности, обладающие экономической ценностью. Вместе с тем законодательное признание отдельных из них не привело к формированию единого понятийного аппарата. В российской цивилистике параллельно используются категории «цифровой объект», «цифровое имущество», «цифровой актив» и «цифровое право», однако их объем, соотношение и место в системе объектов гражданских прав остаются дискуссионными. Научная проблема состоит в том, что в доктрине и правоприменении нередко смешиваются объектный и правовой уровни анализа: объект цифрового оборота подменяется правом на него, а экономическая характеристика – гражданско-правовой квалификацией[1].

Нормативной отправной точкой исследования выступают ст. 128 и 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Включив цифровые права в систему объектов гражданских прав, законодатель не создал особый род «цифрового имущества», а закрепил специальную форму существования обязательственных и иных прав, содержание и порядок осуществления которых определяются правилами информационной системы. Из конструкции ст. 141.1 ГК РФ следует, что обладатель цифрового права определяется по правилам соответствующей системы, а распоряжение таким правом возможно в пределах ее технологической архитектуры. Следовательно, цифровые права в легальном смысле представляют собой не самостоятельный объектный феномен, а юридическую форму фиксации и обращения уже известных имущественных прав в цифровой среде[2].

Именно поэтому в доктрине обоснованно подчеркивается, что «цифровой» характер таких прав связан прежде всего со способом их существования и передачи, а не с возникновением принципиально нового вида субъективных прав[3]. Вместе с тем легальная модель цифровых прав построена чрезмерно узко. Требование прямо назвать в законе соответствующее право в качестве цифрового ограничивает сферу применения ст. 141.1 ГК РФ и делает нормативную конструкцию зависимой от точечных законодательных решений. Это затрудняет квалификацию новых цифровых инструментов, которые уже участвуют в имущественном обороте, но еще не получили прямого легального наименования.

Системная особенность действующей модели состоит в том, что ст. 128 ГК РФ относит цифровые права к имущественным правам в составе «иного имущества»[4]. Тем самым законодатель сохраняет традиционную для гражданского права логику: цифровое право – это не вещь и не особый третий тип объекта наряду с вещами и правами, а цифровая форма существования субъективного права[5]. Такой подход позволяет встроить цифровые права в уже сложившуюся систему гражданско-правовых категорий, однако не снимает вопрос о том, как квалифицировать те цифровые явления, которые не исчерпываются легальной конструкцией ст. 141.1 ГК РФ. Отсюда и возникает потребность в более широком доктринальном аппарате.

---

[1] См.: *Семенова Е. Г.* Цифровые объекты как объекты гражданских прав : концепция, методология, правовой режим // Юридическое образование и наука. 2023. № 12. С. 16.

[2] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] См.: *Гаврилов В. Н.* Цифровые права как объекты гражданских прав // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 4. С. 57.

[4] См.: *Суханов Е. А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21, № 6. С. 11.

[5] См.: *Василевская Л. Ю.* Токен как новый объект гражданских прав : проблемы правовой квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 113.

Специальное регулирование в этой сфере было развито Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...», а также Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ об инвестиционных платформах. Эти акты закрепили нормативные конструкции цифровых финансовых активов, утилитарных цифровых прав и цифровой валюты. При этом ЦФА не сводятся к простому «праву требования к эмитенту». В законодательной модели они охватывают денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и права требовать передачи эмиссионных ценных бумаг[6]. Следовательно, ЦФА представляют собой специальную нормативную форму цифровой репрезентации разнородных имущественных прав, объединенных общим способом фиксации и обращения в информационной системе[7].

Особого разграничения требует соотношение цифровой валюты и цифрового рубля. Несмотря на внешнюю близость этих явлений, их правовая природа неодинакова. Цифровая валюта в действующем российском регулировании мыслится как особый цифровой объект, не предполагающий наличия обязанного перед каждым обладателем лица и потому не укладывающийся в конструкцию классического обязательственного права. Цифровой рубль, напротив, встроен в систему официального денежного обращения и должен анализироваться не как частный суррогат цифровой стоимости, а как специальная форма публично организованных безналичных денежных средств. Именно поэтому отождествление цифровой валюты и цифрового рубля методологически неверно: они совпадают лишь по цифровой форме существования, но не по своему юридическому режиму[8].

В отличие от цифровых прав и ЦФА термин «цифровой объект» в законодательстве отсутствует и принадлежит исключительно доктрине. Его используют для обозначения индивидуализированных цифровых сущностей, существующих в информационной системе и потенциально способных участвовать в гражданском обороте. К ним относят криптовалюты, токены, виртуальные игровые предметы, NFT, цифровой контент и иные результаты цифровой деятельности. Методологическая ценность этой категории состоит в том, что она позволяет описать объектную сторону цифрового оборота до и независимо от того, получил ли соответствующий феномен специальное законодательное оформление.

При этом далеко не всякая информация, существующая в цифровой среде, способна приобрести значение объекта гражданских прав. Сам по себе факт выражения сведений в электронной форме еще не превращает их в самостоятельное оборотоспособное благо. Для такой трансформации требуется иное: возможность обособления соответствующего цифрового содержания от общего информационного массива, его индивидуализация и допущение юридического контроля со стороны определенного лица. Иначе говоря, цифровой объект начинается там, где цифровые данные перестают быть лишь нейтральной информацией и приобретают свойства самостоятельного блага, способного участвовать в обороте[9].

К числу ключевых признаков цифрового объекта относятся: виртуальность, цифровая форма существования, обособленность в информационной системе, экономическая ценность и способность к участию в обороте. Виртуальность означает отсутствие материального субстрата; цифровая форма – существование в виде данных и возможность изменения через операции в информационной системе; обособленность – индивидуализацию посредством идентификатора, адреса, токена или иной технологической привязки; экономическая ценность – способ-

[6] См.: *Акинфиева В. В.* Цифровые финансовые активы как новый вид цифровых прав // Ex jure. 2021. № 1. С. 53–54.

[7] См.: О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31, ч. I. Ст. 5018 ; О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.

[8] См.: *Ефимова Л. Г.* О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 15.

[9] См.: *Мефодьева К. А.* Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 23.

ность быть объектом обмена, отчуждения или предоставления доступа на возмездной основе. Именно сочетание этих признаков позволяет рассматривать цифровой объект как самостоятельную доктринальную категорию.

Показательно, что российская практика уже использовала экономический критерий для признания криптовалюты имуществом в делах о банкротстве. Включение криптовалюты в конкурсную массу обосновывалось тем, что она представляет ценность для кредиторов, а следовательно, подлежит учету как имущество должника. Такая аргументация важна не только в практическом, но и теоретическом отношении: она демонстрирует готовность правоприменения квалифицировать цифровые объекты через их имущественную функцию даже в условиях неполноты специального регулирования[10].

Более узкой по сравнению с «цифровым объектом» является категория «цифровое имущество»[11]. Ее значение состоит в том, что она позволяет выделить из всей совокупности цифровых объектов только те из них, которые реально включены или могут быть включены в имущественный оборот. Иными словами, цифровое имущество – это не любой цифровой объект, а такой цифровой объект, который обладает доказуемой экономической ценностью, допускает обособление и способен выступать объектом охраняемого законом имущественного интереса. Именно на этом уровне цифровые феномены начинают входить в систему объектов гражданских прав.

Представляется обоснованным определять цифровое имущество как объективированное в информационной системе благо, выраженное в цифровой форме, индивидуализированное технологическими средствами и способное участвовать в имущественном обороте[12]. В таком понимании цифровое имущество относится к объектному уровню анализа – это то, на что направлены права участников оборота. Оно не тождественно цифровым правам, поскольку последние относятся уже к правовому уровню и выражают юридическую форму закрепления, использования и передачи соответствующего блага.

Существенная часть доктрины исходит из того, что цифровое имущество следует относить к категории «иного имущества» в смысле ст. 128 ГК РФ, отличая его как от вещей, так и от имущественных прав[13]. Такой вывод выглядит убедительным. Цифровое имущество не имеет материального субстрата, следовательно, не может квалифицироваться как вещь в классическом смысле. В то же время оно не сводится и к самому субъективному праву: имущественные права выступают способом юридического опосредования принадлежности цифрового имущества, а не самим этим имуществом. Отнесение цифрового имущества к «иному имуществу» позволяет встроить его в систему гражданского права без искусственного разрушения базовых категорий.

Конституирующими признаками цифрового имущества являются виртуальность, цифровая форма, обособленность, оборотоспособность и имущественная ценность[14]. В отличие от цифрового объекта как максимально широкой категории цифровое имущество предполагает именно включенность в имущественный оборот. Этим объясняется и его внутренняя неоднородность. В состав цифрового имущества могут входить ЦФА, утилитарные цифровые права, цифровая валюта, NFT, виртуальные игровые предметы и иные оборотоспособные цифровые объекты. Объединяет их не единая правовая природа, а принадлежность к сфере имущественного присвоения и обмена в цифровой среде.

ЦФА на этом фоне выступают не всеобщей моделью цифрового имущества, а лишь его частным нормативно оформленным видом. На объектном уровне ЦФА предстают как цифровой объект оборота, а на уровне юридического содержания удостоверяют определенный комплекс правомочий их обладателя. Именно эта двуслойность – объектная и правоудостоверяющая – отличает ЦФА от более простых цифровых феноменов и объясняет доктринальные споры о том, являются ли они самостоятельным объектом гражданских прав или новой формой уже известных имущественных конструкций. Однако даже при признании преемственности по отношению к классическим ценным бумагам и обязательственным правам нельзя игнорирo-

[10] См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017.

[11] См.: *Галкин Н. А.* Понятие и признаки цифрового имущества как объекта гражданских прав // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. 2024. № 4 (56). С. 110.

[12] См.: *Галкин Н. А.* Указ. соч. С. 112.

[13] См.: *Савельев А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом : правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. С. 394.

[14] См.: *Галкин Н. А.* Указ. соч. С. 112.

вать то, что цифровая форма изменила сам режим их существования и обращения[15].

При этом не всякое цифровое имущество подпадает под режим ЦФА. NFT, виртуальные предметы, токены, обращающиеся вне рамок российского специального регулирования, а также многие иные цифровые объекты не укладываются в закрытый перечень ст. 1 Федерального закона № 259-ФЗ[16]. Отсюда следует важный вывод: отказ квалифицировать объект как ЦФА еще не означает его правовой нейтрализации. Для таких случаев именно категория цифрового имущества оказывается наиболее продуктивной, поскольку позволяет избежать ложной альтернативы между признанием объекта ЦФА и полным отрицанием его гражданско-правовой значимости[17].

Самостоятельное значение имеет категория «цифровой актив». В российском законодательстве нормативно закреплена лишь частная конструкция «цифрового финансового актива», тогда как термин «цифровой актив» в широком смысле сформировался прежде всего в экономической, финансовой и технической литературе. В этом значении цифровой актив акцентирует стоимостный, инвестиционный или хозяйственно-функциональный аспект цифрового имущества, поэтому отождествление цифрового актива и цифрового имущества методологически неточно. Цифровое имущество – гражданско-правовая категория, описывающая место соответствующего блага в системе объектов права. Цифровой актив – экономико-правовая характеристика такого имущества, подчеркивающая его стоимость и роль в обороте.

Именно здесь возникает необходимость отказаться от линейной схемы, в которой «цифровой объект», «цифровое имущество», «цифровой актив» и «цифровое право» помещаются в один ряд, как одноуровневые понятия. Такая схема неизбежно приводит к смешению объекта и права на объект. Более продуктивным представляется различение двух аналитических контуров – объектного и правового.

В объектном контуре «цифровой объект» является наиболее широкой категорией и охватывает любые индивидуализированные виртуальные сущности, существующие в информационной системе. «Цифровое имущество» представляет собой более узкий слой – те цифровые объекты, которые обладают имущественной ценностью, обособленностью и оборотоспособностью. «Цифровой актив» в этом же контуре выступает не как самостоятельный род объектов, а как функциональная характеристика цифрового имущества, акцентирующая его стоимостную, инвестиционную либо финансово-хозяйственную роль.

В правовом контуре располагаются субъективные права на соответствующие объекты. Здесь необходимо различать, с одной стороны, цифровые права в узком нормативном смысле ст. 141.1 ГК РФ и специальных законов, а с другой – более широкую доктринальную конструкцию права на цифровое имущество. Последняя может принимать форму обязательственного, корпоративного, исключительного или иного права – в зависимости от природы соответствующего объекта и особенностей его оборота. Следовательно, цифровое имущество не является цифровым правом; напротив, цифровое право представляет собой одну из юридических форм закрепления и обращения цифрового имущества.

Такое разграничение позволяет избежать внутреннего противоречия, возникающего при попытке одновременно рассматривать цифровое имущество как самостоятельный объект и как разновидность имущественного права. Для систематики гражданского права более обоснован вывод о том, что цифровое имущество должно рассматриваться в составе категории «иного имущества» как особая группа нематериальных объектов, тогда как имущественные права выступают правовой формой присвоения и оборота этих объектов[18].

Практическая ценность предложенной модели состоит в том, что она позволяет корректно квалифицировать как нормативно поименованные конструкции: ЦФА, утилитарные цифровые права, цифровую валюту, – так и новые цифровые феномены, еще не получившие специального закрепления. В частности, NFT-токены, цифровые двойники объектов реального мира,

[15] См.: *Акинфиева В. В.* Указ. соч. С. 50–54.

[16] См.: *Брисов Ю. В., Победкин А. А.* Правовой режим NFT (non-fungible token) в России : как работать в отсутствие специального законодательного регулирования? // Digital Law Journal. 2022. Т. 3, № 1. С. 51.

[17] См.: О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31, ч. I. Ст. 5018.

[18] См.: *Суханов Е. А.* Указ. соч. С. 15.

виртуальные игровые предметы и иные цифровые сущности не должны искусственно «подгоняться» либо под режим цифровых прав в узком смысле ст. 141.1 ГК РФ, либо под традиционные конструкции вещей и обязательственных прав без учета их технологической специфики[19].

Особенно наглядно это видно на примере NFT. Их правовой режим зависит не столько от самого факта существования токена, сколько от характера его связи с базовым объектом – произведением, иным результатом интеллектуальной деятельности, цифровым предметом коллекционирования или иной сущностью[20]. Поэтому внешне сходные NFT способны выполнять разные юридические функции и не могут быть огульно отнесены к одной узкой нормативной категории. Именно здесь и проявляется практическая необходимость доктринальной классификации цифровых объектов и цифрового имущества[21].

Предлагаемое разграничение имеет прикладное значение, по меньшей мере в трех аспектах. Во-первых, оно позволяет более последовательно решать вопрос о признании новых цифровых феноменов объектами гражданских прав. Во-вторых, оно создает более прочную догматическую основу для рассмотрения споров о банкротстве, наследовании и обращении взыскания на цифровое имущество, включая цифровую валюту. В-третьих, оно способствует межотраслевой согласованности: гражданско-правовая квалификация цифрового имущества не должна автоматически подменяться финансово-учетной или налоговой классификацией соответствующего актива.

Таким образом, терминологическая неустойчивость в сфере цифрового имущественного оборота обусловлена не только несовершенством законодательной техники, но и смешением разноуровневых категорий – объектных, экономико-функциональных и субъективно-правовых. Научно продуктивным является не построение жесткой однолинейной иерархии, а разграничение объектного и правового контуров анализа. В объектном контуре базовой категорией выступает цифровой объект, в более узком значении – цифровое имущество, а термин «цифровой актив» используется для обозначения стоимостного и инвестиционно-функционального аспекта такого имущества. В правовом контуре находятся субъективные права на соответствующие объекты, включая цифровые права в специальном значении ст. 141.1 ГК РФ.

Научная новизна предлагаемого подхода состоит, во-первых, в последовательном разграничении объектного и правового контуров исследования, что позволяет устранить характерную для части современной литературы подмену объекта правом на объект; во-вторых, в уточнении критерия, по которому цифровой объект переходит в категорию цифрового имущества: таким критерием является не сама по себе цифровая форма, а сочетание обособленности, имущественной ценности и оборотоспособности; в-третьих, в обосновании того, что «цифровой актив» следует понимать преимущественно как функциональную характеристику цифрового имущества, а не как равную ему или конкурирующую с ним родовую категорию.

Вместе с тем предложенная модель не исчерпывает всех проблем цифрового имущественного оборота. Самостоятельного исследования требуют правовой режим трансграничных цифровых активов, особенности наследования криптоактивов при отсутствии механизмов их идентификации и передачи доступа, а также пределы диспозитивности правил платформы при определении содержания цифровых прав. Однако именно последовательное разграничение цифрового объекта, цифрового имущества, цифрового актива и цифрового права позволяет заложить более устойчивую методологическую основу для дальнейшего развития как доктрины, так и законодательства.

Библиографический список

Акинфиева В. В. Цифровые финансовые активы как новый вид цифровых прав // Ex jure. 2021. № 1. С. 46–55.

Брисов Ю. В., Победкин А. А. Правовой режим NFT (non-fungible token) в России : как работать в отсутствие специального законодательного регулирования? // Digital Law Journal. 2022. Т. 3, № 1. С. 44–66.

Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав : проблемы правовой квалификации

[19] См.: О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31, ч. I. Ст. 5018 ; О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // Там же. 2019. № 31. Ст. 4418.

[20] См.: *Брисов Ю. В., Победкин А. А.* Указ. соч. С. 51.

[21] См.: *Брисов Ю. В., Победкин А. А.* Указ. соч. С. 58–59.

цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 111–119.

Гаврилов В. Н. Цифровые права как объекты гражданских прав // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 4. С. 56–59.

Галкин Н. А. Понятие и признаки цифрового имущества как объекта гражданских прав // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. 2024. № 4 (56). С. 107–114.

Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6–15.

Мефодьева К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 28 с.

Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом : правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. 640 с.

Семенова Е. Г. Цифровые объекты как объекты гражданских прав : концепция, методология, правовой режим // Юридическое образование и наука. 2023. № 12. С. 16–22.

Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21, № 6. С. 7–29.

References

Akinfieva V. V. Digital financial assets as a new type of digital rights // Ex jure. 2021. No. 1. P. 46–55.

Brisov Yu. V., Pobedkin A. A. The legal regime of NFT (non-fungible token) in Russia : how to work in the absence of special legislative regulation ? // Digital Law Journal. 2022. Vol. 3. No. 1. P. 44–66.

Vasilevskaya L. Yu. Token as a new object of civil rights : problems of legal qualification of digital law // Actual problems of Russian law. 2019. No. 5. P. 111–119.

Galkin N. A. The concept and signs of digital property as an object of civil rights // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University «Legal Sciences». 2024. No. 4 (56). P. 107–114.

Gavrilov V. N. Digital rights as objects of civil rights // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2021. No. 4. P. 56–59.

Efimova L. G. On the legal nature of non-cash money, digital currency and digital ruble // Civilist. 2022. No. 4. P. 6–15.

Methodieva K. A. Digital data as an object of civil law regulation in Germany, the USA and Russia : cand. legal sci. dis. abstr. Moscow, 2019. 28 p.

Savelyev A. I. E-commerce in Russia and abroad : legal regulation. 2nd ed., revised and add. Moscow : Statute, 2016. 640 p.

Semenova E. G. Digital objects as objects of civil rights : concept, methodology, legal regime // Legal education and science. 2023. No. 12. P. 16–22.

Sukhanov E. A. On the civil law nature of «digital property» //Bulletin of civil law. 2021. Vol. 21. No. 6. P. 7–29.

Южный федеральный университет
Кондратенко Е. В., аспирант кафедры гражданского права
E-mail: egorkojber@gmail.com

Поступила в редакцию: 06.04.2026

Для цитирования:
Кондратенко Е. В. Соотношение категорий «цифровой объект», «цифровое имущество», «цифровой актив» и «цифровое право» в гражданском праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 78–84. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/78-84

Southern Federal University
Kondratenko E. V., Post-graduate Student of the Department of Civil Law
E-mail: egorkojber@gmail.com

Received: 06.04.2026

For citation:
Kondratenko E. V. The correlation between the categories of «digital object», «digital property», «digital asset», and «digital right« in civil law // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 78–84. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/78-84

УДК 342
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/85-99

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕХАНИЗМА ОБРАЩЕНИЯ В ДОХОД ГОСУДАРСТВА ИМУЩЕСТВА, НАЖИТОГО КОРРУПЦИОННЫМ ПУТЕМ, ПО ИСКУ ПРОКУРОРА

В. И. Романюк

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE MECHANISM FOR CONVERTING PROPERTY ACQUIRED THROUGH CORRUPTION INTO STATE PROPERTY AT THE REQUEST OF THE PROSECUTOR

V. I. Romanyuk

National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: правоприменительной практикой создано, по сути, два параллельных механизма предъявления антикоррупционного иска: на основании Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» и на основании подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, что породило спорные вопросы материально-правового характера. Предлагаются следующие пути совершенствования этого механизма: дополнение круга лиц, у которых допускается изъятие имущества иными лицами, «признаваемыми в соответствии с семейным законодательством членами семьи проверяемого лица» либо «фактически состоящими (состоявшими) в семейных отношениях с проверяемым лицом»; расширение перечня объектов, которые могут подлежать изъятию, путем включения в форму справки о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера разделов «Предметы роскоши, ювелирные изделия», «Наличные денежные средства», «Сведения об имуществе и денежных средствах, полученных по безвозмездным сделкам» (на сумму свыше ста тысяч рублей), «Срочные обязательства финансового характера» (с указанием на необходимость отчитываться по любым сделкам, совершенным в целях увеличения финансового состояния (займы, кредиты и пр.) на сумму, не превышающую 10 % от доходов, полученных публичным служащим и членами его семьи за отчетный период; установление временных границ изъятия имущества, приобретенного за период, когда лицо занимало должность публичной службы, но не ранее, чем за три года до вступления в силу обязанности отчитываться о расходах публичного служащего (членов его семьи).
Ключевые слова: антикоррупционный иск, гражданская конфискация, контроль за доходами и расходами, имущество, обратная сила закона, член семьи.

Abstract: law enforcement practice has created, in fact, two parallel mechanisms for filing an anti-corruption lawsuit: on the basis of the Federal Law «On control over the compliance of expenses of persons holding Public Positions and Other Persons with their incomes» and on the basis of subparagraph 8 of paragraph 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation, which gave rise to controversial issues of a substantive nature. The following ways are proposed to improve this mechanism: to supplement the circle of persons from whom property may be seized by other persons «recognized in accordance with family law as family members of the person being checked» or «actually having (had) a family relationship with the person being checked»; expansion of the list of objects that may be subject to seizure by including in the form of a certificate of income, expenses, property and property obligations sections «Luxury goods, jewelry», «Cash», «Information on property and funds received through gratuitous transactions» (in the amount of over one hundred thousand rubles), «Urgent financial

© Романюк В. И., 2026

obligations» (indicating the need to report on any transactions made in order to increase financial condition (loans, credits, etc.) in an amount not exceeding 10 % of income, received by a public official and his family members during the reporting period; setting time limits for the seizure of property acquired during the period when the person held a public service position, but not earlier than three years before the obligation to report on the expenses of a public official (his family members) came into force.
Key words: anti-corruption lawsuit, civil forfeiture, control of income and expenditure, property, retroactive effect of law, family member.

Актуальность исследования. В настоящее время отчетливо прослеживается ужесточение антикоррупционной политики государства, о чем свидетельствуют в том числе многочисленные публикации в средствах массовой информации и телеграм-каналах. Так, в 2025 г. в результате предъявления Генеральной прокуратурой исковых заявлений в суды изъято и обращено в собственность государства незаконно нажитое имущество бывшего председателя правительства Карачаево-Черкесии стоимостью 42 млрд рублей[1], а также имущество бывшего главы администрации города Владивостока, оцененное в 14,8 млрд рублей[2].

В этом контексте антикоррупционные иски становятся важным, если не приоритетным, инструментом в борьбе с коррупцией. Заявленный прокурором иск является правовой мерой противодействия коррупции, направленной на предупреждение незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции, обеспечение неотвратимости ответственности за акты коррупции, подтверждение бессмысленности приобретения имущества нелегального происхождения и бесперспективности коррупционного поведения[3], привлечение ответчиков к установленной законом ответственности за участие и соучастие в совершении коррупционного правонарушения и, в конечном счете, противодействие сращиванию публичной власти и бизнеса.

Вместе с тем применение в судебной практике рассматриваемого правового института – так называемой гражданской конфискации – порождает множество проблем материально-правового и процессуально-правового характера, вызванных недостатками имеющегося правового регулирования, а также расширительным толкованием закона судами. Ожидаемым итогом этого является риск произвольного изъятия практически любого имущества и у любого лица, имевшего когда-либо в прошлом какую- либо связь с предполагаемым коррупционером; сказанное никак не может способствовать оздоровлению экономики и повышению взаимного доверия – в том числе в сфере инвестиций – государства и личности (ст. 75.1 Конституции Российской Федерации). В связи с этим в настоящей статье рассматриваются ключевые материально-правовые аспекты совершенствования данного правового механизма.

Нормативные основания предъявления антикоррупционного иска. Возможности для изъятия незаконно (коррупционно) нажитого имущества по решению суда, принятому по иску уполномоченного прокурора (далее также – антикоррупционный иск), ограничены федеральным законодателем по нескольким критериям или основаниям, которые можно условно отнести к материально-правовым или процессуально-правовым в зависимости от характера спорного правового вопроса. Между тем законодательство в наиболее наглядной форме получает движение благодаря усилиям судебной власти; деятельность суда всегда связывают с применением права (и его толкованием как составляющей данного процесса)[4].

[1] См.: Решение Никулинского районного суда г. Москвы от 3 сентября 2025 г. по делу № 02-7777/2025. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/nikulinskij/services/cases/civil/details/ 58df9c81-4cd5-11f0-a0d8-83d8f3cdfeb8 (дата обращения: 09.02.2026).

[2] См.: Решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 25 июля 2025 г. по делу № 2-3095/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См.: По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан : постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50. Ст. 7169.

[4] См.: *Глухов Е. А.* Законность, справедливость и целесообразность толкования законодательства военно-судебными органами // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2011. № 9 (171). С. 63–71.

На практике такие ограничения в настоящее время фактически не действуют, так как весьма вольно трактуются органами прокуратуры и судами. Полагаем, что причина тому состоит в отсутствии системного (системно-логического) толкования норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – Федеральный закон № 230-ФЗ). Правоприменительные органы исходят из того, что они имеют самостоятельные сферы применения, т. е. действуют достаточно автономно друг от друга. К примеру, Федеральный закон № 230-ФЗ допускает осуществление контрольных мероприятий лишь в отношении сделок по приобретению имущества, совершенных поименованными в нем лицами позднее 1 января 2012 г. (что прямо указано в заключительных положениях к этому закону). А ГК РФ, в свою очередь, имея иную отраслевую принадлежность и к контрольным мероприятиям отношения не имея, говорит об изъятии всякого незаконно (коррупционно) нажитого имущества. Соответственно, если прокурор обращается в суд по итогам таких контрольных мероприятий (т. е. в порядке Федерального закона № 230-ФЗ), то его требования с точки зрения «глубины» воздействия объективно ограничены 1 января 2012 г.; если же он обращается в суд по результатам прокурорской проверки, оперативно-розыскных и (или) следственных мероприятий (т. е. на основании исключительно ГК РФ), то эти требования включают в себя всё, что в ходе таких мероприятий удалось обнаружить, и не ограничены сроками давности.

Между тем системное толкование норм Федерального закона № 230-ФЗ и ГК РФ не позволяет прийти к такому выводу. Положение подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ прямо предусматривает «обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы», т. е. связывает ее применение именно с проверкой соблюдения антикоррупционного законодательства. Причем, по буквальному смыслу данного положения, соответствующие доказательства первично представляются именно по правилам профильного (антикоррупционного) регулирования, а не в рамках гражданского искового производства. Часть 2 ст. 17 Федерального закона № 230-ФЗ столь же недвусмысленно говорит, что прокурор обращается в суд с иском «при выявлении в ходе осуществления контроля за расходами» несоответствия расходов законным доходам, т. е. по итогам контрольных мероприятий, а значит, при соблюдении предусмотренных им гарантий и условий, а не по одному своему усмотрению. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что соответствующая норма ГК РФ была введена в действие именно в связи (одновременно) с принятием Федерального закона № 230-ФЗ и направлена на «формирование *комплексного* (курсив мой. – *В. Р.*) правового механизма контроля над источниками средств, на которые приобретается имущество определенными категориями лиц»[5].

Кроме того, ст. 235 ГК РФ, в силу ее базового для соответствующей отрасли права, концептуального характера, не описывает:

а) круга лиц, чье имущество может изыматься (например, в деле Г. А. Лопырева[6] изымалось имущество у совершеннолетнего ребенка и невестки служащего, а также у его сослуживцев и иных третьих лиц; в деле Д. В. Захарченко[7] – у отца и матери служащего, его сестры, бывшей жены и ее матери, а также у близкой знакомой);

б) круга объектов, потенциально подлежащих изъятию (например, в деле Г. А. Лопырева в доход государства были обращены в том числе наличные денежные средства; в деле А. В. Хорошавина[8] – часы и ювелирные изделия);

в) периода времени, за который возможно осуществление изъятия имущества (во всех перечисленных выше делах – это более ранние даты, чем 2012 г.);

[5] Заключение Комитета ГД ФС РФ по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления от 26 апреля 2012 г. № 11/3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] См.: Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 20 июня 2018 г. по делу № 33-12888/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] См.: Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 22 марта 2018 г. по делу № 33-8414. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] См.: Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Сахалинского областного суда от 2 сентября 2016 г. по делу № 33-2087/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

г) иных ограничений по применению этой нормы, в частности процедурного характера.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее– КС РФ) в своем постановлении от 31 октября 2024 г. № 49-П, вслед за сложившейся правоприменительной практикой, по сути, пришел к выводу о существовании двух параллельных механизмов гражданской конфискации. В первом случае речь идет о предъявлении антикоррупционного иска по результатам проведения процедуры контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные (муниципальные) должности и должности государственной (муниципальной) службы (далее – публичные служащие), их подтвержденным доходам, т. е. в такой ситуации мы исходим из системного толкования Федерального закона № 230-ФЗ и нормы ст. 235 ГК РФ, как это, по нашему мнению, и задумывалось законодателем. Во втором же случае антикоррупционный иск предъявляется не в результате проведения процедуры контроля, а в связи с установленным совершением публичным служащим конкретных деяний коррупционной направленности и последующим выявлением у такого лица (аффилированных с ним лиц) имущества, в отношении которого имеется предположение о его незаконном происхождении, т. е. в данной ситуации мы исходим из автономного толкования нормы ст. 235 ГК РФ.

Указанный второй подход во многом обусловлен соображениями практической целесообразности, поскольку многообразие деяний коррупционной направленности порождает «необходимость не только количественно сравнивать доходы лица с его расходами, но и выяснять обстоятельства злоупотребления полномочиями, возникновения конфликта интересов, принятия мер по сокрытию таких действий и воспрепятствованию антикоррупционному контролю»[9]. Вместе с тем изолированное применение ст. 235 ГК РФ на практике создает правовую неопределенность, предоставляя судам возможность для необоснованно широкого усмотрения в части толкования норм права при рассмотрении конкретных дел, что, в свою очередь, создает риски нарушения конституционных принципов правового равенства (ст. 19) и правовой справедливости (ст. 55).

С учетом этого в рамках настоящей статьи полагаем необходимым детально проанализировать материально-правовые ограничения, существующие при предъявлении антикоррупционных исков, которые, как представляется, будут существенно различаться в зависимости от следования одному из двух обозначенных подходов.

Ограничения по кругу лиц, у которых допускается изъятие имущества (*ratione personae*). Статья 8.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее также – Федеральный закон № 273-ФЗ) была введена в действие[10] именно в связи с принятием упоминавшегося Федерального закона № 230-ФЗ (что видно даже из нумерации этих законов). В ч. 1 данной статьи определены категории лиц, которые обязаны представлять сведения о своих расходах, а также о расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей в случаях и порядке, которые установлены Федеральным законом № 230-ФЗ.

Как следует из ст. 17 Федерального закона № 230-ФЗ и отмечено в постановлении КС РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П, «федеральный законодатель в целях соблюдения баланса публичных и частных интересов ограничил круг лиц, за чьими расходами осуществляется контроль, теми членами семьи государственного (муниципального) служащего, которые, как правило, ведут с ним общее хозяйство, а именно супругой (супругом) и их несовершеннолетними детьми»[11].

[9] По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда : постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 46. Ст. 7029.

[10] См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» : федер. закон от 3 декабря 2012 г. № 231-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6954.

[11] По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного Суда Республики Башкортостан : постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50. Ст. 7169.

Вместе с тем, как справедливо отмечено в литературе применительно к смежным законоположениям, «законодатель оставил без внимания иные категории близких родственников по нисходящей и восходящей линии, в том числе родителей, усыновителей, бабушек, дедушек, родных сестер, братьев и совершеннолетних детей, а равно лиц некровного родства, к примеру, совместно проживающих с претендентом на указанную должность»[12].

Представляется вполне обоснованным использовать в антикоррупционной сфере понятие «член семьи» в том смысле, каким оно наполняется семейным законодательством, а именно: супруги, родители и дети (усыновители и усыновленные), поскольку именно Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) с учетом предмета его регулирования (ст. 2) аутентично устанавливает, исходя из природы брачных, кровно-родственных и иных близких отношений, каких лиц следует считать относящимися к одной семье. При этом в отдельных сегментах семейных отношений семейное законодательство также распространяется и на отношения «между другими родственниками» (там же). Таким образом, рассматриваемый Федеральный закон называет лишь некоторых из числа членов семьи и не называет иных родственников.

Между тем А. Д. Ильяков и Л. А. Смирнова еще ранее отмечали, что «законодатель в ст. 10 Федерального закона (имеется в виду ФЗ «О противодействии коррупции». – *В. Р.*) указывает на незаконность получения государственным служащим (иным лицом) и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей) доходов путем использования должностных полномочий такого лица. То есть введение в Закон № 230-ФЗ соответствующих положений, предусматривающих контроль за доходами и расходами указанных лиц, было бы логичным продолжением позиции законодателя по данному вопросу»[13]. Иными словами, в нормах, направленных на недопущение конфликта интересов на службе, с одной стороны, и в нормах, регламентирующих декларирование доходов и расходов, с другой стороны, поименованы два лишь частично пересекающихся круга лиц.

Кроме того, в данном контексте не лишним будет упомянуть в качестве ориентира позицию Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), согласно которой, «конфискационные меры могут быть применены не только против лиц, непосредственно обвиняемых в совершении преступлений, но и против близких родственников этих обвиняемых, которые предположительно владеют и управляют приобретенным нечестным путем имуществом неофициально или иным образом в отсутствие необходимой добросовестности» (причем в деле, рассмотренном ЕСПЧ, речь шла о совершеннолетних сыновьях и брате чиновника)[14].

В свою очередь, сформировавшаяся в настоящее время судебная практика также исходит из расширительного толкования круга лиц, чье имущество может быть взыскано в доход государства. Так, в определении КС РФ от 30 сентября 2019 г. № 2649-О и ряде других его решений сформулирована позиция о возможности изъятия имущества в доход государства у лица, которое приобрело такое имущество на средства, полученные от должностного лица, за расходами которого осуществлялся контроль в соответствии с Федеральным законом № 230-ФЗ, при одновременном соблюдении условия о том, что таким лицом не было представлено доказательств приобретения имущества на собственные доходы, т. е. вне связи с коррупционными действиями должностного лица, за расходами которого осуществлялся контроль в соответствии с этим Федеральным законом[15].

---

[12] Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) / под ред. С. Ю. Наумова, С. Е. Чаннова. М., 2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] *Ильяков А. Д., Смирнова Л. А.* Вопросы реализации прокурорами полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» : информ.-аналит. обзор. М., 2016. С. 14.

[14] См.: Постановление ЕСПЧ от 12 мая 2015 г. по делу «Гогитидзе и другие (Gogitidze and Others) против Грузии» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 9.

[15] См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Захарченко Виктора Дмитриевича на нарушение его конституционных прав положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также федеральных законов «О противодействии коррупции», «О контроле за соответстви-

В связи с этим возникает вопрос: возможно ли (целесообразно ли) обращение в доход государства имущества, в частности бывшего супруга (супруги) публичного служащего? Так, семейное законодательство не относит таких лиц к членам семьи или другим родственникам. В Обзоре практики Верховного Суда РФ, утвержденном 30 июня 2017 г.[16], разъясняется, что законодательство о противодействии коррупции не предусматривает возможности осуществления контроля за расходами лица, произведенными им до вступления в брак с лицом, в отношении которого осуществляется контроль. Следуя этой логике, стоило бы предположить, что то же самое касается и имущества, приобретенного уже после расторжения брака с таким лицом. Вместе с тем по результатам рассмотрения гражданского иска прокуратуры Никулинский районный суд г. Москвы обратил в доход государства квартиру, приобретенную 28 декабря 2015 г. бывшей супругой Д. В. Захарченко – гражданкой С., состоявшей с ним в браке с 22 ноября 2013 г. по 12 марта 2015 г.[17]. Таким образом, С. в период времени с 13 марта 2015 по 28 декабря 2015 г. строго формально уже не являлась подконтрольным субъектом и не могла предвидеть риск обращения имущества в доход государства в случае неподтверждения их законности. То же самое можно сказать о родителях и сестре Д. В. Захарченко, его «близкой знакомой», а также матери его бывшей жены, у которых также было изъято имущество[18].

Иным образом аналогичный механизм регламентирован, к примеру, ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму»: прокуратура вправе обратиться в суд с иском об обращении в доход государства имущества «у близких родственников, родственников и близких лиц лица, совершившего террористический акт, при наличии достаточных оснований полагать, что данное имущество получено в результате террористической деятельности и (или) является доходом от такого имущества»[19]. Очевидно, что такие правовые категории, как «близкие лица», будучи оценочными, наполняются содержанием судом в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела.

Следует учесть, что в целях обхода антикоррупционных норм публичные служащие часто прибегают к процедуре расторжения брака при фактическом продолжении семейных отношений (так называемый фиктивный развод). Это создает объективные (т. е. не обусловленные действиями самого государства) сложности в правоприменительной практике. Так, в одном из дел Верховный Суд Республики Башкортостан признал законным обращение в доход государства имущества бывшей супруги публичного служащего, приобретенного на средства такого служащего, поскольку из материалов дела установлено, что ответчики ведут совместный образ жизни, вместе выезжают на отдых и проживают по одному адресу. Данные обстоятельства, по справедливому мнению суда, свидетельствуют о фиктивном расторжении брака между ними, направленном на сокрытие нажитого в браке и после его расторжения имущества и доходов, не указанных в сведениях о доходах и расходах, ежегодно представляемых публичным служащим[20].

Вместе с тем СК РФ не содержит норм о признании расторжения брака недействительным; также в семейном законодательстве отсутствует понятие «фиктивный развод». В подобных ситуациях суды квалифицируют фактические брачные отношения как свидетельство недобросовестного поведения и злоупотребления правом, руководствуясь общими нормами ст. 10 ГК РФ. Кроме того, в силу п. 2 ст. 7 СК РФ семейные права охраняются законом, за исключени-

---

ем расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» и «О прокуратуре Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2019 г. № 2649-О ; и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[16] См.: Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июня 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] См.: Решение Никулинского районного суда г. Москвы от 1 декабря 2017 г. по делу № 2-6770/17. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/nikulinskij/services/cases/civil/details/afb1ce6b-38e8413e8833dde069bd3e90?participant=%D0%97%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE (дата обращения: 09.02.2026).

[18] См.: Там же.

[19] О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. №11. Ст. 1146.

[20] См.: Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 29 марта 2022 г. № 33-2001/2022 по делу № 2-1008/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ем случаев, если они осуществляются в противоречии с назначением этих прав. Такое нормативное регулирование, как справедливо отметил А. Х. Ульбашев, свидетельствует о том, что «законодатель, понимая возможность использования таких широких правомочий субъектами семейных правоотношений (супругами) в незаконных целях, резервирует за правоприменителем средства противодействия злоупотреблениям, выражающиеся в отказе в защите нарушенного права»[21]. Таким образом, с одной стороны, отказ от законодательного регулирования фиктивного развода является оправданным, поскольку иное означало бы необоснованное вмешательство государства в частную жизнь граждан, а с другой стороны, установление общих и специальных механизмов борьбы со злоупотреблением семейными правами является необходимым инструментом достижения социальной справедливости при минимизации последствий коррупционных правонарушений.

В связи с этим думается, что законодатель мог бы дополнить действующее правовое регулирование примерно следующей конструкцией: по результатам проведения контрольных мероприятий обращению в доход государства по иску прокурора также подлежит имущество супруга (супруги), несовершеннолетнего ребенка, «а также иных лиц, признаваемых в соответствии с семейным законодательством членами семьи» проверяемого лица (вариант № 1), либо – шире – «а также иных лиц, фактически состоящих (состоявших) в семейных отношениях с проверяемым лицом» (вариант № 2). Такими изменениями, по нашему мнению, решаются сразу две задачи: во-первых, достижение правовой определенности для субъектов спорных правоотношений и, во-вторых, отсечение тех третьих лиц, которые не могут выступать ответчиками по данной категории дел.

Ограничения по кругу объектов права, изъятие которых допускается (*ratione materiae*). В соответствии со ст. 17 Федерального закона № 230-ФЗ обращению в доход государства подлежат объекты недвижимости, транспортные средства, ценные бумаги (доли участия, паи в уставных и складочных капиталах организаций), цифровые финансовые активы и цифровая валюта. При этом в силу недавнего разъяснения Конституционного Суда «хотя использование цифровой валюты ограничено и не урегулировано во всех возможных аспектах, гражданское законодательство принципиально не препятствует тому, чтобы рассматривать ее как объект гражданских прав – в качестве “иного имущества” по смыслу ст. 128 ГК Российской Федерации»[22]. Таким образом, всевозможные «биткоины», «стейблкоины» и прочее попадают в сферу действия указанного закона, а значит, для их изъятия не требуется распространительного толкования.

В то же время упомянутый выше Федеральный закон ничего не говорит о наличных и безналичных денежных средствах, драгоценных металлах, ювелирных украшениях и прочих предметах роскоши. Вместе с тем, например, Конвенция ООН против коррупции говорит об имуществе как любых активах, будь то материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, выраженные в вещах или правах, а также юридические документы или акты, подтверждающие право собственности на такие активы или интерес в них[23]. Такой широкий подход, надо отметить, соответствует автономному толкованию ЕСПЧ понятия «имущество» (possessions) из ст. 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции как включающего в себя «как физические вещи, так и некоторые права и капиталовложения, представляющие собой активы»[24].

В своем постановлении от 29 ноября 2016 г. № 26-П (п. 5.5) КС РФ указал, что в законе названо «как правило, дорогостоящее имущество, в отношении которого ведется учет, осуществляются регистрационные действия и принадлежность которого конкретному лицу определяется на основе данных о регистрации. Вместе с тем в случае, когда имущество, в отношении

[21] *Ульбашев А. Х.* О фиктивном разводе // Семейное и жилищное право. 2019. № 3. С. 18–21.

[22] По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича : постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2026. № 4. Ст. 372.

[23] См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10.

[24] См., например: Постановление ЕСПЧ от 30 ноября 2004 г. «Дело «Енерйылдыз (Oneryildiz) против Турции» (жалоба № 48939/99) и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

которого не доказана законность происхождения доходов, направленных на его приобретение, было реализовано собственником с целью избежать применения соответствующих мер, а полученные от реализации указанного имущества средства фактически выступают его денежным эквивалентом, изъятие этих средств не может рассматриваться как свидетельствующее о расширительном толковании закона, на недопустимость которого […] неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации»[25].

КС РФ также указал на необходимость учета в правоприменительной практике либо введения в закон особых правовых последствий для случаев незначительного расхождения между суммами проверяемых расходов и полученных законным путем совокупных доходов (абз. 3 п. 5.3, абз. 2 п. 6 описательно-мотивировочной части и абз. 2 п. 1 резолютивной части постановления). В этом случае, как следует из указанного решения высшего органа конституционного правосудия, изъятие имущества целиком влечет за собой нарушение ст. 55 Конституции Российской Федерации, так как предполагает несоразмерное целям борьбы с коррупцией ограничение конституционных прав контролируемого лица. С учетом этого делается вывод о допустимости обращения в доход государства только той части имущества, законность приобретения которой не доказана. Указанная позиция в последующем была реализована на законодательном уровне.

Фактически федеральный законодатель выделяет два аспекта незначительности расхождения между суммами проверяемых расходов и полученных законным путем совокупных доходов.

Во-первых, незначительность, препятствующая самой подаче прокурором антикоррупционного иска. Так, согласно ч. 15 ст. 8.2 Федерального закона № 273-ФЗ предметом изъятия выступают «денежные средства в размере, эквивалентном той части денежных средств, в отношении которой не представлены сведения, подтверждающие законность получения этих средств, если размер взыскиваемых средств превышает десять тысяч рублей»[26]. Соответственно, если размер неподтвержденных доходов чиновника, израсходованных на совершение сделки, составляет менее десяти тысяч рублей, то антикоррупционный иск не предъявляется. Однако уже здесь возникают вопросы обоснованности указания именно такой суммы. Так, в современном мире вполне вероятна ситуация, когда близкие родственники или друзья (в том числе сообща) в качестве подарка переводят на банковскую карту публичного служащего сумму в двадцать-пятьдесят тысяч рублей. В этом случае всерьез утверждать о превышении расходов над доходами в связи именно с возможной коррупционной деятельностью публичного лица неразумно, а с учетом издержек ведения судебного процесса – даже абсурдно. С учетом изложенного, полагаем, указание минимального порога суммы антикоррупционного иска, например в сто тысяч рублей, будет более адекватно существующим в настоящее время социально-экономическим реалиям.

Во-вторых, законодатель выделяет незначительность, позволяющую суду взыскать лишь неподтвержденную часть доходов. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 17 Федерального закона № 230-ФЗ в случае, если при обращении уполномоченного прокурора в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 17 этого Федерального закона в суд доля доходов, законность которых не доказана, оказывается незначительной с учетом обстоятельств дела, обращению в доход Российской Федерации подлежит только часть имущества, в отношении которого лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) одну из должностей, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 230-ФЗ, не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, или денежная сумма, эквивалентная стоимости этой части имущества[27].

Как справедливо обращает внимание в своей статье Е. В. Яковенко, «объем имущества или денежных средств, подлежащих обращению в доход Российской Федерации на основании подп. 8

[25] По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного Суда Республики Башкортостан : постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50. Ст. 7169.

[26] О противодействии коррупции : федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

[27] См.: О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам : федер. закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6953.

п. 2 ст. 235 ГК РФ и ст. 17 [Федерального] закона № 230-ФЗ, конкретно не определен… Понятие "незначительность" является оценочным, каких-либо объективных его критериев закон не определяет»[28].

Так, установив долю неподтвержденного дохода на приобретение автомобиля стоимостью 3666 144 руб., равную 731025,98 руб., что составляет 20 % от его стоимости, судебная коллегия по гражданским делам Омского областного суда в своем апелляционном определении от 4 марта 2020 г. пришла к выводу, что указанная доля не может быть признана незначительной, в связи с чем удовлетворила иск прокурора и обратила в доход государства автомобиль BMW 520D XDrive 2017 г. выпуска[29].

Напротив, решением Туймазинского межрайонного суда Республики Башкортостан от 4 июня 2021 г. с ответчика в доход Российской Федерации взыскан денежный эквивалент стоимости части имущества, законность приобретения которого не доказана, при этом суд первой инстанции пришел к выводу о незначительном (28 %) расхождении величины подтвержденных доходов (1939809,36 руб.) и размера расходов на приобретение соответствующего имущества (2702 500 руб.)[30].

Из указанных примеров видно, насколько различными могут быть подходы судов к толкованию понятия «незначительное расхождение расходов и доходов», в том числе применительно к практически одинаковым относительным величинам (одним судом расхождение в 20 % было признано значительным, а другой суд пришел к противоположному выводу о незначительном расхождении в 28 %), при сопоставимых абсолютных величинах (в первом случае неподтвержденная сумма составила около 731 тыс. руб., а во втором случае – около 762 тыс. руб.).

Полагаем, что во избежание дальнейших проблем в правоприменительной практике необходимо на законодательном уровне предусмотреть установление процентного порога, при котором превышение размера расходов над законными доходами можно считать значительным и который равен, например, 10 % и выше. Для случаев, когда такое превышение составляет менее чем 10 %, предусматривается возможность обращения в доход государства только той части имущества (в натуре или в соразмерном денежном выражении), законность приобретения которой не была доказана подконтрольным лицом.

В настоящее время судебная практика, как и в ситуации с кругом надлежащих ответчиков по антикоррупционному иску, исходит из расширительного толкования перечня имущества, подлежащего изъятию в доход государства.

Так, в целях обращения в доход государства ювелирных изделий и ценностей наряду с иностранной валютой по делу А. В. Хорошавина Южно-Сахалинский городской суд в своем решении от 20 мая 2016 г. истолковал норму подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ как специальную и говорящую о любых вещах, являющихся имуществом в соответствии со ст. 128 ГК РФ[31]. Вместе с тем очевидно, что указанная выше норма ГК РФ по своему назначению имеет общий характер, с точки зрения юридической техники является бланкетной, а потому не должна исчерпывающе перечислять такое имущество. Безусловно, подход суда кажется социально справедливым и даже логичным, но он искажает системные связи законодательства разной отраслевой принадлежности и не учитывает текстуально выраженных намерений федерального законодателя.

В совместной статье А. М. Цирин и В. В. Севальнев отмечают также следующую практическую проблему: «Недекларирование таких активов [предметов роскоши, дорогостоящих ювелирных изделий, наличных денежных средств. – *В. Р.*], в том числе по причине недостаточности правовых инструментов на практике, порождает проблемы, связанные с невозможностью обоснования крупных расходов, совершенных, например, за счет личных накоплений»[32]. В каче-

[28] *Яковенко Е. В.* Обращение имущества в доход Российской Федерации как гражданско-правовой инструмент противодействия коррупции : проблемы правоприменения и основные пути их решения // Вестник Ун-та прокуратуры РФ. 2024. № 4. С. 45–51.

[29] См.: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22 июля 2020 г. №88-10581/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[30] См.: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15 марта 2022 г. по делу №88-5736/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[31] См.: Решение № 2-328/2016 2-328/2016(2-7393/2015;)~М-5912/2015 2-7393/2015 М-5912/2015 от 20 мая 2016 г. по делу № 2-328/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[32] *Цирин А. М., Севальнев В. В.* Порядок осуществления контроля за расходами отдельных категорий лиц : проблемы и пути решения // Журнал рос. права. 2019. № 7. С. 152–161.

стве решения указанной проблемы авторы считают «целесообразным расширить форму справки о доходах, расходах, об имуществе и об обязательствах имущественного характера разделом “Предметы роскоши, ювелирные изделия”. Отдельный раздел указанной справки может именоваться “Наличные денежные средства”. Это позволит субъектам представления соответствующих сведений добровольно заявить о наличии вышеуказанных фактов, в том числе с указанием источников их приобретения. В случае сокрытия фактов приобретения такого имущества оно может быть обращено в доход государства в установленном порядке»[33].

В этом аспекте также интересен зарубежный опыт. Так, «румынским госслужащим необходимо задекларировать ювелирные изделия, драгметаллы, произведения искусства и иные предметы, обладающие наибольшей ценностью для общества, превышающие стоимость пяти тысяч евро. Индонезийские государственные должностные лица кроме прочих расходов также декларируют суммы, которые ими были потрачены для отдыха и на образование»[34]. В научной литературе отмечается, что «наиболее жесткое законодательство в рассматриваемой сфере у Сингапура, где служащие предоставляют государству одномоментно четыре декларации, в том числе и о расходах по разным направлениям – от инвестиций до обязательств»[35].

Конечно, представляется довольно сложным проконтролировать достоверность предоставляемых публичными служащими сведений о приобретенных ювелирных изделиях и предметах роскоши, так как они не подлежат регистрационному учету на предмет приобретения права собственности. Вместе с тем стоит учесть, что в настоящее время п. 1.4–2 ст. 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[36] предусмотрена обязательная идентификация клиента при покупке физическим лицом ювелирных и других изделий из драгоценных металлов и (или) драгоценных камней на сумму, превышающую 60 000 рублей, либо сумму в иностранной валюте, эквивалентную 60 000 рублей, а также при использовании персонифицированного электронного средства платежа для совершения покупки физическим лицом ювелирных и других изделий из драгоценных металлов и (или) драгоценных камней в розницу на сумму, превышающую 400 000 рублей, либо сумму в иностранной валюте, эквивалентную 400 000 рублей. Статьей 12.2 Федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях»[37] предусмотрены создание и ведение государственной интегрированной информационной системы в сфере контроля за оборотом драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них (ГИИС ДМДК). Информацию в ГИИС ДМДК обязаны представлять в том числе следующие субъекты: юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие операции с драгоценными металлами и драгоценными камнями и состоящие на специальном учете, кредитные организации. Полагаем, предоставление в рамках информационного взаимодействия сведений из ГИИС ДМДК, позволяющих идентифицировать лиц, совершивших покупку дорогостоящих (превышающих названный выше порог в 60 000 или 400 000 рублей, соответственно) ювелирных изделий, может способствовать повышению эффективности осуществления контроля за доходами и расходами государственных и муниципальных служащих.

Присоединяясь к предложению ученых о расширении формы справки о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера разделами «Предметы роскоши, ювелирные изделия» и «Наличные денежные средства», полагаем возможным дополнить упомянутую выше справку разделом «Сведения об имуществе и денежных средствах, получен-

[33] *Цирин А. М., Севальнев В. В.* Указ. соч.

[34] *Кобец П. Н.* Зарубежный опыт ответственности должностных лиц за незаконное обогащение – эффективная мера борьбы с коррупцией // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 3 (106). С. 114–120.

[35] *Голоманчук Э. В., Астафурова О. А., Каюшникова Ю. Е.* Антикоррупционный контроль над расходами служащих во взаимосвязи с возможностью обращения имущества в доход государства : отдельные аспекты правового регулирования // Общество : политика, экономика, право. 2021. № 12 (101). С. 93–98.

[36] О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федер. закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3418.

[37] О драгоценных металлах и драгоценных камнях : федер. закон от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 13. Ст. 1463.

ных по безвозмездным сделкам» (на сумму свыше 100 000 рублей), а также внести изменения в раздел «Срочные обязательства финансового характера», указав на необходимость отчитываться по любым сделкам, совершенным в целях увеличения финансового состояния (займы, кредиты и пр.) на сумму, не подпадающую под категорию «незначительного расхождения между доходами и расходами», т. е. превышающую 10 % от доходов, полученных публичным служащим и членами его семьи за отчетный период из иных законных источников (в настоящее время в данном подразделе указывается каждое имеющееся на отчетную дату срочное обязательство финансового характера на сумму, равную или превышающую 500 000 руб., кредитором или должником по которому является служащий (работник), его супруга (супруг), несовершеннолетний ребенок)[38].

Ограничения по времени действия нормы об изъятии (*ratione temporis*). В силу ст. 18 Федерального закона № 230-ФЗ его нормы, в частности позволяющие прокурорам обращаться с требованием об изъятии имущества в отношении подконтрольных лиц, вступили в силу 1 января 2013 г. (ч. 1). С этой же даты, как отмечалось выше, вступила в силу и корреспондирующая норма ст. 235 ГК РФ[39]. При этом обязанность по предоставлению данных о расходах, понесенных в связи с приобретением имущества, наступила в отношении сделок, совершенных с 1 января 2012 г. (ч. 2).

Согласно принципу недопустимости придания обратной силы закону, ухудшающему правовое положение граждан, который вытекает из Конституции Российской Федерации (ст. 1 и 2, ч. 1 ст. 17, ст. 18 и 19, ч. 1 ст. 54, ч. 2 и 3 ст. 55 и др.) и имеет общеправовое (надотраслевое) значение, федеральный законодатель, вводя в действие новые правовые нормы, обязан соблюдать требования справедливости, равенства и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства и не вправе придавать обратную силу новому регулированию, если оно ухудшает правовое положение личности, ограничивает ее субъективные права, уже существующие в конкретных правоотношениях.

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, «законодатель, реализуя свое исключительное право на придание закону обратной силы, принимает во внимание специфику регулируемых общественных отношений: обратная сила применяется преимущественно в отношениях, возникающих между индивидом и государством, и в интересах индивида (например, уголовное, пенсионное законодательство), а в отношениях, субъектами которых выступают физические и юридические лица, обратная сила обычно не применяется, ибо интересы одной стороны правоотношения не могут быть принесены в жертву интересам другой, не нарушившей закон»[40].

Соответственно, если исходить из буквального (а не распространительного) толкования федерального законодательства, то применение подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ возможно лишь к отношениям, возникшим с даты начала первого отчетного периода после вступления в силу Федерального закона № 230-ФЗ, которым является период с 1 января 2013 г. В крайнем случае применение указанной нормы ГК РФ возможно к отношениям, имевшим место в предшествующий отчетный период, т. е. с 1 января 2012 г., как это предусматривает данный Федеральный закон, имея в виду, что именно за данный период публичным служащим надлежало отчитаться о

[38] См.: Методические рекомендации по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2025 году (за отчетный 2024 год) : утв. Министерством труда и социальной защиты РФ, по состоянию на 28 декабря 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[39] См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» : федер. закон от 3 декабря 2012 г. № 231-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6954.

[40] См., например: По делу о проверке конституционности частей 14 и 17 статьи 16 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», подпунктов 3 и 3.1 пункта 1 статьи 201.1, пункта 5 статьи 201.10, абзаца второго пункта 2 статьи 201.15, подпункта 1 пункта 8 статьи 201.15-1, пункта 11 статьи 201.15-2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой гражданки А. Н. Шалимовой : постановление Конституционного Суда РФ от 21 июля 2022 г. № 34-П П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 31. Ст. 5807 ; и др.

своих доходах уже по новому регулированию, а именно до 15 апреля 2013 г.

Вместе с тем, по мнению КС РФ, изъятие имущества в рассматриваемом случае «не выходит за пределы имущественной сферы соответствующего лица, сформированной посредством совершения деяний коррупционной направленности, поэтому ее применение не может расцениваться как несовместимое с конституционным запретом на придание обратной силы законам, вводящим публично-правовую ответственность и ухудшающим правовое положение граждан»[41]. Этот подход разделяется в том числе учеными, указывающими, что «отсутствие у собственника в прежние годы обязанности подачи декларации (о расходах. – *В. Р.*) не означает легализацию приобретения до этой даты имущества вследствие нарушения антикоррупционных требований и запретов, как с очевидностью посягающего на основы правопорядка и нравственность»[42].

Такое судебно-доктринальное толкование становится возможным в связи с тем, что КС РФ прямо не квалифицирует гражданскую конфискацию как меру публично-правовой ответственности, предпочитая именовать ее «особой формой правового государственного принуждения». Аналогичным образом КС РФ допускает применение с обратной силой, например, института прекращения гражданства натурализованного лица, обосновывая это тем, что данный институт «не выступает мерой ответственности, а по своей правовой природе представляет конституционно-восстановительную меру»[43]. Полагаем, однако, что подобные терминологические изыски, не учитывающие автономного (надотраслевого) значения конституционного понятия «ответственность», а равно «универсального значения в отношениях государства и индивида» принципа правовой определенности[44], никак не снимают проблему правомерности ретроактивного применения названных принудительных мер.

Кроме того, сам КС РФ ранее отмечал следующее: «Действие закона, по общему правилу, распространяется на отношения, права и обязанности, возникшие после введения его в действие, и только законодатель вправе распространить новые нормы на факты и порожденные ими правовые последствия, возникшие до введения соответствующих норм в действие, т. е. придать закону обратную силу (ретроактивность) либо, напротив, допустить в определенных случаях возможность применения утративших силу норм (ультраактивность)»[45]. Однако нормы антикоррупционного законодательства, в частности Федерального закона № 230-ФЗ (как и нормы гражданского права), не содержат положений, позволяющих утверждать о возможности применения его с неограниченной обратной силой, т. е. в отношении сделок, совершенных ранее 1 января 2012 г. Как отмечают Р. С. Закалюжный и А. Р. Закалюжная, «предусмотрев указанную норму, законодатель понимал, что ранее законодательством России не было установлено обязанности государственных служащих представлять данные о расходах и об источниках получения средств, используемых для приобретения имущества. Соответственно, у лиц, замещающих (занимающих) государственные должности, не было необходимости заботиться о документировании либо сохранении доказательств, подтверждающих законность источников получения средств»[46].

---

[41] По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда : постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 46. Ст. 7029.

[42] *Александров А. И.* Изъятие имущества как антикоррупционная мера : без сроков давности // Государство и право. 2025. № 1. С. 82–93.

[43] Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2021 г. № 183-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[44] См.: По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова : постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 15. Ст. 1810.

[45] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сапсалева Ивана Кузьмича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части первой статьи 2 и части седьмой статьи 12 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате : определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 1144-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[46] *Закалюжный Р. С., Закалюжная А. Р.* Актуальные проблемы применения положений Федерального закона № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных

Тем не менее судебная практика исходит из того, что взыскание может быть обращено на любое имущество, приобретенное за весь срок нахождения лица в должности публичной службы, поскольку антикоррупционные ограничения и запреты сами по себе существовали в российском законодательстве и ранее. Так, в силу постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 9 января 2019 г. № 1-П предметом изъятия не может быть имущество, которое было приобретено лицом до замещения им публичной должности, если ни указанное лицо, ни его супруга (супруг) ранее не замещали должности государственной или муниципальной службы[47].

Например, в деле Г. А. Лопырева суд удовлетворил требования прокурора в полном объеме, обратив взыскание в том числе на ряд квартир, участков, машиномест, приобретенных ответчиками в период начиная с 2007 г. При этом суд в ответ на доводы ответчиков о недопустимости придания закону обратной силы истолковал ч. 2 ст. 18 Федерального закона № 230-ФЗ и подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ следующим образом: «Предметом рассмотрения судом являлся не вопрос соблюдения порядка представления сведений о расходах, а законность происхождения средств, затраченных на приобретение спорного имущества»; «то обстоятельство, что обязанность предоставления сведений, предусмотренная ч. 1 ст. 3 названного Федерального закона, возникает в отношении сделок, совершенных с 1 января 2012 г., не исключает возможность проверки судом доходов, на которые федеральным государственным служащим и членами его семьи до 1 января 2012 г. приобреталось спорное имущество»[48].

В деле же А. В. Коровайко, занимавшего в 2001–2004 гг. должности в аппарате полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе, судебная коллегия, отклоняя доводы апелляционной жалобы о необоснованном применении судом положений законодательства о противодействии коррупции, вступивших в силу после освобождения его от занимаемых должностей государственной службы, указала в числе прочего, что «во время нахождения А. В. Коровайко во власти часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации с 1 января 1995 г. содержала ст. 169 ГК РФ, устанавливающую возможность прекращения права собственности на имущество и его взыскание судом в доход Российской Федерации, если оно было получено по сделке, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности»[49].

Безусловно, в рассматриваемых делах судами интуитивно были приняты социально справедливые и одобряемые обществом решения. Однако суды не могут своим толкованием безразмерно расширять пределы действия норм права во времени. Приведенная практика, как видно, обусловлена изолированным толкованием и применением судами норм ГК РФ в отрыве от антикоррупционного регулирования.

Аналогично в деле А. В. Хорошавина суд первой инстанции в обоснование доводов об изъятии объектов права собственности, приобретенных самим Хорошавиным, его супругой и сыном в том числе в 2007–2008 гг. (до вступления в силу Федерального закона № 273-ФЗ), сослался на Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 1997 г. № 484 «О предоставлении лицами, замещающими государственные должности в Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности государственной службы и должности в органах местного самоуправления, сведений о доходах и имуществе» как нормативный акт, предписывавший ежегодное представление соответствующих сведений лицами, замещающими государственные должности субъектов Российской Федерации.

Такое обоснование выглядит привлекательно, учитывая, что долгое время в законодательстве Российской Федерации необоснованно отсутствовали контроль расходов публичных служащих и механизм взыскания коррупционно нажитого имущества, а появились лишь после

лиц их доходам» (на примере конкретного дела) // Вестник исполнительного производства. 2019. № 2. С. 33–37.

[47] См.: По делу о проверке конституционности части 1 статьи 16 и части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с жалобой гражданина Г.П. Кристова : постановление Конституционного Суда РФ от 9 января 2019 г. № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 3. Ст. 278.

[48] Определение Санкт-Петербургского городского суда от 20 июня 2018 г. по делу №33-12888/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[49] Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 27 февраля 2024 г. по делу № 33-8482/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

послания Президента Российской Федерации в 2011 г., в котором глава государства поставил задачу «радикально снизить экономическую заинтересованность в совершении корыстных преступлений»[50]. Однако, мы полагаем, доводы суда первой инстанции в этой части небесспорны. Действительно, законодательство и после и задолго до 2009 г. предусматривало подачу публичными служащими сведений об их доходах; вместе с тем аналогичная обязанность в отношении членов семьи появилась лишь в 2009 г.[51]; в любом случае до 2012 г. не существовало правового механизма декларирования расходов и института, аналогичного действующей сегодня гражданской конфискации.

Таким образом, толкование судов в приведенных делах выглядит *contra legem* и ограничивает права частного субъекта в его взаимоотношениях с государством: закон прямо гласит, что в рамках ведомственного контроля лицо отчитывается не обо всех когда-либо совершенных им сделках, а о сделках, совершенных в отчетном периоде, начиная с 2012 г. В рассматриваемых же случаях возрастает вероятность ситуации, когда лицо до вступления в должность публичной службы или же его родственники до появления обязанности отчитываться об их доходах накопили некоторые значительные незадекларированные сбережения (или утратили сведения об источнике этих доходов), а уже в момент нахождения лица в должности приобрели на них дорогостоящее имущество. И хотя в подобных случаях ответчики не лишены возможности всеми законными способами подтверждать правомерный характер источников своих средств, полагаем, что должен быть разумный временной порог такой «глубины» контроля: например, в отношении имущества, приобретенного за период, когда лицо занимало должность публичной службы, но не ранее, чем за три года до вступления в силу обязанности отчитываться о расходах публичного служащего (членов его семьи). В противном случае возрастает риск вынесения несправедливого судебного решения по причине объективной невозможности доказывания всех обстоятельств по делу, что искажает сам смысл правосудия.

Заключение. Таким образом, принципиально актуальным представляется вопрос о соотносимости сложившейся судебной практики с требованиями закона в его системном толковании и с учетом конституционных императивов правового равенства, правовой определенности и соразмерности правоограничений. Безразмерное расширительное судебное толкование, хотя и является отчасти вынужденным пробельностью регулирования и обусловленным политико-правовыми соображениями, тем не менее, влечет за собой вторжение в компетенцию законодательных органов и посягает на права и свободы личности. Полагаем, что с учетом современных реалий настала пора внесения комплексных изменений в правовое регулирование механизма контроля за расходами публичных служащих в соответствии с выявленными потребностями общества и государства, которые, с одной стороны, обеспечивали бы его подлинную эффективность на практике, а с другой – гарантировали бы соблюдение при его применении основополагающих прав и свобод личности. Такие изменения должны затронуть основные конструктивные элементы рассмотренного механизма: а) уточнение круга лиц, у которых допускается изъятие имущества; б) расширение перечня объектов, которые могут подлежать изъятию; в) выявление допустимых временны*х* границ такого изъятия.

Библиографический список

Александров А. И. Изъятие имущества как антикоррупционная мера : без сроков давности // Государство и право. 2025. № 1. С. 82–93.

Глухов Е. А. Законность, справедливость и целесообразность толкования законодательства военно-судебными органами // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2011. № 9 (171). С. 63–71.

Голоманчук Э. В., Астафурова О. А., Каюшникова Ю. Е. Антикоррупционный контроль над расходами служащих во взаимосвязи с возможностью обращения имущества в доход государства : отдельные аспекты правового регулирования // Общество : политика, экономика, право. 2021. № 12 (101). С. 93–98.

Закалюжный Р. С., Закалюжная А. Р. Актуальные проблемы применения положений Федерального закона № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные долж-

[50] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[51] См.: Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей : Указ Президента РФ от 18 мая 2009 г. № 557 // Рос. газета. 2009. 20 мая.

ности, и иных лиц их доходам» (на примере конкретного дела) // Вестник исполнительного производства. 2019. № 2. С. 33–37.

Ильяков А. Д., Смирнова Л. А. Вопросы реализации прокурорами полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» : информ.-аналит. обзор. М. : Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. 57 с.

Кобец П. Н. Зарубежный опыт ответственности должностных лиц за незаконное обогащение – эффективная мера борьбы с коррупцией // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 3 (106). С. 114–120.

Ульбашев А. Х. О фиктивном разводе // Семейное и жилищное право. 2019. № 3. С. 18–21.

Цирин А. М., Севальнев В. В. Порядок осуществления контроля за расходами отдельных категорий лиц : проблемы и пути решения // Журнал рос. права. 2019. № 7. С. 152–161.

Яковенко Е. В. Обращение имущества в доход Российской Федерации как гражданско-правовой инструмент противодействия коррупции : проблемы правоприменения и основные пути их решения // Вестник Ун-та прокуратуры РФ. 2024. № 4. С. 45–51.

References

Alexandrov A. I. Seizure of property as an anti-corruption measure : no statute of limitations // State and law. 2025. No. 1. P. 82–93.

Glukhov E. A. Legality, justice and expediency of interpretation of legislation by military judicial authorities // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2011. No. 9 (171). P. 63–71.

Golomanchuk E. V., Astafurova O. A., Kayushnikova Yu. E. Anti-corruption control over employee expenses in relation to the possibility of converting property into state income : selected aspects of legal regulation // Society : politics, economics, law. 2021. No. 12 (101). P. 93–98.

Zakalyuzhny R. S., Zakalyuzhnaya A. R. Actual problems of applying the provisions of Federal Law No. 230-FZ «On monitoring the compliance of expenses of persons holding public positions and other persons with their incomes» (on the example of a specific case) // Bulletin of Enforcement Proceedings. 2019. No. 2. P. 33–37.

Ilyakov A. D., Smirnova L. A. Issues of the exercise by prosecutors of the powers provided for by Federal Law No. 230-FZ dated 03.12.2012 «On monitoring the compliance of expenses of persons holding Public positions and other persons with their incomes» : an information and analytical review. Moscow : Akad. Gen. Prosecutor's Office of the Russian Federation. Federation, 2016. 57 p.

Kobets P. N. Foreign experience of officials' responsibility for illicit enrichment – an effective measure to combat corruption // Lawyer – Legal Scholar. 2023. No. 3 (106). P. 114–120.

Ulbashev A. Kh. On fictitious divorce // Family and housing law. 2019. No. 3. P. 18–21.

Tsirin A. M., Sevalnev V. V. The procedure for monitoring expenses of certain categories of persons : problems and solutions // Journal of Russian Law. 2019. No. 7. P. 152–161.

Yakovenko E. V. The conversion of property into income of the Russian Federation as a civil law instrument for combating corruption : problems of law enforcement and the main ways to solve them // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2024. No. 4. P. 45–51.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Романюк В. И., соискатель ученой степени кандидата юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса юридического факультета

E-mail: vikiromanyuk@mail.ru

Поступила в редакцию: 21.07.2026

Для цитирования:

Романюк В. И. К вопросу о совершенствовании механизма обращения в доход государства имущества, нажитого коррупционным путем, по иску прокурора // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 85–99. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/85-99

National Research University «Higher School of Economics»

Romanyuk V. I., Ph.D. Student, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure, Faculty of Law

E-mail: vikiromanyuk@mail.ru

Received: 21.07.2026

For citation:

Romanyuk V. I. On the issue of improving the mechanism for converting property acquired through corruption into state property at the request of the prosecutor // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 85–99. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/85-99

УДК 349
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/100-105

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОДНЫЙ РЕЕСТР РОССИИ: ОТ КАДАСТРОВОГО НАСЛЕДИЯ К ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

С. В. Тищенко

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Приволжский филиал (Нижний Новгород)

THE STATE WATER REGISTER OF RUSSIA: FROM CADASTRE HERITAGE TO DIGITAL TRANSFORMATION

S. V. Tishchenko

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Volga Branch (Nizhny Novgorod)

Аннотация: в статье исследуются системные проблемы ведения государственного водного реестра (ГВР) Российской Федерации, обусловленные его кадастровым наследием и разрывом с Единым государственным реестром недвижимости (ЕГРН). На основе анализа статистических данных, судебной практики (включая определение Верховного Суда РФ № 5-КГ18-121) и ведомственных разъяснений выявлена правовая неопределенность, порождаемая отсутствием актуальных сведений о водных объектах. Обосновывается необходимость законодательного закрепления приоритета фактического состояния водного объекта перед реестровыми данными, синхронизации ГВР и ЕГРН, а также закрытия коррупционных лазеек в водном законодательстве.
Ключевые слова: государственный водный реестр, водный кадастр, Единый государственный реестр недвижимости, цифровая трансформация, судебная практика, водные объекты.

Abstract: the article examines the systemic problems of maintaining the State Water Register (SWR) of the Russian Federation, which are caused by its cadastral heritage and its separation from the Unified State Register of Real Estate (USRRE). Based on the analysis of statistical data, judicial practice (including the ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-KG18-121), and departmental clarifications, the article identifies the legal uncertainty caused by the lack of up-to-date information about water bodies. The article substantiates the need to legislate the priority of the actual state of a water body over registry data, synchronize the State Water Register and the Unified State Register of Property, and close corruption loopholes in water legislation.
Key words: state water register, water cadastre, Unified State Register of Real Estate, digital transformation, judicial practice, water bodies.

Введение

Современное водное законодательство, как справедливо отмечали ранее Л. В. Бударагина и С. В. Тищенко, недостаточно полно и четко регулирует водные отношения, а исследования в области ведения государственного водного реестра практически отсутствуют[1]. Между тем цифровая трансформация государственного управления, провозглашенная в числе национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г., предъявляет новые требования к информационному обеспечению природоресурсных отраслей. В сфере водопользования ключевым элементом такого обеспечения выступает ГВР – систематизированный свод документированных сведений о водных объектах (ст. 31 Водного кодекса Российской Федерации, далее – ВК РФ).

Однако практика применения сведений Государственного водного реестра (далее – ГВР) выявляет глубокий разрыв между нормативной

[1] См.: *Бударагина Л. В., Тищенко С. В.* Становление и развитие государственного водного реестра в России // Водное хозяйство России. 2016. № 4. С. 208.

© Тищенко С. В., 2026

моделью и реальным состоянием информационной базы. Как отмечают И. В. Жерелина и соавторы, в реестре содержатся сведения лишь о 5,7 % рек и 0,8 % озер от фактического количества водных объектов в России[2]. При этом информационная основа реестра сформирована преимущественно по данным гидрологической изученности 1960-х гг.

Как показано в работах С. А. Амашукели, формирование информационных систем в сфере природопользования идет отчасти стихийно, поскольку далеко не все отрасли законодательства содержат специальные положения о цифровых взаимоотношениях[3]. ВК РФ почти полностью игнорирует отношения, возникающие с использованием цифровых технологий.

Проблемный вопрос исследования заключается в концептуальном противоречии, заложенном в самой природе ГВР. В отличие от водного кадастра, представляющего собой первичную пространственную основу (карту водных объектов), реестр является вторичным документом – описью характеристик объектов, которые уже нанесены на карту. Переход от кадастра к реестру, осуществленный ВК РФ 2006 г., де-факто снял с государства обязанность по систематическому обследованию водных объектов, особенно малых. Как следствие, формируется порочный круг: реестр не содержит сведений об объекте, потому что он не обследован, а объект не обследуется, поскольку на это нет ни правового механизма, ни бюджетного финансирования. Целью настоящего исследования является выявление системных проблем ведения ГВР, обусловленных его кадастровым наследием и разрывом с Единым государственным реестром недвижимости (далее – ЕГРН), и определение направлений совершенствования реестра в контексте цифровой трансформации.

1. Генезис проблемы: от водного кадастра к ГВР и ЕГРН

Исторически водный учет в России начинался с кадастра. Как отмечают Л. В. Бударагина и С. В. Тищенко, первый Водный кадастр СССР был подготовлен в 1933–1940 гг., а с 1978 г. началось его ведение по единой системе Государственного водного кадастра СССР, включавшего данные учета вод по количественным и качественным показателям, регистрации водопользований и данные учета использования вод[4].

Ведение кадастра было поручено Государственному комитету СССР по гидрометеорологии, Министерству геологии и Министерству мелиорации и водного хозяйства.

С принятием ВК РФ 2006 г. понятие «государственный водный кадастр» было заменено на «государственный водный реестр». Постановлением Правительства РФ от 28 апреля 2007 г. № 253 в ГВР включены данные государственного водного кадастра РФ по состоянию на 1 января 2007 г.[5].

Замена понятий не была простой терминологической корректировкой. Кадастр отвечает на вопрос «что где находится?» (пространственная привязка), реестр – «каковы характеристики и кому принадлежит?». Без актуальной карты (кадастра) реестр превращается в опись того, чего может уже не быть. Одновременно с 1997 г. ведется Единый государственный реестр прав на недвижимость (впоследствии – ЕГРН). Проблема состоит в том, что ГВР и ЕГРН развивались параллельно, без механизмов синхронизации. Отсутствие водного объекта в ГВР становится основанием для того, чтобы «не заметить» его при формировании земельного участка в ЕГРН.

Именно этот правовой вакуум, как отмечает Д. О. Сиваков, создает коррупционные риски: «Коррупция в области использования и охраны водных объектов усиливает экологические угрозы и подрывает систему правового регулирования»[6].

2. Неактуальность и недостоверность ГВР как системная проблема информационных баз данных

2.1. Хронологический разрыв и неполнота данных. ГВР создан на основе данных кадастра по состоянию на 1 января 2007 г., факти-

[2] См.: Опыт и проблемы применения на практике сведений, включенных в государственный водный реестр / И. В. Жерелина, В. А. Жоров, И. С. Постнова [и др.] // Водное хозяйство России : проблемы, технологии, управление. 2024. № 5. С. 7.

[3] См.: *Амашукели С. А.* Развитие цифровизации в сфере использования и охраны водных объектов // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 3. С. 178.

[4] См.: *Бударагина Л. В., Тищенко С. В.* Указ. соч. С. 209–210.

[5] См.: Там же. С. 210.

[6] *Сиваков Д. О.* Риски коррупции в области использования и охраны водных объектов // Государство и право : теория и практика. 2017. № 2 (7). С. 43.

чески – на основе гидрологической изученности 1960-х гг.[7]. По данным Минприроды России, по территории РФ протекает более 2,5 млн рек и насчитывается более 2,7 млн озер. По состоянию на 2018 г., как указывают И. В. Жерелина и соавторы, в ГВР включены сведения о 142,3 тыс. рек и 20,7 тыс. озер — 5,7 % и 0,8 % соответственно[8]. Причины неполноты носят институциональный характер. По мнению авторов, сведения о неизученных водных объектах предоставляются Росгидрометом в Росводресурсы по мере обследования. Так, в 2019 г. внесены сведения только о 4 водотоках, в 2020 г. – о 10 водотоках и 18 водоемах, а в 2021–2022 гг. активность проявили лишь два управления[9].

Таким образом, малые водные объекты (ручьи, временные водотоки) фактически выпадают из правового поля: не охраняются, не контролируются, их состояние не мониторится.

2.2. Антропогенная трансформация водных объектов. Еще один аспект неактуальности ГВР – антропогенное изменение водотоков. Как отмечают И. В. Жерелина и соавторы, в результате хозяйственной деятельности происходит: переброска стока через водораздел, перенос русла, заключение водотока в коллектор, разрыв русла с созданием локальных водоемов, ликвидация водотока при засыпке, формирование новых водотоков из шахтных вод и др.[10] Авторы отмечают, что, по оценкам специалистов, только на территории Кемеровской области – Кузбасса исчезло и сократило протяженность свыше 200 водотоков. Однако процедура исключения сведений о прекративших существование водных объектах из ГВР законодательно не урегулирована.

Д. О. Сиваков обращает внимание на смежную проблему: «В силу коррупционных проявлений должностные лица нередко не выделяют береговую полосу общего пользования, поощряют застройку берегов водных объектов прямо до уреза воды, что препятствует законному доступу граждан»[11].

3. Воспроизводство недостоверности: ГВР и ЕГРН как «зеркала» друг друга

3.1. Механизм «легализации фикции». Отсутствие водного объекта в ГВР создает юридическую возможность для того, чтобы «не заметить» его при формировании земельного участка в ЕГРН. Поскольку водный объект не учтен, береговая линия не установлена, водоохранная зона не определена. Земельный участок формируется без учета ограничений, связанных с нахождением в его границах акватории.

Д. О. Сиваков приводит примеры таких злоупотреблений: высокопоставленные лица инициируют произвольное запруживание рек с захватом живописных рощ для строительства дворцов, а в документах русла рек выдаются за земельные участки[12].

3.2. Судебная практика. Анализ судебной практики показывает отсутствие единообразного подхода.

Подход первый (приоритет реальности). Верховный Суд РФ в определении от 29 мая 2018 г. № 5-КГ18-121[13] рассмотрел дело, в котором прокурор оспаривал образование участков в границах акватории пруда Ильинский и его береговой полосы. Суд установил, что в границах участков расположена часть залива поверхностного водного объекта.

Ключевой вывод Верховного Суда: *«Отсутствие сведений о водном объекте в государственном водном реестре не свидетельствует о фактическом отсутствии такого объекта в границах участка»*. ГВР лишь систематизированный свод сведений, не являющийся единственным источником доказательств существования водного объекта. Суд признал образование участ-

[7] См.: Опыт и проблемы применения на практике сведений, включенных в государственный водный реестр. С. 6.

[8] См.: Там же. С. 7.

[9] См.: Там же. С. 6.

[10] См.: Там же. С. 9.

[11] *Сиваков Д. О.* Указ. соч. С. 43.

[12] См.: Там же. С. 47.

[13] См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 5-КГ18-121. Требование: О признании недействительным образования земельных участков, исключении записей кадастрового учета, признании права собственности отсутствующим. Обстоятельства: В ходе прокурорских проверок выявлен факт формирования спорных участков в границах части акватории водного объекта и его береговой полосы. Решение: Требование удовлетворено, так как формирование и образование земельных участков из земель, покрытых относящимся к государственной собственности РФ поверхностным водным объектом, постановка их на кадастровый учет как объектов недвижимости и предоставление их ответчику в собственность актом органа местного самоуправления являлись неправомерными.

ков недействительным, право собственности – отсутствующим.

Подход второй (приоритет реестра). Арбитражный суд Кировской области в решении от 10 мая 2023 г. по делу № А28-14393/2022[14] занял иную позицию. Общество «Виста» просило предоставить в пользование пруд для рыбоводства. Министерство отказало, поскольку сведения о пруде отсутствовали в ГВР. Суд поддержал отказ, сославшись на письмо Росводресурсов от 9 марта 2022 г. № ВН-02-26/1910[15], согласно которому «отказом будет являться случай, если информация о водном объекте в целом не содержится в ГВР, прежде всего в форме 1.9-гвр».

Подход третий (проблема идентификации водного объекта при отсутствии экспертизы). Приокский районный суд г. Нижнего Новгорода (дело № 2-77/2021)[16] рассматривал спор о перераспределении земельных участков и об оспаривании решения администрации об образовании земельного участка в границах проточного водного объекта. Истцы ссылались на наличие ручья естественного происхождения в границах участка, сформированного по решению местной администрации, и отсутствие сведений о нем в ГВР. В подтверждение своих доводов истцы представили фото- и видеоматериалы, зафиксировавшие водоток. Однако ходатайство о проведении судебной гидрологической экспертизы истцами заявлено не было (в том числе по финансовым причинам), а суд ее не инициировал. В основу решения суд положил показания специалистов – кадастрового инженера и представителя управления архитектуры и градостроительства администрации, утверждавших, что водный объект естественного происхождения не обнаружен, а имеющаяся дренажная канава является искусственно созданной и не относится к водным объектам. Суд отказал в иске, указав в решении: «Дренажные воды не относятся к водным объектам».

Данный кейс высвечивает две системные проблемы. Во-первых, при рассмотрении споров о наличии/отсутствии водного объекта, требующих специальных гидрологических познаний, суды в условиях пассивной роли истца (не заявившего ходатайство об экспертизе) не принимают мер к назначению экспертизы по собственной инициативе, что ставит граждан в заведомо невыгодное положение. Во-вторых, отсутствие в ГВР сведений о водном объекте позволяет суду (и администрации) идентифицировать водоток как «дренажную канаву» без какого-либо гидрологического обоснования, игнорируя иные доказательства (фото, видео).

3.3. Правовая неопределенность и ее последствия. Сопоставление приведенных судебных актов позволяет сделать вывод об отсутствии единообразного подхода к оценке юридического значения отсутствия сведений о водном объекте в ГВР.

Верховный Суд РФ (дело № 5-КГ18-121) исходит из приоритета фактического состояния: отсутствие водного объекта в ГВР не опровергает его существования, если оно установлено иными доказательствами. Напротив, Арбитражный суд Кировской области (дело № А28-14393/2022) следует формальному подходу, отказывая в предоставлении водного объекта в пользование исключительно по причине отсутствия сведений о нем в ГВР, в том числе в форме 1.9-гвр.

Третий кейс (дело № 2-77/2021) демонстрирует иную проблему: при отсутствии ходатайства истца о назначении экспертизы суд не принял мер к ее инициации, хотя спор требовал специальных гидрологических познаний. В основу решения были положены показания специалистов – кадастрового инженера и представителя органа, сформировавшего спорный участок, – без какого-либо гидрологического исследования. Видеодоказательства истцов (фиксация водотока в зимний период) не были приняты во внимание.

Эта правовая неопределенность создает серьезные риски. Во-первых, заинтересованные лица (включая органы власти) могут инициировать формирование земельных участков в границах реально существующих водных объектов, пользуясь тем, что эти объекты «формально» не учтены в ГВР. Во-вторых, граждане, не имеющие финансовой возможности оплатить дорогостоящую гидрологическую экспертизу, оказываются в заведомо невыгодном положении: суд не назначает экспертизу по собственной инициативе и принимает решение на ос-

[14] См.: Решение Арбитражного суда Кировской области от 10 мая 2023 г. по делу № А28-14393/2022. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/tP9jmtQCaxYl/

[15] См.: Письмо Минприроды России от 13 июля 2022 г. № 14-47/26792 «О направлении информации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[16] См.: Решение Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода от 26 февраля 2021 г. по делу № 2-77/2021. URL: https://sudact.ru/regular/court/reshenya-priokskii-raionnyi-sud-g-nizhnii-novgorod-nizhegorodskaia-oblast/

нове показаний специалистов заинтересованного органа.

Показательно, что письмо Минприроды России от 13 июля 2022 г. № 14-47/26792 прямо разъясняет: отсутствие сведений в ГВР не является безусловным основанием для отказа в предоставлении водного объекта в пользование. Однако на практике (как в деле № А28-14393/2022) это разъяснение федерального органа игнорируется.

4. Цифровая трансформация: спасет ли платформа «водные данные»?

Как отмечает С. А. Амашукели, Водной стратегией 2009 г. было запланировано создание единой информационно-аналитической системы управления водохозяйственным комплексом и в настоящее время Росводресурсы формируют цифровую платформу «Водные данные», которая должна объединить АИС ГВР, ИАС 2-ТП Водхоз и АИС ГМВО. Однако, как справедливо указывает автор, «водное законодательство не совсем готово к настолько серьезной цифровизации процесса управления водными ресурсами»[17]. Цифровая платформа создается без изменений в Водный кодекс. Непонятно правовое значение решений, выдаваемых программой. Водный объект юридически не приравнивается к экосистеме (кроме озера Байкал).

К. В. Крутикова и А. В. Шевчук в рамках SWOT-анализа системы управления водными ресурсами выделяют в качестве слабой стороны «систему платного водопользования, которая не является формирующей в структуре бюджета водохозяйственного комплекса», а также «инерционность развития» и отсутствие проекта Водной стратегии до 2030 г.[18].

Главный риск цифровизации — «оцифровка фикции». Если в ГВР загружены данные 1960-х гг., их перенос в «Водные данные» лишь переведет устаревшую информацию в новый формат, не решив проблему первичной актуальности данных.

На основе проведенного анализа предлагаются следующие меры совершенствования ведения государственного водного реестра:

1) **законодательное закрепление приоритета фактического состояния.** Внести изменения в ст. 31 ВК РФ: отсутствие сведений о водном объекте в ГВР не является основанием для отказа в установлении его береговой линии, если существование объекта подтверждено инженерно-гидрологическими изысканиями (по аналогии с позицией Верховного Суда РФ);

2) **обязательная актуализация ГВР при антропогенном изменении.** Установить обязанность лиц, осуществляющих деятельность, связанную с изменением гидрографической сети, за свой счет инициировать внесение изменений в ГВР;

3) **синхронизация ГВР и ЕГРН.** Ввести обязательную сверку данных при образовании участков, прилегающих к водным объектам. При наличии признаков водного объекта на местности формирование участка приостанавливается;

4) **финансирование рекогносцировки малых водных объектов.** Законодательно закрепить обязанность Росводресурсов и Росгидромета проводить плановые обследования малых водотоков за счет бюджета;

5) **закрытие коррупционных лазеек.** Исключить возможность передачи прав по договору водопользования третьим лицам без аукциона (ст. 19 ВК РФ). Сиваков обоснованно указывает, что «передача прав способствует обходу заинтересованными лицами предписаний водного законодательства о том, что новый водопользователь должен выиграть аукцион»[19].

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы.

1. **ГВР не является актуальным и достоверным источником сведений о водных объектах.** Это обусловлено кадастровым наследием (переходом от кадастра к реестру без сохранения пространственной основы), отсутствием систематического обследования малых водных объектов (в ГВР – 5,7 % рек) и процедур актуализации данных.

2. **Недостоверность ГВР воспроизводится ЕГРН.** Отсутствие водного объекта в ГВР позволяет формировать земельные участки в границах реально существующих акваторий и береговых полос.

3. **Судебная практика разобщена:** Верховный Суд исходит из приоритета реальности (дело № 5-КГ18-121), нижестоящие суды нередко отказывают в защите прав, ссылаясь на формальное отсутствие сведений в ГВР (дело № А28-

[17] *Амашукели С. А.* Указ. соч. С. 183–185.

[18] См.: *Крутикова К. В., Шевчук А. В.* SWOT-анализ системы управления водными ресурсами // Водное хозяйство России. 2019. № 4. С. 57–70.

[19] *Сиваков Д. О.* Указ. соч. С. 51.

14393/2022) либо на показания специалистов заинтересованного органа без проведения гидрологической экспертизы (дело № 2-77/2021). Это создает правовую неопределенность и коррупционные риски.

4. **Цифровая платформа «Водные данные»** без решения проблемы первичной актуальности данных создает риск «оцифровки фикции» – переноса устаревших сведений в новую систему.

Предложенные меры: закрепление приоритета фактического состояния, обязательная актуализация ГВР, синхронизация с ЕГРН, финансирование рекогносцировки, закрытие коррупционных лазеек – направлены на устранение выявленных недостатков.

Библиографический список

Амашукели С. А. Развитие цифровизации в сфере использования и охраны водных объектов // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 3. С. 177–187.

Бударагина Л. В., Тищенко С. В. Становление и развитие государственного водного реестра в России // Водное хозяйство России. 2016. № 4. С. 208–213.

Крутикова К. В., Шевчук А. В. SWOT-анализ системы управления водными ресурсами // Водное хозяйство России. 2019. № 4. С. 57–70.

Опыт и проблемы применения на практике сведений, включенных в государственный водный реестр / И. В. Жерелина, В. А. Жоров, И. С. Постнова [и др.] // Водное хозяйство России : проблемы, технологии, управление. 2024. № 5. С. 5–20.

Сиваков Д. О. Риски коррупции в области использования и охраны водных объектов // Государство и право : теория и практика. 2017. № 2 (7). С. 42–54.

References

Amashukeli S. A. Development of digitalization in the sphere of use and protection of water objects // Actual problems of russian law. 2022. Vol. 17. No. 3. P. 177–187.

Budaragina L. V., Tishchenko S. V. Formation and development of the state water register in Russia // Water management in Russia. 2016. No. 4. P. 208–213.

Krutikova K. V., Shevchuk A. V. SWOT analysis of the water resources management system // Water economy of Russia. 2019. No. 4. P. 57–70.

Experience and problems of applying information included in the state water register in practice / I. V. Zherelina, V. A. Zhorov, I. S. Postnova et al. // Water Economy of Russia : problems, technologies, management. 2024. No. 5. P. 5–20.

Sivakov D. O. Risks of corruption in the use and protection of water facilities // State and Law : theory and practice. 2017. No. 2 (7). P. 42–54.

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Приволжский филиал (Нижний Новгород)

Тищенко С. В., кандидат юридических наук, доцент, член Ассоциации юристов России, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

E-mail: stischenko@yandex.ru

Поступила в редакцию: 04.06.2026

Для цитирования:

Тищенко С. В. Государственный водный реестр России: от кадастрового наследия к цифровой трансформации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 100–105. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/100-105

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Volga Branch (Nizhny Novgorod)

Tishchenko S. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Member of the Association of Lawyers of Russia, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines

E-mail: stischenko@yandex.ru

Received: 04.06.2026

For citation:

Tishchenko S. V. The state water register of Russia: from cadastre heritage to digital transformation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 100–105. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/100-105

УДК 342.92
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/106-114

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОСПАРИВАНИЯ РЕШЕНИЙ, ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) ОРГАНА, ЛИЦА, НАДЕЛЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ИЛИ ИНЫМИ ПУБЛИЧНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ В РОССИИ

А. И. Жигулин
Воронежский государственный университет

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF CHALLENGING DECISIONS, ACTIONS (OR INACTION) OF BODIES AND OFFICIALS VESTED WITH STATE OR OTHER PUBLIC POWERS IN RUSSIA

A. I. Zhigulin
Voronezh State University

Аннотация: в статье проводится подробный историко-правовой анализ развития отечественного процессуального законодательства, регламентирующего судебный порядок защиты прав от незаконных решений, действий (бездействия) органов публичной администрации, как сложного нелинейного процесса, детерминированного социально-политическими изменениями, идеологическими парадигмами и внешним (преимущественно европейским) влиянием.
Ключевые слова: административное судопроизводство, административная юстиция, история развития института административной юстиции, жалоба, административный иск, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

Abstract: the article provides a detailed historical and legal analysis of the development of domestic procedural legislation regulating the judicial procedure for the protection of rights against unlawful decisions, actions (or inaction) of public administration bodies, viewed as a complex non-linear process determined by socio-political changes, ideological paradigms, and external (predominantly European) influence.
Key words: administrative judicial procedure, administrative justice, history of the development of the institution of administrative justice, complaint, administrative claim, Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation.

Вступление в силу 15 сентября 2015 г. Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) послужило новым витком развития отечественной науки административного судопроизводства и административной юстиции. Как указывает Ю. Н. Старилов, «принятие КАС РФ коренным образом изменило представление о национальной модели административной юстиции и ее будущем в России. Именно с этого момента отечественная модель административной юстиции получила правильную, адекватную и надлежащую реализацию»[1]. Нельзя не согласиться с приведенной точкой зрения, поскольку, действительно, существовавшая в Российской Федерации с 1993 г. до принятия КАС РФ система судебной защиты от незаконных решений, действий (бездействия) органов публичной администрации, а также ее фрагментальное регламентирование ныне утратившим силу под-

© Жигулин А. И., 2026

[1] *Старилов Ю. Н., Махина С. Н., Носова Ю. Б., Рогачева О. С.* Административное судопроизводство : учеб. пособие для бакалавриата, магистратуры, специалитета по направлениям «Юриспруденция» и «Судебная и прокурорская деятельность» / под ред. Ю. Н. Старилова. 2-е изд., пересм. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. С. 58.

разделом III раздела II ГПК РФ, разделом III АПК РФ, думается, не представляла собой слаженную безупречную систему, которая могла бы предоставить эффективную защиту прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Однако развитие в России института судебного контроля за законностью решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также их должностных лиц представляется целесообразным рассматривать именно с момента его непосредственного становления, а никак не с какого-либо отдельного этапа вне связи с предыдущими.

Историческое развитие отечественного законодательства о судебной защите от незаконных решений, действий (бездействия) органов государственной администрации характеризуется значительной спецификой, поэтому, хоть и в научной литературе выделяют порядка четырех этапов развития российской судебной системы, куда относят: этап до Судебной реформы 1864 г. (дореформенный); пореформенный (с 1864 по 1917 г.); советский этап (с 1917 по 1991 г.), а также современный (или постсоветский) этап, который длится вплоть до настоящих дней[2], – данное условное деление невозможно в полной мере применить к рассматриваемому нами институту.

Так, в эпоху формирования Древней Руси как полицентричного феодального государства судебная защита прав не была институализирована в качестве самостоятельного субъектного права каждого лица независимо от его положения. Князь выступал носителем верховной власти, объединяя в своем публично-правовом статусе управленческие, законодательные и судебные полномочия. Сама судебная деятельность рассматривалась лишь как производная данной власти и осуществлялась на первых этапах единолично князем. Однако постепенно со временем начала довольно ясно проявляться тенденция к децентрализации данной функции и формированию более самостоятельных судебных структур[3]. Подтверждением этого можно считать постепенное делегирование князем указанной функции своим дружинникам, а к началу XII в. – тиунам и иным представителям государственной власти. При этом, несмотря на постепенное ограничение судебных полномочий монарха, вплоть до середины XVII в. он оставался и рассматривался как единственная высшая судебная инстанция при рассмотрении любой категории дел.

Анализируя указанный период, стоит также отметить, что Краткая редакция Русской правды содержала отдельные нормы, направленные на ограничение злоупотребления своим положением княжескими должностными лицами. В частности, ст. 33 устанавливала имущественную ответственность за неправомерные истязания, совершаемые тиунами, огнищанами, мечниками без выданного князем на то разрешения.

Отсутствие же институционального разграничения между управленческими и судебными функциями предопределяло невозможность на данном этапе возникновения судебного контроля за действиями органов публичной администрации в современном, привычном нам понимании.

В дальнейшем, уже в период Ивана III, начинает прослеживаться постепенная систематизация судебной системы. Ее начало связано с принятием Судебника 1497 г., который, с одной стороны, был нацелен на формирование единой системы судов во всём государстве, а с другой стороны, формализовал процедуру подачи и рассмотрения челобитных. Дальнейшее ее развитие было отражено уже в Судебнике 1550 г., отвечающем, как отмечает В. В. Ильин, «централизованным принципам суда и управления»[4]. Указанный Судебник конкретизировал санкции за волокиту (затяжку рассмотрения дел) и ложные апелляции. Параллельно, в 1549 г., по решению первого Земского собора, в рамках проводимых реформ был также учрежден челобитный приказ, рассматривающий жалобы на злоупотребления должностных лиц. С течением времени на приказы были возложены функции, свойственные судебным органам, по приему обращений и разрешению споров по существу.

Следующим шагом законодательного развития института возможного обжалования действий органов публичной администрации мож-

[2] См.: Судоустройство и правоохранительные органы : учебник / под ред. Л. В. Головко. М. : Городец, 2020. С. 28.

[3] См.: *Готье В.* Основные положения преобразования судебной части в России (с присовокуплением краткого обзора исторического хода судопроизводства). М. : Тип. В. Готье, 1863. С. 17.

[4] *Ахиезер А. С., Ильин В. В.* Российская государственность : истоки, традиции, перспективы / под ред. В. В. Ильина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 155.

но считать принятие в 1649 г., во время царствования Алексея Михайловича, Соборного уложения – наиболее полного и систематизированного кодекса того времени. Глава X данного свода подробно регламентировала порядок подачи и рассмотрения челобитных в Челобитном приказе, включая в том числе проверку достоверности указываемых сведений и отмены неправомерных решений. Помимо прочего, ст. XX главы X был впервые в истории государства установлен прямой запрет просить защиты у государя, прежде «не бив челом в приказе». Подобный запрет также в дальнейшем закреплялся в Указе Петра I 1700 г. «О неподаче просьб мимо присутственных мест Государю»[5]. Глава XVII, в свою очередь, посвящалась разрешению административных споров, связанных с землевладением, с особым вниманием к ответственности воевод за злоупотребление возложенными на них полномочиями.

Последующие законодательные новеллы рассматриваемого нами института судебного контроля за законностью решений, действий (бездействия) органов публичной администрации последовали лишь только во времена судебной реформы 1864 г. До этого же, на протяжении двух столетий наблюдается постепенное реформирование порядка осуществления административного контроля за деятельностью государственных органов и их должностных лиц. Так, Петр I своими указами 1711 и 1714 гг. учредил Правительствующий Сенат и службу фискалов, которые, помимо прочего, осуществляли функции по обеспечению законности в деятельности органов власти и их должностных лиц. В 1722 г. была же учреждена прокуратура.

Впоследствии, с изданием в 1775 г. императрицей Екатериной II Учреждения для управления губерний Российской империи, были введены так называемые всесословные (совестные) суды. Будучи квазисудебными органами, предоставляя возможность обжаловать решения и действия местных органов власти, они рассматривали земельные, фискальные, повинностные споры. Стоит же отметить, что решения совестных судов не обладали в ряде споров (преимущественно связанных с имущественными правоотношениями) законной силой, а судьи не обладали полномочиями приведения указанных решений в действие. В случае отсутствия добровольного согласия сторон на исполнение вынесенного решения требования подлежали передаче в суд общей юрисдикции.

Данным учреждением также устанавливался запрет нахождения в одном и том же месте полиции, судов и иных государственных органов. Это нововведение заложило основополагающий принцип разделения судебной власти от административной системы губернского правления. Однако, как отмечает Л. В. Головко, «зависимость суда от администрации по-прежнему сохранялась. Органы власти не только влияли на состав судебных мест, но и имели широкие надзорные полномочия»[6]. Н. М. Коркунов же указывает: «Учреждение 1775 г. установило не столько разделение властей, сколько разделение труда…»[7]. По нашему мнению, хотя и судебные органы все же оставались едиными с административными, данная реформа заложила фундамент для обретения дальнейшей судебной системой самостоятельности и независимости.

Дальнейшие законодательные изменения последовали лишь в 1864 г., когда 20 ноября император Александр II подписал указ Правительствующему Сенату, утвердивший четыре кодекса, которые и составляли основу проводимой Судебной реформы: Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, а также Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Хотя Учреждением судебных установлений были сформированы и заложены фундаментальные принципы организации судебной системы Российской империи, ни само Учреждение, ни Устав гражданского судопроизводства значимых преобразований в сфере обеспечения судебной защиты прав от неправомерных решений, действий (бездействия) органов публичной администрации не внесли.

Довольно обсуждаемым, активно набирающим популярность в научной среде того времени являлся вопрос сущности административной юстиции. Так, в период второй половины XIX – начала XX вв. формируются два основных

[5] См.: *Алексеев А. С.* Русское государственное право : пособие к лекциям ординарного проф. Имп. Московского университета. 5-е изд. М. : Типолитогр. Г. И. Простакова, 1905. С. 181.

[6] Судоустройство и правоохранительные органы : учебник / под ред. Л. В. Головко. М. : Городец, 2020. С. 33.

[7] *Коркунов Н. М.* Русское государственное право : пособие к лекциям. Введение и общая часть. СПб. : Книжный магазин А. Ф. Цинзерлинга (бывший Мелье и К°), 1892. С. 335.

понимания сущности организационной стороны административной юстиции. В основе первого из них, возникшего в конце XIX в., лежит довольно узкая трактовка рассматриваемого нами понятия, которая исходит исключительно из деятельности специальных административных судов. Основоположниками данного подхода являются уже упомянутый Н. М. Коркунов, С. П. Покровский, Н. И. Лазаревский, И. Т. Тарасов. Так, Н. И. Лазаревский указывал, что в основе понятия «административная юстиция» лежат такие составляющие, как защита публичных прав, наличие требования (административного иска), а также обеспечение законности управления[8]. Само же понятие административной юстиции представляет собой «особую систему специальных судебных установлений, имеющих целью охранять от нарушения администрациею те правовые границы ее полномочий, в соблюдении которых заключается существо правового государства»[9]. Н. М. Коркунов же указывал на то, что отечественные условия административной деятельности в полной мере не обеспечивают законности управления только при помощи гражданских и уголовных судов[10].

Второе понимание сущности организационной стороны административной юстиции исходит из более широкого подхода. Одним из сторонников такого подхода является С. А. Корф, который в 1910 г. в своей работе «Административная юстиция в России» довольно детально исследовал сущность института административной юстиции, а также принципы административного процесса, административный иск и его пределы. Ученый сделал вывод, что в целом при определении сущностного понимания административной юстиции не стоит зацикливаться на том, к какой ветви власти относится указанный институт. При этом административная юстиция «может быть обеспечена лишь деятельностью органа, пользующегося положением органа судебного, что по существу своему она является "юстицией", правоговорением, а не управлением»[11].

Действительно, стоит отметить, что в рассматриваемый период существовал и внесудебный механизм разрешения подобных споров, гарантируемый системой специализированных административных органов контроля, где главенствующее место занимал Сенат, который осуществлял прием и рассмотрение жалоб и доносов от населения с целью выявления злоупотребления со стороны органов публичной администрации всех уровней. В процессе рассмотрения поданной жалобы законодатель допускал направление соответствующих ревизий или назначение дополнительных расследований на местах.

Начало XX в. характеризуется достаточно сильным прогрессом в научной разработке ряда теоретических проблем института административной юстиции. Глубокую научную проработку получило понятие административного иска (С. А. Корф, Ф. В. Тарановский, А. М. Кулишер и др.), изучается практика работы действующих на тот момент в стране присутствий со смешанным составом – подобия административных судов. Итогом данных исследований послужило принятие 30 мая 1917 г. Временным правительством Положения о судах по административным делам, которое должно было вступить в действие 1 июня того же года. Само Положение состояло из пяти разделов, устанавливающих правовое положение судей, правила делопроизводства, досудебное производство, подсудность дел, порядок принятия к производству судом административных жалоб, правила проведения судебных заседаний и др. Однако в силу происходивших в стране революционных событий данный акт никогда не действовал.

События же октября 1917 г. предопределили новый вектор развития не только отечественной судебной системы, но и всего Российского государства. Поскольку в судебной системе Российской империи многие видели «яркое выражение буржуазии», в первую очередь была поставлена цель – ее коренное переустройство.

Так, Советом Народных Комиссаров 22 ноября 1917 г. был принят Декрет о суде № 1[12], в

[8] См.: *Лазаревский Н. И.* Административная юстиция // Полит. энциклопедия. СПб., 1906. Вып. 1. С. 112–115.

[9] Там же

[10] См.: *Коркунов Н. М.* Очерк теорий административной юстиции : Октябрь // Журнал гражданского и уголовного права : Октябрь. Издание Санкт-Петербургского Юридического Общества. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1885, Кн. 8. С. 107–108.

[11] *Корф С. А.* Административная юстиция в России : в 2 т. / под ред. С. А. Корф. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1910. Кн. 2, 3. С. 461.

[12] См.: О суде : Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 22 ноября 1917 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

котором был провозглашен отказ от буржуазной судебной системы. Пунктами 1, 2 данного Декрета была полностью ликвидирована вся система дореволюционных судебных и квазисудебных органов, включая окружные суды, судебные палаты и Правительствующий сенат со всеми его департаментами, а также все специализированные суды. Деятельность мировых судов и их съездов была приостановлена. Пунктом 3 названного Декрета были также упразднены институты судебных следователей, присяжной и частной адвокатуры, а также прокурорского надзора.

Хотя законодатель в то время и принимал отдельные правовые акты касаемо деятельности Народного комиссариата юстиции, прокуратуры, милиции, должного же внимания, в силу сложившихся политических условий, к институту административной юстиции попросту не уделялось. В научной литературе отстаивалась идея о том, что в период строительства нового государства именно институт административной юстиции должен являться ключевым для обеспечения законности в сфере управления (В. Л. Кабалевский, А. И. Елистратратов, М. Д. Загрянцев[13]).

В дальнейшем, в связи с разработкой в 1940–1950 гг. проекта Гражданского процессуального кодекса РСФСР (далее – ГПК РСФСР)[14], вопрос судебного контроля за деятельностью органов публичной администрации вновь привлек внимание как отечественных ученых, так и самого законодателя. Как итог, в принятом 11 июня 1964 г. ГПК РСФСР был предусмотрен контроль судебных органов за принятыми решениями и действиями органов власти и их должностных лиц. Статья 231 главы 22 указанного нормативного-правового акта предусматривала, что дела, которые возникают из административно-правовых отношений, рассматриваются судом. К таким делам относились: дела по жалобам на неправильности в списках избирателей; по жалобам на действия административных органов; о взыскании недоимок с граждан по государственным и местным налогам и сборам.

В продолжение этому Конституция СССР 1977[15] г. в ст. 58 закрепляла право граждан обжаловать действия должностных лиц, а также государственных и общественных органов в случае, если они были совершены с превышением возложенных полномочий, нарушением законодательства либо ущемляли или могли ущемить их права. Однако указанная норма оставалась на протяжении почти 10 лет нереализованной, поскольку в то время отсутствовал какой-либо законодательный акт, устанавливающий процедуру рассмотрения подобных споров. Лишь в 1987 г. был принят Закон СССР № 7287-XI «О порядке обжалования в суд неправомерных действий и решений должностных лиц, ущемляющих права граждан»[16], который при этом не предусматривал обжалование неправомерных решений и действий органов власти, ограничившись лишь процедурой обжалования в отношении действий и решений должностных лиц. Статья 2 данного акта под подобными действиями понимала те действия, в результате которых гражданин незаконно лишен возможности полностью или частично осуществить право, предоставленное ему законом или другим нормативным актом, либо же на гражданина незаконно возложена какая-либо обязанность. Подаче же самой жалобы в обязательном порядке должно было предшествовать обращение гражданина к вышестоящему органу или должностному лицу.

Только в 1989 г. был принят Закон СССР № 719-I «О порядке обжалования в суд неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляю-

[13] См., например: *Загряцков М. Д.* Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве : (Развитие идеи и принципов административной юстиции. Административный процесс и право жалобы в советском законодательстве. Административно-финансовое распоряжение и финансовая жалоба). 2-е изд., перераб. и значит. доп. М. : Право и жизнь, 1925. 244 с.

[14] См.: Гражданский процессуальный кодекс РСФСР : Закон РСФСР от 11 июня 1964 г. (с изм. и доп. на 31.12.2002) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407 ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 1. Ст. 2.

[15] См.: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. (с изм. от 14.03.1990) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617 ; Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 12. Ст. 189.

[16] См.: О порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан : Закон СССР от 30 июня 1987 г. № 7287-XI (с изм. и доп. на 20.10.1987) // Ведомости Верховного Совета СССР и Съезда народных депутатов СССР. 1987. № 26. Ст. 388 ; Свод законов СССР. 1987. № 7.

щих права граждан»[17], который предусматривал возможность обжалования в суд решений и действий самих органов публичной администрации. Подача соответствующей жалобы была возможна только в отношении индивидуальных правовых актов.

Отдельное внимание касательно данного периода стоит уделить работам А. Т. Боннера и Д. Н. Бахраха, которые указывали на необходимость усиления судебного контроля. Под административной юстицией авторы понимали «разрешение административно-правовых споров в специальной процессуальной форме юрисдикционными органами, независимыми от органов государственного управления ("активной администрации")»[18]. Д. М. Чечот в работе «Административная юстиция»[19] в качестве важнейшего признака, характеризующего институт административной юстиции, выделял наличие особого судебного процессуального порядка разрешения споров в юрисдикционных органах. Следовательно, сама административная юстиция определялась именно как деятельность не только специализированных административных судов, но и как общих судов и квазисудебных органов.

Смена политического режима и принятие в 1993 г. Конституции Российской Федерации[20] ознаменовали переход к новому, современному этапу развития отечественного института административной юстиции.

Принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Конституция РФ в ст. 118 закрепила наряду с конституционным, гражданским и уголовным административное судопроизводство – впервые появившийся термин, который ранее, на протяжении всей истории нашего государства в нормативно-правовых актах не употреблялся. Статьей 46 Конституции РФ также было закреплено право на обжалование решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц в судебном порядке.

Примечательно, что еще до принятия Конституции РФ, 27 апреля 1993 г. был принят Закон Российской Федерации № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»[21], действовавший до вступления в силу КАС РФ, который предусматривал, в отличие от предыдущих, рассматриваемых нами выше законов, право граждан на обжалование не только решений и действий органов публичной администрации, но и их бездействия.

В дальнейшем, в сентябре 2000 г. Верховный Суд РФ внес в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроект «О федеральных административных судах в Российской Федерации»[22], который 22 ноября того же года был принят в первом чтении, но остался впоследствии без дальнейшего движения. На целесообразность принятия данного закона указывал и Президент РФ В. В. Путин, выступая на V Всероссийском съезде судей 27 ноября 2000 г.: «Много говорилось о необходимости создания административных судов. Здесь от слов, слава Богу, перешли к делу. Недавно Государственная Дума приняла законопроект в первом чтении. Административная юстиция важна и для защиты прав граждан, и для улучшения работы всех органов власти. Поэтому перед нами сегодня стоит гораздо более сложная задача, чем просто реформа судеб-

[17] См.: О порядке обжалования в суд неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан : Закон СССР от 2 ноября 1989 г. № 719-I // Ведомости Верховного Совета СССР и Съезда народных депутатов СССР. 1989. № 22. Ст. 416.

[18] *Бахрах Д. Н., Боннер А. Т.* Административная юстиция : развитие и проблема совершенствования // Советское государство и право. 1975. № 8. С. 13.

[19] См.: *Чечот Д. М.* Административная юстиция (теоретические проблемы) : монография. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1973. С. 60.

[20] См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования от 1 июля 2020 г.) // Рос. газета. 1993. № 237 ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

[21] См.: Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан : Закон РФ от 27 апреля 1993 г. № 4866-1 (с изм. и доп. на 09.02.2009) // Ведомости Верховного народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 19. Ст. 685 ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 7. Ст. 772.

[22] См.: О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных конституционных законов «О федеральных административных судах в Российской Федерации», «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации"» и «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон "О военных судах Российской Федерации"» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 сентября 2000 г. № 29. Опубликован не был.

ной системы. Мы должны изменить такое отношение к судам, о котором мы только что сказали выше. Доказать, что суд – это правда. Чтобы люди поверили суду как власти. И власти – абсолютно справедливой»[23]. Указанному вопросу долгие годы посвящались труды и отечественных ученых административистов (Д. Н. Бахрах, Г. В. Диков, Ю. Н. Старилов[24] и др.).

В 2002 г. были приняты Гражданский процессуальный кодекс РФ[25] и Арбитражный процессуальный кодекс РФ[26], где подразделом III раздела II и разделом III соответственно регламентировались вопросы производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

Немного позже, в 2006 г., Верховный Суд РФ внес в Государственную Думу РФ проект федерального закона «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации»[27], который согласно ст. 1 «регулирует административное судопроизводство – порядок защиты в административных судах общей юрисдикции прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина, прав и охраняемых законом интересов юридических лиц и их объединений от неправомерных решений и действий (бездействия) федеральных органов исполнительной власти, иных федеральных государственных органов, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а также порядок рассмотрения иных административных споров, вытекающих из публично-правовых отношений». Однако указанный проект дальнейшего движения так и не получил.

Как видно, идея создания административных судов продолжала существовать в умах законодателя. Подтверждением этому также является и принятый 7 февраля 2011 г. Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»[28], установивший систему судов общей юрисдикции, которую в соответствии со ст. 1 составляют в том числе и специализированные суды, полномочия, порядок образования и деятельности которых устанавливаются федеральным конституционным законом.

Последним крупнейшим шагом в становлении современной отечественной системы административного судопроизводства можно считать внесение 26 марта 2013 г. Президентом РФ в Государственную Думу РФ проекта Кодекса административного судопроизводства, принятого 21 мая 2013 г. в первом чтении. После внесения в проект поправок и его дальнейшего принятия и одобрения Советом Федерации Федеральный закон «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» был подписан Президентом 8 марта 2015 г. и вступил в силу 15 сентября того же года.

Таким образом, вступление в силу КАС РФ послужило новым витком развития отечественной науки административной юстиции. Впервые в истории России появился и стал применяться кодифицированный нормативно-правовой акт, регулирующий отдельный вид судопроизводства – административное, значение и роль которого сложно переоценить. Только по сводным статистическим сведениям о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, предоставляемых Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, можно увидеть огромное значение данного вида судопроизводства. Так, в 2016 г. (в момент первого полного года действия КАС) в производство всех судов по первой инстанции поступило порядка 4 116 819 административных дел. Опубликованные в мае 2025 г. статистические сведения за полный 2024 г. указывают 4 871 881

[23] Выступление Президента РФ В. В. Путина на V Всероссийском съезде судей // Рос. юстиция. 2001. № 1. С. 4.

[24] См., например: *Старилов Ю. Н.* Административные суды в России : новые аргументы «за» и «против» / под ред. и с предисл. В. И. Радченко. М. : НОРМА, 2004. 126 с.

[25] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 ноября 2002 г. №137-ФЗ (с изм. и доп. на 15.12.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532 ; 2025. № 51. Ст. 8004.

[26] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 137-ФЗ (с изм. и доп. на 15.12.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012 ; 2025. № 51. Ст. 8004.

[27] См.: О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 г. № 55. Опубликован не был.

[28] См.: О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : федер. конституц. закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (с изм. и доп. на 23.07.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 898 ; 2025. № 30 (ч. I). Ст. 4363.

административное дело[29], из которых 12 703 – в Воронежской области[30].

В заключение хотелось бы отметить, что отечественный институт судебного контроля за законностью решений, действий (бездействия) органов публичной администрации прошел длительный и достаточно самобытный исторический путь своего развития, основанный на законотворческом опыте на протяжении веков, а также на работах множества великих ученых административистов своего времени.

Библиографический список

Алексеев А. С. Русское государственное право : пособие к лекциям ординарного проф. Имп. Московского университета. 5-е изд. М. : Типолитогр. Г. И. Простакова, 1905. 281 с.

Ахиезер А. С., Ильин В. В. Российская государственность : истоки, традиции, перспективы / под ред. В. В. Ильина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. 384 с.

Бахрах Д. Н., Боннер А. Т. Административная юстиция : развитие и проблема совершенствования // Советское государство и право. 1975. № 8. С. 13–14.

Выступление Президента РФ В. В. Путина на V Всероссийском съезде судей // Рос. юстиция. 2001. № 1. С. 4.

Готье В. Основные положения преобразования судебной части в России (с присовокуплением краткого обзора исторического хода судопроизводства). М. : Тип. В. Готье, 1863. 111 с.

Загряцков М. Д. Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве : (Развитие идеи и принципов административной юстиции. Административный процесс и право жалобы в советском законодательстве. Административно-финансовое распоряжение и финансовая жалоба). 2-е изд., перераб. и значит. доп. М. : Право и жизнь, 1925. 244 с.

Коркунов Н. М. Очерк теорий административной юстиции : Октябрь // Журнал гражданского и уголовного права : Октябрь. Издание Санкт-Петербургского Юридического Общества. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1885, Кн. 8. С. 95–121.

Коркунов Н. М. Русское государственное право : пособие к лекциям. Введение и общая часть. СПб. : Книжный магазин А. Ф. Цинзерлинга (бывший Мелье и К°), 1892. 402 с.

Корф С. А. Административная юстиция в России : в 2 т. / под ред. С. А. Корф. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1910. Кн. 2, 3. 516 с.

Лазаревский Н. И. Административная юстиция // Полит. энциклопедия. СПб., 1906. Вып. 1. С. 112–115.

Старилов Ю. Н. Административные суды в России : новые аргументы «за» и «против» / под ред. и с предисл. В. И. Радченко. М. : НОРМА, 2004. 126 с.

Старилов Ю. Н., Махина С. Н., Носова Ю. Б., Рогачева О. С. Административное судопроизводство : учеб. пособие для бакалавриата, магистратуры, специалитета по направлениям «Юриспруденция» и «Судебная и прокурорская деятельность» / под ред. Ю. Н. Старилова. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. 624 с.

Судоустройство и правоохранительные органы : учебник / под ред. Л. В. Головко. М. : Городец, 2020. 768 с.

Чечот Д. М. Административная юстиция (теоретические проблемы) : монография. Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1973. 134 с.

References

Alekseev A. S. Russian state law : lecture notes of an ordinary professor of the Imperial Moscow University. 5th ed. Moscow : Tipolitography of G. I. Prostakov, 1905. 281 p.

Akhiezer A. S., Ilyin V. V. Russian statehood : origins, traditions, prospects / ed. by V. V. Ilyin. Moscow : Moscow University Press, 1997. 384 p.

Bakhrakh D. N., Bonner A. T. Administrative justice : development and problems of improvement // Soviet State and Law. 1975. No. 8. P. 13–14.

Speech of the President of the Russian Federation V. V. Putin at the Fifth All-Russian Congress of Judges // Rossiyskaya Yustitsiya. 2001. No. 1. P. 4.

Gauthier V. Fundamental principles of the reform of the judicial system in russia (with an appendix of a brief historical overview of judicial proceedings). Moscow : V. Gauthier Printing House, 1863. 111 p.

Zagryatskov M. D. Administrative justice and the right of complaint in theory and legislation (Development of Ideas and Principles of Administrative Justice. Administrative Procedure and the Right of Complaint in Soviet Legislation. Administrative-Financial Orders and Financial Complaint). 2nd ed., revised and substantially supplemented. Moscow : Law and Life, 1925. 244 p.

Korkunov N. M. Russian State Law : Lecture Notes. Introduction and General Part. St. Petersburg : A. F. Tsinzerling Bookstore (formerly Melier & Co.), 1892. 402 p.

[29] См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://www.cdep.ru (дата обращения: 10.12.2025).

[30] См.: Управление Судебного департамента в Воронежской области. URL: https://usd.vrn.sudrf.ru (дата обращения: 10.12.2025).

Korkunov N. M. Outline of theories of administrative justice // Journal of civil and criminal law. St. Petersburg : Printing House of the Governing Senate, 1885. Book 8. P. 95–121.

Korf S. A. Administrative Justice in Russia : in 2 volumes / ed. by S. A. Korf. St. Petersburg : Trenke and Füsno Printing House, 1910. Vol. 2–3. 516 p.

Lazarevsky N. I. Administrative justice // Political encyclopedia. St. Petersburg, 1906. Issue 1. P. 112–115.

Starilov Yu. N., Makhina S. N., Nosova Yu. B., Rogacheva O. S. Administrative Judicial Procedure : Study Guide for Bachelor's, Master's and Specialist Degree Programs in «Jurisprudence» and «Judicial and Prosecutorial Activities» / ed. by Yu. N. Starilov. 2nd ed., revised. Moscow : Norma : INFRA-M, 2025. 624 p.

Starilov Yu. N. Administrative courts in Russia : new arguments «for» and «against» / ed. and with a foreword by V. I. Radchenko. Moscow : Norma, 2004. 126 p.

Judicial system and law enforcement bodies : textbook / ed. by L. V. Golovko. Moscow : Gorodets Publishing House, 2020. 768 p.

Chechot D. M. Administrative justice (theoretical problems) : monograph. Leningrad : Leningrad University Press, 1973. 134 p.

Воронежский государственный университет
Жигулин А. И., аспирант кафедры административного и административного процессуального права
E-mail: i.zhigulin13@yandex.ru

Voronezh State University
Zhigulin A. I., Post-graduate Student of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law
E-mail: i.zhigulin13@yandex.ru

Поступила в редакцию: 01.07.2026

Для цитирования:
Жигулин А. И. История развития института оспаривания решений, действий (бездействия) органа, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 106–114. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/106-114

Received: 01.07.2026

For citation:
Zhigulin A. I. The history of the development of the institution of challenging decisions, actions (or inaction) of bodies and officials vested with state or other public powers in Russia // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 106–114. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/106-114

УДК 342.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/115-121

ПОНЯТИЕ И ПРИРОДА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СПОРА В СВЕТЕ ПАРАДИГМЫ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Е. Б. Лупарев, Г. Э. Адыгезалова
Кубанский государственный университет

THE CONCEPT AND NATURE OF AN ADMINISTRATIVE AND LEGAL DISPUTE IN THE LIGHT OF THE PUBLIC ADMINISTRATION PARADIGM

E. B. Luparev, G. E. Adygesalova
Kuban State University

Аннотация: в статье исследуются понятие, признаки и правовая природа административно-правового спора в условиях действия современного российского законодательства и конституционного закрепления термина «органы публичной власти». На основе анализа категорий «спор», «публично-правовой конфликт», «управленческий спор», «административный спор» и «административно-правовой спор» обосновывается вывод о самостоятельном характере административно-правового спора как комплексного материально-процессуального публичного правоотношения. Особое внимание уделяется соотношению административно-правового спора с публичным управлением, административным процессом, административной юрисдикцией, деятельностью органов местного самоуправления и иными формами реализации публичных полномочий. С учетом Конституции Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и современной судебной практики предлагается уточненное определение административно-правового спора и корректируются представления о его правовой природе.
Ключевые слова: административно-правовой спор, административный спор, публично-правовой спор, административная юстиция, административный процесс, государственное управление, публичная администрация, административная юрисдикция.

Abstract: the article examines the concept, features and legal nature of an administrative legal dispute under current Russian legislation. Based on the analysis of the categories «dispute», «public-law conflict», «managerial dispute», «administrative dispute» and «administrative legal dispute», the author substantiates the conclusion that an administrative legal dispute is an independent complex substantive-procedural public legal relationship. Particular attention is paid to the correlation between an administrative legal dispute and public administration, administrative procedure, administrative jurisdiction, local self-government and other forms of exercising public powers. Taking into account the Constitution of the Russian Federation, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, the Commercial Procedure Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and modern judicial practice, the author proposes a refined definition of an administrative legal dispute.
Key words: administrative legal dispute, administrative dispute, public-law dispute, administrative justice, administrative procedure, public administration, public authority, administrative jurisdiction.

Процессы функционирования публичной администрации и соответствующей ей государственно-властной деятельности неизбежно предполагают определенную реакцию управляемого субъекта на управленческое воздействие. Такая реакция не всегда совпадает с ожидания-

© Лупарев Е. Б., Адыгезалова Г. Э., 2026

ми субъекта публичного управления, равно как и не всегда соответствует представлениям иных участников административно-правовых отношений о законности и целесообразности властных действий и бездействий. Именно в этой плоскости и возникает одно из наиболее сложных и в то же время практически значимых явлений современной административно-правовой и административно-процессуальной действительности – административно-правовой спор.

Определение названного явления представляется возможным лишь через его соотношение с такими категориями, как спор вообще, публично-правовой конфликт, управленческий спор, административный спор, а также через анализ признаков самого административно-правового отношения. Иначе говоря, исследование административно-правового спора предполагает не только формально-юридическое описание соответствующего юридического процесса его разрешения, но и выявление его внутренней природы, т. е. той юридической сущности, которая позволяет отграничить его от смежных категорий.

В современной литературе вопрос о природе административно-правового спора традиционно увязывается с проблемами административной юстиции, административного процесса и судебного контроля за публичной администрацией[1]. Однако с учетом действующего российского законодательства представляется необходимым рассматривать административно-правовой спор значительно шире – не только как предпосылку административного судопроизводства, но и как особый тип комплексного публичного правоотношения, в котором проявляется противоречие между участниками по поводу законности, обоснованности, допустимости либо последствий реализации публичных полномочий. Сложность данного вопроса предопределяется тем, что административно-правовой спор находится на пересечении материального и процессуального права. С одной стороны, он вытекает из конкретного публичного правоотношения, с другой – способен существовать лишь постольку, поскольку признается возможность специального процесса его разрешения. Тем самым административно-правовой спор выступает не только как форма выражения разногласия, но и как юридический механизм перехода от оспариваемого состояния публичного управления к его правовой проверке и коррекции.

Исследование административно-правового спора следует начинать с анализа самого понятия спора. В общелексическом значении спор – это разногласие, обсуждение, при котором каждая из сторон отстаивает собственную позицию. Однако юридическая наука не может ограничиться подобным этимологическим подходом, поскольку правовой спор всегда связан не только с различием мнений, но и с наличием юридически значимого предмета, затрагивающего права, обязанности, законные интересы либо компетенцию участников правоотношения[2].

Уже на этом этапе можно сделать важное методологическое замечание: не всякое разногласие в сфере управления образует административно-правовой спор. В управленческой практике множество разногласий разрешается в рамках организационных процедур, служебных согласований, внутриведомственных консультаций, без придания им формы юридического спора. Следовательно, для возникновения административно-правового спора необходимо, чтобы разногласие приобрело правовое значение, было связано с осуществлением публичных полномочий и могло быть разрешено в установленной законом административно-процессуальной форме.

Данное положение особенно существенно для сферы публичного управления, где несогласие с управленческим решением далеко не всегда выражается в форме конфронтации. Различие позиций может возникать и в рамках согласительных процедур, и в ходе внутриведомственного обсуждения, и при подготовке административного акта. Но лишь тогда, когда такое несогласие получает юридическое оформление – например, в форме жалобы, административного искового заявления, протеста прокурора, – можно говорить о споре в собственно правовом смысле.

Отсюда следует, что спор как юридическая категория включает в себя по меньшей мере три элемента: наличие разногласия, его юридическую значимость и возможность разрешения в установленной процессуальной форме. Достаточно распространен подход, в соответствии с которым правовой спор рассматрива-

[1] См., например: *Старилов Ю. Н.* Административная юстиция : теория, история, перспективы. М. : Норма, 2001 ; *Зеленцов А. Б.* Административно-правовой спор : вопросы теории. М. : РУДН, 2005.

[2] См.: *Алексеев С. С.* Право : азбука – теория – философия : опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. С. 364–366.

ется как разновидность юридического конфликта. Такой подход методологически небезоснователен, однако требует уточнения. Конфликт и спор не являются тождественными явлениями. Конфликт шире спора, поскольку может существовать вне правовой формы, выражаться в столкновении интересов, целей, функций, статусов, не будучи при этом предметом юридического разрешения[3].

В юридической конфликтологии понятие «юридический конфликт» традиционно рассматривается как разновидность общего социального конфликта. В целях недопущения сужения рамок исследований ученые предлагают трактовать это явление в двух значениях. В узком смысле это «чисто» юридический конфликт. Он непосредственно возникает и протекает в правовой сфере, происходит между субъектами права и связан с реализацией и толкованием норм права. Такие конфликты делятся по отраслям права (уголовные, гражданские, административные, уголовно-процессуальные и т. д.). В широком смысле это любой социальный конфликт (семейный, экономический, политический, трудовой), в котором есть хотя бы один юридический элемент и который завершается правовым способом[4].

Таким образом, конфликт признается юридическим в двух случаях. Во-первых, если он имеет юридическую природу изначально (тогда его можно решать даже неформально, например, через переговоры). Во-вторых, если в нем есть хотя бы один правовой элемент, но при этом он обязательно разрешается или прекращается с помощью официальных юридических процедур (судебных и примирительных).

Анализ нормативно-правовой базы позволяет проследить процесс институционализации понятия «юридический конфликт» в российском праве и изменения подходов законодателя к соотношению понятий «конфликт» и спор». Первые упоминания дефиниции восходят к советскому периоду (институт расценочно-конфликтных комиссий в Правилах об очередных и дополнительных отпусках, утвержденных НКТ СССР 30 апреля 1930 г. № 169). В 1970–1990-х гг. термины «конфликт» и «спор» использовались законодателем как синонимы (в Кодексе законов о труде Российской Федерации, утвержденном ВС РСФСР 9 декабря 1971 г., в нормативных актах о социальном партнерстве упоминаются «коллективные трудовые споры (конфликты)»).

В XXI в. семантическое поле термина расширилось за счет институционализации процедур оценки (деятельность «конфликтных комиссий» в рамках ЕГЭ) и легализации профессионального статуса конфликтолога (Приказ Минздравсоцразвития РФ от 22 декабря 2009 г. № 1007). В действующем кодифицированном законодательстве доминирует категория «спор», закрепляющая конкретные материальные и процессуальные разногласия (гражданские, земельные, корпоративные, процессуальные споры). Понятие «конфликт» трактуется шире. Оно закрепилось в антикоррупционном законодательстве («конфликт интересов»), в оборонной сфере («вооруженный конфликт»), а также в деонтологических регуляторах (кодексы профессиональной этики)[5]. Так, юридический конфликт прошел путь от нормативного отождествления со «спором» до автономизации в качестве самостоятельного правового феномена.

Для сферы публичного управления различие между конфликтом и спором имеет принципиальное значение. Публичное управление по своей природе конфликтогенно: властное воздействие всегда предполагает возможность несогласия управляемого субъекта с действиями управляющего. Но административно-правовой спор возникает не в момент появления такого несогласия как психологического или социального состояния, а лишь тогда, когда это несогласие приобретает юридически оформленный характер. Иными словами, конфликт может выступать предпосылкой административно-правового спора, но не совпадает с ним по содержанию. Более того, не всякий спор основан на конфликте в его негативном социальном значении. Возможны ситуации, когда спор возникает в связи с необходимостью определить надлежащий способ реализации публичной компетенции, уточнить пределы полномочий, выбрать юридически верную форму управленческого решения. В подобных случаях административно-правовой спор не столько разрушает управленческую связь, сколько служит средством ее правовой коррекции.

[3] См.: *Лупарев Е. Б.* Общая теория административно-правового спора. Воронеж, 2003.

[4] См.: *Адыгезалова Г. Э.* Основы юридической конфликтологии и социологии права. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2017. С. 82–89.

[5] См.: *Михель Д. Е., Адыгезалова Г. Э.* Внесудебные процедуры разрешения споров в континентальной правовой традиции. М. ; Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2021. С. 193–199.

Это позволяет сделать общий вывод: административно-правовой спор может развиваться на основе конфликта, но не сводится к нему. Юридическая природа спора определяется не степенью остроты противостояния сторон, а тем, что разногласие становится предметом правовой оценки и разрешения в установленной законом форме.

Категории «управленческий спор», «административный спор» и «административно-правовой спор» нередко употребляются как синонимичные. Между тем их полное отождествление представляется не вполне корректным.

Наиболее широким является понятие управленческого спора. Оно охватывает разногласия, возникающие в процессе управления как в публичной, так и в непубличной сфере. Управленческий спор возможен в деятельности органов публичной власти, государственных и муниципальных учреждений, а также внутрикорпоративных структур, хозяйственных обществ, профессиональных объединений и иных организаций, где существуют отношения организационного руководства. Однако очевидно, что не всякий управленческий спор имеет административно-правовую природу. Так, спор между органами управления хозяйственного общества по поводу порядка созыва общего собрания участников является управленческим, но не административно-правовым. Понятие административного спора уже по объему по сравнению с понятием «управленческий спор», однако и оно способно использоваться в широком значении – как спора, возникающего в сфере деятельности публичной администрации. В связи с этим терминологически более точным представляется именно понятие административно-правового спора, поскольку оно указывает не только на управленческую сферу деятельности, но и на отраслевую природу соответствующего спора. Административно-правовой спор возникает в связи с реализацией публично-властных полномочий, т. е. таких полномочий, которые основаны на законе, имеют властный характер, направлены на достижение публично значимых целей и осуществляются от имени государства, муниципального образования либо иного субъекта, наделенного публично-властными полномочиями. Соответственно, административно-правовой спор – это не любой спор в управлении, а лишь тот, который вытекает из административных и иных публичных правоотношений, если последние имеют административно-процессуальный порядок разрешения.

Здесь особенно важно учитывать изменения в современном законодательстве. Если ранее, до принятия КАС РФ, административно-правовая доктрина преимущественно связывала подобные споры со сферой государственного управления в узком смысле, то действующий Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в ст. 1, 2, 218 оперирует более широкой формулой – «административные и иные публичные правоотношения». Тем самым законодатель нормативно закрепил расширенное понимание сферы возникновения административно-правового спора.

Проблема определения административно-правового спора непосредственно связана с вопросом о том, в какой сфере он возникает: в сфере государственного управления, публичного управления, деятельности исполнительной власти или в более широком круге отношений, связанных с осуществлением публичных полномочий.

Современное российское законодательство не ограничивает предмет административно-правовой защиты исключительно действиями органов исполнительной власти. Напротив, в центре внимания оказывается деятельность всех субъектов, наделенных публичными полномочиями. Это позволяет говорить о переходе от классической категории государственного управления к более широкой категории публичного управления или публичной администрации[6].

С этих позиций административно-правовой спор возникает не только тогда, когда гражданин или организация оспаривают действия органа исполнительной власти, но и тогда, когда предметом оспаривания становятся действия избирательной комиссии, органа местного самоуправления, должностного лица государственного учреждения, государственной корпорации, иной организации, если последняя законом наделена публичными полномочиями. Причем в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального ко-

[6] См.: *Тихомиров Ю. А.* Публичное право. М., 1998. С. 53–60 ; *Агапов А. Б.* Административное право : учебник. 13-е изд. М. : Юрайт, 2024. С. 27–34.

декса Российской Федерации» дается развернутый перечень таких организаций, в том числе и не обладающих статусом юридического лица. Подобный подход представляется обоснованным и с точки зрения сущности самого административного права. Последнее регулирует не просто отношения внутри исполнительной власти, а более широкий круг публично-управленческих отношений, объединенных властно-организующим началом. Следовательно, и административно-правовой спор не может быть жестко привязан только к исполнительной ветви власти. Вместе с тем не следует неоправданно расширять пределы этой категории. Не всякий спор с участием публичного субъекта является административно-правовым. Если государственный орган или муниципальное образование вступает в гражданский оборот на началах юридического равенства с другими участниками, то возникающий спор приобретает гражданско-правовую, а не административно-правовую природу. Следовательно, определяющим критерием здесь выступает не субъект сам по себе, а характер реализуемых им полномочий. В этом смысле важное значение приобретают так называемые комплексные административные правоотношения, сочетающие в себе разноотраслевые начала[7]. В конечном итоге всё зависит от процессуального механизма разрешения спора, который в любом случае должен быть административно-процессуальным.

Исследование природы административно-правового спора требует ответа на вопрос о том, является ли он самостоятельным типом правоотношения или же лишь внешним проявлением материального административного отношения, переходящего в процессуальную форму. Представляется, что административно-правовой спор следует рассматривать как особый тип комплексного материально-процессуального публичного правоотношения. Его материально-правовая сторона обусловлена тем, что спор всегда возникает из конкретного административного или иного публичного отношения, в рамках которого стороны обладают взаимными правами, обязанностями, полномочиями, законными интересами. Процессуальная сторона проявляется в том, что с момента юридического оформления несогласия одной стороны с действиями (бездействиями) другой данное отношение приобретает специальную форму разрешения – административно-процессуальную. Конечно, дискуссионным остается вопрос о том, идет ли речь при рассмотрении административно-правовых споров арбитражными судами именно об административно-процессуальной, а не об арбитражной процессуальной форме.

Здесь принципиально важно подчеркнуть следующее. Материальное и процессуальное в административно-правовом споре не существуют изолированно. Спор не появляется лишь в момент подачи административного искового заявления или жалобы. Ему предшествует стадия формирования юридически значимого несогласия, которое уже существует внутри материального правоотношения в виде психологического восприятия сторонами правоотношения действительности или мнимости своих публичных прав, обязанностей и законных интересов. Но и после перехода в процессуальную форму спор не утрачивает своей материальной основы, поскольку предметом разрешения по-прежнему остается вопрос о правах, обязанностях, полномочиях, законности действий, обоснованности решения, соблюдении административной процедуры.

Таким образом, административно-правовой спор нельзя трактовать исключительно как процессуальное явление. Он представляет собой переходное, но самостоятельное правовое состояние, в котором соединяются материальное правоотношение и процессуальный механизм его разрешения. Именно такая конструкция позволяет объяснить, почему административно-правовой спор может существовать как во внесудебной, так и в судебной форме; почему он способен включать элементы согласительных процедур; почему оспаривание нормативного акта, действия, бездействия, результата проверки или акта привлечения к административной ответственности при всей разнице их предмета сохраняет общую отраслевую природу.

Юридическая природа административно-правового спора наиболее полно раскрывается через систему его признаков.

Первым признаком является связь спора с административными и иными публичными правоотношениями. В современных условиях такая связь должна пониматься широко. Речь идет не только о классических отношениях в сфере ис-

[7] См.: *Лупарев Е. Б.* Комплексные административные правоотношения в системе публичных правоотношений : вопросы общей и отраслевой теории. Краснодар, 2009.

полнительной власти, но и о спорах, возникающих при осуществлении контрольно-надзорной деятельности, предоставлении государственных и муниципальных услуг, реализации регистрационных, разрешительных, дисциплинарных, миграционных, избирательных, служебных и иных публичных процедур. Такой подход вытекает из действующего законодательства. В соответствии со ст. 218 КАС РФ гражданин, организация, иные лица вправе обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, иного государственного органа, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, государственного или муниципального служащего, если полагают, что нарушены их права, свободы и законные интересы. Следовательно, административно-правовой спор неразрывно связан с публичной природой спорного отношения.

Вторым признаком является особый субъектный состав. Обязательным участником административно-правового спора выступает субъект, реализующий публичные полномочия. При этом его организационно-правовая форма может быть различной: орган государственной власти, иной государственный орган, орган местного самоуправления, должностное лицо, государственный или муниципальный служащий, государственное либо муниципальное учреждение, избирательная комиссия, государственная корпорация, саморегулируемая организация, иная организация, если на нее возложены публичные функции. Другой стороной спора могут быть граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства, юридические лица, общественные объединения, прокурор, иные органы и организации. Современное законодательство не содержит общего запрета на участие иностранных граждан и лиц без гражданства в административно-правовых спорах, а потому они пользуются судебной защитой на общих основаниях, если иное не предусмотрено законом[8].

При этом следует разграничивать субъектов материального спорного правоотношения и субъектов процессуального отношения по разрешению спора. Суд, рассматривающий административное дело, не является стороной материального административного правоотношения, но является обязательным субъектом соответствующего процессуального отношения. Аналогично вышестоящий орган или должностное лицо, рассматривающее жалобу в административном порядке, не всегда совпадает с субъектом оспариваемого действия.

Третьим признаком выступает предмет административно-правового спора. Им является не абстрактное разногласие, а вопрос о законности, обоснованности, допустимости либо последствиях реализации публичных полномочий. Предметом спора могут быть нормативные и ненормативные акты, решения, действия, бездействие, результаты контрольных мероприятий, меры административного принуждения, решения по вопросам государственной и муниципальной службы, акты избирательных комиссий, решения по вопросам предоставления услуг, лицензий, разрешений, регистрации. Важно заметить, что в некоторых случаях предметом оспаривания выступают итоговые, а не промежуточные процедурно-процессуальные действия и бездействия субъектов, наделенных публично-властными полномочиями. Тем самым административно-правовой спор не ограничивается только спором о субъективном праве в узком смысле. Он может быть связан и со спором о компетенции, и со спором о пределах усмотрения, и со спором о соблюдении административной процедуры.

Четвертым признаком является наличие специальной формы разрешения спора. Такой формой может быть административное судопроизводство, арбитражное судопроизводство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, производство по делам об административных правонарушениях, внесудебное административное обжалование, а также иные специальные процедуры, установленные федеральным законом. Следовательно, административно-правовой спор не существует вне установленного правом способа его разрешения. Именно наличие юридически закрепленной формы перевода разногласия в разрешаемое правовое состояние завершает характеристику спора как самостоятельного явления.

[8] См.: *Лупарев Е. Б.* Иностранный субъект в административном процессе. М. : Проспект, 2022 ; *Пашонина В. Е.* Особенности административно-процессуальной правосубъектности иностранных граждан в Российской Федерации // Очерки новейшей камералистики. 2023. № 1. С. 24–29.

Библиографический список

Агапов А. Б. Административное право : учебник. 13-е изд. М. : Юрайт, 2024. 493 с.

Адыгезалова Г. Э. Основы юридической конфликтологии и социологии права. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2017. 220 с.

Алексеев С. С. Право : азбука – теория – философия : опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 710 с.

Зеленцов А. Б. Административно-правовой спор : вопросы теории. М. : РУДН, 2005. 732 с.

Лупарев Е. Б. Иностранный субъект в административном процессе. М. : Проспект, 2022 96 с.

Лупарев Е. Б. Комплексные административные правоотношения в системе публичных правоотношений : вопросы общей и отраслевой теории. Краснодар, 2009. 109 с.

Лупарев Е. Б. Общая теория административно-правового спора. Воронеж, 2003. 245 с.

Михель Д. Е., Адыгезалова Г. Э. Внесудебные процедуры разрешения споров в континентальной правовой традиции. М. ; Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2021. 238 с.

Пашонина В. Е. Особенности административно-процессуальной правосубъектности иностранных граждан в Российской Федерации // Очерки новейшей камералистики. 2023. № 1. С. 24–29.

Старилов Ю. Н. Административная юстиция : теория, история, перспективы. М. : Норма, 2001. 292 с.

Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1998. 485 с.

References

Agapov A. B. Administrative law : textbook. 13th ed. Moscow : Yurait, 2024. 493 p.

Adygezalova G. E. Fundamentals of legal conflictology and sociology of law. Krasnodar : Kuban State University, 2017. 220 p.

Alekseev S. S. Law : ABC – theory – philosophy : an experience of a comprehensive study. Moscow : Statut, 1999. 710 p.

Zelentsov A. B. Administrative-legal dispute : theoretical issues. Moscow : RUDN University, 2005. 732 p.

Luparev E. B. Foreign subject in administrative proceedings. Moscow : Prospect, 2022. 96 p.

Luparev E. B. Complex administrative legal relations in the system of public legal relations : issues of general and sectoral theory. Krasnodar, 2009. 109 p.

Luparev E. B. General theory of administrative-legal dispute. Voronezh, 2003. 245 p.

Mikhel D. E, Adygezalova G. E. Extra-judicial procedures for dispute resolution in the continental legal tradition. Moscow ; Berlin : Directmedia Publishing, 2021. 238 p.

Pashonina V. E. Features of the administrative-procedural legal personality of foreign citizens in the Russian Federation // Essays on the latest cameralistics. 2023. No. 1. P. 24–29.

Starilov Yu. N. Administrative justice : theory, history, prospects. Moscow : Norma Legal Publishing House, 2001. 292 p.

Tikhomirov Yu. A. Public law. Moscow, 1998. 485 p.

Кубанский государственный университет

Лупарев Е. Б., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Адыгезалова Г. Э., доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права

E-mail: gyulnaz_2000@mail.ru

Поступила в редакцию: 30.07.2026

Для цитирования:

Лупарев Е. Б., Адыгезалова Г. Э. Понятие и природа административно-правового спора в свете парадигмы публичного управления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 115–121. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/115-121

Kuban State University

Luparev E. B., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Adygezalova G. E., Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law

E-mail: gyulnaz_2000@mail.ru

Received: 30.07.2026

For citation:

Luparev E. B., Adygezalova G. E. The concept and nature of an administrative and legal dispute in the light of the public administration paradigm // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 115–121. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/115-121

УДК 342.951; 342.5
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/122-127

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРОМ ФУНКЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СУДЕ

Н. И. Безрукавая

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

SEPARATE ISSUES OF THE PROSECUTOR'S FUNCTION OF ADMINISTRATIVE PROSECUTION IN COURT

N. I. Bezrukavaya

St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Аннотация: в статье исследуются особенности реализации прокурором функции административного преследования в суде через призму изменения отдельных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, вступивших в силу с 1 июля 2025 г. Основное внимание уделено установлению обязанности направлять в суд не только постановление прокурора и материалы дела, но и заявление о привлечении к административной ответственности, а также закреплению требований к его содержанию, подписанию и способу направления. Обосновывается, что данные изменения направлены на процессуальное отделение административного от судебного порядка рассмотрения дела, усиление формальной определенности позиции органа преследования, развитие электронного документооборота и повышение процессуальных гарантий участников производства. Выявлены основные проблемы правоприменения и обозначены возможные последствия применения новой редакции ст. 28.8 КоАП РФ для деятельности прокурора и суда.
Ключевые слова: прокурор, административное преследование, административная ответственность, суд, заявление о привлечении к административной ответственности, электронный документооборот, полномочия прокурора.

Abstract: the article examines the features of the prosecutor's implementation of the function of administrative prosecution in court through the prism of changes to certain provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, which came into force on July 1, 2025. The main focus is on establishing the obligation to send not only the prosecutor's decision and case materials to the court, but also a statement on administrative liability, as well as establishing requirements for its content, signing, and method of submission. It is substantiated that these changes are aimed at separating the administrative procedure from the judicial procedure for considering a case, strengthening the formal certainty of the prosecuting authority's position, developing electronic document management, and increasing the procedural guarantees for the participants in the proceedings. The main problems of law enforcement are identified, and the possible consequences of applying the new version of Article 28.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation for the activities of the prosecutor and the court are outlined.
Key words: prosecutor, administrative prosecution, administrative liability, court, application for administrative liability, electronic document management, prosecutor's powers.

© Безрукавая Н. И., 2026

В рамках проводимой судебной реформы вслед за объединением в 2014 г. высших судов в 2018 г. принят ряд законов, направленных на модернизацию процессуального законодательства, созданы новые апелляционные и кассационные суды в системе судов общей юрисдикции.

Решение поставленных государством задач по противодействию нарушениям оказывает влияние на все сферы общественной жизни и государственного управления, в том числе связанные с выполнением органами власти функций по привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности.

В ходе реализации отдельных этапов административной реформы Правительством Российской Федерации одобрена Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[1], которая расширяет процессуальные права прокурора, чье участие в рассмотрении дел об административных правонарушениях во многих случаях признано оправданным, включает нормы о судопроизводстве в процессуальное законодательство, как того требует ст. 118 Конституции Российской Федерации, ограничивает судебную компетенцию по делам об административных правонарушениях. В развитие обозначенных указанной выше Концепцией ориентиров Министерством юстиции Российской Федерации подготовлены проекты Кодекса об административных правонарушениях и Процессуального кодекса об административных правонарушениях, которые до настоящего времени находятся на обсуждении.

В соответствии с нормами Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации»[2] (далее – Закон о прокуратуре), Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)[3] прокурор не только надзирает за исполнением законов при производстве по делам об административных правонарушениях, но и выступает одним из ключевых субъектов, реализующих государственные функции в сфере административного преследования, обладает не присущими иным органам полномочиями по возбуждению дел, проведению административного расследования, участию в рассмотрении дел, оспариванию принятого решения.

Определенный в ст. 1 Закона о прокуратуре перечень функций содержит возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования в соответствии с полномочиями, установленными КоАП РФ и другими федеральными законами. В последние годы ученые сходятся во мнении, что упомянутая деятельность прокурора по сути является административным преследованием[4] и включает в себя также участие в рассмотрении и пересмотре соответствующих дел.

Вопрос о реализации прокурором функции административного преследования традиционно рассматривается через призму его полномочий по возбуждению дел об административных правонарушениях и участию в их рассмотрении, в том числе в судебном порядке.

Участие прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях определено автором[5] как самостоятельное межфункциональное ненадзорное направление деятельности прокуратуры, осуществляемое на всех стадиях судопроизводства и во всех судебных инстанциях с целью обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, защиты частных и публичных интересов в производстве по делам об административных правонарушениях, обеспечения законности действий его участников, посредством использования специальных правовых средств и предоставленных законом полномочий.

Прокурором, участвующим в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях, реализуются отдельные составляющие двух функций прокуратуры – административного преследования (судебной стадии) и участия в рассмотрении дел судами (в порядке, установленном КоАП РФ и АПК РФ), в связи с чем прокурор обладает особым правовым статусом, обу-

[1] См.: Концепция нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/news/36971/ (дата обращения: 10.03.2026).

[2] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472 (с посл. изм.).

[3] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1 4472 (с посл. изм.).

[4] См. подробнее: *Безрукавая Н. И.* Вопросы участия прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях // КриминалистЪ. 2025. № 1. С. 127–136.

[5] См. подробнее: Там же.

словленным двойственной ролью: с одной стороны, как субъекта административного преследования; с другой – как субъекта, обеспечивающего законность при вынесении судами постановлений по делам об административных правонарушениях, возбужденных иными органами.

После вступления в силу Федерального закона от 7 апреля 2025 г. № 59-ФЗ[6] претерпела существенное изменение ст. 28.8 КоАП РФ, которая определяет форму процессуального обращения в орган, уполномоченный на привлечение к административной ответственности, и особенно по делам об административных правонарушениях, подведомственных суду. Вследствие этого исследование вопросов реализации прокурором функции административного преследования в суде целесообразно строить с учетом изменений, внесенных в указанную статью.

До июля 2025 г. положения ст. 28.8 КоАП РФ лаконично определяли процедуру направления материалов, удостоверяющих факт совершения административного правонарушения, для рассмотрения в соответствующий орган. Протокол либо постановление прокурора вместе с материалами дела направлялись судье, органу или должностному лицу, уполномоченным рассматривать дело, в установленный срок. Такая конструкция не предполагала особенностей направления дела в суд по сравнению с иными органами административной юрисдикции. Для прокурора это означало, что вынесенное им постановление о возбуждении дела подлежит направлению для рассмотрения в едином порядке независимо от подведомственности дела, при этом не требовалось отдельного оформления требований о привлечении лица к административной ответственности в виде заявлений или иного процессуального документа.

Отмеченные изменения затронули не только ч. 1 ст. 28.8 КоАП РФ, в которой теперь прямо говорится о направлении не одного лишь протокола или постановления прокурора, а также заявления о привлечении к ответственности и других материалов дела, но и, что более важно, статью дополнили ч. 1.2–1.6, определяющими требования к прилагаемым документам. Тем самым законодатель отказался от прежнего представления о том, что для начала судебной стадии административного преследования достаточно формально передать собранные материалы, и закрепил необходимость специальной процессуальной формы обращения в суд. Как отмечается в научной литературе, с июля 2025 г. по делам, подведомственным судам, произошел разрыв прежней единой цепочки стадий, а орган административного преследования по существу приобрел черты заявителя, обращающегося в суд с просьбой о привлечении лица к административной ответственности[7].

В свою очередь субъект, привлекаемый к административной ответственности, приобрел наиболее четкий статус участника судопроизводства со всеми предусмотренными законом гарантиями реализации его прав.

Наиболее существенным изменением следует признать положения ч. 1.2 ст. 28.8 КоАП РФ, в соответствии с которыми протокол либо постановление прокурора и иные материалы дела направляются в суд не отдельно, а с заявлением о привлечении к административной ответственности. Указанное заявление подлежит подписанию усиленной квалифицированной электронной подписью и при наличии технической возможности направляется посредством системы электронного документооборота соответствующего органа в форме электронных документов, в том числе в машиночитаемом виде. Следовательно, новая редакция ст. 28.8 КоАП РФ одновременно закрепила трансформацию процессуального порядка обращения в суд и институционализировала его цифровой формат.

Представляется, что введение обязательного заявления о привлечении к административной ответственности обусловлено совокупностью взаимосвязанных факторов. Во-первых, законодатель стремится к более последовательному разграничению несудебных и судебной стадии административного преследования. Пока в суд направлялись лишь постановление прокурора и материалы дела, судебная стадия воспринималась как функциональное продолжение досудебного производства. Введение же самостоятельного заявления означает, что на рассмотрение суда поступает не только массив собранных материалов, но и надлежащим образом оформ-

[6] См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 7 апреля 2025 г. № 59-ФЗ.

[7] См.: *Щепалов С. В.* Основания судебного вмешательства в административное усмотрение при рассмотрении дел об административных правонарушениях // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 4. С. 421–443.

ленное процессуальное требование органа преследования, подлежащее судебной оценке. Во-вторых, такая конструкция повышает степень определенности процессуальной позиции прокурора, поскольку требование о привлечении к ответственности получает прямое нормативное закрепление. В-третьих, рассматриваемая реформа корреспондирует общей тенденции к унификации судебных процедур, в рамках которых обращение в суд оформляется самостоятельным процессуальным документом с установленным законом содержанием.

Особого внимания заслуживает содержание ч. 1.3 ст. 28.8 КоАП РФ, в которой перечислены обязательные реквизиты заявления. По своей структуре данная норма отражает желание законодателя придать заявлению качество самостоятельного процессуального документа, а не сопроводительного письма. В нем должны быть указаны сведения о суде, лице, направляющем заявление, органе, в котором дело было возбуждено, лице, привлекаемом к ответственности, времени, месте и обстоятельствах совершения деяния, а также норма, предусматривающая административную ответственность, иные сведения, имеющие значение для разрешения дела, перечень приложений и само требование о привлечении лица к административной ответственности. Уже один этот перечень свидетельствует, что ст. 28.8 КоАП РФ фактически формирует новый формат процессуального обращения в суд по делам об административных правонарушениях.

Включение в заявление самостоятельного требования о привлечении к административной ответственности имеет принципиальное значение для характеристики процессуальной роли прокурора. Если ранее постановление прокурора прежде всего удостоверяло факт возбуждения дела и содержало квалификацию деяния, то в настоящее время прокурор обязан дополнительно сформулировать и адресовать суду самостоятельное процессуальное требование. В результате функция административного преследования получает более отчетливое выражение именно в судебной стадии: прокурор инициирует производство по делу и процессуально оформляет обращение к суду о привлечении лица к административной ответственности. Тем самым усиливаются и состязательные начала производства, поскольку позиция стороны административного преследования приобретает четкое внешнее выражение уже в момент поступления материалов в суд.

Не менее важной является и та часть изменений, которая связана с детальной идентификацией всех участников и способов обращения в суд. Пункты 3, 4, 6, 7 и 8 ч. 1.3 ст. 28.8 КоАП РФ требуют указания адресов, телефонов, факсов, адресов электронной почты, а также сведений о возможности направления извещений и документов в электронной форме. Такое решение нельзя считать случайным. Оно направлено на обеспечение устойчивой процессуальной коммуникации между судом, органом преследования и лицом, в отношении которого возбуждено дело, а также на снижение числа ситуаций, когда рассмотрение дела затягивается из-за неясности контактных данных или способа извещения. Следовательно, ст. 28.8 КоАП РФ после стала регламентировать не только вопросы передачи материалов в суд, но и вопросы организации дальнейшего процессуального взаимодействия.

В этом смысле новая редакция ст. 28.8 КоАП РФ тесно связана с более широкой цифровизацией производства по делам об административных правонарушениях. Закрепление требования об усиленной квалифицированной электронной подписи, возможности направления документов в машиночитаемом виде, а также корреспондирующие изменения о подаче документов и электронном взаимодействии участников производства показывают, что законодатель стремится сделать судебную стадию не просто более формализованной, но и технологически управляемой. Для прокурора это означает, что надлежащее осуществление функции административного преследования зависит не только от правильной квалификации и достаточности доказательств, но и от способности оформить процессуальную позицию в цифровом формате, позволяющем осуществлять движение дела в электронном виде.

Одновременно новая редакция ст. 28.8 КоАП РФ повышает требования к качеству подготовки прокурорами процессуальных документов, иных материалов проверки. Поскольку заявление содержит большое количество обязательных реквизитов и выражает требование о привлечении к ответственности, любые пробелы в его содержании становятся потенциально значимым процессуальным дефектом. Это может привести к дополнительным временным затратам, необходимости устранять недочеты, а в отдель-

ных случаях и к затягиванию разрешения дела. Следовательно, практическим последствием изменений, возможно, станет возрастание нагрузки на прокуроров, на органы, обеспечивающие подготовку и направление материалов по делам об административных правонарушениях в суд. Кроме того, эта же формализация способна положительно сказаться на качестве поступающих в суд дел, поскольку она стимулирует более тщательную предварительную проверку их содержания и полноты.

Часть 1.5 ст. 28.8 КоАП РФ содержит логичные положения, согласно которым заявление подписывается и направляется должностным лицом, уполномоченным в соответствии со ст. 28.3 КоАП РФ составлять протокол об административном правонарушении. Однако применительно к реализации соответствующих полномочий прокурором возникает правовая неопределенность, поскольку прокурор возбуждает дело путем вынесения постановления на основании ст. 28.4 КоАП РФ, а не посредством составления протокола в порядке ст. 28.3 КоАП РФ. Хотя в ч. 1.3 ст. 28.8 законодатель прямо упоминает прокурора как субъекта, вынесшего постановление и обладающего правом на обращение в суд, в ч. 1.5 ст. 28.8 КоАП РФ специальное указание на него отсутствует. Это создает предпосылки для неоднозначного толкования и свидетельствует о том, что указанная норма требует корректировки с учетом указанных выше полномочий прокурора.

Часть 1.6 ст. 28.8 КоАП РФ, предусматривающая направление материалов по почте либо вручение их сотрудникам суда под расписку при отсутствии технической возможности, также имеет самостоятельное значение. Она демонстрирует, что законодатель не абсолютизирует электронный формат и сохраняет резервный механизм передачи материалов. С одной стороны, это обеспечивает устойчивость правоприменения и позволяет избежать затруднений в порядке производства при технических сбоях. С другой стороны, сама конструкция нормы подтверждает, что базовой моделью с июля 2025 г. законодатель считает именно электронное направление в суд заявления и материалов дела, а бумажный способ выступает как исключение. Тем самым реформа ст. 28.8 КоАП РФ не только изменила процессуальную форму обращения в суд, но и переопределила приоритетный канал такого обращения.

Если оценивать возможные последствия внесенных изменений в более широком аспекте, следует признать, что они направлены на укрепление процессуальной самостоятельности суда и более четкое разграничение функций суда и органа административного преследования. Суд получает от прокурора уже не только собранные материалы дела, но и надлежащим образом сформулированное процессуальное требование, содержащее сведения, необходимые для дальнейшего движения дела. Это способно обеспечить большую определенность предмета судебного рассмотрения, усилить процессуальную дисциплину и повысить предсказуемость судебной стадии. Нельзя исключать и противоположный эффект, выражающийся в чрезмерной формализации требований к заявлению. При соответствующем подходе правоприменителя новая обязанность может приобрести характер дополнительного процедурного барьера, если приоритет будет отдаваться внешней форме документа в ущерб содержательной стороне административного преследования.

Для прокурора основное значение упомянутых изменений заключается в том, что функция административного преследования в суде получила более четкое и формализованное выражение. В современных условиях недостаточно возбудить дело и направить материалы в суд; требуется подготовить самостоятельное заявление, в котором должны быть определенно указаны лицо, подлежащее привлечению к административной ответственности, фактические и правовые основания такого привлечения, сведения, необходимые для процессуального взаимодействия с судом, а также документы, подтверждающие обоснованность заявленного требования. По существу, ст. 28.8 КоАП РФ стала нормой, соединяющей содержание осуществляемого прокурором административного преследования, процессуальную форму его выражения и технологический порядок обращения в суд.

Основное значение изменений ст. 28.8 КоАП РФ состоит в преобразовании процессуального порядка направления дела для рассмотрения в суд. Законодатель придал обращению органа административного преследования в суд самостоятельный, формализованный и технологически ориентированный характер. Это изменение направлено на повышение определенности позиции стороны преследования, совершенствование процессуальной коммуникации, развитие

электронных форм осуществления правосудия и более четкое разграничение функций участников производства, способствует реализации предоставленных им процессуальным законодательством гарантий и прав. Новая модель также нуждается в дальнейшей теоретической разработке, прежде всего в части согласования ст. 28.8 со ст. 28.4 КоАП РФ, а также выработки единообразных подходов к подготовке прокурором заявления о привлечении к административной ответственности.

Библиографический список

Безрукавая Н. И. Вопросы участия прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях // КриминалистЪ. 2025. № 1. С. 127–136.

Щепалов С. В. Основания судебного вмешательства в административное усмотрение при рассмотрении дел об административных правонарушениях // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 4. С. 421–443.

References

Bezrukavaya N. I. Issues of prosecutor participation in court consideration of cases on administrative offenses // Criminalist. 2025. No. 1 (50). P. 127–137.

Shchepalov S. V. Grounds for judicial intervention in administrative discretion in the consideration of cases on administrative offenses // Siberian law review. 2025. Vol. 22, No. 4. P. 421–443.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Безрукавая Н. И., соискатель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, заместитель прокурора города Воронежа, советник юстиции

E-mail: bezrukavayan@mail.ru

Поступила в редакцию: 06.04.2026

Для цитирования:

Безрукавая Н. И. Отдельные вопросы реализации прокурором функции административного преследования в суде // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 122–127. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/122-127

St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Bezrukavaya N. I., Applicant of the Department of Prosecutor's Supervision and Prosecutor's Participation in the Consideration of Criminal, Civil, and Arbitration Cases Deputy Prosecutor of the City of Voronezh, Counselor of Justice

E-mail: bezrukavayan@mail.ru

Received: 06.04.2026

For citation:

Bezrukavaya N. I. Separate issues of the prosecutor's function of administrative prosecution in court // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 122–127. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/122-127

УДК 347.73
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/128-134

ДЕНЕЖНЫЕ ФОНДЫ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

А. В. Красюков
Воронежский государственный университет

MONETARY FUNDS OF SELF-REGULATORY ORGANIZATIONS: FINANCIAL AND LEGAL ASPECT

A. V. Krasyukov
Voronezh State University

Аннотация: статья посвящена исследованию саморегулирования как проявления тенденции децентрализации публичного управления, направленной на повышение его эффективности. Автор анализирует сложившиеся в правовой науке подходы к пониманию саморегулирования и его формам, повлиявшим на формирование легального определения данного понятия. Основной акцент работы сделан на изучении саморегулируемых организаций как уполномоченного государством института, реализующего отдельные государственные полномочия. Автор исследует проблематику финансирования саморегулируемых организаций и формирования ими специальных денежных фондов. На основе анализа особенностей отношений по формированию компенсационных фондов саморегулируемых организаций автор приходит к выводу, что данные фонды имеют публичный характер, а отношения по их формированию должны входить в предмет финансового права.
Ключевые слова: саморегулирование, саморегулируемые организации, компенсационный фонд, финансовые ресурсы, публичный интерес, предмет финансового права.

Abstract: this article examines self-regulation as a manifestation of the trend toward decentralization of public administration aimed at improving its effectiveness. The author analyzes established legal approaches to understanding self-regulation and its forms, which have influenced the development of the legal definition of this concept. The main focus of the work is on studying self-regulatory organizations as state-authorized institutions exercising certain state powers. The author examines the issues of financing self-regulatory organizations and the formation of special monetary funds by them. Based on an analysis of the specifics of the formation of compensation funds for self-regulatory organizations, the author concludes that these funds are public in nature, and the relations surrounding their formation should be included within the scope of financial law.
Key words: self-regulation, self-regulatory organizations, compensation fund, financial resources, public interest, subject matter of financial law.

В последние годы государство от прямого регулирования отдельных видов предпринимательской и профессиональной деятельности переходит к предоставлению таким субъектам возможности по саморегулированию. Это обусловлено тем, что в современном демократическом обществе государство не может быть единственным регулятором экономических отношений. Управление рыночной экономикой должно строиться на привлечении самих предпринимателей к выработке стандартов надлежащего поведения в той или иной сфере экономической деятельности. Выработанные таким образом правила поведения будут признаваться и исполняться в большей степени по сравнению с «навязанными» со стороны государства.

© Красюков А. В., 2026

В науке совершенно верно отмечено, что централизованное регулирование, основанное на общем интересе, далеко не всегда способно учесть интересы отдельных коллективов, организаций, граждан и поэтому не может быть всегда и во всех случаях эффективным и достаточным[1]. Тем самым саморегулирование является одной из форм децентрализации публичного управления и направлено на повышение его эффективности.

Саморегулирование, по мнению ученых-правоведов, имеет ряд достоинств: снижение государственного вмешательства в деятельность предпринимателей и повышение предсказуемости по сравнению с государственным регулированием; способность оперативно реагировать на изменения в соответствующей отрасли экономической деятельности; применение наиболее подходящего способа регулирования в случае изменения условий осуществления той или иной экономической деятельности; сокращение коммерческих и других рисков; повышение конкурентоспособности; эффективность при решении вопросов корпоративного поведения на рынках и т. д.[2]

Экономическая наука также рассматривает саморегулирование как дискретную институциональную альтернативу государственному регулированию экономических отношений, допустимую в некоторых случаях[3].

В рамках правовых исследований саморегулирование преимущественно является предметом научного интереса ученых-цивилистов. Это обусловлено тем, что саморегулирование рассматривается в качестве традиционного гражданско-правового метода регулирования общественных отношений как при заключении договоров (договорная форма), так и в рамках корпоративных отношений (корпоративная форма)[4]. За последние 15 лет саморегулированию было посвящено несколько сотен научных статей, а также монографии и диссертации, которые в большинстве своем относятся к гражданскому и (или) предпринимательскому праву[5].

Саморегулированием в рамках данных исследований признается легитимная, осуществляемая без прямого государственного вмешательства, самостоятельная и инициативная деятельность в сфере частноправовых отношений, осуществляемая заинтересованными субъектами для достижения организованной правовой цели, содержанием которой являются разработка и установление правил осуществления указанной деятельности, контроль за соблюдением этих правил и применения мер воздействия к правонарушителям[6].

Саморегулирование как проявление метода правового регулирования, безусловно, основано на диспозитивности и присуще прежде всего отраслям частного права[7]. Однако в ряде случаев для определения допустимых границ саморегулирования требуются использование публично-правовых средств, что свидетельствует о комплексном характере данного правового явления и возможности его использования не только для регулирования частноправовых отношений, но и публично-правовых.

Законодатель определяет саморегулирование как самостоятельную и инициативную деятельность, осуществляемую субъектами предпринимательской и профессиональной деятельности, содержанием которой является разработ-

[1] См.: *Кашанина Т. В.* Децентрализация в правовом регулировании (структурный анализ) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 3.

[2] См.: *Суров А. Ф.* Роль системы саморегулирования при реализации публично-правовых функций // Законы России : опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 10–16.

[3] См.: *Петров Д. А.* Понятие и признаки саморегулирования как правового явления // Юрист. 2013. № 20. С. 27–31.

[4] См.: *Демиева А. Г.* К вопросу о конструкции саморегулирования предпринимательских отношений // Гражданское право. 2018. № 5. С. 22–24.

[5] См., например: *Лескова Ю. Г.* Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М. : Статут, 2013. 384 с. ; *Егорова М. А.* Концепция совершенствования механизмов саморегулирования : pro et contra : монография. М. : Юстицинформ, 2017. 180 с. ; *Фархутдинов Р. Д.* Эффективность саморегулирования в строительстве : монография. М. : Юстицинформ, 2016. 128 с. ; *Герасимов А. А.* Правовое регулирование деятельности саморегулируемых организаций : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 24 с. Следует отметить, что в данной тематике встречаются также диссертации по теории права и другим отраслям права: *Алгазина А. Ф.* Саморегулирование как вид управленческой деятельности : административно-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2017. 20 с. ; *Скоробогатов В. Ю.* Саморегулирование как свойство правовой системы : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 23 с.

[6] См.: *Петров Д. А.* Понятие и признаки саморегулирования как правового явления.

[7] Подробнее см.: *Лескова Ю. Г.* Саморегулирование как проявление метода частного права // Гражданское право. 2010. № 4. С. 8–11.

ка стандартов и правил такой деятельности, а также контроль за их соблюдением[8].

Как следует из легального определения саморегулирования, под ним подразумевается исключительно корпоративная форма. С точки зрения закона такая деятельность осуществляется только посредством создания специализированных некоммерческих организаций – саморегулируемых организаций (далее – СРО) и объединения на основе членства в них. При этом договорная форма саморегулирования исключена из сферы специального правового регулирования.

При этом часто законодательством предусмотрено, что членство в СРО соответствующего вида является обязательным условием для получения возможности осуществлять определенную предпринимательскую или профессиональную деятельностью. Тем самым саморегулирование в настоящее время активно используется как более эффективная альтернатива государственного лицензирования.

В данный момент обязательное членство в СРО предусмотрено для деятельности в сфере строительства, проектирования и инженерных изысканий[9], энергетического обследования[10], оценочной деятельности[11], деятельности арбитражных управляющих[12], аудиторов[13], финансовых организаций[14], кадастровых инженеров[15], актуарной деятельности[16] и некоторых других.

Тем самым государство, по сути, делегирует свои полномочия по регулированию доступа на определенные рынки предпринимательской или профессиональной деятельности СРО.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ основной закон Российской Федерации не запрещает государству передавать отдельные полномочия исполнительных органов власти негосударственным организациям. По смыслу ст. 78 (ч. 2 и 3) и 132 (ч. 2) Конституции РФ такая передача возможна при условии, что это не противоречит Конституции РФ и ее федеральным законам[17].

Вырабатывая и принимая правовые нормы, регулирующие определенную сферу деятельности, и обеспечивая при этом необходимый уровень защиты как прав непосредственных потребителей товаров (работ, услуг) в этой сфере деятельности, так и прав всего общества в целом, государство вправе передать свои функции защиты общественного интереса саморегулируемым организациям, на законодательном уровне установив необходимые дополнительные требования к этим организациям[18].

Однако, несмотря на указанные выше положения распоряжения, применительно к саморегулированию не следует говорить о прямом делегировании полномочий от государства к СРО. В данном случае мы скорее имеем дело с отказом государства от регулирования отдельных видов предпринимательской и профессиональной деятельности с заменой обязательным в силу закона саморегулированием в форме создания СРО[19].

---

[8] Статья 2 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 49. Ст. 6076 ; Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка№ // Там же. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4349.

[9] Статьи 47–49, 52 Градостроительного кодекса РФ.

[10] См.: Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 48. Ст. 5711.

[11] См.: Об оценочной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3813.

[12] См.: О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

[13] См.: Об аудиторской деятельности : федер. закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 1. Ст. 15.

[14] См.: О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка : федер. закон от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4349.

[15] См.: О кадастровой деятельности : федер. закон от 24 июля 2007 № 221-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 31. Ст. 4017.

[16] См.: Об актуарной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 2 ноября 2013 № 293-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 44. Ст. 5632.

[17] См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате : постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. № 22. 1998. Ст. 2491.

[18] См.: О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования : распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 2776-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 2 (ч. II). Ст. 458.

[19] См.: *Петров Д. А.* «Приватизация» публичных функций и саморегулирование в сфере предпринима-

Государство тем самым экономит финансовые и управленческие ресурсы, оставляя за собой только функцию контроля за этими некоммерческими организациями. В некоторых случаях даже такой контроль часто осуществляется государством опосредованно – через создание и деятельность других некоммерческих организаций – национальных объединений СРО, которые осуществляют непосредственный контроль в отношении их деятельности[20].

СРО при этом не являются государственным органом власти или квазиорганом, а представляют собой самостоятельно существующий институт, специфические черты которого позволяют приспособить его для принятия части функций, от осуществления которых государство отказалось[21].

При разработке Федерального закона «О саморегулируемых организациях» (далее – закон о СРО) были определены следующие его цели:

– снижение объема государственного регулирования деятельности субъектов саморегулирования;

– усиление ответственности субъектов предпринимательской деятельности перед потребителями производимых ими товаров (работ, услуг);

– создание альтернативных механизмов разрешения споров субъектов саморегулирования и потребителей, а также субъектов саморегулирования и государства;

– поддержание высоких стандартов предпринимательской деятельности и деловой этики в отрасли;

– защита интересов предпринимателей в их отношениях с государством (предполагалось, что при возникновении любых конфликтов и споров между федеральным органом исполнительной власти (органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации) и участником саморегулируемой организации оппонировать государству от имени этого участника будет указанная организация);

– снижение бюджетных затрат, связанных с государственным регулированием и контролем за деятельностью участников саморегулируемых организаций.

В силу указанного выше деятельность СРО по установлению стандартов и правил осуществления определенной предпринимательской и профессиональной деятельности, а также по осуществлению контроля за ней, вполне может быть охарактеризована как публичная, поскольку ориентирована на защиту интересов не только членов СРО, но и неопределенного круга лица, потенциально являющихся их клиентами[22].

СРО выступают правовым средством организации обеспечения в первую очередь общественных интересов, способных к сегментации по сферам общественно-экономических отношений и видам деятельности, чем обусловливается возможность обособления интересов, присущих не всему обществу в целом, а отдельным группам субъектов общественно-экономических отношений[23].

Публичный характер деятельности СРО характерен только для тех форм саморегулирования, которые являются обязательными в силу закона. Если СРО создана по инициативе организаций и (или) физических лиц, и членство в ней не обязательно для осуществления того или иного вида профессиональной или предпринимательской деятельности, то его деятельность может быть полезной для общества, но не имеет безусловный публичный характер.

СРО, несмотря на часто публичный характер своей деятельности, не финансируются государством и муниципальными образованиями, поэтому основным источником их финансирования являются взносы членов СРО, которые в соответствии со ст. 12 закона о СРО подразделяются на: вступительные, членские и целевые.

В подавляющем большинстве «обязательных» СРО в силу требований законов за счет взносов его членов образуется компенсационный фонд, средства которого аккумулируются для обеспечения защиты прав потребителей ус-

тельства : проблемы сопряжения // Гражданское право. 2017. № 5. С. 36–39.

[20] Например, ассоциации СРО – НОСТРОЙ и НОПРИЗ.

[21] См.: *Петров Д. А.* Саморегулирование в системе социального регулирования общественных отношений // Рос. юстиция. 2016. № 11. С. 68–71.

[22] См.: *Воскресенская Е. В.* Субъекты саморегулирования : теоретико-правовой аспект // Ленинград. юрид. журнал. 2016. № 1. С. 17–23. В литературе вопрос о публично-правовом статусе СРО является дискуссионным. Обзор существующих подходов см.: *Суров А. Ф.* Указ. соч.

[23] См.: *Петров Д. А.* «Приватизация» публичных функций и саморегулирование в сфере предпринимательства : проблемы сопряжения.

луг членов СРО или иных лиц, пострадавших от их деятельности[24].

Компенсационный фонд выполняет следующие основные функции:

– консолидация рисков имущественной ответственности членов саморегулируемой организации;

– обеспечение ответственности членов саморегулируемой организации и саморегулируемой организации в связи с причинением ущерба членом саморегулируемой организации потребителю его товаров (работ, услуг) вследствие нарушения членом саморегулируемой организации требований стандартов деятельности[25].

Наличие данного фонда у СРО, выполняющей обеспечительную функцию, является одним из важнейших преимуществ модели саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности перед государственной системой лицензирования[26], которая не предоставляет потерпевшей стороне никаких дополнительных гарантий компенсации причиненного вреда.

Публичный, а вместе с ним и финансово-правовой характер данного денежного фонда усматривается учеными именно в обеспечении имущественной ответственности каждого члена саморегулируемой организации перед третьими лицами – потребителями произведенных работ и иными лицами[27]. При этом отдельные ученые сомневаются в публичном характере целей создания компенсационного фонда СРО в силу того, что законодательством установлен весьма ограниченный перечень лиц, защита интересов которых осуществляется путем создания СРО компенсационного фонда[28].

Думается, что решающим доводом в данной дискуссии является то, что получателем компенсаций из данного фонда выступает неопределенный круг лиц, в число которых потенциально может попасть каждый. Это свидетельствует о превалировании защиты публичного интереса при помощи создания данного фонда.

Кроме того, публичным делает компенсационный фонд СРО не только цель его использования, но и порядок его формирования. В отличие от гражданского права финансовое право предусматривает формирование денежных фондов, как правило, за счет властного изъятия финансовых ресурсов у различных субъектов.

Применительно к компенсационному фонду СРО это выражается в том, что порядок его создания за счет обязательных взносов членов СРО, а также часто и размер таких взносов нормативно установлены. При этом в законе или подзаконном нормативно-правовом акте, устанавливающем размер такого взноса, прямо указывается, что ни один из членов СРО не может быть освобожден от исполнения данной обязанности.

Законом о СРО такие организации также наделены властными полномочиями по установлению порядка поступления взносов от своих членов, а также осуществления в их отношении мероприятий контроля и применения мер ответственности вплоть до исключения из СРО. В силу указанного выше представляется, что деятельность по установлению и взиманию обязательных взносов в СРО имеет черты властного характера.

Публичный финансовый фонд, как правило, образуется отдельно от субъектов – источников его формирования. Тем самым публичные финансовые ресурсы защищаются от какого-либо незаконного распоряжения и использования как со стороны третьих лиц, так и со стороны их держателя.

Данное условие также соблюдается в отношении компенсационного фонда СРО, который довольно четко и последовательно отделен от иного имущества СРО. Например, это выражается в том, что средства компенсационного фонда хранятся на отдельном специальном счете СРО в банке. При этом на них нельзя обратить взы-

---

[24] См.: *Хоменко Е. Г.* Правовой режим специального счета компенсационного фонда саморегулируемой организации // Законы России : опыт, анализ, практика. 2017. Май. № 5. С. 64–68.

[25] См.: О Концепции совершенствования механизмов саморегулирования : распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 2776-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 2 (ч. II). Ст. 458.

[26] См.: *Кванина В. В.* Правовая сущность обеспечительной функции саморегулирования // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2013. № 4. С. 12–16.

[27] См.: *Скок Я. А.* Саморегулируемые организации как субъект финансового права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2024. С. 11–12.

[28] См.: *Лескова Ю. Г.* Ключевые изменения института саморегулирования строительной деятельности : некоторые вопросы теории и практики // Законы России : опыт, анализ, практика. 2017. № 7. С. 54–63 ; *Серая Н. А.* К вопросу о правовом режиме компенсационного фонда обеспечения договорных обязательств саморегулируемой организации в сфере строительства // Гражданское право. 2019. № 4. С. 24–27.

скание ни по каким обязательствам СРО, кроме определенных в законе.

Полномочия СРО по распоряжению средствами компенсационного фонда также ограничены законом, поскольку публичный характер этого децентрализованного фонда предполагает реализацию комплекса мер по обеспечению его сохранности.

При этом обеспечивается как физическая сохранность компенсационного фонда путем установления законом оснований и порядка обращения взыскания на его средства, так и сохранность ликвидности компенсационного фонда на фоне постоянной инфляции в нашей стране. Последнее достигается посредством инвестирования средств данного фонда в предусмотренных законом формах в наиболее ликвидные активы. При этом все доходы от такого инвестирования пополняют исключительно компенсационный фонд. Если же в силу различных обстоятельств размер компенсационного фонда станет меньше минимально допустимого размера, СРО в силу прямого указания закона обязана принять меры, включая взимание дополнительных целевых взносов со своих членов, по восстановлению его объема.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что компенсационный фонд СРО является публичным денежным фондом, а отношения по его формированию, распределению и использованию должны входить в предмет финансового права. Это обусловлено тем, что данный фонд не только имеет публичные цели его использования, но и особый порядок его формирования посредством обязательного изъятия в силу требований закона части имущества членов СРО в денежной форме, приводящий к образованию данного денежного фонда автономно от имущества хозяйствующих субъектов, включая саму СРО.

Библиографический список

Алгазина А. Ф. Саморегулирование как вид управленческой деятельности : административно-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2017. 20 с.

Воскресенская Е. В. Субъекты саморегулирования : теоретико-правовой аспект // Ленинград. юрид. журнал. 2016. № 1. С. 17–23.

Герасимов А. А. Правовое регулирование деятельности саморегулируемых организаций : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 24 с.

Демиева А. Г. К вопросу о конструкции саморегулирования предпринимательских отношений // Гражданское право. 2018. № 5. С. 22–24.

Егорова М. А. Концепция совершенствования механизмов саморегулирования : pro et contra : монография. М. : Юстицинформ, 2017. 180 с.

Кашанина Т. В. Децентрализация в правовом регулировании (структурный анализ) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1992.

Кванина В. В. Правовая сущность обеспечительной функции саморегулирования // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2013. № 4. С. 12–16.

Лескова Ю. Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М. : Статут, 2013. 384 с.

Лескова Ю. Г. Саморегулирование как проявление метода частного права // Гражданское право. 2010. № 4. С. 8–11.

Лескова Ю. Г. Ключевые изменения института саморегулирования строительной деятельности : некоторые вопросы теории и практики // Законы России : опыт, анализ, практика. 2017. № 7. С. 54–63.

Петров Д. А. Понятие и признаки саморегулирования как правового явления // Юрист. 2013. № 20. С. 27–31.

Петров Д. А. «Приватизация» публичных функций и саморегулирование в сфере предпринимательства : проблемы сопряжения // Гражданское право. 2017. № 5. С. 36–39.

Петров Д. А. Саморегулирование в системе социального регулирования общественных отношений // Рос. юстиция. 2016. № 11. С. 68–71.

Серая Н. А. К вопросу о правовом режиме компенсационного фонда обеспечения договорных обязательств саморегулируемой организации в сфере строительства // Гражданское право. 2019. № 4. С. 24–27.

Скок Я. А. Саморегулируемые организации как субъект финансового права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2024. С. 11–12.

Скоробогатов В. Ю. Саморегулирование как свойство правовой системы : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 23 с.

Суров А. Ф. Роль системы саморегулирования при реализации публично-правовых функций // Законы России : опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 10–16.

Фархутдинов Р. Д. Эффективность саморегулирования в строительстве : монография. М. : Юстицинформ, 2016. 128 с.

Хоменко Е. Г. Правовой режим специального счета компенсационного фонда саморегулируемой организации // Законы России : опыт, анализ, практика. 2017. Май. № 5. С. 64–68.

References

Algazina A. F. Self-regulation as a type of management activity : administrative and legal aspect : cand. of legal sci. dis. abstr. Omsk, 2017. 20 p.

Voskresenskaya E. V. Subjects of self-regulation : theoretical and legal aspect // Leningrad law journal. 2016. No. 1. P. 17–23.

Gerasimov A. A. Legal regulation of the activities of self-regulatory organizations : cand. of legal sci. dis. abstr. Moscow, 2011. 24 p.

Demieva A. G. On the issue of the design of self-regulation of entrepreneurial relations // Civil Law. 2018. No. 5. P. 22–24.

Egorova M. A. Concept of improving self-regulation mechanisms : pro et contra : monograph. Moscow : Yustitsinform, 2017. 180 p.

Kashanina T. V. Decentralization in Legal Regulation (Structural Analysis) : d-r of legal sci. dis. abstr. Moscow, 1992. P. 3.

Kvanina V. V. Legal essence of the security function of self-regulation // Entrepreneurial law. Supplement «Business and law in Russia and abroad». 2013. No. 4. P. 12–16.

Leskova Yu. G. Conceptual and legal foundations of self-regulation of entrepreneurial relations. Moscow : Statut, 2013. 384 p.

Leskova Yu. G. Self-Regulation as a manifestation of the private law method // Civil law. 2010. No. 4. P. 8–11.

Leskova Yu.G. Key changes in the institute of self-regulation of construction activities : some theoretical and practical issues // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2017. No. 7. P. 54–63.

Petrov D. A. Concept and features of self-regulation as a legal phenomenon // Jurist. 2013. No. 20. P. 27–31.

Petrov D. A. «Privatization» of public functions and self-regulation in the sphere of entrepreneurship : problems of interconnection // Civil law. 2017. No. 5. P. 36–39.

Petrov D. A. Self-Regulation in the system of social regulation of public relations // Russian Justice. 2016. No. 11. P. 68–71.

Seraya N. A. On the legal regime of the compensation fund for ensuring contractual obligations of a self-regulatory organization in the sphere of construction // Civil Law. 2019. No. 4. P. 24–27.

Skok Ya. A. Self-regulatory organizations as a subject of financial law : cand. of legal sci. dis. abstr. Saratov. 2024. P. 11–12.

Skorobogatov V. Yu. Self-regulation as a property of the legal system : cand. of legal sci. dis. abstr. Moscow, 2013. 23 p.

Surov A. F. The role of the self-regulation system in the implementation of public-law functions // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2016. No. 10. P. 10–16.

Farkhutdinov R. D. Effectiveness of self-regulation in construction : monograph. Moscow : Yustitsinform, 2016. 128 p.

Khomenko E. G. Legal regime of a special account of the compensation fund of a self-regulatory organization // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2017. May. No. 5. P. 64–68.

Воронежский государственный университет
Красюков А. В., доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права
E-mail: kav@law.vsu.ru

Поступила в редакцию: 29.06.2026

Для цитирования:
Красюков А. В. Денежные фонды саморегулируемых организаций: финансово-правовой аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 128–134. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/128-134

Voronezh State University
Krasyukov A. V., Doctor of Law, Professor of the Financial Law Department
E-mail: kav@law.vsu.ru

Received: 29.06.2026

For citation:
Krasyukov A. V. Monetary funds of self-regulatory organizations: financial and legal aspect // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 128–134. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/128-134

УДК 342
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/135-144

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

С. Р. Кукушко
Институт технологий управления РТУ МИРЭА

TAXATION OF NATURAL MONOPOLY ENTITIES IN THE FUEL AND ENERGY COMPLEX

S. R. Kukushko
Institute of Management Technologies, RTU MIREA

Аннотация: исследуются конституционно-правовые аспекты установления специальной ставки налога на прибыль в размере 40 % для ПАО «Транснефть» и его дочерних обществ в соответствии с п. 1.19 ст. 284 Налогового кодекса Российской Федерации на период 2025–2030 гг. На основе анализа консолидированной финансовой отчетности, бухгалтерской отчетности, решений органов управления, Устава компании «Транснефть» и Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 г. изучается проблема соответствия беспрецедентного фискального решения конституционным принципам справедливости, соразмерности и равенства налогообложения. Эмпирически доказывается наличие прямой причинно-следственной связи между повышением налоговой нагрузки и сокращением инвестиционной активности стратегического субъекта, обеспечивающего функционирование критической трубопроводной инфраструктуры. Формулируются правовые рекомендации по совершенствованию фискально-регулятивного механизма в целях обеспечения баланса между финансовыми интересами государства и стратегическими приоритетами энергетической безопасности.
Ключевые слова: энергетическая безопасность, конституционные принципы налогообложения, субъект естественной монополии, специальная налоговая ставка, инвестиционный налоговый вычет, тарифное регулирование, критическая инфраструктура, магистральные трубопроводы, Энергетическая стратегия, ПАО «Транснефть».

Abstract: the present article examines the constitutional and legal aspects of establishing a special corporate income tax rate of 40 % for PJSC Transneft and its subsidiary companies pursuant to Clause 1.19 of Article 284 of the Tax Code of the Russian Federation for the period 2025–2030. Drawing upon an analysis of consolidated financial statements, accounting records, resolutions of governing bodies, the Articles of Association of Transneft, and the Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2050, the article investigates the question of whether this unprecedented fiscal measure is compatible with the constitutional principles of tax equity, proportionality, and equality. The existence of a direct causal relationship between the increased tax burden and the curtailment of investment activity by a strategic entity responsible for the operation of critical pipeline infrastructure is substantiated on an empirical basis. Legal recommendations are formulated with a view to improving the fiscal and regulatory mechanism in order to strike an appropriate balance between the financial interests of the state and the strategic priorities of energy security.
Key words: energy security, constitutional principles of taxation, natural monopoly entity, special tax rate, investment tax deduction, tariff regulation, critical infrastructure, trunk pipelines, Energy Strategy, PJSC «Transneft».

© Кукушко С. Р., 2026

Энергетическая безопасность Российской Федерации, определяемая Доктриной энергетической безопасности[1] как «состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики», при котором обеспечиваются потребности в энергии экономически доступными топливно-энергетическими ресурсами, является конституционно значимой ценностью, производной от положений ст. 7, 8, 9, 71 и 72 Конституции Российской Федерации[2]. Разделяя подход Н. Г. Гаджиева и соавторов, следует признать обоснованным их вывод о том, что энергетическая безопасность характеризуется «способностью топливно-энергетического комплекса обеспечивать экономику качественными, дешевыми и экологически чистыми ресурсами, способностью экономики рационально расходовать энергоресурсы и высоким уровнем устойчивости систем энергетики»[3].

Публично-правовое измерение проблемы энергетической безопасности приобретает особую остроту в связи с принятием Федерального закона от 29 ноября 2024 г. № 416-ФЗ, которым в ст. 284 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) введен п. 1.19, устанавливающий «для организаций, являющихся субъектами естественной монополии и осуществляющих транспортировку нефти и нефтепродуктов по системе магистральных трубопроводов, а также для налогоплательщиков, в которых прямо или косвенно участвуют указанные организации с долей участия 50 процентов и более, специальную налоговую ставку по налогу на прибыль в размере 40 процентов» на налоговые периоды 2025–2030 гг.[4]. Указанная ставка в 1,6 раза превышает общеустановленную ставку 25 %, введенную Федеральным законом от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ для всех российских организаций с 1 января 2025 г., и носит беспрецедентный характер в системе российского налогового законодательства, поскольку адресована фактически единственному хозяйствующему субъекту – ПАО «Транснефть» и его дочерним обществам, при том что данный субъект выполняет стратегические функции по обеспечению энергетической безопасности государства.

Обоснованность тезиса о стратегической роли субъекта трубопроводной транспортировки подтверждается выводами Н. В. Артемьева и соавторов, которые определяют энергетическую безопасность как «способность топливно-энергетического комплекса внутренних и внешних ресурсов обеспечивать устойчивое развитие экономики страны, надежное энергоснабжение субъектов хозяйственной деятельности и населения, а также способность реализовывать свою стратегию на мировом рынке»[5]. Н. В. Василенко обоснованно развивает эту логику, указывая, что экономическая безопасность, стабилизирующая экономику, позволяет выделить достаточные ресурсы на обеспечение энергетической и продовольственной безопасности, поддержание работоспособной инженерной инфраструктуры для обеспечения потребностей, в том числе во время проведения военных действий и специальных операций[6]. Н. В. Голубцов и О. В. Федоров обоснованно отмечают, что для полноценного, стабильного и независимого развития у России есть запасы энергии и ресурсов, однако страна должна бороться за научно-технологическое лидерство, а вопросы энергобезопасности государства всегда оставаться приоритетными[7].

---

[1] См.: Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 20. Ст. 2421.

[2] См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. № 1-ФКЗ, с изм., от 04.10.2022 г. № 8-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 дек. ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416 ; 2022. № 41. Ст. 6933.

[3] *Гаджиев Н. Г., Коноваленко С. А., Трофимов М. Н.* Обеспечение энергетической безопасности России в условиях перехода к зеленому курсу экономики // Теоретическая и прикладная экология. 2023. № 4. С. 208–215.

[4] См.: Налоговый кодекс Российской Федерации : федер. закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (часть 2) (в ред. от 20.02.2026 г. № 40-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340 ; 2026. № 8. Ст. 775.

[5] *Артемьев Н. В., Алцыбеева И. Г., Созинова А. А., Метелева О. А.* Экономическая безопасность : система или элемент? // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 1. С. 21–38.

[6] См.: *Василенко Н. В.* Экономическая безопасность в системе приоритетов национальной безопасности : учеб. пособие. СПб. : Междунар. банковский ин-т им. Анатолия Собчака, 2024. С. 89.

[7] См.: *Голубцов Н. В., Федоров О. В.* Экономический и технологический суверенитет России через призму энергобезопасности // Актуальные вопросы экономики, менеджмента и инноваций : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 16 ноября 2022 г.). Н. Новгород : Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р. Е. Алексеева, 2022. С. 295–300.

В. В. Кошеленко, систематизируя множество научных подходов, определяет энергобезопасность страны как «состояние защищенности ее граждан, общества, экономики от обусловленных внутренними и внешними факторами угроз дефицита в обеспечении обоснованных потребностей в энергии экономически доступными топливно-энергетическими ресурсами необходимого качества в нормальных условиях функционирования и при чрезвычайных обстоятельствах»[8]. Так, при санкционном давлении и перестройке маршрутов экспортных поставок инвестиционная способность оператора магистральных трубопроводов становится решающим фактором предотвращения дефицита энергоснабжения.

Позиция Б. Н. Шево подтверждает системный характер энергетической безопасности как структурного элемента безопасности государства в целом: наряду с непрерывностью поставок, ценовой стабильностью и политической устойчивостью стран-экспортеров автор обоснованно включает в число ее компонентов физическую защищенность маршрутов транспортировки углеводородов – газопроводов и нефтепроводов[9]. Отметим, что ПАО «Транснефть» эксплуатирует свыше 67 тыс. км магистральных трубопроводов, поддержание их физической целостности – задача, финансируемая из операционной прибыли компании, уменьшение которой посредством адресной фискальной надбавки создает угрозу тому самому физическому обеспечению маршрутов[10], которое Б. Н. Шево обоснованно признает неотъемлемым компонентом безопасности.

Выводы Б. Милосавлевича, Д. Барьяктаревича и Д. Танчича, определяющих энергетическую безопасность на государственном уровне как «состояние защищенности государства, его граждан, общества и экономики от опасности дефицита в удовлетворении основных энергетических потребностей экономически доступными энергоресурсами, а также защиту от нарушения стабильности, т. е. бесперебойного энергоснабжения»[11], заслуживают поддержки. Так, элемент бесперебойности, включенный учеными в определение, представляется наиболее значимым. Перенос этого критерия на российскую правовую действительность позволяет утверждать, что обеспечение бесперебойности трубопроводной транспортировки – это не коммерческая функция ПАО «Транснефть», а публично-правовая обязанность, выполнение которой не должно ставиться в зависимость от дискреционных фискальных решений, непропорционально обременяющих единственного оператора.

Е. Э. Карташова обоснованно акцентирует, что одно из основных экономических свойств объекта для обеспечения и поддержания надлежащего уровня энергобезопасности – это возможность топливно-энергетического комплекса производить достаточное количество ресурса[12]. Соглашаясь с Е. Э. Карташовой, необходимо экстраполировать ее вывод на сферу транспортировки: производство достаточного количества ресурса утрачивает экономический смысл без его доставки потребителю по системе магистральных трубопроводов, а потому «возможность» топливно-энергетического комплекса, о которой пишет ученый, включает в себя не только добычу, но и транспортировку, что делает финансовую устойчивость оператора трубопроводной системы такой же критичной, как и устойчивость добывающих компаний.

Совокупность приведенных научных позиций позволяет констатировать, что физическое обеспечение маршрутов нефтепроводов и нефтепродуктопроводов, осуществляемое ПАО «Транснефть», является неотъемлемым элемен-

[8] *Кошеленко В. В.* Теоретико-методологические основы энергетической безопасности // Вестник Донецкого нац. ун-та. Сер. В, Экономика и право. 2023. № 3. С. 120–130.

[9] См.: *Шево Б. Н.* Энергетическая безопасность Европы // Политическое пространство и социальное время : цивилизационные модели формирования многополярного мира : материалы XLIII Международного Харакского форума (Ялта, 6–8 мая 2024 г.). Симферополь : Ариал, 2024. С. 305–311.

[10] «Транснефть» предупредила о риске для сарех из-за роста налогов / Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/business/994520 (дата обращения: 12.01.2026).

[11] *Милосавлевич Б., Барьяктаревич Д., Танчич Д.* Риски энергетической безопасности в измененных международных отношениях // Политическое пространство и социальное время : цивилизационные модели формирования многополярного мира : материалы XLIII Международного Харакского форума (Ялта, 6–8 мая 2024 г.). Симферополь : Ариал, 2024. С. 192–197.

[12] См.: *Карташова Е. Э.* Экономическая составляющая энергетической безопасности и возможности их взаимодействия // Современные тенденции и инновации в науке и производстве : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. (Междуреченск, 26 апреля 2023 г.) / отв. ред. Т. Н. Гвоздкова. Междуреченск : Кузбас. гос. техн. ун-т им. Т. Ф. Горбачева, 2023. С. 526.1–526.5.

том энергетической безопасности, а фискальное воздействие на финансовые возможности указанного субъекта непосредственно затрагивает конституционно защищаемые интересы.

Перейдем к рассмотрению особенностей правового статуса ПАО «Транснефть» как субъекта обеспечения энергетической безопасности. Согласно ст. 2.4 Устава ПАО «Транснефть» Компания является «стратегическим акционерным обществом, осуществляющим управление системой магистральных нефтепроводов и нефтепродуктопроводов, а также их охрану». Статья 4.2 Устава определяет задачи Компании, включающие организацию и «осуществление транспортировки нефти и нефтепродуктов по системе магистральных нефтепроводов и нефтепродуктопроводов, управление единой системой, обеспечение недискриминационного доступа к услугам по транспорту нефти и нефтепродуктов, комплексное развитие системы, обеспечение соблюдения требований промышленной и экологической безопасности», а также охрану объектов топливно-энергетического комплекса. Статья 5.2 Устава фиксирует структуру уставного капитала, составляющего 7 249 343 рубля и разделенного на 724 934 300 акций, из которых 569 446 800 – обыкновенные акции, принадлежащие Российской Федерации в лице Росимущества[13].

Раскрываемая сокращенная консолидированная промежуточная финансовая отчетность ПАО «Транснефть» за девять месяцев, закончившихся 30 сентября 2025 г., предоставляет эмпирическую базу для количественной оценки воздействия повышенной налоговой ставки на финансовое положение Группы. Так, в разделе 1 примечаний конкретизируется, что Группа располагает «находящейся на территории Российской Федерации системой магистральных нефтепроводов и находящейся на территории Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан связанной системой нефтепродуктопроводов», а «за девять месяцев 2025 г. Группа транспортировала бóльшую часть нефти, добытой на территории Российской Федерации, а также значительную часть произведенных на территории Российской Федерации нефтепродуктов»[14]. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р (далее – Энергетическая стратегия), в разделе II прямо указывает, что энергетическая инфраструктура Российской Федерации, основу которой составляют «Единая энергетическая система России, Единая система газоснабжения, система магистральных трубопроводов для транспортировки нефти и нефтепродуктов, является одной из самых протяженных в мире и функционирует в различных природно-климатических условиях»[15].

Таким образом, правовой статус ПАО «Транснефть» сочетает в себе признаки коммерческой организации, субъекта естественной монополии, стратегического акционерного общества с государственным контролем и элемента критической инфраструктуры, обеспечивающего энергетическую безопасность. Указанная множественность правовых качеств предопределяет необходимость комплексного подхода к фискальному регулированию деятельности Компании, учитывающего не только бюджетные интересы, но и конституционно обусловленные приоритеты обеспечения энергетического суверенитета.

Эмпирический анализ фискальных последствий введения повышенной ставки налога на прибыль для субъектов магистрального трубопроводного транспорта позволяет зафиксировать выраженную асимметрию между динамикой операционных показателей ПАО «Транснефть» и результирующим финансовым эффектом налоговой нагрузки. Согласно сокращенному консолидированному промежуточному отчету о прибыли или убытке, расход по налогу на прибыль за январь-сентябрь 2025 г. достиг 141 111 млн рублей, превысив показатель аналогичного периода 2024 г. (84 231 млн рублей) на 67,5 %. Между тем прибыль до налогообложения увеличилась лишь на 11,1 % – с 347 246 до

[13] См.: Устав Публичного акционерного общества «Транснефть» (в ред. от 27.06.2025) / Центр раскрытия корпоративной информации. URL: https://e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=636&type=1 (дата обращения: 15.01.2026).

[14] ПАО Транснефть. Раскрываемая сокращенная консолидированная промежуточная финансовая отчетность (неаудировано) за девять месяцев, закончившихся 30 сентября 2025 г. / Центр раскрытия корпоративной информации. URL: https://e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=636&type=4 (дата обращения: 15.01.2026).

[15] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 16. Ст. 2075.

385 661 млн рублей, а чистая прибыль, причитающаяся акционерам ПАО «Транснефть», сократилась на 7,7 % (с 252 254 до 232 733 млн рублей). Операционная деятельность Группы при этом демонстрировала умеренно положительную динамику: выручка возросла на 1,7 %, операционная прибыль без учета амортизации и обесценения – на 4,3 %[16]. Одновременно бухгалтерская отчетность ПАО «Транснефть» (отдельная, не консолидированная) за 9 месяцев 2025 г. фиксирует текущий налог на прибыль организации в размере 55 712 071 тыс. рублей против 25 917 303 тыс. рублей за аналогичный период 2024 г., что подтверждает более чем двукратный рост налоговых обязательств материнской компании[17].

Обращает на себя внимание, что эффективная налоговая ставка по консолидированной отчетности за девять месяцев 2025 г. составляет приблизительно 36,6 % (141 111 / 385 661), тогда как за аналогичный период 2024 г. она составляла приблизительно 24,3 % (84 231 / 347 246), что свидетельствует о возрастании реальной налоговой нагрузки на 12,3 процентных пункта, или более чем на 50 % в относительном выражении. Разница между законодательно установленной ставкой 40 % и фактической эффективной ставкой 36,6 % объясняется наличием в составе Группы обществ, не подпадающих под действие п. 1.19 ст. 284 НК РФ и уплачивающих налог по базовой ставке 25 %.

Перейдем к структурным ограничениям в инвестиционной деятельности. Раскрываемый сокращенный консолидированный промежуточный отчет о движении денежных средств за девять месяцев, закончившихся 30 сентября 2025 г., демонстрирует, что чистая сумма денежных средств, полученных от операционной деятельности, составила 267 050 млн рублей, из которых на приобретение основных средств и нематериальных активов направлено 243 809 млн рублей, что составляет 91,3 % операционного денежного потока. Дивиденды акционерам ПАО «Транснефть» за тот же период составили 143 690 млн рублей, а погашение кредитов и займов – 51 197 млн рублей. Совокупность инвестиционных и финансовых оттоков превышает операционный денежный поток, что обусловливает необходимость привлечения дополнительного финансирования: прирост денежных средств и эквивалентов на 57 052 млн рублей обеспечен, в частности, за счет чистого притока от инвестиционной деятельности в размере – 10 380 млн рублей (существенно лучше показателя – 172 778 млн рублей за аналогичный период 2024 г.), что обусловлено продажей долговых ценных бумаг и закрытием депозитов на сумму 424 446 млн рублей[18].

Параллельно Компания продолжает реализацию капиталоемкой инвестиционной программы. Примечание 5 к консолидированной отчетности фиксирует поступления в объекты незавершенного строительства в объеме 269 256 млн рублей с капитализацией затрат по займам на уровне 22 261 млн рублей. Балансовая стоимость основных средств увеличилась за девять месяцев 2025 г. с 2 663 277 до 2 757 803 млн рублей, тогда как незавершенное строительство возросло с 434 534 до 633 900 млн рублей, что свидетельствует о расширении горизонта капитальных вложений, еще не трансформировавшихся в эксплуатируемые активы[19]. Одновременное действие двух разнонаправленных факторов – кратного увеличения налогового бремени и сохранения масштабной инвестиционной программы – формирует напряженность в финансовой модели Компании, подлежащую оценке через призму стратегических целей государства. Так, Энергетическая стратегия до 2050 г. в разделе IV.2 закрепляет задачи поддержания и потенциального наращивания добычи нефти, развития экспортной инфраструктуры, диверсификации рынков сбыта и оптимизации логистических издержек. Целевым индикатором определен рост

[16] См.: ПАО Транснефть. Раскрываемая сокращенная консолидированная промежуточная финансовая отчетность (неаудировано) за девять месяцев, закончившихся 30 сентября 2025 г. / Центр раскрытия корпоративной информации. URL: https://e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=636&type=4 (дата обращения: 15.01.2026).

[17] См.: Промежуточная бухгалтерская отчетность за 9 месяцев 2025 г. / Центр раскрытия корпоративной информации. URL: https://e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=636&type=3 (дата обращения: 15.01.2026).

[18] См.: ПАО Транснефть. Раскрываемая сокращенная консолидированная промежуточная финансовая отчетность (неаудировано) за девять месяцев, закончившихся 30 сентября 2025 г. / Центр раскрытия корпоративной информации. URL: https://e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=636&type=4 (дата обращения: 15.01.2026).

[19] См.: ПАО Транснефть. Раскрываемая сокращенная консолидированная промежуточная финансовая отчетность (неаудировано) за девять месяцев, закончившихся 30 сентября 2025 г. / Центр раскрытия корпоративной информации. URL: https://e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=636&type=4 (дата обращения: 15.01.2026).

мощности экспортной инфраструктуры с 530 до 550 млн тонн к 2030 г. (приложение № 9). Среди первоочередных мер – обеспечение работоспособности трубопроводной, железнодорожной и портовой инфраструктур, наращивание транспортных мощностей Северного морского пути, совершенствование тарифного регулирования для снижения логистических издержек при сохранении рентабельности перевозок.

Стратегия прямо указывает, что «для обеспечения энергетической безопасности Российской Федерации необходимо поддержание технологического единства, надежности, управляемости, непрерывности и безопасности работы системы магистральных трубопроводов для транспортировки нефти и нефтепродуктов» (раздел III.3). В числе межотраслевых внутренних вызовов Стратегия фиксирует потребность в гарантированном обеспечении топливом и энергоснабжении потребителей, а среди рисков реализации целевого сценария – «недостаточный объем финансирования для реализации запланированных мероприятий и проектов», «импортозависимость от номенклатурного ряда промышленной продукции», а также недостаточную мобилизационную готовность организаций топливно-энергетического комплекса к устойчивому функционированию и стабильному топливо- и энергоснабжению потребителей в различных условиях[20].

Совет директоров ПАО «Транснефть» в течение 2025–2026 гг. последовательно рассматривает вопросы стратегического развития, что подтверждается протоколами заседаний: утверждение Стандарта оценки реализации Стратегии развития и выполнения показателей эффективности (протокол № 11 от 17 сентября 2025 г.)[21], утверждение отчета о реализации Долгосрочной программы развития и выполнении ключевых показателей эффективности за 9 месяцев 2025 г. (повестка заседания 5 февраля 2026 г.)[22], рассмотрение вариантов Стратегии развития ПАО «Транснефть» (повестка заседания 26 февраля 2026 г.)[23], утверждение ключевых показателей эффективности, Положения о закупке товаров, работ и услуг, Стратегии цифровой трансформации до 2027 г. и Программы повышения операционной эффективности и сокращения расходов до 2030 г. (повестка заседания 11 марта 2026 г.)[24]. Совокупность принятых и запланированных решений свидетельствует о системном подходе совета директоров к повышению эффективности деятельности компании в условиях ограниченных финансовых возможностей, при этом стоит отметить, что утверждение Программы повышения операционной эффективности и сокращения расходов до 2030 г. хронологически совпадает с периодом действия повышенной налоговой ставки и может рассматриваться как прямое следствие необходимости компенсации возросшей фискальной нагрузки за счет внутренних резервов.

Перейдем к конституционно-правовой оценке дифференцированного налогообложения. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в ряде постановлений (в частности, от 22 июня 2009 г. № 10-П, от 24 марта 2017 г. № 9-П, от 2 июля 2020 г. № 32-П и др.) сформулировал принцип, согласно которому налогообложение не должно быть чрезмерным, приводящим к нарушению конституционных прав и свобод, а налоговое бремя должно быть соразмерно экономическим возможностям налогоплательщика и преследуемым публичным целям. Статья 3 Налогового кодекса Российской Федерации закрепляет принципы всеобщности и равенства налогообложения, а также требование экономической обоснованности налогов, которые не могут быть произвольными и должны иметь экономическое основание[25].

---

[20] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 16. Ст. 2075.

[21] См.: ПАО «Транснефть». Решения совета директоров (наблюдательного совета) от 17 сентября 2025 г. : протокол № 11 / Центр раскрытия корпоративной информации. URL: https://e-disclosure.ru/portal/event.aspx?EventId=6xwW9pBeHk23Gaj9HjwkeQ-B-B (дата обращения: 20.01.2026).

[22] См.: ПАО «Транснефть». Решения совета директоров (наблюдательного совета) от 6 февраля 2026 г. : протокол № 1 / Центр раскрытия корпоративной информации. URL: https://e-disclosure.ru/portal/event.aspx?EventId=XR5cGU-Cy5kGbA6-A05RGZ5g-B-B (дата обращения: 15.02.2026).

[23] См.: ПАО «Транснефть». Проведение заседания совета директоров (наблюдательного совета) и его повестка дня. URL: https://e-disclosure.ru/portal/event.aspx?EventId=BZlD3jTgD0eBiO7w5PT5bQ-B-B (дата обращения: 09.03.2026).

[24] См.: ПАО «Транснефть». Проведение заседания совета директоров (наблюдательного совета) и его повестка дня / Центр раскрытия корпоративной информации. URL: https://e-disclosure.ru/portal/event.aspx?EventId=d8zax9Nnw02xzS4rTuwxMQ-B-B (дата обращения: 11.03.2026).

[25] См.: Налоговый кодекс Российской Федерации : федер. закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (часть 1) (в ред.

Установление для конкретного субъекта естественной монополии ставки, в 1,6 раза превышающей общеустановленную, при одновременном регулировании тарифов по принципу, ограничивающему доходную базу, создает кумулятивный эффект, экономическая обоснованность которого требует верификации. Пункт 1.19 ст. 284 НК РФ формулирует адресат нормы через функциональный критерий (осуществление транспортировки нефти и нефтепродуктов по системе магистральных трубопроводов) и структурный критерий (доля участия субъекта естественной монополии 50 % и более)[26], что фактически индивидуализирует налогоплательщика, поскольку единственным субъектом, отвечающим совокупности указанных критериев, является ПАО «Транснефть» и его дочерние общества. Формально-юридически установление специальной ставки соответствует дискреции законодателя в сфере налогового регулирования, однако фактическая индивидуализация нормы ставит вопрос о соблюдении принципа всеобщности налогообложения, предусмотренного п. 1 ст. 3 НК РФ.

Признанием непропорциональности первоначального фискального решения является последующая корректировка законодательства. Так, Федеральным законом от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ в п. 1 ст. 286.1 НК РФ внесены изменения, устанавливающие, что налогоплательщики, указанные в п. 1.19 ст. 284 настоящего Кодекса, вправе уменьшить сумму налога, исчисленную по налоговой ставке в размере 17 %, на инвестиционный налоговый вычет[27]. Ретроспективное распространение нормы на правоотношения, возникшие с 1 января 2025 г., свидетельствует о признании государством необходимости частичной компенсации повышенной налоговой нагрузки при условии целевого использования высвобождаемых средств на инвестиционные цели. Указанный механизм позволяет субъектам Российской Федерации, на территории которых расположены объекты Компании, предоставить право на уменьшение региональной части налога (17 %) на сумму расходов на приобретение, создание и модернизацию основных средств, что при максимальном использовании вычета может составить существенную величину, хотя и не компенсирует полностью разницу между ставкой 40 % и общеустановленной ставкой 25 %.

С конституционно-правовой точки зрения внесение изменений в НК РФ подтверждает осознание законодателем необходимости обеспечения баланса между фискальными целями и задачами поддержания инвестиционной активности стратегического субъекта.

Перейдем к рассмотрению особенностей тарифного регулирования. Энергетическая стратегия в разделе IV.2 среди первоочередных мер указывает «совершенствование тарифной политики в части транспортировки нефти и нефтепродуктов трубопроводным и железнодорожным транспортом в целях обеспечения конкурентоспособности российской продукции на мировом рынке за счет снижения логистических издержек при условии сохранения рентабельности перевозок». Одновременно раздел IV.5 Стратегии фиксирует задачу повышения прозрачности процессов тарифообразования и совершенствования принципов и методологии расчета государственного регулирования цен и тарифов на услуги по передаче электрической энергии. Принцип индексации тарифов на транспортировку нефти по формуле «инфляция минус», действующий с 2013 г., в условиях структурной инфляции отраслевых издержек приводит к систематическому сжатию финансовых возможностей Компании, что в сочетании с удвоением ставки налога на прибыль создает кумулятивный эффект ограничений. Следует, однако, учитывать, что разовая дополнительная индексация тарифов в 2025 г. на 9,9 % – призванная частично компенсировать удвоение ставки налога на прибыль – не устраняет структурного дефицита, поскольку ФАС подтвердила возврат к формуле «инфляция минус 0,1 %» уже с 2026 г. (индексация составит лишь 5,1 %)[28], что при зафиксированном вице-прези-

от 28.11.2025 г. № 425-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3825 ; 2025. № 48 (ч. I). Ст. 7236.

[26] См.: Налоговый кодекс Российской Федерации : федер. закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (часть 2) (в ред. от 20.02.2026 г. № 40-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340 ; 2026. № 8. Ст. 775.

[27] См.: О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации : федер. закон от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 48 (ч. I). Ст. 7236.

[28] См.: Минюст зарегистрировал приказ ФАС об индексации тарифов «Транснефти» в 2026 г. на 5,1 % / Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/business/1061300 (дата обращения: 16.01.2026).

дентом «Транснефти» В. Каландой двукратном росте стоимости трубной продукции и увеличении энергозатрат на 70 % за пять лет означает восстановление кумулятивного разрыва между динамикой тарифной выручки и реальной инфляцией отраслевых издержек[29]. Тем самым однократная коррекция тарифа выполняет функцию паллиативной меры, не затрагивающей системного противоречия между долгосрочно сдерживающей тарифной формулой и одновременно возросшей фискальной нагрузкой, – продолжая сужать инвестиционный ресурс оператора критической трубопроводной инфраструктуры на весь горизонт действия повышенной ставки (2025–2030 гг.). С публично-правовой точки зрения тарифное регулирование функционально эквивалентно косвенному фискальному изъятию, поскольку ограничение доходов инфраструктурной монополии ниже уровня, обеспечивающего покрытие нормативных издержек и инвестиционных потребностей, перераспределяет финансовые ресурсы от оператора инфраструктуры к потребителям его услуг.

Возникает вопрос о правовой неопределенности временных сроков. Несовпадение периода действия специальной ставки (2025–2030 гг., п. 1.19 ст. 284 НК РФ) и горизонта стратегического планирования (до 2050 г., Энергетическая стратегия) создает правовую неопределенность, затрудняющую принятие долгосрочных инвестиционных решений. Решения Совета директоров ПАО «Транснефть» о рассмотрении вариантов Стратегии развития (повестка заседания 26 февраля 2026 г.)[30], утверждении Стратегии цифровой трансформации до 2027 г. и Программы повышения операционной эффективности и сокращения расходов до 2030 г. (повестка заседания 11 марта 2026 г.)[31] свидетельствуют о необходимости корреляции корпоративного стратегического планирования с предсказуемым фискальным режимом. Энергетическая стратегия в разделе IV.5 среди первоочередных мер по повышению инвестиционной привлекательности отраслей топливно-энергетического комплекса прямо указывает на обеспечение стабильности и предсказуемости фискального режима с учетом принципа сохранности базовых доходов бюджета, а также на развитие экономических стимулов и снятие административных барьеров для раскрытия инвестиционного потенциала.

На основе проведенного исследования очевидно внутреннее противоречие между установкой Энергетической стратегии на стабильность фискального режима и фактическим решением о беспрецедентном повышении налоговой ставки для стратегического субъекта, принятым за несколько месяцев до утверждения самой Стратегии. Раздел III.3 Стратегии констатирует среди рисков реализации целевого сценария «недостаточный объем финансирования для реализации запланированных мероприятий и проектов»[32], что делает установление повышенной налоговой ставки для ключевого инфраструктурного оператора внутренне непоследовательным по отношению к декларируемым стратегическим целям.

По итогам проведенного исследования представляется целесообразным сформулировать следующие рекомендации.

Во-первых, обосновывается необходимость законодательного закрепления принципа стабильности фискального режима для субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса, реализующих стратегически значимые инфраструктурные проекты, посредством установления моратория на увеличение совокупной налоговой нагрузки на период реализации утвержденных инвестиционных программ, включенных в план мероприятий по реализации Энергетической стратегии в соответствии с п. 4 распоряжения Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р.

Во-вторых, доказывается, что методология тарифного регулирования услуг по транспорти-

[29] См.: Энергетическое право : от вызовов к возможностям / XIII Петербургский международный юридический форум. URL: https://legalforum.info/programme/business-programme/7827/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 19.01.2026).

[30] См.: ПАО «Транснефть». Проведение заседания совета директоров (наблюдательного совета) и его повестка дня. URL: https://e-disclosure.ru/portal/event.aspx?EventId=BZlD3jTgD0eBiO7w5PT5bQ-B-B (дата обращения: 09.03.2026).

[31] См.: ПАО «Транснефть». Проведение заседания совета директоров (наблюдательного совета) и его повестка дня / Центр раскрытия корпоративной информации. URL: https://e-disclosure.ru/portal/event.aspx?EventId=d8zax9Nnw02xzS4rTuwxMQ-B-B (дата обращения: 11.03.2026).

[32] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 16. Ст. 2075.

ровке нефти и нефтепродуктов по системе магистральных трубопроводов подлежит корректировке с учетом фактической инфляции отраслевых издержек (включая удорожание трубной продукции, энергоресурсов, строительно-монтажных работ), нормативной инвестиционной составляющей, обеспечивающей реализацию проектов, предусмотренных Энергетической стратегией, а также необходимости поддержания технологической надежности инфраструктуры с учетом старения основных фондов.

В-третьих, представляется обоснованным дополнение п. 1.19 ст. 284 НК РФ механизмом автоматического пересмотра специальной налоговой ставки по результатам мониторинга реализации Энергетической стратегии, предусмотренного разделом V.1 Стратегии, в случае выявления рисков недофинансирования мероприятий, направленных на обеспечение энергетической безопасности, что позволит обеспечить конституционно обусловленный баланс фискальных интересов государства и стратегических приоритетов обеспечения энергетического суверенитета.

Проведенное правовое исследование позволяет констатировать, что установление специальной ставки налога на прибыль в размере 40 % для субъектов естественной монополии, осуществляющих транспортировку нефти и нефтепродуктов по системе магистральных трубопроводов, создает системное противоречие между фискальной политикой государства и стратегическими приоритетами обеспечения энергетической безопасности, закрепленными в Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации и Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 г. Эмпирический анализ консолидированной финансовой отчетности ПАО «Транснефть» за девять месяцев 2025 г. подтверждает наличие диспропорции между темпами роста налоговых обязательств (67,5 %) и финансовых результатов (11,1 % по прибыли до налогообложения), а также снижение чистой прибыли на 7,7 % при положительной динамике операционных показателей, что свидетельствует о существенном перераспределении финансового результата в пользу бюджетной системы в ущерб инвестиционным возможностям стратегического субъекта. Реализация правовых рекомендаций, сформулированных в настоящем исследовании, позволит создать правовые условия для устойчивого воспроизводства и развития критической трубопроводной инфраструктуры, обеспечивающей энергетический суверенитет Российской Федерации в условиях геополитических вызовов.

Библиографический список

Артемьев Н. В., Алцыбеева И. Г., Созинова А. А., Метелева О. А. Экономическая безопасность : система или элемент? // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 1. С. 21–38.

Василенко Н. В. Экономическая безопасность в системе приоритетов национальной безопасности : учеб. пособие. СПб. : Междунар. банковский ин-т им. Анатолия Собчака, 2024. 107 с.

Гаджиев Н. Г., Коноваленко С. А., Трофимов М. Н. Обеспечение энергетической безопасности России в условиях перехода к зеленому курсу экономики // Теоретическая и прикладная экология. 2023. № 4. С. 208–215.

Голубцов Н. В., Федоров О. В. Экономический и технологический суверенитет России через призму энергобезопасности // Актуальные вопросы экономики, менеджмента и инноваций : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 16 ноября 2022 г.). Н. Новгород : Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р. Е. Алексеева, 2022. С. 295–300.

Карташова Е. Э. Экономическая составляющая энергетической безопасности и возможности их взаимодействия // Современные тенденции и инновации в науке и производстве : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. (Междуреченск, 26 апреля 2023 г.) / отв. ред. Т. Н. Гвоздкова. Междуреченск : Кузбас. гос. техн. ун-т им. Т. Ф. Горбачева, 2023. С. 526.1–526.5.

Кошеленко В. В. Теоретико-методологические основы энергетической безопасности // Вестник Донецкого нац. ун-та. Сер. В, Экономика и право. 2023. № 3. С. 120–130.

Милосавлевич Б., Барьяктаревич Д., Танчич Д. Риски энергетической безопасности в измененных международных отношениях // Политическое пространство и социальное время : цивилизационные модели формирования многополярного мира : материалы XLIII Международного Харакского форума (Ялта, 6–8 мая 2024 г.). Симферополь : Ариал, 2024. С. 192–197.

Шево Б. Н. Энергетическая безопасность Европы // Политическое пространство и социальное время : цивилизационные модели формирования многополярного мира : материалы XLIII Международного Харакского форума (Ялта, 6–8 мая 2024 г.). Симферополь : Ариал, 2024. С. 305–311.

References

Artemyev N. V., Altsybeeva I. G., Sozinova A. A., Meteleva O. A. Economic security : a system or an element? // creative Economy. 2023. Vol. 17, No. 1. P. 21–38.

Vasilenko N. V. Economic security in the system of national security priorities : textbook. St. Petersburg : Anatoly Sobchak International Banking Institute, 2024. 107 p.

Gadzhiev N. G., Konovalenko S. A., Trofimov M. N. Ensuring the energy security of Russia in the context of the transition to a green economy // Theoretical and Applied Ecology. 2023. No. 4. P. 208–215.

Golubtsov N. V., Fedorov O. V. Economic and technological sovereignty of Russia through the prism of energy security // Topical issues of economics, management and innovation : proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, November 16, 2022. Nizhny Novgorod : R. E. Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University, 2022. P. 295–300.

Kartashova E. E. The economic component of energy security and the possibilities of their interaction // Modern trends and innovations in science and production: proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference, Mezhdurechensk, April 26, 2023. Mezhdurechensk : T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, 2023. P. 526.1–526.5.

Koshelenko V. V. Theoretical and methodological foundations of energy security // Bulletin of Donetsk National University. Series C. Economics and Law. 2023. No. 3. P. 120–130.

Milosavljevic B., Barjaktarevic D., Tancic D. Energy security risks in changed international relations // Political space and social time: civilizational models of the formation of a multipolar world: proceedings of the XLIII International Kharaks Forum, Yalta, May 6–8, 2024. Simferopol : Arial Publishing House, 2024. P. 192–197.

Shevo B. N. Energy Security of Europe // Political space and social time : civilizational models of the formation of a multipolar world : proceedings of the XLIII International Kharaks Forum, Yalta, May 6–8, 2024. Simferopol : Arial Publishing House, 2024. P. 305–311.

Институт технологий управления РТУ МИРЭА
Кукушко С. Р., преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
E-mail: kukushko@mirea.ru.

Поступила в редакцию: 20.06.2026

Для цитирования:
Кукушко С. Р. Налогообложение субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 135–144. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/135-144

Institute of Management Technologies, RTU MIREA
Kukushko S. R., Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines
E-mail: kukushko@mirea.ru.

Received: 20.06.2026

For citation:
Kukushko S. R. Taxation of natural monopoly entities in the fuel and energy complex // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 135–144. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/135-144

УДК 342
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/145-153

ПОНЯТИЯ И ИХ ДЕФИНИЦИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ: АНАЛИЗ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

А. С. Шаталов

Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»

CONCEPTS AND THEIR DEFINITIONS IN THE CRIMINAL PROCEDURE LAW: ANALYSIS AND SYSTEMATIZATION

A. S. Shatalov

National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology»

Аннотация: рассматриваются особенности юридической терминологии в действующем уголовно-процессуальном законодательстве и ее влияние на правоприменительную практику. Основное внимание уделяется анализу определений ключевых понятий, таких как «дознание», «предварительное следствие» и «процессуальные действия». Автор исследует, насколько точно и однозначно эти дефиниции отражают сущность правовых явлений, и описывает некоторые недостатки в их законодательной трактовке. Особое внимание уделяется вопросам доступности и понятности языка уголовно-процессуального закона для участников уголовного судопроизводства, включая подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей. Автор стремится доказать, что юридическая терминология должна быть понятной для всех, кто участвует в уголовном процессе, поскольку ее непонимание может привести к неправильному применению норм уголовно-процессуального закона и нарушению прав участников уголовного судопроизводства. Обсуждается необходимость систематизации и унификации терминологии в уголовно-процессуальном законодательстве, с тем чтобы можно было создавать более четкую и понятную систему правовых норм, способных повысить эффективность правоприменительной практики и улучшить качество правосудия.
Ключевые слова: дефиниция, коммуникативные процессы, правовые нормы, понятия, понятийный аппарат, терминология, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное законодательство, язык уголовного процесса.

Abstract: the article examines the features of legal terminology in the current criminal procedure legislation and its impact on law enforcement practice. The main attention is paid to the analysis of definitions of key concepts such as «inquiry», «preliminary investigation» and «procedural actions». The author explores how accurately and unambiguously these definitions reflect the essence of legal phenomena, and identifies shortcomings in their legislative interpretation. Special attention is paid to the accessibility and intelligibility of the language of the criminal procedure law for participants in criminal proceedings, including suspects, accused, victims and witnesses. The author strives to prove that legal terminology should be understandable to everyone involved in the criminal process, since its misunderstanding can lead to incorrect application of the norms of the criminal procedure law and violation of the rights of participants in criminal proceedings. The need for systematization and unification of terminology in criminal procedure legislation is discussed so that a clearer and more understandable system of legal norms can be created that can increase the effectiveness of law enforcement practice and improve the quality of justice.

© Шаталов А. С., 2026

Key words: definition, communicative processes, legal norms, concepts, conceptual framework, terminology, criminal proceedings, criminal procedure legislation, language of criminal procedure.

Поиск альтернативных публичных регуляторов, решение актуальных задач социального и экономического развития, а также достижение общественно значимых целей, поставленных государством, во многом зависят от состояния нормативной базы и качественных характеристик действующего законодательства. В связи с этим любая оценка перспектив государственного развития будет недостаточно обоснованной, если не учитывать правотворческие проблемы, возникающие в процессе формирования и утверждения нормативных правовых актов государственными органами[1]. В качестве одной из таких проблем, требующей теоретического осмысления в контексте правотворчества, обоснованно выделяется необходимость внятного и объективного оценивания практики включения определенного круга понятий и их определений (дефиниций) в принимаемые законы[2]. Необходимость такой оценки подтверждается, в частности, тем, что интеграция в законодательные акты фрагментов толкования приводит к размыванию границ между академическим юридическим знанием и практической деятельностью в сфере законотворчества. Это может вызвать концептуальные и методологические затруднения в интерпретации правовых норм и их применении, что, в свою очередь, снижает уровень правовой определенности и предсказуемости юридических процессов[3]. В контексте рассмотрения обозначенной проблемы, необходимо подчеркнуть важность концептуального анализа и методологического подхода к определению и включению тех или иных понятий в текст действующего уголовно-процессуального законодательства, поскольку сложившаяся в Российской Федерации практика инкорпорирования дефиниций в тексты нормативных правовых актов достигла такой степени институционализации, что их отсутствие воспринимается как существенный изъян, подрывающий целостность и функциональность правового регулирования. Данная проблема требует детального осмысления еще и ввиду того, что затрагивает фундаментальные аспекты правовой доктрины и практику применения уголовно-процессуальных норм. К этому можно добавить, что исследователи в своих трудах довольно часто подчеркивают наличие существенных недостатков в определениях ключевых понятий в законодательстве[4], что свидетельствует о явной неэффективности применяемых методологических подходов.

Анализ структуры и содержания принятых в Российской Федерации нормативных правовых актов позволяет сделать вывод о том, что на протяжении нескольких десятилетий в практике отечественного правотворчества наблюдается тенденция к включению в федеральные законы (как правило, в их общую часть), отдельных статей, озаглавленных: «Основные понятия»[5], «Основные понятия, используемые в настоящем федеральном законе»[6], «Основные термины»[7], «Основные термины и понятия»[8], «Институты,

[1] См.: *Федорец А. Г.* О нормативных правовых актах в Российской Федерации. М. : ИБТ, 2015. С. 97.

[2] См.: *Юртаева Е. А.* Определения понятий в актах российского законодательства : pro et contra // Право : журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 3. С. 6.

[3] См.: *Баранов В. М., Ремизов П. В.* Критика законодательства : доктрина, практика, техника. М. : Проспект, 2018. С. 8.

[4] См.: *Елагина Е. В., Николаева Т. Г.* О несовершенстве понятийно-терминологического аппарата, используемого законодателем при формулировании норм уголовно-процессуального закона // Криминалистъ. 2021. № 1 (34). С. 21 ; *Туранин В. Ю.* Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Белгород, 2017. С. 4.

[5] См.: Статья 209 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2026).

[6] См.: Статья 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «Об образовании в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2026).

[7] См.: Статья 5 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2026).

[8] См.: Статья 2 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 23.05.2025, с изм. от 25.12.2025) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2026).

понятия и термины»[9]. Обращает на себя внимание тот факт, что законодатель не проводит четкого различия между «понятием», «термином» и «определением», вследствие чего пренебрегает возможностью их корректного использования в исходном контексте[10]. Более того, несмотря на предполагаемую цель – упрощение восприятия нормативного материала и обеспечение его точного лексического толкования, – содержащиеся в данных статьях дефиниции, как правило, не могут быть безоговорочно признаны удовлетворительными с точки зрения юридической техники и лингвистической корректности. Постараемся это обосновать на примере УПК РФ[11], который с точки зрения определенной Конституцией РФ иерархии нормативных актов является обычным федеральным законом, не имеющим каких-либо преимуществ перед другими федеральными законами. Содержащиеся в нем нормы признаются приоритетными лишь для регулирования уголовно-процессуальных правоотношений[12].

Данное требование законодателя коррелирует с кодифицированным состоянием уголовного права, обеспечивая наиболее эффективную форму его реализации как материального права. Сам УПК РФ направлен на обеспечение единообразия и согласованности нормативно-правовых установлений, а также на формирование правоприменительной практики, основанной на этих нормах. Именно этим обусловлена необходимость закрепления приоритета УПК РФ в качестве ключевого закона, регулирующего производство по уголовным делам на территории Российской Федерации. Его приоритет перед иными федеральными законами не является абсолютным, поскольку ограничен рамками специального предмета регулирования, который включает в себя порядок судопроизводства по уголовным делам. Таким образом, приоритет УПК РФ распространяется исключительно на сферу уголовно-процессуальных отношений, что позволяет обеспечить четкую иерархию нормативных актов и предотвратить возможные коллизии в правоприменительной практике. Ключевая характеристика данного федерального закона заключается в его направленности не только на профессиональных юристов (судей, прокуроров, следователей, дознавателей, защитников), но и на всех других участников уголовного судопроизводства (подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей и т. д.). Для эффективного соблюдения и исполнения содержащихся в нем нормативных предписаний требуется понимание его регулятивной функции. Отсюда основным требованием к тексту УПК РФ, помимо лингвистической корректности, выступают его ясность и доступность, позволяющие уяснять смысл законодательных положений и обеспечить простоту их восприятия.

По меткому выражению академика Д. С. Лихачева, «текст – это языковое выражение замысла его создателя»[13]. Создатели УПК РФ наделили текст данного федерального закона значительным количеством понятий, снабженных собственными дефинициями, интегрированными в соответствующие его статьи. В их массиве содержится специальная статья, посвященная комплексному определению понятий, имеющих первостепенное значение для уголовного судопроизводства. Они названы законодателем «основными», что подчеркивает их ключевую роль в регулировании уголовно-процессуальных отношений и обеспечении единообразия правоприменительной практики. В рамках проводимого исследования представляется целесообразным произвести их всесторонний анализ, систематизацию и структурирование на примере той самой отдельной, достаточно объемной статьи уголовно-процессуального закона. Речь идет о ст. 5 УПК РФ, в текст которой законодательным путем имплементировано более 70 различных понятий с соответствующими им определениями. Наряду с ними в данной статье имеется важная оговорка о том, что если в других нормах закона не оговорено иное, то все перечисленные в ней понятия должны трактоваться так, как ука-

[9] См.: Статья 11 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2026).

[10] См.: *Андреева Ю. В.* Предназначение норм-дефиниций в российском уголовно-исполнительном законодательстве // Современное право. 2017. № 6. С. 101.

[11] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 08.03.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2026).

[12] См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. №13-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2026).

[13] См.: *Лихачев Д. С.* Текстология. Краткий очерк. М. : Наука ; Л. : Академия наук СССР, 1964. С. 9.

зано в соответствующем ее пункте. Их важность для уголовно-процессуальной деятельности сводится к тому, что они официально закреплены в действующем законодательстве и заменяют имплицитное содержание ключевых процессуальных категорий вполне определенным сформулированным в законе значением[14]. С учетом исходного смыслового содержания мы сгруппировали данные понятия следующим образом:

– участники уголовного судопроизводства (21 понятие);

– процессуальная деятельность и действия (18 понятий);

– судебные инстанции и процессуальные решения (16 понятий);

– иные основные понятия (19 понятий).

Упорядоченная совокупность основных понятий из отдельно взятой статьи российского уголовно-процессуального закона олицетворяет собой фундаментальную основу для создания и интерпретации нормативных предписаний, регулирующих производство по уголовным делам. Их точность и однозначность являются ключевыми критериями для обеспечения адекватности понятийного аппарата уголовно-процессуального права в целом[15]. Это означает, что каждое его понятие должно быть определено с учетом научных достижений и практических реалий, а нормативные положения, в которых эти понятия используются, должны не только соответствовать установленным правилам[16], но и приводить к разрешению конфликтов правовых позиций участников уголовного судопроизводства через их правильное применение и восприятие[17]. Однако добиться этого чрезвычайно сложно, поскольку общее количество определений в данной статье является довольно внушительным, вследствие чего усложняется поиск необходимой информации, а процесс правоприменения замедляется. Более того, в ней довольно много определений, не вносящих ясности в уголовно-процессуальное регулирование, что может становиться причиной следственных и судебных ошибок.

В контексте нашего исследования данные предположения могут быть подтверждены путем структурирования определений данных понятий. Благодаря этому можно со всей определенностью констатировать, что соблюдение законов формальной логики при формировании пула основных понятий и их определений, включенных в содержание ст. 5 УПК РФ, усматривается далеко не везде. Характерными недостатками здесь предстают: неоправданная «широта» или «узость» отдельных определений; употребление неверного логического цикла, в рамках которого одно понятие объясняется через другое, а это другое – через первое; тавтология, т. е. избыточное употребление в определениях одних и тех же слов; отсутствие ясности в формулировках и наличие в них таких слов, как «иные», «другие», а также использование в определениях разного рода отрицаний.

«Широким», в частности, определение становится тогда, когда объем определяющего понятия шире объема определяемого. Примером этого может служить определение понятия «жилище» в п. 10 ст. 5 УПК РФ, под которым предлагается понимать «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания». В такой редакции данное определение зачем-то охватывает помещения не только безусловно входящие в жилищный фонд, но и имеющие к нему весьма отдаленное отношение, например, такие как: веранда, чердак, гараж, подвал, прицеп, железнодорожный вагон и др. Примером «узкого» определения, в котором объем определяющего понятия явно меньше объема понятия определяемого, может служить п. 46 ст. 5 УПК РФ, где расшифровывается понятие «сторона защиты». В его определении, в частности, упоминаются: «обвиняемый, а также его законный представитель, защитник, гражданский от-

[14] См.: *Смирнова К. Н.* Интерпретация понятий ст. 5 УПК РФ судами общей юрисдикции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 3 (42). С. 67.

[15] См.: *Гришин А. В., Денисов С. А.* Некоторые проблемы понятийного аппарата, соотношения и реализации уголовно-процессуальных функций // Научный вестник Орлов. юрид. ин-та МВД России им. В. В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 148.

[16] См.: *Пучков В. О.* Понятийно-терминологический аппарат юридической науки : генезис, функции, структура : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 11.

[17] См.: *Смирнова К. Н.* Конфликты правовых позиций участников уголовного судопроизводства при толковании и применении ст. 5 УПК РФ // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 2 (45). С. 51.

ветчик, его законный представитель и представитель». Лицо, пребывающее в статусе подозреваемого в нем по непонятной причине, не фигурирует, хотя в других статьях УПК РФ оно однозначно причисляется именно к этой группе участников уголовного судопроизводства.

Примером употребления неверного логического цикла, в рамках которого понятие определяется посредством другого понятия, а оно, в свою очередь, само определяется через исходное понятие, может служить п. 37 ст. 5 УПК РФ, где родственниками названы: «все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве». Разновидностью ошибочного логического цикла следует считать тавтологию. Наиболее яркое ее проявление наблюдается в п. 20 ст. 5 УПК РФ, где говорится о том, что «непричастность – неустановленная причастность либо установленная непричастность лица к совершению преступления». Неясное и одновременно недостаточно точное определение можно обнаружить в п. 24 ст. 5 УПК РФ, где «органы дознания» охарактеризованы как «государственные органы и должностные лица, уполномоченные в соответствии с настоящим Кодексом осуществлять дознание и другие процессуальные полномочия». Причем это не единственное понятие, в определении которого можно обнаружить присутствие таких слов, как «другие» или «иные», невзирая на то, что их употребление в законодательных определениях понятий позволяет произвольно расширять список объектов, которые вольно или невольно под них подпадают. В п. 32 ст. 5 УПК РФ, например, «процессуальное действие» предлагается рассматривать как «следственное, судебное или иное действие, предусмотренное настоящим Кодексом». Мало того, что в нем говорится об «ином» процессуальном действии (о каком именно – правоприменителям нужно догадываться), в его формулировке использовано лишенное конкретики словосочетание: «предусмотренное настоящим Кодексом», означающее, видимо, что «иное» процессуальное действие указано или названо в самом законе, где, как известно, никаких критериев разграничения «процессуальных», «следственных» и «иных» действий не приводится. В идеале содержание определения данного понятия в действующем уголовно-процессуальном законодательстве «должно быть вариативным и оцениваться с точки зрения всех возможных контекстов употребления»[18].

Отрицательное определение можно обнаружить в п. 8 ст. 5 УПК РФ, где указывается, что «дознание – форма предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем), по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно». Из данного определения следует то, что орган дознания как участник уголовного процесса уполномочен только лишь на осуществление процессуальной деятельности, а то, что согласно ч. 4 ст. 157 УПК РФ он обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, оно не учитывает. Его фактическая непригодность и смысловая несостоятельность обусловлены еще и тем, что в нем дознание не предстает в качестве самостоятельной формы предварительного расследования, поскольку его главная характерная черта в данном определении попросту не указана. Имеется в виду то, что дознание может осуществляться не только дознавателями и следователями, но и капитанами морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, руководителями геологоразведочных партий и зимовок, удаленных от мест расположения органов дознания, а также главами дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации. В данном определении упомянут лишь один признак, причем тот, которым обладают не только уголовные дела, расследуемые в форме дознания. Он присущ, например, уголовным делам частного обвинения, по которым производство предварительного следствия также не является обязательным.

Само определение дознания сформулировано с использованием понятий «предварительное расследование» и «предварительное следствие», которые, в свою очередь, в нем никак не определены. Вследствие этого невозможно безошибочно понимать, по каким уголовным делам производство предварительного следствия обязательно, а по каким нет. Более того, руководствуясь им, невозможно подытожить, какое именно место отведено дознанию при осуществлении предварительного расследования; является ли оно основной, дополнительной или упрощен-

[18] *Amor B. S.* The International Court of Justice and the Law of Sea // Anuario Mexicano de Derecho Internacional. 2010. Vol. 10. P. 14.

ной его формой. Такие дефекты становятся особенно актуальными при реализации полномочий должностных лиц, призванных в той или (и) иной форме осуществлять предварительное расследование. Дефиниции подобного рода, будучи имплементированными в текст уголовно-процессуального закона, усложняют интерпретацию его нормативных предписаний, что может негативно сказаться на эффективности правового регулирования досудебного производства по уголовным делам. Это, в свою очередь, может оказать существенное влияние на практическую реализацию процессуальных процедур, снижая их результативность и повышая риск следственных и судебных ошибок.

Здесь следует оговориться, что основные понятия УПК РФ далеко не во всём тождественны основным понятиям уголовно-процессуального права, поскольку первые находят активное применение лишь в самом законе, а основными понятиями уголовно-процессуального права (такими как: «уголовный процесс», «стадии уголовного процесса», «уголовно-процессуальное право», «уголовно-процессуальная деятельность», «уголовно-процессуальные отношения», «уголовно-процессуальная форма», «уголовно-процессуальные гарантии», «уголовно-процессуальные функции» и др.) действующий уголовно-процессуальный закон либо не оперирует вовсе, либо делает это изредка. На данное обстоятельство в своих трудах правильно обращают внимание процессуалисты, подчеркивая при этом, что принятие УПК РФ в 2001 г. не только усовершенствовало язык уголовного процесса, но и стимулировало его дальнейшее развитие[19]. Действительно, и то и другое было достигнуто за счет расширения терминологии, ее уточнения, дифференциации и унификации самих понятий. Следовательно, есть все основания рассматривать и понятийный аппарат российского уголовно-процессуального права, и основные понятия УПК РФ, как результат эволюции юридической мысли, вследствие которой каждое обретенное ими понятие является продуктом многолетних научных дискуссий и обстоятельной практической апробации. Соответственно, отношение к ним должно быть бережным, а их базовые элементы не должны подвергаться пересмотру без веских на то оснований.

Обычно такие основания возникают при изменении исторических реалий, приводящих к реформированию процессуальных институтов. В таких обстоятельствах отдельные понятия могут утрачивать свою устойчивость и заменяться на более точные, соответствующие новым условиям. Но это происходит нечасто. Несмотря на регулярные изменения и дополнения процессуального законодательства, для языка уголовного процесса была и остается характерной стабильность понятий. Это можно считать вполне закономерным, поскольку их система должна быть единой по определению и позволять эффективно интерпретировать особенности процессуальной деятельности в рамках уголовного судопроизводства. Источниками понятий для этой системы являются нормативные правовые акты, ГОСТы, методические указания, справочники, специальная литература, научные публикации и т. п, т. е. информационные ресурсы, объединенные одной и той же предметной областью[20]. Однако невзирая на их видовое разнообразие и фактическую доступность, вопрос о том, следует ли размещать те или иные понятия в отдельно взятой статье уголовно-процессуального закона, остается дискуссионным и требует дальнейшего исследования, в том числе посредством некоторых исторических обобщений.

Исследователи утверждают, что осознание важности юридических понятий оформилось в середине XVIII в.[21] Причем самое непосредственное отношение к этому имел великий русский ученый М. В. Ломоносов. Не будучи специалистом в правоведении, он исключительно точно подметил разницу между научным юридическим творчеством и практической деятельностью в области составления законов. В проекте регламента Санкт-Петербургской академии наук, подготовленном им на рубеже 1764–1765 гг. и написанном в качестве плана ее переустройства, он видел задачу представителей академической правовой науки следующим образом: «Паче же всего должно юристу, яко знающему довольно философию, всякому юридиче-

[19] См.: *Смирнова К. Н.* Основные понятия уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 11.

[20] См.: Логический анализ системы понятий (на примере экологического законодательства) : учеб. пособие / З. А. Кучкаров, Д. В. Мишенин, Я. А. Никандрова, К. О. Воскресенский, Л. И. Гареева, Е. В. Локотилов ; Высшая школа экономики. М. : НИУ ВШЭ, 2013. С. 3.

[21] См.: *Юртаева Е. А.* Язык закона и техника законотворчества в дореволюционной России // Журнал рос. права. 2009. № 11 (155). С. 106.

скому термину изобретать и составлять точные дефиниции, полные, без излишеств, ибо употребление слов неограниченных, сомнительных и двузнаменательных производит в суде великие беспорядки и отдаляет от правды к заблуждению и к ябедам. Оные дефиниции, надлежащие к одной материи, могут от юриспрудента, как новые изобретения, в форме диссертации Собранию быть представлены на рассуждение и по апробации оного в "Комментариях" напечатаны с оговоркою, что они не ради того изданы, дабы по ним суды производились, но ради лучшего рассуждения в установлении и поправлении впредь законов»[22]. Через два столетия выдающийся исследователь в области законотворчества и автор фундаментального труда по проблемам разработки законодательных актов Г. Торнтон приходит к аналогичному по своей сути заключению: «…определение в законодательстве является только тогда полезным, когда оно действительно необходимо для целей, обусловливающих и объединяющих законодательство». Определение, вмещающее в понятие полностью вынужденное и искусственное значение, он считал однозначно негодным[23].

В связи с этим нельзя не согласиться с выводами современных авторов относительно того, что определения понятий должны органически интегрироваться в общую структуру правового регулирования, обеспечивая их концептуальную и логическую согласованность с общим замыслом нормативного акта. Эти дефиниции должны быть последовательно встроены в нормативно-правовую ткань, формируя единое концептуальное поле и обеспечивая целостность правового регулирования. Включение законодательных дефиниций в российские федеральные законы следует осуществлять исключительно в случаях, когда это обусловлено объективными целями и задачами законодательного регулирования. При этом размещение таких дефиниций должно быть осуществлено в той части закона, которая наиболее соответствует нормативной логике и структуре текста, обеспечивая тем самым гармоничное функционирование правовой системы в целом[24]. Не следует допускать, чтобы случайные термины и их некорректные определения использовались в качестве отдельной статьи федеральных законов. Это абсолютно излишне для подобных официальных документов. Определение термина не может служить регулирующим механизмом, оно не может быть правилом, нормативным актом или чем-либо еще, что составляет основу права. Оно может быть лишь отдельным элементом общего контекста правовой системы, причем элементом, который не входит в ее нормативную часть[25].

Завершая рассмотрение языка уголовно-процессуального закона, имеющихся в нем понятий и их определений, следует со всей определенностью заявить, что не только в УПК РФ, но и во многих других нормативных правовых актах законодатель стремится к формированию понятийного аппарата непосредственно в их тексте, обеспечивая аутентичное толкование использованных в нем терминов. Данная стратегия направлена на достижение более точного и однозначного восприятия правовых норм субъектами права вообще и участниками уголовно-процессуальной деятельности в частности. Таким образом, язык уголовно-процессуального закона и его понятийный аппарат являются неотъемлемыми элементами, которые призваны обеспечивать эффективную коммуникацию правовых норм и их корректное применение в следственной и судебной практике. Вместе с тем безупречность конструкции данного федерального закона является важным, но не единственным фактором, определяющим его доступность и применимость. Ключевая роль в обеспечении правильного понимания и интерпретации его правовых норм отводится лингвистическим аспектам, что, в свою очередь, способствует эффективному применению законодательных положений в досудебном и судебном производстве по уголовным делам. Это означает, что в контексте обеспечения доступности, понятности и применимости норм данного федерального закона необходимо акцентировать внимание на комплексном подходе к их формулировке, включающем

[22] Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. 1747 г. // Уставы Академии наук / отв. ред. Г. К. Скрябин. М., 1975. С. 54.

[23] См.: *Thornton G. C.* Legislative Drafting. 4th ed. London : Bloomsbury, 1996. P. 145.

[24] См.: *Юртаева Е. А.* Определения понятий в актах российского законодательства : pro et contra. С. 28.

[25] См.: *Лунева Е. В.* Синонимы в юридических текстах, их смысловая нагрузка и значение в правоприменении // Юридическое образование и наука. М. : Юрист, 2019. № 4. С. 43.

не только структурные аспекты, но и лингвистические элементы. Это объясняется тем, что язык уголовно-процессуального закона представляет собой сложную систему лексических, синтаксических и стилистических средств, используемых для формирования собственных нормативных положений, а его понятийный аппарат, адаптированный к сфере уголовного судопроизводства, способен реализоваться лишь через эти лингвистические инструменты.

Комплексное исследование понятий, имплементированных в содержание ст. 5 УПК РФ, привело к выводу о том, что их массив формировался рефлекторно, без осуществления должного контроля за соблюдением законов формальной логики (тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания и др.). В результате определения некоторых понятий, получивших закрепление в данной статье закона, не всегда воспринимаются в следственной и судебной практике в качестве безошибочных и точных. Как следствие, сама система основных понятий, некогда введенная в нормативное содержание УПК РФ, нуждается в реконструкции на основе сложившихся представлений о предметной области уголовно-процессуального права, с учетом разработанных наукой правил и характера сложившихся на данном этапе российской государственности социально-экономических отношений.

Библиографический список

Андреева Ю. В. Предназначение норм-дефиниций в российском уголовно-исполнительном законодательстве // Современное право. 2017. № 6. С. 98–103.

Баранов В. М., Ремизов П. В. Критика законодательства : доктрина, практика, техника. М. : Проспект, 2018. 352 с.

Гришин А. В., Денисов С. А. Некоторые проблемы понятийного аппарата, соотношения и реализации уголовно-процессуальных функций // Научный вестник Орлов. юрид. ин-та МВД России им. В. В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 147-160.

Елагина Е. В., Николаева Т. Г. О несовершенстве понятийно-терминологического аппарата, используемого законодателем при формулировании норм уголовно-процессуального закона // Криминалистъ. 2021. № 1 (34). С. 19–26.

Лихачев Д. С. Текстология. Краткий очерк. М. : Наука ; Л. : Академия наук СССР, 1964. 104 с.

Логический анализ системы понятий (на примере экологического законодательства) : учеб. пособие / З. А. Кучкаров, Д. В. Мишенин, Я. А. Никандрова, К. О. Воскресенский, Л. И. Гареева, Е. В. Локотилов ; Высшая школа экономики. М. : НИУ ВШЭ, 2013. 106 с.

Лунева Е. В. Синонимы в юридических текстах, их смысловая нагрузка и значение в правоприменении // Юридическое образование и наука. М. : Юрист, 2019. № 4. С. 39–44.

Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. 1747 г. // Уставы Академии наук / отв. ред. Г. К. Скрябин. М., 1975. С. 40–61.

Пучков В. О. Понятийно-терминологический аппарат юридической науки : генезис, функции, структура : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 30 с.

Смирнова К. Н. Интерпретация понятий ст. 5 УПК РФ судами общей юрисдикции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 3 (42). С. 66–68.

Смирнова К. Н. Конфликты правовых позиций участников уголовного судопроизводства при толковании и применении ст. 5 УПК РФ // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 2 (45). С. 49–52.

Смирнова К. Н. Основные понятия уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 30 с.

Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Белгород, 2017. 45 с.

Федорец А. Г. О нормативных правовых актах в Российской Федерации. М. : ИБТ, 2015. 100 с.

Юртаева Е. А. Определения понятий в актах российского законодательства : pro et contra // Право : журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 3.

Юртаева Е. А. Язык закона и техника законотворчества в дореволюционной России // Журнал рос. права. 2009. № 11 (155). С. 106–120.

Amor B. S. The International Court of Justice and the Law of Sea // Anuario Mexicano de Derecho Internacional. 2010. Vol. 10. P. 3–26.

Thornton G. C. Legislative Drafting. 4th ed. London : Bloomsbury, 1996. 447 p.

References

Andreeva Yu. V. The purpose of definition norms in Russian penal enforcement legislation // Modern law. 2017. No. 6. P. 98–103.

Baranov V. M., Remizov P. V. Criticism of legislation : doctrine, practice, technique : monograph. Moscow : Prospekt, 2018. 352 p.

Grishin A. V., Denisov S. A. Some problems of the conceptual framework, correlation and implementa-

tion of criminal procedural functions // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. No. 2 (99). P. 147–160.

Elagina E. V., Nikolaeva T. G. On the imperfection of the conceptual and terminological apparatus used by the legislator in the formulation of the norms of the criminal procedure law // Criminalist. 2021. No. 1 (34). P. 19–26.

Likhachev D. S. Textual criticism. A short essay. Moscow : Nauka Publishing House ; Leningrad : Academy of Sciences of the USSR, 1964. 104 p.

Logical analysis of the system of concepts (Using the example of environmental legislation) : textbook / Z. A. Kuchkarov, D. V. Mishenin, Ya. A. Nikandrova, K. O. Voskresensky, L. I. Gareeva, E. V. Lokotilov ; National research. University of Higher School of Economics. Moscow : Higher School of Economics, 2013. 106 p.

Luneva E. V. Synonyms in legal texts, their semantic load and meaning in law enforcement // Legal education and science. Moscow : Lawyer, 2019. No. 4. P. 39–44. DOI: 10.18572/1813-1190-2019-4-39-44. (In Rus.).

Regulations of the Academy of Sciences and Arts in St. Petersburg, 1747 // Charters of the Academy of Sciences / ed. by G. K. Scriabin. Moscow, 1975. P. 40–61.

Puchkov V. O. Conceptual and terminological apparatus of legal science : genesis, functions, structure : cand. of legal sci. dis. abstr. Yekaterinburg, 2022. 30 p.

Smirnova K. N. Interpretation of the concepts of Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation by courts of general jurisdiction // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 3 (42). P. 66–68.

Smirnova K. N. Conflicts of legal positions of participants in criminal proceedings in the interpretation and application of art. 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2011. No. 2 (45). P. 49–52.

Smirnova K. N. Basic concepts of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation : cand. of legal sci. dis. abstr. Chelyabinsk, 2013. 30 p.

Turanin V. Y. Legal terminology in modern Russian legislation (theoretical and legal research) : d-r of legal sci. dis. abstr. Belgorod, 2017. 45 p.

Fedorets A. G. On normative legal acts in the Russian Federation. Moscow : IBT, 2015. 100 p.

Yurtaeva E. A. Definitions of concepts in acts of Russian legislation : pro et contra // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Vol. 17. No. 3. P. 4–31.

Yurtaeva E. A. The language of law and the technique of lawmaking in pre-revolutionary Russia // Journal of Russian Law. 2009. No. 11 (155). P. 106–120.

Amor B. S. The International Court of Justice and the Law of Sea // Anuario Mexicano de Derecho Internacional. 2010. Vol. 10. P. 3–26.

Thornton G. C. Legislative Drafting. 4th ed. London : Bloomsbury, 1996. 447 p.

Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»

Шаталов А. С., доктор юридических наук, профессор Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук

E-mail: asshatalov@rambler.ru

Поступила в редакцию: 27.04.2026

Для цитирования:

Шаталов А. С. Понятия и их дефиниции в уголовно-процессуальном законе: анализ и систематизация // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 145–153. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/145-153

National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology»

Shatalov A. S., Doctor of Law, Professor of the Institute of High-Technology Law, Social and Humanitarian Sciences

E-mail: asshatalov@rambler.ru

Received: 27.04.2026

For citation:

Shatalov A. S. Concepts and their definitions in the Criminal procedure law: analysis and systematization // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 145–153. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/145-153

УДК 343.115
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/154-160

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФЕНОМЕНЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

А. Ю. Астафьев
Воронежский государственный университет

REFLECTIONS ON THE PHENOMENON OF RATIONALITY OF JUSTICE

A. Yu. Astafiev
Voronezh State University

Аннотация: в настоящей статье автор анализирует различные аспекты рациональности правосудия, рассматривая это сложное и многомерное явление в разных контекстах: рациональность системы правосудия, рациональность действий участников судопроизводства, наконец, рациональность отдельного взятого решения суда. Исследуя вопросы процедурной и содержательной рациональности судебных актов, автор отмечает, что рациональность является более емким концептом, не сводимым к обоснованию. Вместе с тем рациональность правосудия находит свое наиболее полное воплощение именно в обоснованности выводов суда, что требует развернутого анализа логико-языковых аспектов судебного акта, техники его обоснования.
Ключевые слова: рациональность правосудия, обоснованность приговора, техника обоснования, доказательства, выводы суда.

Abstract: in this article, the author analyzes various aspects of the rationality of justice. The rationality of judicial law enforcement as a professional and practical activity is a rather complex and multidimensional phenomenon. The rationality of law enforcement can be discussed in various contexts: the rationality of the justice system, the rationality of an individual judicial act, the rationality of the actions of participants in legal proceedings, and so on. Although «rationality» and «validity» are semantically very close categories, rationality is a more comprehensive concept that cannot be reduced to justification. At the same time, the rationality of justice is most fully embodied in the validity of the court's conclusions, which requires a comprehensive analysis of the logical and linguistic aspects of a judicial act and the techniques for its justification.
Key words: rationality of justice, reasoning of the sentence, techniques for justification, evidence, court findings.

Реальность есть масса возражений разуму,
который конституирован. И рациональная мысль
есть вопрошающая система по отношению
к спящей реальности[1].
Г. Башляр

Можно ли считать правосудие рациональной деятельностью? И если да, то в чем именно заключается рациональность, которую она несет в себе? Как соотносятся рациональность права и рациональность судебного правоприменения? Попытаемся в общем виде изложить наше понимание данных вопросов применительно к уголовному судопроизводству.

Содержание феномена *рациональности* является предметом продолжительных эпистемологических дискуссий. Среди затрагиваемых в них проблем обозначим те из них, которые непосредственно охватываются темой настоящего исследования: предельные основания познания (а следовательно, и основания рациональности); взаимосвязь объективного и субъективного в познании; мотивированность выбора познающего субъекта; факторы, детерминирующие принятие решения.

[1] *Башляр Г.* Прикладной рационализм // Гастон Башляр. Избранное. М. ; СПб. : Университет. кн., 2000. Т. 1: Научный рационализм. С. 63.

© Астафьев А. Ю., 2026

Несмотря на то что проблемы рациональности всегда связывались в первую очередь с рациональностью науки, они не ограничиваются только научной сферой и становятся предметом осмысления в самых разных областях знания. Как правильно отмечается в философской литературе, концепт рациональности не позволяет эксплицировать себя для всех контекстов, и то, что может быть оправдано для научного разума, не может иметь значение для разума вообще[2]. Более того, неоднородна и сама наука, а следовательно, и научная рациональность. Логико-математический, естественно-научный, инженерно-технический и социально-гуманитарный типы рациональности по целому ряду параметров существенно отличаются друг от друга[3]. Вместе с тем следует признать, что именно научная рациональность наиболее развернуто исследована и типологизирована, а анализ «вненаучных» форм рациональности, как правило, сопровождается сопоставлением их с рациональностью науки.

И в отечественной, и в зарубежной литературе уже общим местом стало сравнение судебной и научной деятельности, упоминание о закономерностях научного и судебного познания, которые имеют общую методологическую и гносеологическую основу. При этом результаты судебного правоприменения могут складываться в так называемую «судебную доктрину»[4], в которой воплощаются отдельные черты научной рациональности. Едва ли не лучшее сравнение науки и правосудия, глубокое по содержанию и блестящее по форме изложения, было проведено Б. Латуром в его «Фабрике права». Не обращаясь напрямую к понятию рациональности, автор сопоставляет науку и правосудие как социальные практики, отчасти копирующие друг друга, сравнивая этос ученого и этос судьи, методологические принципы их деятельности и т. д.[5] И наука, и юридическая (судебная) практика, подчеркивает автор, основаны на манипуляции с текстами. Обе они образуют свою «вселенную текстов», которая, с одной стороны, может замещать реальность, а с другой – непостижима «без непрерывной интерпретации». Интерпретация же, в свою очередь, порождает всё новые и новые тексты[6]. И судья, и ученый – *исследователи*, которые познают реальность и обосновывают свои выводы. Науку и правосудие сближает вероятность переоценки одних и тех же фактов, возможности их новой интерпретации. Наконец, и в науке, и в правосудии мы можем оценивать как рациональность технологии познания, так и рациональность итоговых выводов. Причем среди всех видов профессионально-практической деятельности судебное правоприменение представляет собой, возможно, наиболее детализированную *процедуру познания*, от соблюдения правил которой напрямую зависят результат познания[7] и последующая оценка судебного решения как правосудного.

О какой бы сфере ни шла речь, ключевой проблемой методологического свойства является сложность определения существенных и неиз-

[2] См.: *Шнедельбах Г.* О рациональности и обосновании // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 297–309.

3 См.: *Фокина З. Т.* Научная рациональность : сущность, виды, тенденция к интеграции, практическое значение // Вестник МГСУ. 2012. № 6. С. 142–149. Указанные типы рациональности отличаются и ввиду отсутствия универсального понятия *доказательства*, в котором был бы ясно выражен идеал рационального обоснования. Гуманитарное познание наиболее очевидным образом демонстрирует это. В итоге в каждой предметной области вырабатываются свои рабочие схемы обоснования для решения тех или иных познавательных задач (См.: *Кузина Е. Б.* О понятии доказательства // Логические исследования. 2018. Т. 24, № 2. С. 108).

[4] В данном случае мы имеем в виду «доктринализацию» судебного правоприменения, свойственную англо-американской правовой традиции. (См., например: *Николаев Б. В., Емелин М. Ю.* Понятие правовой доктрины в правовой системе США // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 2. С. 143–146).

[5] См.: *Латур Б.* Фабрика права. Этнография государственного совета. М. : Ад Маргинем Пресс, 2024. 328 с. Следует, правда, заметить, что Б. Латур в своей работе пишет именно о «лабораторной» науке, т. е. естественно-научном знании, что отчасти определяет общую направленность его рассуждений.

[6] См.: Там же. С. 254. Впрочем, «вселенная судебных текстов», по нашему убеждению, выстраивается из более однородного по своей структуре и содержанию языкового материала.

[7] М. Фуко утверждал, что технологии установления истины (характеризуемые им как *расследование*), разрабатывавшиеся в средневековом инквизиционном уголовном процессе, повлияли на развитие европейской науки и формирование ее методологии. «Именно для того, чтобы точно узнать, кто и что сделал, при каких обстоятельствах и в какой момент времени, на Западе были разработаны сложные техники расследования, которые могли быть впоследствии использованы в системе научного знания и философского размышления». См.: *Фуко М.* Истина и правовые установления. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/7375 (дата обращения: 23.03.3026). Иными словами, процедурная рациональность уголовного судопроизводства была перенесена на научную почву.

менных признаков рациональности, иначе говоря, *инварианта рационального*. Рациональное рассматривается как логически обоснованное знание; как коррелят истинности; как нормативность; как характеристика субъектов, состоящая в их способности свободно и самостоятельно управлять своим поведением; и т. д.[8] Каждая из этих трактовок, в большей или меньшей степени, применима в оценке рациональности правосудия и способна манифестировать различные аспекты рациональности судебной деятельности: рациональность как законность правоприменения; как его разумность и целесообразность; как обоснованность принимаемых решений; и т. д.

Общепринятой является точка зрения, согласно которой, нет некой универсальной рациональности, но существуют ее разные формы: исторические, социокультурные, предметно-дисциплинарные, которые соответствуют представлениям об обоснованности, *стандартам обоснования*, характеризующим соответствующую форму рациональности. В философии науки, напомним, выделяется несколько исторических типов рациональности: 1) классическая; 2) неклассическая и 3) постнеклассическая[9]. Сообразно этой классификации выделяют и соответствующие традиции *правопонимания*. В. С. Стёпин, которому принадлежит изложенная классификация, заявляет, что в современной науке эти три типа рациональности сосуществуют. Некоторые задачи вполне успешно решаются на основе положений классической рациональности, тогда как для других требуется неклассический или постнеклассический подход[10].

В последнее время в юриспруденции достаточно активно развиваются постнеклассические подходы, для которых характерны смещение акцентов на процедуру реализации права, обусловленность юридических действий и решений ценностными установками субъекта, внимание к вопросам целесообразности и эффективности права. Объектом особого интереса становится юридический *дискурс* как текстово-речевая деятельность субъектов правовой коммуникации, что, в свою очередь, актуализирует проблему приемлемости правовой аргументации, в том числе используемой в обосновании судебных решений.

Анализируя проблему *правового обоснования,* Г. Берман отмечал, что степень его самобытности неодинакова в различных обществах, так как в любом социуме существует глубокая связь между дискурсом права и господствующими в нем убеждениями, касающимися религии, политики и других аспектов общественной жизни, включая *взгляды на природу самого доказательства*[11]. Впрочем, эти взгляды не остаются неизменными и в своем актуальном виде являются итогом длительной эволюции законодательства и основанного на нем правоприменения. Однако как бы ни менялись требования к содержанию судебных актов и сам язык права, рациональная приемлемость судебного обоснования является безусловным критерием качества судебного решения. Аргументация суда должна быть юридически релевантна, понятна и убедительна. В этом простом и самоочевидном тезисе в свернутом виде содержится вся аксиоматика рациональности правосудия.

Представления о рациональном обосновании судебных решений зависят от особенностей правопорядка отдельного государства, от конкретно отраслевой специфики соответствующей формы судопроизводства, наконец, от внутриотраслевой дифференциации процедуры. (Так, требования к описательно-мотивировочной ча-

[8] См.: *Труфанов Д. О.* Рациональность как фундаментальная характеристика социальных систем. Постнеклассический (универсумный) подход. Красноярск : СФУ, 2013. С. 9 ; *Автономова Н. С.* Рассудок, разум, рациональность. М. : Наука, 1988. С. 10–46 ; *Ленк Г.* Типы и метатипы рациональности // Рациональность и ее границы : материалы междунар. науч. конф. «Рациональность и ее границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15–18 сентября 2011 г.). М. : Наука, 2012. С. 127–137.

[9] См.: *Стёпин В. С.* Классика, неклассика, постнеклассика : критерии различения // Постнеклассика : философия, наука, культура. СПб. : Мір, 2009. С. 249–295.

[10] См.: *Стёпин В. С.* Научная рациональность в техногенной культуре : типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы : материалы Междунар. науч. конф. в рамках заседания Междунар. ин-та философии (Москва, 15–18 сентября 2011 г.). М., 2012. С. 18, 19.

[11] См.: *Берман Г.* Правовое обоснование // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 2009. № 2. С. 57. Что касается отмеченного автором влияния на судебное обоснование господствующих в обществе убеждений, безусловно, они имели место в определенные исторические периоды. Описывая правосудие в средневековой Франции, О. И. Тогоева указывает, что судьи могли вполне сознательно использовать самые простые объяснительные схемы – фольклорные и библейские. И чем проще была такая схема, тем скорее верили в нее окружающие (см.: *Тогоева О. И.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М. : АСТ, 2021. С. 150).

сти приговора, вынесенного в обычном порядке, не могут быть аналогичными требованиям к приговору, постановленному по правилам гл. 40, 40.1 УПК РФ). В каждой национальной правовой системе существуют свои каноны текстопостроения судебных актов, которые отличаются разной степенью строгости. Сопоставление практики обоснования судебных решений – отдельное направление сравнительно-правовых исследований, в ходе которых изучаются структура судебного обоснования, виды используемых аргументов, особенности самого языка судебных актов и т. д.[12]

Таким образом, рациональность права и правосудия является историческим и национально-культурным феноменом. На законодательном и правоприменительном уровне наблюдается постоянная обновляемость представлений о рациональности, когда утвердившиеся догмы со временем показывают свою несостоятельность и опровергаются. Отдельные элементы юридической рациональности, однако, оставаясь неизменными на протяжении длительного времени, возводятся в ранг принципов, в том числе международно-правовых. Существование международных стандартов правосудия, в частности стандартов в сфере доказывания (standarts of proof), свидетельствует о формировании устойчивых конвенциональных представлений о том, каким должно быть рациональное правосудие.

Особое значение в понимании рациональных начал правосудия имеет дискреционный характер деятельности судов разных инстанций, так как признание необходимости усмотрения актуализирует вопросы разумности правоприменения. Понятие «разумность», будучи терминологически наиболее близким русскоязычным эквивалентом «рациональности», достаточно широко используется в законодательстве, доктрине и правоприменении. Некоторыми авторами разумность рассматривается как общеправовой принцип правосудия[13], толкование которого, надо признать, не отличается определенностью. Уголовно-процессуальное законодательство же принцип разумности связывает со сроками (ст. 6.1 УПК РФ). Разумность сроков – это обоснованность продолжительности производства по уголовному делу конкретными обстоятельствами, которые могут рассматриваться как заслуживающие или не заслуживающие внимания, исходя из установленных в законе критериев. В их числе выделяются «достаточность и эффективность действий судьи», что требует соотнесения этих действий с *разумной* деятельностью.

Независимо от того, в каких контекстах упоминается термин «разумность», он, прямо или косвенно, подразумевает обоснованность действий и решений субъекта чем-либо. Разумность правоприменения доопределяет законодательную рациональность (ratio scripta) и неизбежно выводит нас к проблеме дискреционных полномочий субъекта и пределов его активности, что касается как суда, рассматривающего дела по существу, так и судов вышестоящих инстанций. Разумность действий субъекта, таким образом, связана с использованием им допустимого усмотрения, под которое подводится необходимое обоснование. Разумность правоприменителя – это его способность найти и сформулировать рациональные основания принятия решения, когда эти основания неочевидны, не вытекают напрямую из закона или закон допускает альтернативы.

Рациональность правосудия – многомерное явление, системный анализ которого, полагаем, позволяет выделить в его структуре несколько уровней.

1. Процедурно-нормативная рациональность. Все нормы и институты УПК РФ в идеале должны способствовать достижению установленных в законодательстве целей судопроизводства, а пробелы и противоречия в законе – своевременно устраняться.

[12] См.: *Goutal J. L.* Characteristics of Judicial Style in France, Britain and the USA // The American journal of comparative law. 1976. Vol. 24, No. 1. P. 43–72 ; *Lawson F. H.* Comparative judicial style // The American journal of comparative law. 1977. Vol. 25, No. P. 364–371 ; *Головко Л. В.* Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 6–34 ; *Евсеев А. П.* Аргументационная техника Верховного суда Великобритании // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 3 (106). С. 55–68 ; *Полдников Д. Ю.* Научная доктрина и аргументация судебных решений в континентальной правовой традиции : эпоха формирования // Третьи «Бабаевские чтения» в формате Международной научно-практической конференции «Юридическая аргументация : теория, практика, техника» / отв. ред.: В. М. Баранов. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. академии МВД, 2012 ; и т. д.

[13] См.: Правосудие в современном мире : монография / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов [и др.]. М. : Норма, 2019. С. 298.

В общем-то, любые положения уголовно-процессуального закона можно рассматривать с точки зрения их влияния на рационализацию производства по уголовному делу. Критерии оценки доказательств, например, есть не что иное, как условия их рациональной (с юридической точки зрения) приемлемости субъектами оценки; требования, предъявляемые к приговору (ст. 297 УПК РФ), также представляют собой условия его рациональной приемлемости судами вышестоящих инстанций и т. д. Особое значение в уголовно-процессуальном законе имеют нормы-принципы: они несут идеологическую нагрузку и формируют парадигмальную рациональность всего уголовного процесса.

2. Процедурно-праксеологическая рациональность, т. е. рациональность действий и решений субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Иными словами, рациональность *реализации* норм. Изучение рациональности процессуального права вне связи с рациональностью деятельности по его реализации малопродуктивно, так как эффективность процессуальных норм выявляется именно в ходе правоприменения.

Эффективность в данном случае, полагаем, следует отождествлять с уголовно-процессуальной *целерациональностью*, т. е. разумностью с точки зрения назначения уголовного судопроизводства. Целерациональность действий судьи обусловлена процессуальным контекстом. В этом смысле, думается, вполне уместно говорить и о тактическом мастерстве судьи как умелом использовании всех возможностей, предоставляемых законом.

Из праксеологической рациональности судебной деятельности нельзя исключить и нравственный компонент, так как вопрос о свободе судейского усмотрения лежит в том числе в этической плоскости.

3. Рациональность судебных актов, выражающаяся в нормативно-фактологической обоснованности решения и его мотивировке, объясняющей, почему соответствующие нормы были тем или иным образом реализованы субъектом правоприменения. Рациональность судебной аргументации, как нам представляется, является важнейшей составляющей рациональности правосудия в целом. Рациональное решение – это обоснованное доказательствами решение, содержащее их мотивированную оценку. В такой системе координат логико-смысловой ряд в восходящем порядке выстраивается следующим образом: доказанное → обоснованное → рациональное.

Рациональность содержания приговора выявляется в контексте рациональности *дискурса* уголовного судопроизводства. Рассматривая проблему рациональности судебного правоприменения, мы неизбежно упираемся в язык судебного текста, в том числе в логико-языковые аспекты приговора в их юридическом преломлении. Именно поэтому в качестве основного объекта исследования в данном ракурсе мы выделяем проблему судебного обоснования.

Важно, *как* выражается мысль, точность артикуляции мышления в языке. Судья – не только *исследующий* (познающий) субъект, но и субъект *аргументирующий* (обосновывающий): итогом судебного познания является обоснование в приговоре соответствующих выводов, которое отражает процесс проверки и оценки доказательств. Рациональность приговора, таким образом, является результатом как познавательной, так и аргументативной деятельности судьи. Содержательную (аргументативную) рациональность судебного акта составляет техника его обоснования. Выводы суда имеют значение не только как отдельно взятые заключения по вопросам, подлежащим разрешению в приговоре, но прежде всего в контексте развернутого *юридического рассуждения*, которое представляет собой судебное обоснование.

Текстологическая работа по исследованию практик обоснования в судебном дискурсе способствует пониманию:

– насколько устоявшимися являются те или иные техники обоснования, каковы динамика и вектор их изменения;

– какие изъяны обоснования рассматриваются как критические, недопустимые;

– каково соотношение стереотипности и творчества в текстово-речевой деятельности судьи и как далеко простирается его свобода в выборе способа аргументации.

Библиографический список

Автономова Н. С. Рассудок, разум, рациональность. М. : Наука, 1988. 288 с.

Башляр Г. Прикладной рационализм // Гастон Башляр. Избранное. М. ; СПб. : Университет. кн., 2000. Т. 1: Научный рационализм. 395 с.

Берман Г. Правовое обоснование // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 2009. № 2. С. 57–58.

Головко Л. В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 6–34.

Евсеев А. П. Аргументационная техника Верховного суда Великобритании // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 3 (106). С. 55–68.

Кузина Е. Б. О понятии доказательства // Логические исследования. 2018. Т. 24, № 2. С. 100–107.

Латур Б. Фабрика права. Этнография государственного совета. М. : Ад Маргинем Пресс, 2024. 328 с.

Ленк Г. Типы и метатипы рациональности // Рациональность и ее границы : материалы междунар. науч. конф. «Рациональность и ее границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15–18 сентября 2011 г.). М. : Наука, 2012. С. 127–137.

Николаев Б. В., Емелин М. Ю. Понятие правовой доктрины в правовой системе США // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 2. С. 143–146.

Полдников Д. Ю. Научная доктрина и аргументация судебных решений в континентальной правовой традиции : эпоха формирования // Третьи «Бабаевские чтения» в формате Международной научно-практической конференции «Юридическая аргументация : теория, практика, техника» / отв. ред.: В. М. Баранов. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. академии МВД, 2012.

Правосудие в современном мире : монография / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов [и др.]. М. : Норма, 2019. 784 с.

Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика : критерии различения // Постнеклассика : философия, наука, культура. СПб. : Мір, 2009. С. 249–295.

Стёпин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре : типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы : материалы Междунар. науч. конф. в рамках заседания Междунар. ин-та философии (Москва, 15–18 сентября 2011 г.). М., 2012. С. 7–20.

Тогоева О. И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М. : АСТ, 2021. 350 с.

Труфанов Д. О. Рациональность как фундаментальная характеристика социальных систем. Постнеклассический (универсумный) подход. Красноярск : СФУ, 2013. 122 с.

Фокина З. Т. Научная рациональность : сущность, виды, тенденция к интеграции, практическое значение // Вестник МГСУ. 2012. № 6. С. 142–149.

Фуко М. Истина и правовые установления. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/7375

Шнедельбах Г. О рациональности и обосновании // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 297–309.

Goutal J. L. Characteristics of Judicial Style in France, Britain and the USA // The American journal of comparative law. 1976. Vol. 24, No. 1. P. 43–72.

Lawson F. H. Comparative judicial style // The American journal of comparative law. 1977. Vol. 25, No. P. 364–371.

References

Autonomova N. S. Reason, reason, rationality. Moscow : Nauka, 1988. 288 p.

Bachelard G. Applied rationalism // Gaston Bachelard. Selected works. Moscow ; St. Petersburg : University. book, 2000. Vol. 1: Scientific rationalism. 395 p.

Berman G. Legal justification // Bulletin of the Moscow State University. Uni. Ser. 7, Philosophy. 2009. No. 2. P. 57–58.

Golovko L. V. Judicial precedent as a non-normative way of legitimizing judicial decisions // Bulletin of Civil Law. 2010. No. 6. P. 6–34.

Evseev A. P. Argumentation technique of the Supreme Court of Great Britain // Comparative Constitutional Review. 2015. No. 3 (106). P. 55–68.

Kuzina E. B. On the concept of proof // Logical research. 2018. Vol. 24, No. 2. P. 100–107.

Latour B. Factory of Law. Ethnography of the State Council. Moscow : Adam Press, 2024. 328 p.

Lenk G. Types and metatypes of rationality // Rationality and its boundaries : proceedings of the International Scientific conference «Rationality and its boundaries» at the meeting of the International Institute of Philosophy in Moscow (September 15–18, 2011). Moscow : Nauka, 2012. P. 127–137.

Nikolaev B. V., Emelin M. Y. The concept of legal doctrine in the legal system of the USA // Proceedings of the V. G. Belinsky Moscow State University. 2012. No. 2. P. 143–146.

Poldnikov D. Y. Scientific doctrine and argumentation of judicial decisions in the continental legal tradition : the epoch of formation // The third «Babayev readings» in the format of the International scientific and practical conference «Legal argumentation : theory, practice, technique» / ed. by V. M. Baranov. N. Novgorod : Publishing House of the N. Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2012.

Justice in the modern world : a monograph / V. M. Lebedev, T. Ya. Khabrieva, A. S. Avtonomov [et al.]. Moscow : Norma, 2019. 784 p.

Stepin V. S. Classics, non-classics, post-non-classics : criteria of distinction // Postnonclassics : philosophy, science, culture. St. Petersburg : Mir, 2009. P. 249–295.

Stepin V. S. Scientific rationality in technogenic culture : types and historical evolution // Rationality and its boundaries : proceedings of the International Scientific Conference in the framework of the meet-

ing of the International Institute of Philosophy (Moscow, September 15–18, 2011). Moscow, 2012. P. 7–20.

Togoeva O. I. «The True truth». Languages of medieval justice. Moscow : AST, 2021. 350 p.

Trufanov D. O. Rationality as a fundamental characteristic of social systems. The post-nonclassical (universal) approach. Krasnoyarsk : SFU, 2013. 122 p.

Fokina Z. T. Scientific rationality : essence, types, tendency towards integration, practical significance // Bulletin of MGSU. 2012. No. 6. P. 142–149.

Foucault M. Truth and legal regulations. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/7375

Schnedelbach G. On rationality and justification // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2017. No. 40. P. 297–309.

Goutal J. L. Characteristics of Judicial Style in France, Britain and the USA // The American journal of comparative law. 1976. Vol. 24, No. 1. P. 43–72.

Lawson F. H. Comparative judicial style // The American journal of comparative law. 1977. Vol. 25, No. P. 364–371.

Воронежский государственный университет
Астафьев А. Ю., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса
E-mail: woltgam@rambler.ru

Поступила в редакцию: 01.07.2026

Для цитирования:
Астафьев А. Ю. Размышления о феномене рациональности правосудия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 154–160. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/154-160

Voronezh State University
Astafyev A. Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
E-mail: woltgam@rambler.ru

Received: 01.07.2026

For citation:
Astafyev A. Yu. Reflections on the phenomenon of rationality of justice // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 154–160. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/154-160

УДК 343.1
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/161-167

КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Д. В. Гриценко
Воронежский государственный университет

CONFLICTS BETWEEN THE PROSECUTION PARTIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND HOW TO OVERCOME THEM

D. V. Gritsenko
Voronezh State University

Аннотация: в статье раскрывается конфликтный характер отношений между участниками уголовного судопроизводства: с одной стороны, потерпевшим, с другой – профессиональными участниками судопроизводства – следователем и прокурором. Обосновывается целесообразность устранения процессуальных конфликтов путем законодательного урегулирования четкого разграничения функций прокурора и следователя.
Ключевые слова: конфликт, процессуальные конфликты, потерпевший, следователь, прокурор, надзорные полномочия, уголовное судопроизводство.

Abstract: the article reveals the conflict nature of relations between participants in criminal proceedings, on the one hand, the victim, and on the other, the professional participants in the proceedings, the investigator, and the prosecutor. The article substantiates the expediency of eliminating procedural conflicts by legislatively regulating the clear delineation of the functions of the prosecutor and the investigator.
Key words: conflict, procedural conflicts, victim, investigator, prosecutor, supervisory powers, criminal proceedings.

В соответствии с ч. 1 ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон[1]. В связи с этим наличие конфликтов между участниками данного вида судопроизводства неоспоримо.

По мнению Д. В. Богатырева и А. В. Ендольцева, «состязательность сторон в уголовном судопроизводстве предполагает некоторого рода конфликтный характер отношений между его участниками»[2].

Процессуальный конфликт положен в основу уголовного судопроизводства. Сторона обвинения должна предоставить суду доказательства виновности подсудимого, а сторона защиты – их опровергнуть. Процессуальные конфликты между сторонами процесса, безусловно, являются нормой, причем не только в уголовно-процессуальном праве. «Конфликт интересов» между правосудием по уголовным делам и участниками уголовного судопроизводства Н. В. Лантух относит «к современным правовым реалиям»[3].

В научных публикациях чаще всего исследуются конфликты, возникающие между должностными лицами, которые осуществляют предварительное расследование, и адвокатами, пред-

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

[2] *Богатырев Д. В., Ендольцева А. В.* Механизм преодоления злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве // Закон. 2024. № 4. С. 22.

© Гриценко Д. В., 2026

[3] *Лантух Н. В.* Современная законодательная регламентация института подсудности уголовных дел // Рос. следователь. 2025. № 1. С. 19.

ставляющими интересы обвиняемых[4], как столкновение противоположных позиций сторон или интересов участников уголовного процесса[5].

По мнению Н. Ю. Лебедева, уголовно-процессуальный конфликт – это «нормальное и неизбежное проявление правовых связей и отношений между участниками уголовно-процессуальной деятельности, преследующих различные, а чаще всего несовместимые цели и интересы на протяжении как отдельных этапов расследования, так и всего хода производства по уголовному делу»[6].

Подобное определение уголовно-процессуального конфликта в полной мере отражает форму взаимодействия между стороной обвинения и защиты.

С точки зрения Ю. В. Францифорова, конфликт определяется как «высшая степень выражения противоречия в уголовном судопроизводстве при остром противодействии сторон, требующий своего разрешения правовыми средствами, установленными уголовно-процессуальным законодательством»[7].

Именно для устранения этих противоречий и существует уголовное судопроизводство, в связи с чем их наличие является неизбежным и необходимым условием для существования уголовного процесса в принципе.

Однако в последнее время значительное распространение получили процессуальные конфликты между участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

Как известно, к числу данных участников относятся: потерпевший; прокурор; должностные лица органов дознания (дознаватель, руководители подразделений и органов дознания); должностные лица следственных органов (следователи и руководители).

Процессуальные конфликты между начальниками подразделений и органов следствия и дознания, с одной стороны, и, соответственно, дознавателями и следователями – с другой, возникают крайне редко и достаточно быстро разрешаются в пользу первых, в связи с чем не заслуживают особого внимания.

Анализируя дискуссии процессуалистов в отношении законодательной модели процессуального статуса потерпевшего в уголовном судопроизводстве, Г. В. Стародубова подчеркивает, что «ее развитие должно продолжаться по заданному вектору – для обеспечения защиты прав и законных интересов потерпевшего»[8].

К сожалению, значительно чаще встречаются процессуальные конфликты между потерпевшим, с одной стороны, и профессиональными участниками судопроизводства – с другой.

А. Б. Диваев приходит к выводу, что уголовно-процессуальный конфликт, во-первых, относится к числу социальных, а во-вторых, является «наименее эффективным способом преодоления противоречий целей, интересов субъектов отношений, подверженных воздействию уголовно-процессуального права, а также тех средств, которые используются ими для реализации этих целей и интересов»[9].

Наличие таких конфликтов также невозможно избежать. Однако, в отличие от конфликтов стороны обвинения и защиты, такие противоречия скорее препятствуют достижению целей уголовного судопроизводства, чем разрешению поставленных перед ним задач.

За исключением дел частного обвинения, при рассмотрении которых потерпевший иногда выступает в качестве частного обвинителя и может изменять объем обвинения либо отказаться от его поддержания, при производстве по делам частно-публичного и публичного обвинения каких-либо полномочий у потерпевшего нет. Его позиция не носит обязательный характер ни для участников со стороны обвинения, ни для суда. К числу исключений из данного правила относится мнение потерпевшего относительно возможности рассмотрения уголовного дела в особом порядке: отсутствие такого согласия обязывает суд рассмотреть уголовное дело в общем порядке. При этом в данном случае речь идет о самой процедуре, а не о существе принятого по делу решения.

---

[4] См., например: *Лазарева В. А., Таран А. С.* Конфликты между профессиональными участниками уголовного судопроизводства : проблемы разрешения // Уголовное право. 2006. № 1. С. 91–95.

[5] См.: *Францифоров Ю. В.* Классификация противоречий в уголовном судопроизводстве // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 577.

[6] *Лебедев Н. Ю.* К вопросу о понятии уголовно-процессуальных конфликтов // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. № 2. С. 94.

[7] *Францифоров Ю. В.* Указ. соч. С. 580.

[8] *Стародубова Г. В.* Правовое положение потерпевшего в уголовном процессе : субъективный аспект // Рос. юстиция. 2018. № 12. С. 31.

[9] *Диваев А. Б.* Уголовно-процессуальный конфликт : предпосылки возникновения, понятие и виды // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 1. С. 46.

Поскольку потерпевший наряду с прокурором принимает участие и в ходе досудебного производства по уголовному делу, и в судебном разбирательстве, законодатель наделяет его определенными правами на всех стадиях производства по уголовному делу. Потерпевший вправе обжаловать все решения должностных лиц органов следствия и дознания, а также прокурора и даже суда.

Однако поданная потерпевшим жалоба лишь порождает у соответствующего должностного лица или судьи обязанность по ее рассмотрению в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством, и не обязывает кого-либо из участников судопроизводства принять конкретное решение.

Как правило, потерпевшие обжалуют действия должностных лиц органов дознания и следствия, связанные с непринятием мер, направленных на привлечение к ответственности виновных лиц.

Наиболее часто потерпевшие оспаривают законность постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

Кроме того, в жалобах потерпевших нередко встречаются доводы о необоснованно длительных сроках предварительного расследования. В. В. Путин, выступая на совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов Российской Федерации, подчеркнул необходимость соблюдения судами сроков рассмотрения уголовных дел[10].

В ежегодном Докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2025 г. Т. Н. Москалькова указала на негативную тенденцию увеличения (по сравнению с 2024 г.) количества жалоб «на прекращение уголовного дела, на отказы в возбуждении уголовного дела, на длительность судебного разбирательства»[11].

Кроме указанного выше, потерпевший вправе обжаловать руководителю следственного органа и прокурору постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, в частности когда, по его мнению, объем обвинения необоснованно занижен.

Наделен потерпевший и правом обжаловать в соответствующей части судебные решения.

Совокупность перечисленных прав потерпевшего в первую очередь обусловлена тем, что его интересы в уголовном судопроизводстве не сводятся только к возмещению причиненного преступлением вреда – они в значительной степени связаны с вопросами доказанности обвинения, его объема, применения уголовного закона и назначения наказания, тем более что от этих вопросов зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда[12].

В основе конфликта потерпевшего с профессиональными участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения заложены противоречия, возникающие между гражданином, с одной стороны, и представителем власти – с другой.

Не обладая правом принятия решений, влекущих юридически значимые последствия, потерпевший, не согласившись с действиями (бездействием) должностного лица, вынужден обращаться к иным представителям власти – вышестоящему должностному лицу, прокурору или в суд.

Разрешение конфликтов подобного рода заключается в эффективной работе профессиональных участников процесса со стороны обвинения и искоренении коррупции, которые должны обеспечить полную защиту прав потерпевшего и соблюдение его законных интересов. Председатель Верховного Суда Российской Федерации И. В. Краснов неоднократно подчеркивал, что «коррупция, злоупотребление, умышленное искажение принципов правосудия должно встречать жесткую и однозначную реакцию»[13].

Наиболее значимым уголовно-процессуальным конфликтом последнего времени, возникающим между участниками судопроизводства со стороны обвинения, следует признать конфликт между следователем и прокурором. По справед-

[10] См.: *Куликов В. С.* Судить будет человек. Владимир Путин выступил перед российскими судьями : цифровизация правосудия важна, но … // Рос. газета. 2026. 20 февр. С. 1.

[11] Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на 2025 год // Рос. газета. 2026. 29 янв. С. 9.

[12] См.: По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026.

[13] *Куликов В. С.* Судимы будите… По инициативе Игоря Краснова проходит масштабное очищение судейских рядов // Рос. газета. 2026. 11 февр. С. 4.

ливому замечанию Д. В. Зотова, «следователь, прокурор, суд обязаны на основе правовой нормы (в том числе и фикции) установить наличие или отсутствие соответствующих отношений, а не выдумывать их, замещая реальное мнимым, и наоборот. Обратное означало бы провозглашение провокационного характера уголовного судопроизводства и отказ от гарантированности прав личности в уголовном процессе»[14].

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством прокурор является должностным лицом, осуществляющим от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, а следователь осуществляет предварительное следствие по уголовному делу.

Сокращение полномочий прокурора после принятия Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ[15] до сих пор влечет за собой возникновение процессуальных конфликтов между следователем и прокурором. С 2007 г. прокурор был лишен широкого круга полномочий, касающихся как принятия самостоятельных решений по уголовному делу, так и отмены незаконных решений следователя.

До проведенной реформы наличие в уголовном судопроизводстве следователя являлось по сути факультативным. Все его функции мог самостоятельно выполнить прокурор.

В настоящее время начало судебной стадии производства по делу возможно только в случае наличия волеизъявления как прокурора, обладающего исключительным правом утверждения обвинительного заключения, так и следователя, который в отличие от прокурора вправе возбуждать уголовное дело и привлекать лицо в качестве обвиняемого.

В связи с этим наличие конфликта между следователем и прокурором может повлечь за собой невозможность достижения одной из главных задач уголовного судопроизводства – назначения виновным справедливого наказания.

В. В. Трухачев и У. Н. Ахмедов обращают внимание на то, что «существование таких конфликтов и их затяжной характер могут приводить не только к существенному нарушению уголовно-процессуального закона, но и нарушению в сфере защиты прав и законных интересов определенных участников уголовного судопроизводства»[16].

Т. Ю. Сабельфельд считает, что в расширении полномочий прокурора в настоящее время нет необходимости и прокурор обладает достаточными надзорными полномочиями во всех стадиях уголовного процесса[17], а правовые коллизии, возникающие в правоприменительной практике, по мнению И. А. Шевелева, должны разрешаться в соответствии с действующим законодательством[18]. К. А. Таболина полагает, что полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела недостаточно, и отсутствие права возбуждения уголовного дела неспособно обеспечить защиту конституционного права на доступ к правосудию[19].

Также в юридической литературе есть мнение, что прокурор не только должен быть наделен правом возбуждать уголовное дело, но и должен иметь возможность решать вопрос о последующем движении уголовного дела по окончании предварительного расследования, более того, к его компетенции предлагается отнести вопросы о составлении обвинительного заключения, прекращении уголовного дела, соединении и выделении уголовных дел и др.[20].

В. А. Ефанова обосновывает целесообразность возвращения прокурору функций надзо-

[14] *Зотов Д. В.* Фикции и фиктивность в уголовно-процессуальном праве // Рос. юстиция. 2018. № 1. С. 43.

[15] См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ (в ред. от 22.12.2014 г. № 427-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 24. Ст. 2830 ; 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7538.

[16] *Трухачев В. В., Ахмедов У. Н.* Согласие участников уголовного судопроизводства как правовое средство предупреждения уголовно-процессуальных конфликтов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Право. 2023. № 3 (54). С. 210.

[17] См.: *Сабельфельд Т. Ю.* Прокурор как субъект стороны обвинения в уголовном процессе // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4 (26). С. 75–78.

[18] См., например: *Шевелев И. А.* О взаимодействии прокурора и следователя на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Университета Прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1 (93). С. 47–52.

[19] См., например: *Таболина К. А.* О необходимости усиления роли прокурора в процедуре возбуждения и расследования уголовных дел // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2018. № 2. С. 129–138.

[20] См.: *Буланова Н. В.* Прокурор в уголовном судопроизводстве : пути совершенствования процессуального статуса // Уголовное право. 2017. № 4. С. 33–36.

ра за рассмотрением дел в судах с возможностью опротестования незаконных и необоснованных судебных решений, поскольку отсутствие такой функции у прокурора ведет к снижению качества правосудия по уголовным делам, «расцвету» коррупции в судебных органах[21], о чем в последнее время свидетельствуют публикации в средствах массовой информации[22].

По мнению С. С. Бурынина, «конкуренция процессуального контроля и прокурорского надзора разжигает противостояние между двумя ведомствами, выражающееся в работе на собственную статистику»[23].

Как справедливо считает Э. Р. Исламова, в процессуальной деятельности руководителя следственного органа и прокурора необходимо создать условия для совместной реализации ими защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, а не создавать противопоставление и конкуренцию[24].

Н. А. Колоколов подчеркивает, что в целом за дело отвечает прокурор, а не следователь, к обязанностям которого относится качественное расследование, и «при возникновении спора между следователем и прокурором именно прокурору принадлежит последнее слово, ибо закон возлагает на него обязанность надзора за соблюдением законности на всех, без исключения, этапах движения уголовного дела», при этом перенос спора между прокурором и следователем в суд – «свидетельство их профессиональной незрелости»[25].

Противоположной позиции придерживаются А. М. Багмет и Ю. А. Цветков, отмечающие, что законодателем не случайно, а в результате реализации системы сдержек и противовесов, ослаблена власть прокурора и усилена власть следователя, и в случае возникновения спора между прокурором и следователем конечное слово должно принадлежать «независимому арбитру» – суду[26].

Однако с такой точкой зрения согласиться сложно. Суд не выступает ни на стороне защиты, ни обвинения, в связи с чем разрешение конфликтов между профессиональными участниками, представляющими одну и ту же сторону, не должно относиться к его компетенции. Подобного рода конфликты целесообразно устранять только посредством законодательного урегулирования, в результате которого функции прокурора и следователя будут четко разграничены. Такое возможно лишь путем определения роли прокурора как главного участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения и перераспределения полномочий между прокурором и следователем таким образом, чтобы, сохранив за следователем право самостоятельного определения хода предварительного расследования, предоставить прокурору исключительное право оценки собранных доказательств на предмет их достаточности для инициирования судебной стадии производства по делу.

Библиографический список

Багмет А. М., Цветков Ю. А. Сильное следствие и его противники // Lex Russica. 2015. Т. 101, № 4. С. 60–70.

Богатырев Д. В., Ендольцева А. В. Механизм преодоления злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве // Закон. 2024. № 4. С. 21–31.

Буланова Н. В. Прокурор в уголовном судопроизводстве : пути совершенствования процессуального статуса // Уголовное право. 2017. № 4. С. 33–36.

Бурынин С. С. Конкуренция процессуального контроля и прокурорского надзора за деятельностью следственных органов // Рос. следователь. 2020. № 4. С. 25–28.

Диваев А. Б. Уголовно-процессуальный конфликт : предпосылки возникновения, понятие и виды // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 1. С. 42–54.

Зотов Д. В. Фикции и фиктивность в уголовно-процессуальном праве // Рос. юстиция. 2018. № 1. С. 41–43.

[21] См.: *Ефанова В. А.* Идеи Л. Д. Кокорева о нравственных началах уголовно-процессуальной деятельности прокурора и не только // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 176.

[22] См., например: *Синельщиков Ю. П.* Перспективы развития законодательства о прокуратуре // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 6. С. 21–22.

[23] *Бурынин С. С.* Конкуренция процессуального контроля и прокурорского надзора за деятельностью следственных органов // Рос. следователь. 2020. № 4. С. 27.

[24] См.: *Исламова Э. Р.* К вопросу о соотношении процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 2. С. 22.

[25] *Колоколов Н. А.* Великое противостояние : следователь vs прокурор // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2014. № 10. С. 244–255.

[26] См.: *Багмет А. М., Цветков Ю. А.* Сильное следствие и его противники // Lex Russica. 2015. Т. 101, № 4. С. 60–70.

Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на 2025 год // Рос. газета. 2026. 29 янв.

Ефанова В. А. Идеи Л. Д. Кокорева о нравственных началах уголовно-процессуальной деятельности прокурора и не только // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 172–177.

Исламова Э. Р. К вопросу о соотношении процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 2. С. 17–25.

Колоколов Н. А. Великое противостояние : следователь vs прокурор // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2014. № 10. С. 244–255.

Куликов В. С. Судить будет человек. Владимир Путин выступил перед российскими судьями : цифровизация правосудия важна, но ... // Рос. газета. 2026. 20 февр. С. 1–2.

Куликов В. С. Судимы будите... По инициативе Игоря Краснова проходит масштабное очищение судейских рядов // Рос. газета. 2026. 11 февр. С. 1, 4.

Лазарева В. А., Таран А. С. Конфликты между профессиональными участниками уголовного судопроизводства : проблемы разрешения // Уголовное право. 2006. № 1. С. 91–95.

Лантух Н. В. Современная законодательная регламентация института подсудности уголовных дел // Рос. следователь. 2025. № 1.

Лебедев Н. Ю. К вопросу о понятии уголовно-процессуальных конфликтов // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. № 2. С. 92–94.

Сабельфельд Т. Ю. Прокурор как субъект стороны обвинения в уголовном процессе // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4 (26). С. 75–78.

Синельщиков Ю. П. Перспективы развития законодательства о прокуратуре // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 6. С. 13–24.

Стародубова Г. В. Правовое положение потерпевшего в уголовном процессе : субъективный аспект // Рос. юстиция. 2018. № 12. С. 29–31.

Таболина К. А. О необходимости усиления роли прокурора в процедуре возбуждения и расследования уголовных дел // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2018. № 2. С. 129–138.

Трухачев В. В., Ахмедов У. Н. Согласие участников уголовного судопроизводства как правовое средство предупреждения уголовно-процессуальных конфликтов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Право. 2023. № 3 (54). С. 209–216.

Францифоров Ю. В. Классификация противоречий в уголовном судопроизводстве // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 572–580.

Шевелев И. А. О взаимодействии прокурора и следователя на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1 (93). С. 47–52.

References

Bagmet A. M., Tsvetkov Yu. A. Strong investigation and its opponents // Lex Russica. 2015. Vol. 101, No. 4. P. 60–70.

Bogatyrev D. V., Endoltseva A. V. Mechanism for overcoming abuse of law in pre-trial criminal proceedings // Zakon. 2024. No. 4. P. 21–31.

Bulanova N. V. Prosecutor in criminal proceedings : ways to improve the procedural status // Criminal law. 2017. No. 4. P. 33–36.

Burynin S. S. Competition of procedural control and prosecutorial supervision over the activities of investigative bodies // Russian Investigator. 2020. No. 4. P. 25–28.

Divayev A. B. Criminal procedure conflict : prerequisites, concept, and types // Siberian legal review. 2021. Vol. 18. No. 1. P. 42–54.

Zotov D. V. Fictions and fictitiousness in criminal procedure law // Russian justice. 2018. No. 1. P. 41–43.

Annual report on the activities of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation for 2025 // Rossiyskaya Gazeta. 2026. January 29. P. 9.

Efanova V. A. L. D. Kokorev's ideas on the moral principles of the prosecutor's criminal procedure activities and beyond // Judicial authority and criminal proceedings. 2015. No. 4. P. 172–177.

Islamova E. R. On the issue of the correlation of procedural powers of the prosecutor and the head of the investigative body // Baikal Research Journal. 2016. Vol.7. No. 2. P. 17–25.

Kolokolov N. A. The Great confrontation : investigator vs prosecutor // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 10. P. 244–255.

Kulikov V. S. A human will be judging. Vladimir Putin addressed Russian judges : digitalization of justice is important, but ... // Rossiyskaya Gazeta. 2026. February 20. P. 1–2.

Kulikov V. S. You will be judged... Igor Krasnov's initiative leads to a major purge of judges // Rossiyskaya Gazeta. 2026. February 11. P. 1, 4.

Lazareva V. A., Taran A. S. Conflicts between professional participants in criminal proceedings : problems of resolution // Criminal law. 2006. No. 1. P. 91–95.

Lantukh N. V. Modern legislative regulation of the institute of jurisdiction of criminal cases // Russian investigator. 2025. No. 1.

Lebedev N. Yu. On the concept of criminal procedure conflicts // Izvestiya of the Altai State University. 2009. No. 2. P. 92–94.

Sabelfeld T. Yu. Prosecutor as a subject of the prosecution party in a criminal procedure // Bulletin of

the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2020. No. 4 (26). P. 75–78.

Sinelshchikov Yu. P. Prospects for the development of legislation on the prosecutor's office // Bulletin of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation. 2021. No. 6. P. 13–24.

Starodubova G. V. Legal status of the victim in the criminal procedure : subjective aspect // Russian justice. 2018. No. 12. P. 29–31.

Tabolina K. A. On the need to strengthen the prosecutor's role in the procedure for initiating and investigating criminal cases // Bulletin of the Kutafin University. 2018. No. 2. P. 129–138.

Trukhachev V. V., Akhmedov U. N. Consent of participants in criminal proceedings as a legal means of preventing criminal procedure conflicts // Bulletin of the Voronezh State University. Law. 2023. No. 3 (54). P. 209–216.

Frantsiforov Yu. V. Classification of contradictions in criminal proceedings // Legal technique. 2017. No. 11. P. 572–580.

Shevelev I. A. On the interaction between a prosecutor and an investigator at the stage of initiating a criminal case // Bulletin of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation. 2023. No. 1 (93). P. 47–52.

Воронежский государственный университет
Гриценко Д. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса имени Л. Д. Кокорева
E-mail: d.v.g84@bk.ru

Поступила в редакцию: 17.05.2026

Для цитирования:
Гриценко Д. В. Конфликты между участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения и способы их преодоления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 161–167. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/161-167

Voronezh State University
Gritsenko D. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure named after L. D. Kokorev
E-mail:d.v.g84@bk.ru

Received: 17.05.2026

For citation:
Gritsenko D. V. Conflicts between the prosecution parties in criminal proceedings and how to overcome them // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 161–167. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/161-167

УДК 343.2
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/168-174

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В ОСОБЫЙ ПЕРИОД: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Д. В. Новокшонов

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации (Санкт-Петербург)

CRIMINAL POLICY IN A SPECIAL PERIOD: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION AND COUNTERACTION TO CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE

D. V. Novokshonov

Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation (Saint Petersburg)

Аннотация: в статье исследуются проблемы реализации уголовной политики в условиях особого периода, вызванного проведением специальной военной операции, частичной мобилизацией и увеличением штатной численности Вооруженных Сил РФ. Автор обосновывает, что отсутствие в УК РФ легальной дефиниции особого периода порождает правовую неопределенность. Сравнительный анализ с законодательством США и Израиля показывает целесообразность учета посттравматического стрессового расстройства как смягчающего обстоятельства и введения механизма уголовно-правовой реабилитации при добровольном возвращении в часть. Предложено дополнить ст. 331 УК РФ определением особого периода, дифференцировать ответственность для мобилизованных и добровольцев, а также создать мобильные следственные группы в зоне боевых действий. Сделан вывод о фрагментарном и ситуативном характере текущей уголовной политики, не обеспечивающем системной криминологической экспертизы.
Ключевые слова: уголовная политика, особый период, воинская преступность, преступления против военной службы, мобилизация, специальная военная операция, самовольное оставление части.

Abstract: the article examines the problems of implementing criminal policy in the conditions of a special period caused by the special military operation, partial mobilization, and increase in the staffing of the Armed Forces of the Russian Federation. The author substantiates that the absence of a legal definition of a special period in the Criminal Code of the Russian Federation creates legal uncertainty. A comparative analysis with the legislation of the United States and Israel shows the expediency of considering post-traumatic stress disorder as a mitigating circumstance and introducing a mechanism for criminal rehabilitation in cases of voluntary return to duty. It was proposed to supplement Article 331 of the Criminal Code of the Russian Federation with a definition of a special period, to differentiate liability for mobilized personnel and volunteers, and to create mobile investigative teams in the combat zone. The conclusion was made that the current criminal policy is fragmented and situational, and does not provide for systematic criminological expertise.
Key words: criminal policy, special period, military crime, crimes against military service, mobilization, special military operation, desertion.

© Новокшонов Д. В., 2026

С 2022 г. объективная обстановка как внутри Российской Федерации, так и на международной арене претерпела кардинальные изменения. Начало специальной военной операции, последующее введение частичной мобилизации, установление военного положения на территории отдельных субъектов РФ, а также многократное увеличение штатной численности Вооруженных Сил – с 1 150 628 человек в 2023 г. до 1 500 000 – в 2024 г.[1] – обусловили формирование правового режима, квалифицируемого законодателем как особый период. Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что «преступления против военной службы, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, характеризуются повышенной общественной опасностью»[2].

В этих условиях уголовная политика, традиционно ориентированная на общую и специальную превенцию, охрану личности, общества и государства от преступных посягательств, неизбежно смещает акценты. На первый план выходит задача обеспечения обороноспособности страны, воинской дисциплины и боеготовности армии.

Р. В. Закомолдин одним из первых обратил внимание на адаптацию уголовного законодательства к военным условиям, что выражается в ужесточении санкций и расширении круга субъектов преступлений против военной службы. Разделяя эту позицию, автор подчеркивает, что такая адаптация носит не только технико- юридический, но и ценностно-нормативный характер – смещая приоритеты уголовной политики с общей превенции на обеспечение боеготовности.

Степень разработанности проблемы в науке уголовного права пока нельзя признать достаточной. Отдельные аспекты воинской преступности в новых условиях рассматривались в работах С. Ф. Милюкова[3], Я. Н. Ермоловича[4], В. М. Шеншина[5], а также в серии публикаций Р. В. Закомолдина. Однако комплексного исследования уголовной политики именно в аспекте реализации мер противодействия преступлениям против военной службы в особый период до настоящего времени не проводилось.

Цель научной статьи – выявить основные проблемы реализации уголовной политики при противодействии преступлениям против военной службы в особый период и предложить направления их решения.

Задачи: определить понятие и правовой режим особого периода в контексте уголовной политики; проанализировать правовые, организационные и правоприменительные проблемы квалификации, раскрытия и наказания данных преступлений; сформулировать законодательные и правоприменительные предложения по совершенствованию уголовной политики.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере противодействия преступлениям против военной службы в особый период.

Предмет – нормы российского уголовного и военного законодательства, статистические данные, материалы судебной практики и доктринальные источники.

Методология исследования включает: диалектический метод научного познания, формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический анализ, а также методы системного и структурно-функционального подхода.

Научная новизна состоит в обосновании необходимости адаптации уголовной политики к условиям особого периода как самостоятельному правовому режиму, а также в выявлении ранее не исследованных противоречий между законодательными новеллами и реальной правоприменительной практикой.

В науке уголовного права и криминологии под «особым периодом» понимается временное, законодательно фиксированное состояние государственного функционирования (военное положение, мобилизация, состояние войны, крупномасштабные чрезвычайные ситуации техногенного или природного характера), которое требует оперативной трансформации уголовной политики.

---

[1] См.: Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 2024 г. № 792.

[2] О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11.

[3] См.: *Милюков С. Ф.* Военно-полевая уголовная политика : основные контуры // Вестник Владимир. юрид. ин-та. 2025. № 2 (75). С. 172.

[4] См.: *Ермолович Я. Н.* Анализ статистических показателей судимости военнослужащих Российской Федерации за преступления против военной службы в 2021 г. // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 160.

[5] *Шеншин В. М.* Об уголовно-правовой характеристике воинских преступлений // Рос. следователь. 2026. № 3. С. 65.

В теории уголовного права особый период применительно к воинским преступлениям трактуется как особое правовое состояние, которое вводится на основании федеральных законов и влечет за собой ужесточение мер уголовной ответственности. Этот режим отличается тремя ключевыми чертами: во-первых, санкции становятся жестче (например, по ч. 5 ст. 337 УК РФ – до 10 лет лишения свободы); во-вторых, круг потенциальных субъектов преступлений расширяется за счет мобилизованных и добровольцев; в-третьих, меняется порядок оценки обстоятельств, которые обычно исключают преступность деяния. Принципиально важно, что такие меры носят временный и строго целевой характер, эта позиция прямо подтверждена Конституционным Судом РФ.

Здесь необходимо провести четкую грань: особый период и военное время не синонимы. Военное время – лишь часть особого периода, оно наступает либо с официальным объявлением войны, либо с фактическим началом боевых действий. В контексте уголовной политики это разграничение имеет фундаментальное значение, поскольку ряд составов преступлений против военной службы (например, добровольная сдача в плен – ст. 352.1 УК РФ, мародерство – ст. 356.1 УК РФ) были введены законодателем исключительно для военного времени, а не для любого особого периода.

Уголовный кодекс РФ, в отличие от мобилизационного законодательства, не содержит самостоятельной дефиниции «особый период». Отсылки к нему содержатся в примечаниях к ст. 331 УК РФ (круг субъектов), ст. 337 УК РФ (самовольное оставление части), ст. 338 УК РФ (дезертирство) и ряде других. Это порождает первую фундаментальную проблему: правоприменитель вынужден обращаться к нормам «неуголовного» законодательства, что создает риски разночтений и пробелов[6].

Влияние особого периода на цели уголовной политики проявляется в следующих аспектах: смещение приоритетов с общей превенции – удержание граждан от совершения преступлений – на специальную и позитивную превенцию – обеспечение безусловного выполнения воинского долга; ужесточение санкций за преступления против военной службы, совершаемые в особый период (например, ч. 5 ст. 337 УК РФ – лишение свободы до 10 лет, тогда как в мирное время максимальное наказание по ч. 1 той же статьи – 1 год содержания в дисциплинарной воинской части); расширение круга субъектов – включение мобилизованных, а с 28 декабря 2024 г. – и добровольцев[7] в число лиц, подлежащих уголовной ответственности за воинские преступления.

Таким образом, особый период выступает не просто временным, а содержательным фактором трансформации уголовной политики, требующим самостоятельного осмысления.

В условиях особого периода ключевым объектом уголовной политики становятся преступления против военной службы, а сама система этих деяний демонстрирует крайне высокую подвижность. Статистика 2024 г. показывает однозначную картину, абсолютное большинство воинских преступлений – 95,2 % приходится на нарушения порядка прохождения службы (ст. 337, 338, 339, 352.1 УК РФ). При этом львиную долю – 92,7 % от всех воинских преступлений – составляет самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ). Доля дезертирства (ст. 338 УК РФ), по экспертным оценкам, не превышает 3–5 %, а остальные составы (неисполнение приказа, сопротивление начальнику и пр.) в совокупности дают менее 2 %.

Из этих цифр следует вывод, что главный криминологический вызов в особый период вовсе не злонамеренное и идеологически мотивированное уклонение от службы и тем более не насильственные преступления. Речь идет о самовольном оставлении части. А значит, корень проблемы лежит не столько в правовом нигилизме, сколько в дезадаптации к боевому стрессу. Человек, мобилизованный из гражданской среды без углубленной военно-психиатрической селекции и без превентивной психологической подготовки, в критической ситуации теряет волевой контроль. Именно этот дефицит, а не злой умысел превращается в главный фактор воинской преступности в особый период.

В отличие от статистики военного времени 1941–1945 гг., когда доля дезертирства (ст. 193.7 УК РСФСР 1926 г.) достигала 15–20 % от всех воинских преступлений, в современный период акцент сместился в сторону самовольного оставле-

[6] См.: *Шеншин В. М.* Указ. соч.

[7] См.: О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 28 декабря 2024 г. № 507-ФЗ.

ния части, что свидетельствует о специфике мотивации – преимущественно временном уклонении, а не окончательном разрыве со службой.

По обобщенной оценке Р. В. Закомолдина, рост воинской преступности детерминирован комплексом факторов: принудительный характер мобилизации («недобровольное» вовлечение в боевые действия); пополнение армии лицами с криминальным прошлым; воздействие враждебной пропаганды; а также пробелы в законодательстве, которое разрабатывается в условиях недостатка времени. К этому перечню следует добавить отсутствие системы психологического отбора и постмобилизационной адаптации[8].

Сравнительно-правовой анализ ответственности за самовольное оставление части в условиях вооруженного конфликта

В целях выявления возможных моделей уголовной политики целесообразно обратиться к законодательству государств, имеющих длительный опыт ведения боевых действий.

США. Единый кодекс военной юстиции дифференцирует ответственность в зависимости от длительности отсутствия и обстоятельств. В мирное время максимальное наказание – 6 месяцев лишения свободы, а в условиях вооруженного конфликта срок возрастает до 5 лет. При этом дезертирство (ст. 85) карается смертной казнью или пожизненным заключением только «во время войны». Показательно, что в США законодатель не вводит особых статусов для мобилизованных, все различия определяются единственным критерием – находится ли военнослужащий непосредственно в зоне боевых действий.

Израильский подход куда интереснее. Согласно ст. 94 Закона о военном праве 1955 г. самовольное оставление части в период «боевой активности» карается сроком до трех лет, тогда как в мирное время – не более года. Однако главная особенность израильской модели не в цифрах, а в процедуре: военные суды активно назначают экспертизу боевого стресса. Если подтвержден диагноз посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), то деяние могут переквалифицировать в дисциплинарный проступок. Именно здесь проходит водораздел с российской практикой, где ПТСР крайне редко признается обстоятельством, смягчающим ответственность.

Какой из этого следует вывод для отечественной уголовной политики? Зарубежные модели убедительно показывают: если дифференцировать ответственность в зависимости от того, вернулся ли военнослужащий в часть добровольно, и если рассматривать боевой стресс не как отговорку, а как верифицируемый психиатрический фактор, тогда можно существенно снизить репрессивную нагрузку, причем без малейшего ущерба для воинской дисциплины. На наш взгляд, целесообразно перенять израильский опыт обязательной психолого-психиатрической экспертизы при квалификации самовольного оставления части в особый период.

Проблемы реализации уголовной политики при противодействии преступлениям против военной службы

Первая проблема – неполнота дефиниции «особый период» в УК РФ. Как уже отмечалось, отсылочный характер норм заставляет правоприменителя обращаться к мобилизационному законодательству, которое, в свою очередь, не всегда согласовано с уголовным. Например, возникает вопрос – считается ли особым периодом время нахождения военнослужащего в командировке в зоне боевых действий, если мобилизация на него не распространялась? Судебная практика по данному вопросу противоречива.

Вторая проблема – отсутствие специальных норм, учитывающих специфику мобилизованных и добровольцев. Эти лица, в отличие от профессиональных контрактников, не имеют длительной военной подготовки, психологической устойчивости и часто мотивации. Однако УК РФ не дифференцирует ответственность в зависимости от статуса военнослужащего.

В. К. Дуюнов и Р. В. Закомолдин обоснованно указывают на вынужденно ускоренный характер законодательных изменений, что приводит к дефектам юридической техники и несогласованности норм[9]. Автор разделяет эту оценку и добавляет, что особенно остро данная проблема проявляется при разграничении

[8] См.: *Закомолдин Р. В.* Воинская преступность в период проведения специальной военной операции // Вестник военного права. 2025. № 3. С. 62.

[9] См.: *Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В.* Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности. М. : Издат. центр РИОР, 2020. С. 23.

дисциплинарных проступков и уголовно наказуемых деяний.

Третья проблема – противоречия между нормами УК РФ и Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил РФ. Одно и то же деяние (например, неявка в срок без уважительных причин) может квалифицироваться и как дисциплинарный проступок (ст. 28 ДУ), и как уголовное преступление (ст. 337 УК РФ). Как обоснованно предполагает А. Н. Сухаренко[10], существует устойчивый риск латентизации.

Отмечается низкая раскрываемость преступлений, совершенных в зоне боевых действий. По оценкам военных следователей, реальное количество самовольных оставлений части может в 1,5–2 раза превышать зарегистрированное, поскольку многие эпизоды просто не фиксируются из-за хаоса боевой обстановки: трудности сбора доказательств, отсутствие доступа к местам событий (линия боевого соприкосновения), невозможность проведения отдельных следственных действий (осмотр места происшествия, следственный эксперимент).

Следующая проблема – перегруженность военных следственных органов и судов. По данным, приведенным в монографии «Милитаризация и мобилизация Уголовного кодекса Российской Федерации (2022–2024 гг.)»[11], нагрузка на следователя военного следственного отдела возросла в 5–7 раз по сравнению с 2021 г. Это ведет к нарушению процессуальных сроков, упрощенному расследованию и, как следствие, судебным ошибкам.

Кроме того, наблюдается дисбаланс между строгостью санкций и реальной возможностью их исполнения. Например, ч. 5 ст. 337 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до 10 лет. Однако где отбывать наказание? В условиях боевых действий отправка осужденного в отдаленную колонию невозможна. Фактически многие приговоры по данной статье остаются неисполненными либо заменяются на условные, что подрывает авторитет уголовного закона. По сведениям ФСИН России, по состоянию на 1 января 2025 г. в учреждениях УИС отбывали наказание лишь 12,4 % осужденных по ч. 5 ст. 337 УК РФ, остальные получили условное осуждение или отсрочку исполнения приговора

И, наконец, следует отметить редкое использование альтернативных мер уголовного наказания, таких как ограничения по военной службе (ст. 51 УК РФ) и содержания в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ). К основным причинам автор относит отсутствие специальных дисциплинарных батальонов в зоне СВО, нежелание командиров брать на себя ответственность за «провинившихся», а также психологическую неготовность самих осужденных к продолжению службы.

Направления совершенствования уголовной политики в особый период

1. Введение в УК РФ законного определения «особый период». Предлагается дополнить ст. 331 УК РФ примечанием следующего содержания: «Для целей настоящей главы под особым периодом понимается период функционирования Вооруженных Сил Российской Федерации, когда введено военное положение, объявлена мобилизация или ведутся боевые действия в соответствии с законодательством Российской Федерации». Это устранит отсылочный характер норм и повысит определенность правового регулирования.

2. Создание специальных составов с дифференцированной ответственностью для мобилизованных и добровольцев. Например, ввести в ст. 337 УК РФ часть 6: «Деяние, предусмотренное частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенное лицом, призванным на военную службу по мобилизации или заключившим контракт в период мобилизации, при отсутствии признаков дезертирства, – наказывается…» – с более мягкими санкциями (например, ограничение по военной службе на срок до 2 лет). Поскольку мобилизованные и добровольцы не проходят полный курс боевой подготовки, их субъективная способность осознавать противоправность деяния может быть снижена, что требует дифференциации ответственности в рамках ст. 60 УК РФ.

3. Внедрение механизмов «уголовно-правовой реабилитации» для добровольно вернувшихся в часть лиц. По аналогии с примечанием к ст. 337 УК РФ (освобождение от ответственности при добровольном возвращении и отсут-

[10] *Сухаренко А. Н., Молчанова Т. В., Таранина Е. И.* Преступность в России в условиях специальной военной операции : криминологический анализ. М. : Проспект, 2024. С. 43.

[11] См.: Милитаризация и мобилизация Уголовного кодекса Российской Федерации : 2022–2024 гг. / Р. В. Закомолдин, П. В. Агапов, П. С. Данилов [и др.]. Самара : Самарама, 2024. С. 35.

ствии иных преступлений), но с особенностями особого периода: сокращение сроков для признания добровольности, упрощенный порядок прекращения уголовного дела. Целесообразно также ввести аналогичный механизм для ст. 338 УК РФ (дезертирство) – но только для лиц, впервые совершивших деяние и добровольно вернувшихся в часть до возбуждения уголовного дела.

4. Унификация судебной практики. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» – важный, но, на наш взгляд, недостаточный шаг. Необходимо дополнительное разъяснение по вопросам: а) разграничения самовольного оставления части и дезертирства при отсутствии четких критериев «цели уклонения»; б) оценки уважительности причин отсутствия (боевая психическая травма, посттравматическое стрессовое расстройство); в) порядка исчисления сроков в условиях боевых действий.

5. Внедрение института военных следователей на местах с особым статусом. Предлагается создать мобильные следственные группы, приданные тактическим уровням управления (бригада – полк), наделенные правом на проведение неотложных следственных действий без санкции суда в условиях боевых действий (по аналогии со ст. 157 УПК РФ, но с расширенными полномочиями).

6. Развитие внесудебных механизмов восстановления воинской дисциплины, возрождение института дисциплинарных батальонов (дисциплинарных воинских частей) в условиях СВО, но с современным содержанием: психологическая реабилитация, краткосрочная интенсивная переподготовка, а не просто изоляция.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Особый период представляет собой самостоятельный правовой режим, существенно трансформирующий цели, задачи и инструменты уголовной политики. Однако Уголовный кодекс РФ до сих пор не содержит легального определения этого понятия, что порождает правовую неопределенность.

Воинская преступность в 2021–2024 гг. выросла в геометрической прогрессии. Проведенный анализ показал, что совокупный рост воинской преступности составил почти 19 раз, а число выявленных лиц увеличилось более чем в 6 раз. Доминирующее положение (95,2 %) занимают преступления против порядка пребывания на военной службе, прежде всего самовольное оставление части (ст. 337 УК РФ). Детерминанты этого роста носят комплексный характер – от частичной мобилизации и пополнения армии криминальным контингентом до пробелов в законодательстве. Отмечаются дезадаптация к условиям боевого стресса и снижение волевого контроля у лиц, призванных из гражданской среды.

Проблемы реализации уголовной политики многообразны и включают в себя правовые, организационные и пенитенциарные вопросы. Итоговая оценка текущей уголовной политики характеризуется несомненной оперативностью реагирования, однако страдает фрагментарностью и недостаточной системностью. С одной стороны, законодатель оперативно отреагировал на новые вызовы. С другой стороны, эти меры носят фрагментарный и ситуативный характер, что выражается в отсутствии системной криминологической экспертизы законопроектов и несоблюдении принципа пропорциональности между степенью общественной опасности деяния и суровостью санкции.

Библиографический список

Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности. М. : Издат. центр РИОР, 2020. 244 с.

Ермолович Я. Н. Анализ статистических показателей судимости военнослужащих Российской Федерации за преступления против военной службы в 2021 г. // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 158–164.

Закомолдин Р. В. Воинская преступность в период проведения специальной военной операции // Вестник военного права. 2025. № 3. С. 60–64.

Милитаризация и мобилизация Уголовного кодекса Российской Федерации : 2022–2024 гг. / Р. В. Закомолдин, П. В. Агапов, П. С. Данилов [и др.]. Самара : Самарама, 2024. 260 с.

Милюков С. Ф. Военно-полевая уголовная политика : основные контуры // Вестник Владимир. юрид. ин-та. 2025. № 2 (75). С. 169–173.

Сухаренко А. Н., Молчанова Т. В., Таранина Е. И. Преступность в России в условиях специальной военной операции : криминологический анализ. М. : Проспект, 2024. 128 с.

Шеншин В. М. Об уголовно-правовой характеристике воинских преступлений // Рос. следователь. 2026. № 3. С. 61–66.

References

Duyunov V. K., Zakomoldin R.V. Criminal law impact in the mechanism of ensuring national security. Moscow : Publishing Center RIOR, 2020. 244 p.

Ermolovich Ya. N. Analysis of statistical indicators of convictions of military personnel of the Russian Federation for crimes against military service in 2021 // Military Law. 2023. No. 1 (77). P. 158–164.

Zakomoldin R. V. Military crime during the special military operation // Bulletin of Military Law. 2025. No. 3. P. 60–64.

Militarization and mobilization of the Criminal Code of the Russian Federation : 2022–2024 / R. V. Zakomoldin, P. V. Agapov, P. S. Danilov [et al.]. Samara : Samarama, 2024. 260 p.

Milyukov S. F. Military-Field criminal policy : main features // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2025. No. 2 (75). P. 169–173.

Sukharenko A. N., *Molchanova T. V., Taranina E. I.* Crime in Russia in the conditions of a special military operation : a criminological analysis. Moscow : Prospekt LLC, 2024. 128 p.

Shenshin V. M. On the criminal law characteristics of military crimes // Russian Investigator. 2026. No. 3. P. 61–66.

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Новокшонов Д. В., кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции, начальник кафедры отраслевых и юридических дисциплин факультета (командного)

E-mail: d_novoksh@mail.ru

Поступила в редакцию: 25.04.2026

Для цитирования:

Новокшонов Д. В. Уголовная политика в особый период: проблемы реализации и противодействия преступлениям против военной службы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 168–174. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/168-174

Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation (Saint Petersburg)

Novokshonov D. V., Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of Justice, Head of the Department of Industry and Legal Disciplines of the Faculty (Command)

E-mail: d_novoksh@mail.ru

Received: 25.04.2026

For citation:

Novokshonov D. V. Criminal policy in a special period: problems of implementation and counteraction to crimes against military service // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 168–174. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/168-174

УДК 343.3/.7
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/175-184

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ, ЛИЧНОЙ И СЕМЕЙНОЙ ТАЙНЫ КАК ПРЕДМЕТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 137 И 272.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И. В. Пантюхина, Л. Ю. Ларина
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

DIFFERENTIATION OF PERSONAL DATA AND PERSONAL OR FAMILY SECRETS AS SUBJECTS OF CRIMES UNDER ARTICLES 137 AND 272.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

I. V. Pantyukhina, L. Yu. Larina
Ryazan State University named after S. A. Esenin

Аннотация: анализируется правоприменительная практика по делам о незаконном обороте сведений, которые одновременно могут составлять частную жизнь и персональные данные, о смешении этих понятий в судебных решениях. На примерах конкретных дел демонстрируются проблемы квалификации и разграничения преступлений, предусмотренных ст. 137 и 272.1 УК РФ, противоречивость и ошибочность принимаемых по ним решений. Исследуются теоретические положения о толковании сведений о частной жизни, содержащих личную или семейную тайну и персональных данных как правовых категорий, а также их содержание и особенности как предметов преступлений, фигурирующих в конкретных уголовных делах. На этой основе в качестве критериев их разграничения обосновываются конкретность и формализованность, а также комбинированный (субъективно-объективный) подход к учету составляющих их сведений.
Ключевые слова: компьютерная информация, персональные данные, частная жизнь, личная тайна, незаконный оборот информации, конкуренция норм, квалификация преступления, судебная практика.

Abstract: this article analyzes the law enforcement practice in cases involving the illegal circulation of information that can simultaneously constitute private life and personal data, as well as the confusion of these concepts in court decisions. Using specific cases, the article demonstrates the challenges in qualifying and distinguishing between crimes under Articles 137 and 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the contradictions and errors in the decisions made in these cases. The article explores the theoretical aspects of interpreting information about private life, personal or family secrets, and personal data as legal categories, as well as their content and characteristics as the subject of specific criminal cases. Based on this, the article justifies the criteria of specificity and formalization, as well as a combined (subjective-objective) approach to accounting for the information that constitutes them.
Key words: computer information, personal data, privacy, personal secret, illegal circulation of information, competition of norms, qualification of a crime, judicial practice.

На протяжении длительного времени правоприменительная практика испытывала значительные затруднения в квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом сведений, составляющих персональные данные (далее – ПД). Эта проблематика находилась в фо-

© Пантюхина И. В., Ларина Л. Ю., 2026

кусе внимания ученых из-за противоречивости принимаемых процессуальных решений в схожих случаях противоправного поведения.

Включение в УК РФ Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ специального состава преступления, предусматривающего ответственность за ряд незаконных действий с компьютерной информацией, содержащей ПД (ст. 272.1), было направлено на устранение противоречий и упорядочение правоприменительной практики по соответствующей категории дел. В результате законодательного закрепления нового состава преступления ряд квалификационных проблем, ранее характерных для данной сферы, получил свое разрешение. Вместе с тем его включение в закон вызвало новые вопросы, требующие самостоятельного научного осмысления. По утверждению И. С. Алихаджиевой, мониторинг судебной практики (до включения в УК РФ ст. 272.1) показал, «что правоприменитель сталкивается с проблемой толкования закрытой информации о человеке как предмета преступления в качестве персональных данных или личной тайны»[1]. В настоящее время указанная проблема приобрела особую остроту, в связи с тем что в ситуациях, когда сведения о частной жизни лица существуют в форме компьютерной информации, составы преступлений, предусмотренные ст. 137 и 272.1 УК РФ, выступают конкурирующими. Возникновение конкуренции детерминировано возможностью совпадения по содержанию сведений, образующих предмет каждого из указанных составов преступлений.

ПД определены Федеральным законом «О персональных данных» как «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)»[2]. Перечень сведений, которые их составляют, законом не определен. Однако целью данного закона (ст. 2) является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его ПД, в том числе на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны. Такой формулировкой законодатель сам указывает на то, что сведения, составляющие частную жизнь, могут совпадать с ПД. Примерный перечень ПД приведен в Письме Минкомсвязи России от 28 августа 2020 г.[3].

Дефиниции частной жизни законодательно не установлено. Также нормативно не определены ни ее содержание, ни содержание сведений, составляющих личную или семейную тайну, которые являются предметом преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ. При этом Конституционный Суд РФ «неоднократно указывал, что в понятие "частная жизнь" включается та область жизнедеятельности, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер»[4]. Не представляя непосредственного полного перечня сведений, составляющих частную жизнь, Конституционный Суд РФ всё же в их число включает сведения: о происхождении гражданина, месте его пребывания или жительства, личной и семейной жизни, профессиональной и деловой деятельности. Также он подчеркивает, что ПД: имя и фамилия, уровень образования и квалификация, отзывы о его профессиональной деятельности, размещаемые на сайте пользователями, – в качестве исходного положения должны рассматриваться сведениями о частной жизни[5]. Таким образом, Конституционный Суд РФ фактически смешивает эти понятия, относя одни и те же сведения как к ПД, так и к частной жизни. Косвенно и сам законодатель признает это: «Одной из основополагающих проблем является невозможность четкого определения той информации, которая может быть отнесена к персональным данным»[6]. Такая констатация указы-

[1] См.: *Алихаджиева И. С.* Частная жизнь, личная тайна или персональные данные : как толковать правоприменителю информацию о личности? // Известия Юго-Зап. гос. ун-та. Сер.: История и право. 2024. № 14 (2). С. 93.

[2] О персональных данных : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См.: О методических рекомендациях (вместе с «Методическими рекомендациями для общеобразовательных организаций по вопросам обработки персональных данных») : письмо Минкомсвязи России от 28 августа 2020 г. № ЛБ-С-074-24059. URL: https://cher-sosh.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/IB/pismo-minkomsvyazi-rossii-ot-28_08_2020-n-lb-s-074-24059.pdf

[4] По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "МедРейтинг"» : постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] См.: Там же.

[6] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей пер-

вает на отсутствие конкретизации ПД и невозможность их отграничения от смежных понятий, таких как сведения о частной жизни, включающие личную или семейную тайну.

До включения в УК РФ ст. 272.1 проблема разграничения указанных понятий находила свое выражение в неоднозначности квалификации деяний, связанных с собиранием и распространением одних и тех же сведений. В фактически идентичных случаях незаконных действий с аналогичными по характеру данными правоприменителями вменялась совокупность преступлений, предусмотренных ст. 137, 183 и 272 УК РФ, в различном их сочетании.

В отсутствие специальной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за незаконный оборот ПД, их смешение со сведениями о частной жизни не порождало потребности в их четком разграничении. Более того, даже в тех случаях, когда в описании признаков предмета преступления одновременно фигурировали обе категории сведений, это не вызывало возражений при уголовно-правовой оценке содеянного.

Так, по одному из дел действия специалиста офиса продаж АО «РТК», в обязанности которого входила обработка ПД клиентов ПАО «МТС», собравшего ПД клиентов и передавшего их за плату другому лицу, были квалифицированы по ч. 2 ст. 183 и ч. 3 ст. 272 и УК РФ[7]. В аналогичном деле также специалист офиса продаж салона связи был осужден по ч. 3 ст. 183 и ч. 3 ст. 272 УК РФ[8]. В другом схожем случае, когда сотрудница офиса продаж АО «РТК» осуществила доступ через специализированную систему ПАО «МТС» – «ИС Единое окно» к базам данных АО «МТС», содержащих ПД абонентов, и их фотосъемку, после чего отправила фотографию другому лицу, она была осуждена по ст. 137 и 272 УК РФ. При этом суд указал, что ее действия нарушили «право потерпевшего … на неприкосновенность частной жизни, вопреки воле последнего», и что она получила сведения, содержащие «персональные данные абонента … осуществила просмотр и фотосъемку … личных данных (паспортные данные, сведения о месте регистрации, дата рождения, фамилия, имя и отчество), составляющих личную тайну потерпевшего»[9]. В приведенном описании обращает на себя внимание прямое указание суда на ПД, перечислив которые, он счел необходимым толковать их сведениями, составляющими личную тайну гражданина, тогда как, на наш взгляд, перечисленные сведения таковыми не являются (что будет аргументировано далее).

Несмотря на конкурирующий характер со ст. 137 УК РФ, включение в УК РФ ст. 272.1 было призвано разграничить и упорядочить правоприменительную практику по делам о ПД и нарушении неприкосновенности частной жизни. Однако этого не произошло. Анализ судебной практики демонстрирует, что одни и те же сведения судами признаются предметом разных преступлений и сегодня, а именно – предметами деяний, предусмотренных ст. 137 или ст. 272.1 УК РФ.

Так, К.М.А., являясь главным специалистом ГКУ АО «Управление социальной защиты населения в <адрес> (межрайонное)», используя компьютерную программу АС «Адресная социальная помощь», сфотографировала информационную карточку на имя К.С., в которой были указаны ПД: паспортные данные, адреса регистрации и проживания, номера СНИЛС и ИНН, и впоследствии передала фотографию иному лицу. Ее действия суд квалифицировал по п. «г» ч. 3 ст. 272.1 УК РФ[10]. В другом случае, когда оперативный дежурный дежурной части МО МВД России «Новодвинский», используя АРМ, без законных оснований для проверки, получил ПД потерпевшей в виде документа «Справка на лицо по учетам СООП»: паспортные и анкетные данные, сведения о регистрации и месте проживания, информацию о привлечении к административной ответственности – и передал своей знакомой, суд также вменил п. «г» ч. 3 ст. 272.1 УК РФ[11].

сональные данные) : пояснительная записка к законопроекту от 4 декабря 2023 г. № 502113-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8

[7] См.: Приговор Пугачевского районного суда Саратовской области от 10 июня 2024 г. № 1-107(1)/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] См.: Приговор Учалинского районного суда Республики Башкортостан от 22 ноября 2023 г. по делу № 1-285/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[9] Приговор Заводского районного суда города Саратова от 2 декабря 2025 г. по делу № 1-395/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[10] См.: Приговор Белогорского городского суда Амурской области от 12 ноября 2025 г. по делу № 1-411/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] См.: Приговор Новодвинского городского суда Архангельской области от 15 декабря 2025 г. по делу № 1-120/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Дела, схожие с приведенными, в части содержания сведений, составивших предмет преступления, но с иной квалификацией, наглядно можно продемонстрировать следующими примерами. Т.Е.М., по предварительной договоренности с сотрудником полиции за вознаграждение последнему, получала от него в форме электронных файлов «Досье_на_<ФИО>.docx», выгруженных им из ИПС, которые содержали данные паспортов граждан, фотоизображения, адреса регистрации, изображения заявлений по форме 1П. Суд вменил ей незаконное собирание сведений, составляющих личную тайну, и квалифицировал по ч. 1 ст. 137 УК РФ (13 эпизодов)[12]. В другом деле лицо также осуждено по ст. 137 УК РФ за сбор в отношении двух лиц сведений об их паспортных данных, номерах телефонов, регистрации и местах проживания, сфере их деятельности, образе жизни, перемещениях, круге общения, режиме их повседневной жизни, их родственниках и образе их жизни, о судимости, привлечении к уголовной ответственности, нахождении в розыске, имуществе, находящемся в собственности[13].

В первых трех примерах виновные собрали и передали только официальные данные (имеющие документальную фиксацию). В последнем – собранные сведения выходят за рамки официальных и включают те, что в наибольшей степени относятся к частной жизни человека. Они, как правило, не имеют документальной фиксации, регистрации, поэтому сам человек определяет их характер и относит их к своей личной жизни. В частности, речь идет о таких сведениях, как образ жизни, перемещения, круг общения, режим повседневной жизни, сведения о родственниках и образе их жизни и т. п. Именно такие данные Конституционный Суд РФ относит к личным[14].

Также по ст. 137 УК РФ получают оценку действия по передаче сведений о смерти гражданина. В частности, по ч. 3 ст. 290 и ч. 2 ст. 137 УК РФ был осужден заведующий отделением государственной больницы, который, имея доступ к медицинским документам пациентов, за вознаграждение передал ИП В. информацию о 28 умерших в его отделении и их родственниках, содержащихся в истории болезни умерших. В решении суд указал, что согласия на передачу сведений о смерти родственника, своих контактных и ПД, т. е. сведений о частной жизни, составляющих личную и семейную тайну иным лицам, граждане не давали[15]. За передачу аналогичных данных, по совокупности 10 деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 137 УК РФ, был осужден фельдшер скорой помощи[16]. Если правильность вменения ст. 137 УК РФ в первом примере не вызывает сомнений (ПД умершего и его родственников содержались в стационарных медицинских картах и передавалась иному лицу в устной форме по телефону), то во втором допущена явная квалификационная ошибка. Фельдшер получал информацию о ПД умерших, контактные и ПД их родственников из системы «Унифицированное программное решение диспетчеризации санитарного автотранспорта», обеспечивающей оперативный информационный обмен между фельдшерами по приему вызовов населением скорой медицинской помощи и выездными бригадами, и передавал ее посредством мессенджера «Ватсап» иному лицу[17]. Шесть эпизодов он совершил до включения в УК РФ ст. 272.1; четыре – уже при ее наличии, в связи с чем, согласно прямому указанию в ст. 137 УК РФ, ее вменение исключается, поскольку деяния полностью охватываются признаками преступления, предусмотренного ст. 272.1 УК РФ.

Наиболее наглядно рассматриваемая нами проблема может быть продемонстрирована примером, когда в рамках одного дела, но в отношении разных потерпевших одни и те же действия в отношении одинаковых сведений получили разную оценку. Так, В.Д. (субагент (посредник) агента ИП) в рамках исполнения агентского до-

[12] См.: Приговор мирового судьи судебного участка № 111 Люберецкого судебного района Московской области от 7 февраля 2025 г. по делу № 1-1/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] См.: Апелляционное определение Калининградского областного суда от 28 октября 2025 г. № 22-1491/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[15] Приговор Вязниковского городского суда Владимирской области от 19 сентября 2025 г. по делу № 1-92/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[16] Приговор Ковровского городского суда Владимирской области от 4 декабря 2025 г. по делу № 1-366/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] См.: Там же.

говора по оказанию услуг связи от имени «Т2 Мобайл» имел доступ к программному обеспечению «AppSeller». Получив от неустановленного лица в интернет-мессенджере фотоизображения паспорта гражданина РФ, оформил на него sim-карту, тем самым осуществив незаконное использование, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей ПД потерпевшего путем неправомерного подключения абонентов–физических лиц к услугам связи «Т2 Мобайл» и неправомерного вмешательства в нормальное функционирование программного обеспечения «AppSeller». Далее он передал эту sim-карту ее заказчику (неустановленному лицу) за вознаграждение. Его действия были квалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 272.1 УК РФ. За такие же действия в отношении другого лица, использовав присланные ему паспортные данные, он незаконно зарегистрировал на него 28 sim-карт с абонентскими номерами и передал их заказчику. Суд указал, что В.Д. «тем самым распространил сведения о частной жизни потерпевшего, представляющие его личную тайну, без его согласия, получив за это денежное вознаграждение»[18], и в отношении второго потерпевшего квалифицировал его действия по ч. 1 ст. 137, ч. 2 ст. 272 и п. «а» ч. 3 ст. 272.1 УК РФ. Разница в действиях В.Д., совершенных в отношении первого и второго потерпевшего, заключалась в том, что, используя паспорт первого, он оформил на его имя одну sim-карту, тогда как на паспорт второго – 28 sim-карт. Однако его действия в отношении этих потерпевших квалифицированы по-разному, причем предмет преступлений одинаков – паспортные данные гражданина. Также в этом деле суд дал разные оценки действиям В.Д. в отношении других потерпевших, которых было двенадцать.

Этот пример показывает, что пока не оправдались надежды Г. А. Есакова на то, что «с введением ст. 272.1 УК РФ те действия в отношении ПД, которые ранее “с натяжкой” квалифицировались по ст. 137 УК РФ (например, в отношении паспортных данных, иных данных о гражданах, содержащихся в базах правоохранительных органов), перейдут под “зонтик” новой статьи, оставив в сфере ст. 137 УК РФ подлинные тайны лица»[19].

Ключевая причина выявленных противоречий, как представляется, коренится в отсутствии четкого разграничения между ПД и сведениями о частной жизни лица, составляющими его личную или семейную тайну. Как было показано выше, ни на законодательном, ни на правоприменительном уровне указанные категории не получили последовательного и непротиворечивого разграничения; напротив, в ряде нормативных актов и судебных решений они фактически отождествляются. Между тем с включением в уголовный закон ст. 272.1 потребность в таком разграничении приобретает не только доктринальное, но и непосредственно практическое значение. Если ранее правоприменитель мог, не проводя четкой границы между ПД и сведениями о личной тайне, квалифицировать любое незаконное распространение подобной информации по ст. 137 УК РФ, то в условиях действующего правового регулирования подобный подход неизбежно порождает конкуренцию уголовно-правовых норм. Более того, разграничения преступлений, предусмотренных ст. 137 и 272.1 УК РФ, требует сам законодатель, дополнением ст. 137 УК РФ указанием на исключение случаев, предусмотренных ст. 272.1 УК РФ. Для корректного разрешения этой проблемы необходимо определить, какие именно сведения составляют предмет каждого из указанных деяний.

В рассмотренных примерах переданная информация включала как сведения, бесспорно относящиеся к частной жизни лица (о круге общения, передвижениях и т. п.), так и данные, которые по своей правовой природе являются ПД в узком смысле (фамилия, имя, отчество, адрес, номер телефона и др.). Квалификация всей совокупности переданных сведений исключительно по ст. 137 УК РФ фактически игнорирует эту неоднородность, что, в свою очередь, препятствует формированию единообразной практики.

Обращение к доктринальным источникам позволяет заключить, что подходы к толкованию и содержанию сведений, составляющих частную жизнь, отличаются многообразием и объемом, абстрактностью или, наоборот, стремлением включить в ее понятие все аспекты ее содержания. Например, ее определяют как внутреннюю информацию о человеке[20] или как жизне-

[18] Приговор Первомайского районного суда г. Ижевска от 2 сентября 2025 г. по делу № 1-379/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[19] *Есаков Г. А.* Незаконный оборот персональных данных (ст. 272.1 УК РФ) // Уголовное право. 2025. № 11. С. 17.

[20] См.: Комментарий в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практика ее применения / под общ. ред. В. А. Туманова, Л. М. Энтина. М. : Норма, 2002. С. 243.

деятельность человека в личной, семейной и интимной сферах, которые не контролируются государством, другими гражданами и организациями, тайны (дневников и личных переписок, жилища, телефонных переговоров и почтовых сообщений, усыновления) и свободы (размышлений и связей человека, воздержания от определенных контактов, поступков и высказываний)[21]. В ее содержание обычно включают различные сведения: о членах семьи, родственных и дружеских отношениях и связях, привязанности и симпатии, контактах со знакомыми, друзьями, образе жизни, увлечениях, способах проведения досуга, отношениях интимного характера, в том числе сексуальных связях, религиозных взглядах и убеждениях, вредных привычках, заболеваниях и др.[22]. Наиболее систематизировано ее содержание, на наш взгляд, представлено А. Ю. Бардовской, которая включила в нее следующие компоненты: внутреннюю духовную сферу, коммуникативную сферу, медико-физиологические данные человека, ПД, особенности поведения, имущественные характеристики, наполняя каждый из этих компонентов содержательной составляющей, перечислив, что к ним относится[23]. Таким образом, понятие «частная жизнь» является самым широким, всеохватывающим, объединяющим все проявления жизни человека как биологического и как социального объекта. Однако в научной литературе встречаются и иные подходы, в частности о том, что «информация о частной жизни ... относится к персональным данным»[24]. На наш взгляд, такое ошибочное соотношение правовых категорий «частная жизнь» и «персональные данные» вносит свой негативный вклад в их смешение, в том числе в формирование правоприменительной практики.

Изложенное позволяет заключить, что понятие «частная жизнь» многогранно и фактически охватывает информацию о различных сторонах жизни человека, по сути, всю информацию о нем. ПД конкретного человека являются лишь одним из составных компонентов такой информации, но имеют специфическую особенность – они формализованы (юридически удостоверены, закреплены в каком-либо документе).

Право на неприкосновенность частной жизни, а также отдельных составляющих ее компонентов гарантировано ст. 23 Конституции РФ. Механизмы их охраны закреплены в нормативных правовых актах, относящихся к различным отраслям права: гражданскому, семейному, трудовому, административному, уголовному. При этом уголовно-правовая охрана распространяется не на все элементы частной жизни, а лишь на те из них, которые законодатель признает наиболее значимыми и посягательство на которые способно причинить существенный ущерб личности, ее повседневной жизнедеятельности, социальному положению и иным интересам. К числу таких элементов отнесены сведения о лице, различающиеся как по своему содержанию, так и по форме фиксации и образующие его личную или семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также тайну усыновления (удочерения). Защита указанных сведений реализуется посредством установления уголовно-правового запрета на совершение в отношении них противоправных действий, что отражено в конкретных составах преступлений (ст. 137, 138, 155 УК РФ).

В качестве предмета преступного посягательства, ответственность за которое предусмотрена ст. 137 УК РФ, выступают не любые сведения, касающиеся частной жизни лица, а только те, которые составляют его личную или семейную тайну. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, определение того, какая именно информация, относящаяся к сфере частной жизни, подлежит сохранению в тайне, является прерогативой самого лица, которого они непосредственно касаются[25]. Следовательно, установление предмета рассматриваемого пре-

[21] См.: *Смолькова И. В.* Тайна : понятие, виды, правовая защита : юридический терминологический комментарий. М., 1998. С. 74.

[22] См., например: *Петрухин И. Л.* Личные тайны (Человек и власть). М. : Изд-во ИГиП РАН, 1998. С. 11 ; *Его же.* Личная жизнь : пределы вмешательства. М., 1989. С. 89 ; *Новиков В.* Понятие частной жизни и уголовно-правовая охрана ее неприкосновенности // Уголовное право. 2011. № 1. С. 44 ; и др.

[23] См.: *Бардовская А. Ю.* Доктринальный подход к определению термина «частная жизнь» в уголовном праве // Государственная служба и кадры. 2022. № 3. С. 137.

[24] *Федотов Н. Е.* Право на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации здравоохранения : некоторые законодательные пробелы в свете судебных решений // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 6. С. 26.

[25] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ступления фактически ставится в зависимость от субъективного усмотрения потерпевшего, что значительно затрудняет определение границ предмета деяния. Поэтому представляется обоснованной позиция И. И. Буновой, которая утверждает, что понимание частной жизни носит казуистично-субъективный характер. Также она заключает, что от отсутствия четкого и полного легального ее определения страдает как правоприменительная практика, так и непосредственно уголовно-правовое регулирование, поскольку такого рода неопределенность может привести к весьма негативным последствиям произвольного толкования предмета посягательства[26].

С учетом названных обстоятельств, а также того факта, что личная и семейная тайны представляют собой лишь составные части частной жизни, ряд авторов высказывается за исключение указания на них из диспозиции ст. 137 УК РФ как избыточных категорий[27] или, наоборот, ограничивающих защиту частой жизни[28]. Тем не менее воплощение этого предложения повлечет за собой чрезмерное расширение предмета преступления, поскольку под действие уголовно-правового запрета подпадут любые сведения о лице, которые оно по собственному усмотрению признает конфиденциальными. Это, в свою очередь, сопряжено с высоким риском злоупотреблений со стороны субъекта, располагающего соответствующей информацией. Более того, подобный подход не устраняет рассматриваемой проблемы по существу.

В ст. 272.1 УК РФ в качестве разновидности самостоятельного предмета уголовно-правовой защиты установлен такой компонент частной жизни, как сведения, составляющие ПД (по содержанию) и только в виде компьютерной информации (по форме). В связи с этим требуются параметры его отграничения от схожих с ним предметов других преступлений, тех, которые также являются компонентами частной жизни. Как показал анализ правоприменительной практики, наиболее актуален вопрос их отграничения от сведений, составляющих личную тайну. Ни в практике, ни в доктрине уголовного права критериев их разграничения не выработано.

Вместе с тем высказанные мнения ученых на этот счет позволили определить некоторые рациональные идеи, которые предопределяют попытку формирования критериев разграничения соответствующих правовых категорий.

В частности, по мнению В. Д. Рузановой, регулирование отношений, связанных с ПД, сочетает публично-правовые и частноправовые элементы, при этом уклон их защиты в законе о ПД сделан на частноправовой. Защита неприкосновенности частной жизни человека осуществляется только в связи с обработкой ПД с использованием средств автоматизации или систематизированных картотек таких данных, на основе чего автор заключает, что сведения, составляющие личную или семейную тайну, не связанные с такой обработкой, не подпадают под действие закона о ПД[29], оставаясь за рамками его действия. А если продолжить ее мысль, то они не относятся к правовой категории «персональные данные».

И. С. Алихаджиева, исследуя вопросы содержания тех же правовых категорий, обращает внимание на то, что правовой режим некоторых данных может изменяться. В частности, она акцентирует внимание на вопросах отнесения к сведениям, составляющим частную жизнь, судимостей, и констатирует, что у правоприменителя к этим сведениям «однозначный подход: они ее не составляют»[30]. По ее мнению, при погашении или снятии судимости сведения о ней переходят из разряда публично правовых отношений в частные, становясь личной жизнью (тайной)[31], и, значит, должны относиться к сведениям о частной жизни, составляющим личную или семейную тайну, особенность которых проявляется в самостоятельном определении лицом, должны они или нет оставаться в тайне. Аналогичный подход должен применяться к сведениям об ад-

[26] См.: *Бунова И. И.* О предмете нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2023. № 5. С. 41.

[27] См.: *Хохлова Е. В.* Частная жизнь, личная и семейная тайна в уголовном праве : проблемы соотношения понятий // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества : сб. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. Владивосток, 2023. С. 252, 254 ; *Бунова И. И.* Указ. соч. С. 39.

[28] См.: *Озерова А. С.* Информация о частной жизни лица : новый подход к пониманию предмета уголовно-правовой охраны // Уголовное право. 2025. № 11. С. 56.

[29] См.: *Рузанова В. Д.* Проблемы соотношения защиты права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных // Законы России : опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 19–20.

[30] *Алихаджиева И. С.* Указ. соч. С. 99.

[31] См.: Там же. С. 100.

министративном и дисциплинарном наказании, по истечении срока в течение которого лицо считается привлеченным к соответствующему виду ответственности.

Изложенное позволяет заключить, что поскольку и ПД, и сведения, составляющие личную или семейную тайну, являются компонентами частной жизни, то критерии их разграничения следует искать в содержании и особенностях этих компонентов.

Особенностями ПД являются конкретность и формальность (формализованность) сведений, их составляющих. Их конкретность проявляется в том, что они содержат установленные юридические факты (например, присвоенные при рождении ФИО, дату рождения и др.) или иные сведения, имеющие юридическое значение. Их формальность означает фиксацию соответствующих сведений в каком-либо документе. Исходя из этого к ПД следует относить только такие данные, которые носят либо официальный, либо индивидуально-правовой характер. Первую разновидность должны составлять только сведения, имеющие четкую фиксацию в документарной форме (сведения в паспорте (в том числе его номер и серию, ФИО гражданина, штампы о регистрации, браке), в свидетельстве о рождении, браке, дипломе об образовании, государственном реестре, СНИЛС, ИНН и др.); вторую (индивидуально-правовые данные) – сведения, содержащиеся в таких документах, как трудовой договор (должность, размер оклада, дополнительных выплат и др.), договор о предоставлении услуг связи (удостоверяющий номер абонента, клиента), кредитный договор, медицинская карта и т. д. Таким образом, сведения, содержащиеся и в тех и других документах, должны быть зафиксированными (зарегистрированными, удостоверенными) каким-либо органом власти, учреждением, организацией (в том числе коммерческой, общественной) или их уполномоченными представителями.

Сведения о частной жизни, составляющие личную или семейную тайну, указанной фиксации и документарной формы не имеют. Их особенность в том, что лицо само определяет их содержание: хобби, увлечения, круг общения, места отдыха, способы и маршруты своего перемещения, содержание интимной жизни и т. д. Это соответствует подходу Конституционного Суда РФ о том, что «в понятие “частная жизнь” включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства»[32]. Для отнесения тех или иных сведений к личной или семейной тайне, на наш взгляд, целесообразно учитывать не только мнение лица о том, относит ли оно указанные сведения к личной или семейной тайне, но и следующие обстоятельства: характер сведений (их связь с интимной, семейной, бытовой сферами жизни лица); волеизъявление субъекта (принятие им мер к сохранению их конфиденциальности); объективную способность сведений причинить вред (потенциальное негативное воздействие их разглашения на репутацию, здоровье, материальное положение, психологическое состояние лица).

Такой комбинированный – субъективно-объективный – подход позволил бы, с одной стороны, уважать автономию личности в определении границ собственной приватности, а с другой – исключить ситуации, при которых уголовно-правовой запрет распространяется на очевидно малозначительные сведения, не нуждающиеся в столь строгом уровне защиты.

Предложенные основания разграничения ПД и сведений, составляющих личную или семейную тайну, позволят более точно устанавливать объект уголовно-правовой охраны и правильно определять нормы УК РФ необходимые для вменения (ст. 137 или 272.1 УК РФ) и тем самым помогут упорядочить правоприменительную практику по соответствующим составам преступлений. При этом оговоримся, что в случае собирания хранения и других действий, составляющих одновременно сведения, содержащие и ПД, и личную или семейную тайну, что охватывается умыслом, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 137 и 272.1 УК РФ, что в большей степени будет отражать противоправное поведение виновного и, соответственно, его одновременное посягательство на два объекта уголовно-правовой охраны, что предполагает ч. 2 ст. 17 УК РФ. Однако, согласно утверждению А. С. Озеровой,

[32] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

оговорка в ст. 137 УК РФ на исключение случаев, предусмотренных ст. 272.1 УК РФ, прямо указывает, что эти преступления не могут образовывать совокупность, в результате чего во всех случаях оценки посягательств на ПД по ст. 272.1 УК РФ общественные отношения по охране информационного компонента частной жизни остаются незащищенными[33]. Такие утверждения подтверждают нашу убежденность в необходимости четкого разграничения ПД и сведений, составляющих личную или семейную тайну.

Для обеспечения единообразия правоприменительной практики представляются необходимыми обобщение судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 137 и 272.1 УК РФ, и разработка на его основе соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, содержащих рекомендации по разграничению данных составов преступлений, в том числе с указанием критериев отнесения конкретных сведений к ПД либо к сведениям о частной жизни, составляющим личную или семейную тайну. Это позволит сузить пределы субъективного усмотрения правоприменителя и минимизировать риск произвольного толкования рассматриваемых уголовно-правовых норм.

Библиографический список

Алихаджиева И. С. Частная жизнь, личная тайна или персональные данные : как толковать правоприменителю информацию о личности? // Известия Юго-Зап. гос. ун-та. Сер.: История и право. 2024. № 14 (2). С. 91–106.

Бардовская А. Ю. Доктринальный подход к определению термина «частная жизнь» в уголовном праве // Государственная служба и кадры. 2022. № 3. С. 135–138.

Бунова И. И. О предмете нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2023. № 5. С. 38–42.

Есаков Г. А. Незаконный оборот персональных данных (ст. 272.1 УК РФ) // Уголовное право. 2025. № 11. С. 10–17.

Комментарий в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практика ее применения / под общ. ред. В. А. Туманова, Л. М. Энтина. М. : Норма, 2002. 336 с.

Новиков В. Понятие частной жизни и уголовно-правовая охрана ее неприкосновенности // Уголовное право. 2011. № 1. С. 43–49.

Озерова А. С. Информация о частной жизни лица : новый подход к пониманию предмета уголовно-правовой охраны // Уголовное право. 2025. № 11. С. 48–56.

Петрухин И. Л. Личная жизнь : пределы вмешательства. М., 1989. 192 с.

Петрухин И. Л. Личные тайны (Человек и власть). М. : Изд-во ИГиП РАН, 1998. 232 с.

Рузанова В. Д. Проблемы соотношения защиты права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных // Законы России : опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 17–22.

Смолькова И. В. Тайна : понятие, виды, правовая защита : юридический терминологический комментарий. М., 1998. 80 с.

Федотов Н. Е. Право на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации здравоохранения : некоторые законодательные пробелы в свете судебных решений // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 6. С. 24–28.

Хохлова Е. В. Частная жизнь, личная и семейная тайна в уголовном праве : проблемы соотношения понятий // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества : сб. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. Владивосток, 2023. С. 250–254.

References

Alikhadzhieva I. S. Private life, personal secret or personal data : how to interpret information about the personality to the law enforcement officer? // Izvestiya of the South-Western State University. Series: History and Law. 2024. No. 14 (2). P. 91–106.

Bardovskaya A. Yu. The doctrinal approach to the definition of the term «private life» in criminal law // State Service and Personnel. 2022. No. 3. P. 135–138.

Bunova I. I. On the subject of violation of the inviolability of private life (Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 5. P. 38–42.

Esakov G. A. Illegal circulation of personal data (Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Criminal law. 2025. No. 11. P. 10–17.

Commentary on the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the Practice of Its Application / ed. by V. A. Tumanov and L. M. Entin. Moscow : Norma, 2002. 336 p.

Novikov V. The concept of private life and the criminal law protection of its inviolability // Criminal law. 2011. No. 1. P. 43–49.

Ozerova A. S. Information about a person's private life : a new approach to understanding the subject of criminal law protection // Criminal law. 2025. No. 11. P. 48–56.

Petrukhin I. L. Personal life : limits of intervention. Moscow, 1989. 192 p.

[33] См.: *Озерова А. С.* Указ. соч. С. 50–51.

Petrukhin I. L. Personal secrets (man and power). Moscow : Publishing House of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 1998. 232 p.

Ruzanova V. D. Problems of correlation between the protection of the right to privacy and the right to personal data protection // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2019. No. 9. P. 17–22.

Smolkova I. V. Mystery : concept, types, legal protection : Legal terminological commentary. Moscow, 1998. 80 p.

Fedotov N. E. The right to privacy in the context of healthcare digitalization : some legislative gaps in the light of court decisions // Constitutional and municipal law. 2025. No. 6. P. 24–28.

Khokhlova E. V. Private life, personal and family secrets in criminal law : problems of the relationship between concepts // The role of legal and social sciences in the development of modern society : collection of articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference. Vladivostok, 2023. P. 250–254.

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Пантюхина И. В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин

E-mail: i.pantyuhina@rsu-rzn.ru

Ларина Л. Ю., кандидат юридических наук, доцент, директор юридического института

E-mail: l.larina@rsu-rzn.ru

Поступила в редакцию: 02.06.2026

Для цитирования:

Пантюхина И. В., Ларина Л. Ю. Разграничение персональных данных, личной и семейной тайны как предметов преступлений, предусмотренных статьями 137 и 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 175–184. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/175-184

Ryazan State University named after S. A. Esenin

Pantyukhina I. V., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines

E-mail: i.pantyuhina@rsu-rzn.ru

Larina L. Yu., Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Law Institute

E-mail: l.larina@rsu-rzn.ru

Received: 02.06.2026

For citation:

Pantyukhina I. V., Larina L. Yu. Differentiation of personal data and personal or family secrets as subjects of crimes under Articles 137 and 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 175–184. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/175-184

УДК 343.137.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/185-191

СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Д. А. Печегин

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

CONCILIATION PROCEDURES IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

D. A. Pechegin

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Аннотация: в статье представлены результаты научного осмысления согласительных процедур в российском уголовном процессе с точки зрения их содержательной и формальной сторон. Сделан вывод о том, что потребность в гибком подходе к регулированию уголовно-процессуальных отношений диктует необходимость совершенствования согласительных процедур в направлении их соподчинения общим положениям об уголовном судопроизводстве и одновременном развитии альтернатив преданию суду.
Ключевые слова: согласительные процедуры в уголовном процессе, досудебное соглашение о сотрудничестве, согласие с предъявленным обвинением, прекращение производства по уголовному делу, частное начало уголовного судопроизводства.

Abstract: the article presents the results of a scientific understanding of conciliation procedures in the Russian criminal process in terms of their substantive and formal aspects. It is concluded that the need for a flexible approach to the regulation of criminal procedural relations dictates the need to improve conciliation procedures in the direction of their subordination to the general provisions on criminal proceedings.
Key words: conciliation procedures in criminal proceedings, pre-trial cooperation agreement, acceptance of charges, termination of criminal proceedings, private initiation of criminal proceedings.

Некоторая «увлеченность» идеей пронизанности уголовно-процессуальной деятельности публичным началом настолько укоренилась в современных доктрине[1] и правоприменении, что в определенных случаях фактически становится препятствием для модернизации имеющихся институтов и (или) внедрения в уголовное судопроизводство решений прогрессивного характера. Об этом, в частности, свидетельствует обращение к анализу согласительных процедур в российском уголовном процессе.

В подавляющем большинстве публикаций по данной тематике речь идет прежде всего о досудебном соглашении о сотрудничестве[2], ред-

[1] См., например: *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 11 ; *Белкин А. Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2023. С. 11 ; *Дорошков В. В.* Разумное сочетание публичного и частного в уголовном судопроизводстве // Журнал рос. права. 2023. № 1. С. 31–41 ; *Гришина Е. П.* Соотношение публичного, частного и состязательного начал в рамках исторической формы уголовного процесса России // Администратор суда. 2023. № 3. С. 43–47 ; *Шекшуева О. Н.* К вопросу о статусе субъектов собирания доказательств // Рос. следователь. 2025. № 11. С. 22–25 ; и др.

© Печегин Д. А., 2026

[2] См., например: *Овсянников И. В.* Досудебное соглашение о сотрудничестве – не договор о вменяемом деянии // Законность. 2025. № 6. С. 64–66 ; *Багаутдинов Ф. Н., Заика А. М.* Досудебное соглашение о сотрудничестве : нерешенные вопросы // Законность. 2022. № 11. С. 13–19 ; *Смирнов А. В.* Досудебное соглашение о сотрудничестве, право на очную ставку, привилегия против самообвине-

ко – также о согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением[3]. Однако можно ли ограничить отмеченную проблематику исключительно двумя озвученными институтами? Представляется, что нет. Контент-анализ УПК РФ демонстрирует, что в нормах об уголовном судопроизводстве согласительные элементы используются при регламентации особенностей дачи показаний лицами, наделенными свидетельским иммунитетом (ст. 11), осмотра жилища (ст. 12, 177), возбуждения уголовного дела (ст. 24, 147), привлечения в качестве обвиняемого специального субъекта (ст. 448) и др.

Более того, представляется приемлемым выдвинуть тезис о том, что конструкции отечественного уголовного судопроизводства изначально были присущи согласительные элементы. Их прообраз в целом можно даже обнаружить в Русской Правде, ст. 65 (в пространной редакции) которой раскрывает особенности платы штрафа за холопа, ударившего свободного человека, его господином. А именно указывалось, что в случае если господин не выдаст холопа, то он должен будет платить за него 12 гривен. То есть уже в данном акте усматриваются отдельные зачатки согласительных элементов уголовного процесса, поскольку господин здесь обладал дискрецией – мог согласиться и выдать своего холопа на суд, а мог отказаться это сделать, взяв на себя обязанность выплаты компенсации за его действия[4]. В последнем случае конфликт считался исчерпанным, хотя за оскорбленным все же и оставались некоторые права на отмщение при встрече с указанным холопом.

Если смотреть далее, то соответствующие механизмы последовательно находили свое отражение и в других отечественных документах разных исторических эпох, посвященных порядку производства по уголовным делам. «Так, Судебники 1497 г. (ст. 53), 1550 г. (ст. 9, 10) и 1589 г. (ст. 12, 13)[5] не препятствовали мирному разрешению спора»[6]. Не стал исключением и Устав уголовного судопроизводства 1864 г., в целом закрепивший за судом роль такого арбитра, в задачи которого, помимо прочего, также входил поиск примирительных средств разрешения уголовно-правового конфликта[7]. И если в советский период развития законодательства об уголовном судопроизводстве акценты и были смещены в сторону сокращения случаев применения согласительных процедур (по УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. при согласии подсудимого с обвинением судебное следствие можно было не проводить (ст. 286 и 282 соответственно), по УПК РСФСР 1960 г. сокращенное судебное следствие допускалось в суде присяжных и у мирового судьи (ст. 446 и 475 соответственно)), то положенная в основу УПК РФ Концепция судебной реформы 1991 г. вовсе предусматривала возможность введения в судебную систему института почетных мировых судей, которые могли бы разрешать по просьбе «мира» мелкие конфликты, склоняя стороны к соглашению, а для уголовного процесса – определение эффективных мер защиты лиц, сотрудничающих с правосудием, и возможность поощрять снижением наказания на определенное количество степеней чистосердечное деятельное раскаяние[8].

ния : коллизия норм и способы ее разрешения // Уголовное судопроизводство. 2022. № 1. С. 8–12 ; и др.

[3] См., например: *Зайцев О. А.* Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве // Журнал рос. права. 2019. № 1. С. 73–81 ; *Хромова Н. М.* Особый порядок судебного разбирательства как процессуальный договор // Рос. судья. 2019. № 5. С. 60–64 ; *Макарова О. В.* Согласительные (договорные) формы в уголовном праве и уголовном процессе : специфика и сфера действия // Договор как общеправовая ценность : монография. М. : Статут, 2018. С. 346–356 ; и др.

[4] См.: *Мирасов Р. Р.* Развитие форм вины в российском законодательстве // Рос. юрид. журнал. 2023. № 5. С. 99–110.

[5] См.: *Осипян Б. А.* Русский Судебник 1497 г. как право-идеологическая основа зарождения централизованного государства // История государства и права. 2011. № 4. С. 23–27 ; Судебники XV–XVI веков / под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. СПб., 2015. С. 27 ; Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.) : сб. науч. трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ : ИНФРА-М, 2021. 250 с.

[6] *Хромова Н. М.* Указ. соч. В частности, автор обращает внимание на следующее: «Например, в ст. 53 Судебника 1497 г. содержалось положение о мирном разрешении конфликта: “А кто кого поимает приставом в бою, или в лае… и на суд идти не восхотят, и они доложа судии, помирятся…”».

[7] См.: *Насонов А. А.* Согласие как необходимое условие прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Вестник Волгоград. академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 52.

[8] См.: Пункты 5 и 12 раздела IV Концепции судебной реформы в РСФСР (одобр. постановлением ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1).

В то же время согласительные процедуры в отечественном уголовном судопроизводстве в настоящее время нуждаются в модернизации. С одной стороны, обращение к данным судебной статистики демонстрирует устойчивость показателя дел, рассмотренных по правилам главы 40.1 УПК РФ, т. е. при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, который на протяжении последних нескольких лет остается в диапазоне значений 0,4–0,5 % от общего числа вынесенных судебных актов по существу обвинения. С другой стороны, в сравнении с теми же данными наблюдается практически на ¼ падение показателей применения особого порядка судебного разбирательства (по числу привлеченных лиц) при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением с 39,5 % до 32 % (рисунок). Отчасти указанные данные можно объяснить со ссылкой на то, что в законодательство об уголовном судопроизводстве были введены новые основания для прекращения уголовного преследования (как в случае с прохождением военной службы – 2024), изменились подходы к возбуждению уголовных дел о преступлениях отдельных категорий (в частности, налоговых – 2022). Однако, как представляется, приведенные показатели обусловлены не только законодательными новеллами. Обратим внимание лишь на некоторые аспекты.

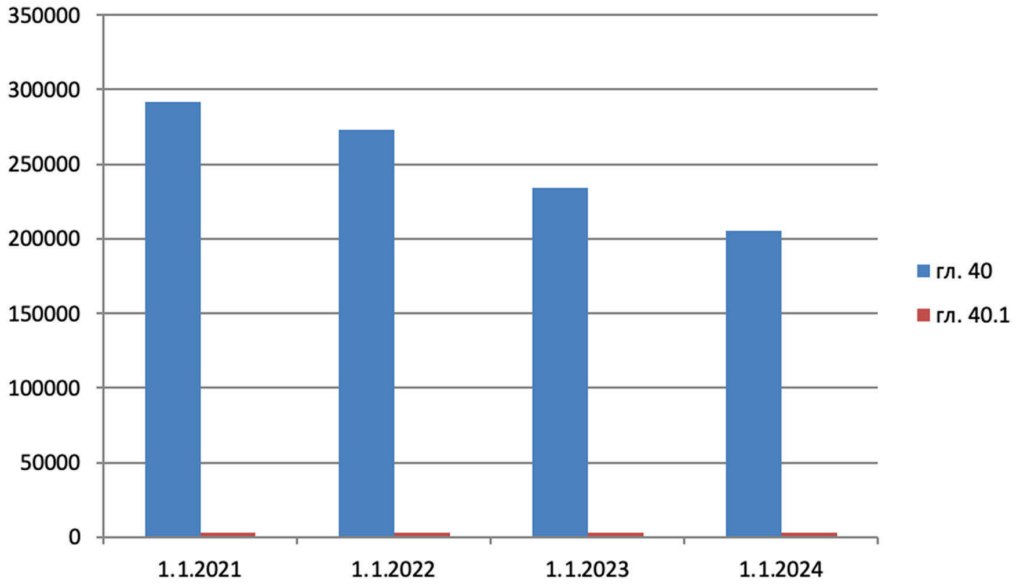

Рисунок. Показатели применения особого порядка судебного разбирательства по числу привлеченных лиц за 2021–2024 гг. (по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, форма 10.2)

1. При буквальном толковании норм раздела X УПК РФ исключается возможность ссылки обвиняемого на факт малозначительности деяния в случае, если он согласился с предъявленным ему обвинением. Данная проблема характерна лишь для некоторых составов преступлений, тем не менее, она демонстрирует дефектность связей между институтами уголовного судопроизводства. В частности, речь идет о случаях, когда ущерб от совершенного преступления (с учетом «бытового» способа его совершения) значителен не в такой степени, чтобы возникала необходимость проведения судебного разбирательства, даже в сокращенной форме[9].

По уголовному делу № 1-52/2021 Зеленоградским районным судом Калининградской области было установлено, что Н. повторно осуществил незаконную добычу янтаря в период

[9] См.: *Нудель С. Л., Печегин Д. А.* Проблемы доказывания в уголовно-правовом механизме противодействия незаконному обороту драгоценных и полудрагоценных камней, металлов, жемчуга // Рос. журнал правовых исследований. 2025. № 4. С. 63–70.

времени, когда он считался подвергнутым административному наказанию за совершение того же деяния. Вместе с тем ущерб по делу составил 483 рубля и 24 копейки. Примечателен и описанный в приговоре суда способ совершения деяния: «при помощи приготовленной заранее штыковой лопаты с деревянным черенком и своей мускульной силы сформировал шурф, после чего путем вскрытия почвенного слоя и валунного суглинки осуществил разработку янтаресодержащей породы, из которой вручную выбирал и складировал в полиэтиленовый пакет янтарь-сырец»[10].

В рассмотренном случае соблюден субъективный критерий малозначительности деяния согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ, между тем такие обстоятельства формально не могут быть отражены в приговоре, постановляемом по правилам главы 40 УПК РФ, поскольку малозначительность деяния влечет прекращение дела по реабилитирующим основаниям (ч. 9^1 ст. 316 УПК РФ). Фактически же обвиняемый, который идет навстречу следствию и соглашается с предъявленным обвинением, впоследствии в ходе судебного разбирательства лишен возможности апеллировать к малозначительности его действий. Сложно судить, насколько практика, складывающаяся в рамках действующих согласительных процедур, действительно соответствует назначению уголовного судопроизводства. Во всяком случае усматривается необходимость в том, чтобы пересмотреть регламентирующие такие процедуры специальные нормы на предмет их корреляции общим.

2. Следуя назначению уголовного судопроизводства, возможно отметить, что согласительные процедуры в российском уголовном процессе могут служить цели упрощения порядка производства по уголовным делам о так называемых очевидных преступлениях, причем независимо от категории совершенного деяния, правда с учетом некоторых нюансов.

Введение в УПК РФ соответствующих механизмов сегодня объективно наталкивается на необходимость учета позиций участников уголовного судопроизводства разных сторон. Это следует из того, что дискурс обладающих информацией о преступлении и получающих выгоду от ее познания лиц в уголовном процессе континентального типа, по сути, традиционно вытесняет пресловутую «борьбу за право»[11]. В то же время данная проблема нивелируется при переходе к классическому определению статуса следователя (дознавателя), при котором соответствующий участник не относится ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты, а целью его деятельности является установление обстоятельств того, что произошло в действительности[12]. Если такое лицо (выведенное за рамки сторон и их интересов) будет обладать относительной полнотой информации о произошедшем, то представляется вполне обоснованным отход от ординарного порядка производства по уголовному делу в пользу упрощенного при очевидности произошедшего.

Очевидность в данном случае может быть обусловлена как фактическими данными, получаемыми в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности, так и обстоятельствами произошедшего. В частности, сбыт поддельной платежной карты по ч. 1 ст. 187 может повлечь назначение наказания в виде лишения свободы на срок до 6 лет. Следовательно, такое деяние отнесено к категории тяжких и при этом не исключается возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на его пресечение и задержание виновного, скажем, в момент или сразу после совершения преступления. При таких условиях законность оперативно-розыскной деятельности, как представляется, не должна пониматься узко, и при наличии дополнительных механизмов в уголовном процессе ее результаты могут быть интегрированы в производство по уголовному делу в более упрощенном порядке, чем тот, который предусмотрен в процессуальном законодательстве сейчас[13].

В качестве другого примера представляется возможным рассмотреть убийство, совершенное в бытовых условиях, когда виновный не скрылся

[10] Приговор Зеленоградского районного суда Калининградской области по уголовному делу № 1-52/2021 от 7 июля 2021 г.

[11] См.: *Рённау Т.* Институт соглашения в немецком уголовном судопроизводстве // Рос. журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 4 (21). С. 9–15.

[12] См.: *Колоколов Н. А.* УПК РФ – плохо сбалансированная система в чужеродной среде // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 2–3.

[13] Примечательно, что за рубежом в целом это допустимо. Хорошим примером является Германия, где результаты оперативно-розыскной деятельности, т. е. деятельности изначально законной, не встречают так называемых процессуальных препятствий для их учета в доказывании по уголовным делам.

с места преступления, признает свою вину и (или) достаточно имеющихся на месте совершения преступления данных для вывода о его вине.

Конечно, и в описанных случаях могут возникать сложности с доказыванием. В этом отношении сам по себе фактор очевидности не может являться исчерпывающим при принятии решения об отказе от ординарного порядка производства по уголовному делу. Важным является критерий согласия участников уголовного судопроизводства по вопросу о возможности производства по делу в усеченном формате. Для целей учета психофизиологического состояния личности и исключения ситуаций злоупотреблений усматривается необходимость в связи с этим поэтапного подтверждения выраженного участниками согласия (например, перед следователем (дознавателем), перед прокурором, перед судьей).

В дополнение к указанным механизмам могут быть развиты альтернативы предания суду.

3. Вследствие осуществленной после распада СССР судебной реформы в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве не был до конца сформирован подход по вопросу оптимальной конструкции предания суду, ввиду чего рассматриваемый институт остается одним из не разработанных в современной отечественной доктрине. Подавляющее большинство работ, посвященных данной тематике, сосредоточено на анализе отношений, возникающих при подготовке к судебному заседанию[14]. Вместе с тем рассредоточенность структурных элементов института предания суду по УПК РФ возможно рассматривать в качестве положительного момента, если, с учетом сравнительно-правового подхода, принять меры к его совершенствованию[15] на основе согласительных процедур.

По УПК Франции допускаются проведение медиации, заключение соглашения (с признанием вины, одобряется судом) или сделки (с согласия прокурора, утверждается судом), принятие обязательств[16]. В Германии имеется ряд условий, при которых прокурор вправе отказаться от передачи уголовного дела в суд, например, при согласии лица, совершившего преступление небольшой тяжести, на выполнение общественно-полезных работ, выплату денежной суммы в пользу общественных организаций или государственную казну[17]. В Бельгии и Нидерландах широко распространены трансакционные процедуры, при которых за совершение деяния лицо уплачивает определенную сумму штрафа в зависимости от категории и освобождается от уголовного преследования, но только после возмещения ущерба потерпевшему[18].

Не вторгаясь в более детальный анализ отмеченных процедур, воспринятых в зарубежном уголовно-процессуальном законодательстве, которые в принципе должны составлять предмет самостоятельного исследования, представляется возможным обратить внимание, что их характерные черты или даже элементы есть и в УПК РФ. Можно выделить изменение категории деяния, судебный штраф, возмещение ущерба, иные основания прекращения уголовного преследования по главе 4 УПК РФ. Отличие заключается в том, что в нашей правовой среде соответствующие процедуры не выделены в некие самодостаточные институты. От этого участники отечественного уголовного процесса не могут реализовать свои права в полном объеме.

С учетом изложенного укрепление институциональных связей норм части первой и раздела X УПК РФ, упрощение порядка производства по уголовным делам о так называемых очевидных преступлениях и введение в уголовный процесс дополнительных механизмов в развитие положений о прекращении уголовного

[14] См., например: *Крипиневич С. С.* Институт подготовки к судебному заседанию и формы его реализации в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 207 с.

[15] См.: *Печегин Д. А., Бесхлебный С. Н.* Институт предания суду в уголовном судопроизводстве : теоретические аспекты // Рос. журнал правовых исследований. 2022. Т. 9, № 4. С. 95–102. В частности, отмечается, что суд не лишен права проверки фактической обоснованности передачи на рассмотрение уголовного дела в предварительном слушании (ст. 229 УПК РФ). Однако на практике суды не так часто пользуются своим правом и соответствующие ходатайства заявляются в основном сторонами. В то же время именно от решения суда зависит формальное предание обвиняемого суду. Наряду с этим процедура предварительного слушания в настоящее время имеет неопределенную правовую природу.

[16] См.: *Белозерова И. И., Астахова Д. О.* Альтернативы уголовному преследованию в уголовном процессе Франции // Государство и право. 2019. № 10. С. 132–133.

[17] См.: § 407, 417 УПК Германии.

[18] См.: *Александрова А. В.* Альтернативы уголовному преследованию в зарубежном законодательстве // Юридическая наука и практика на рубеже эпох : уроки прошлого, взгляд в будущее (к 135-летию со дня рождения профессора Юрия Петровича Новицкого) : сб. трудов XIV Всерос. декабрьских юридических чтений в Костроме : Всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 2018. С. 472–473.

преследования и предании суду – следующие шаги на пути преодоления барьеров в эволюции национальной модели уголовного судопроизводства, основанной на гибком подходе к регулированию уголовно-процессуальных отношений.

Библиографический список

Александрова А. В. Альтернативы уголовному преследованию в зарубежном законодательстве // Юридическая наука и практика на рубеже эпох : уроки прошлого, взгляд в будущее (к 135-летию со дня рождения профессора Юрия Петровича Новицкого) : сб. трудов XIV Всерос. декабрьских юридических чтений в Костроме : Всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 2018. С. 472–473.

Багаутдинов Ф. Н., Заика А. М. Досудебное соглашение о сотрудничестве : нерешенные вопросы // Законность. 2022. № 11. С. 13–19.

Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2023. 184 с.

Белозерова И. И., Астахова Д. О. Альтернативы уголовному преследованию в уголовном процессе Франции // Государство и право. 2019. № 10. С. 132–133.

Гришина Е. П. Соотношение публичного, частного и состязательного начал в рамках исторической формы уголовного процесса России // Администратор суда. 2023. № 3. С. 43–47.

Дорошков В. В. Разумное сочетание публичного и частного в уголовном судопроизводстве // Журнал рос. права. 2023. № 1. С. 31–41.

Зайцев О. А. Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве // Журнал рос. права. 2019. № 1. С. 73–81.

Колоколов Н. А. УПК РФ – плохо сбалансированная система в чужеродной среде // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 2–3.

Крипиневич С. С. Институт подготовки к судебному заседанию и формы его реализации в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 207 с.

Макарова О. В. Согласительные (договорные) формы в уголовном праве и уголовном процессе : специфика и сфера действия // Договор как общеправовая ценность : монография. М. : Статут, 2018. С. 346–356.

Мирасов Р. Р. Развитие форм вины в российском законодательстве // Рос. юрид. журнал. 2023. № 5. С. 99–110.

Насонов А. А. Согласие как необходимое условие прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Вестник Волгоград. академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 51–56.

Нудель С. Л., Печегин Д. А. Проблемы доказывания в уголовно-правовом механизме противодействия незаконному обороту драгоценных и полудрагоценных камней, металлов, жемчуга // Рос. журнал правовых исследований. 2025. № 4. С. 63–70.

Овсянников И. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве – не договор о вменяемом деянии // Законность. 2025. № 6. С. 64–66.

Осипян Б. А. Русский Судебник 1497 г. как право-идеологическая основа зарождения централизованного государства // История государства и права. 2011. № 4. С. 23–27.

Печегин Д. А., Бесхлебный С. Н. Институт предания суду в уголовном судопроизводстве : теоретические аспекты // Рос. журнал правовых исследований. 2022. Т. 9, № 4. С. 95–102.

Рённау Т. Институт соглашения в немецком уголовном судопроизводстве // Рос. журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 4 (21). С. 9–15.

Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.) : сб. науч. трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ : ИНФРА-М, 2021. 250 с.

Смирнов А. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве, право на очную ставку, привилегия против самообвинения : коллизия норм и способы ее разрешения // Уголовное судопроизводство. 2022. № 1. С. 8–12.

Судебники XV–XVI веков / под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. СПб., 2015. 630 с.

Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 1. 552 с.

Хромова Н. М. Особый порядок судебного разбирательства как процессуальный договор // Рос. судья. 2019. № 5. С. 60–64.

Шекшуева О. Н. К вопросу о статусе субъектов собирания доказательств // Рос. следователь. 2025. № 11. С. 22–25.

References

Alexandrova A. V. Alternatives to criminal prosecution in foreign legislation // Legal science and practice at the turn of an epoch : lessons from the past, a look into the future (on the 135th anniversary of the birth of Professor Yuri Petrovich Novitsky) : Proceedings of the XIV All-Russian December Legal readings in Kostroma : All-Russian Scientific and Practical Conference. Kostroma, 2018. P. 472–473.

Bagautdinov F. N., Zaika A. M. Pre-trial cooperation agreement : unresolved issues // Legality. 2022. No. 11. P. 13–19.

Belkin A. R. Theory of evidence in criminal proceedings. Moscow, 2023. 184 p.

Belozerova I. I., Astakhova D. O. Alternatives to criminal prosecution in the French criminal process // State and Law. 2019. No. 10. P. 132–133.

Grishina E. P. The correlation of public, private and adversarial principles in the framework of the historical form of the criminal process in Russia // Court Administrator. 2023. No. 3. P. 43–47.

Doroshkov V. V. A reasonable combination of public and private in criminal proceedings // Journal of Russian Law. 2023. No. 1. P. 31–41.

Zaitsev O. A. Trends in the development of contractual relations in Russian criminal procedure law // Journal of Russian Law. 2019. No. 1. P. 73–81.

Kolokolov N. A. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation is an ill-balanced system in an alien environment // Criminal proceedings. 2007. No. 1. P. 2–3.

Kripinevich S. S. The Institute of preparation for the court session and the forms of its implementation in the pre-trial stages of criminal proceedings in the Russian Federation : cand. of legal sci. dis. Moscow, 2019. 207 p.

Makarova O. V. Conciliation (contractual) forms in criminal law and criminal procedure : specifics and scope of action // The contract as a general legal value : a monograph. Moscow : Statute, 2018. P. 346–356.

Mirasov R. R. The development of forms of guilt in Russian legislation // Russian law journal. 2023. No. 5. P. 99–110.

Nasonov A. A. Consent as a necessary condition for termination of a criminal case on non-rehabilitating grounds // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (64). P. 51–56.

Nudel S. L., Pechegin D. A. Problems of evidence in the criminal law mechanism for countering illicit trafficking in precious and semiprecious stones, metals, and pearls // Russian journal of legal research. 2025. No. 4. P. 63–70.

Ovsyannikov I. V. A pre-trial cooperation agreement is not an agreement on a sane act. Legality. 2025. No. 6. P. 64–66.

Osipyan B. A. The Russian Judicial Code of 1497 as the legal and ideological basis for the emergence of a centralized state // History of the State and law. 2011. No. 4. P. 23–27.

Pechegin D. A., Beskhlebny S. N. Institute of trial in criminal proceedings : theoretical aspects // Russian journal of legal research. 2022. Vol. 9. No. 4. P. 95–102.

Roennau T. Institute of Agreement in German criminal proceedings // Russian journal of legal research. 2019. Vol. 6. No. 4 (21). P. 9–15.

Systematization of legislation in the focus of historical and legal science (on the 470th anniversary of the adoption of the Judicial Code of 1550) : collection of scientific papers / under the general editorship of D. A. Pashentsev. Moscow : Institute of legislation and comparative jurisprudence under the government of the Russian Federation : INFRA-M, 2021. 250 p.

Smirnov A. V. Pre-trial cooperation agreement, the right to face-to-face, privilege against self-incrimination : a conflict of norms and ways to resolve it // Criminal proceedings. 2022. No. 1. P. 8–12.

Judicial books of the XV–XVI centuries / under the general editorship. Academician B. D. Grekov. St. Petersburg, 2015. 630 p.

Foynitsky I. Ya. Course of criminal proceedings : in 2 vol. St. Petersburg, 1996. Vol. 1. 552 p.

Khromova N. M. A special procedure for judicial proceedings as a procedural agreement // Russian judge. 2019. No. 5. P. 60–64.

Shekshueva O. N. On the issue of the status of subjects of evidence collection // Russian investigator. 2025. No. 11. P. 22–25.

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Печегин Д. А., кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства, профессор Академии военных наук

E-mail: 89654296391@bk.ru

Поступила в редакцию: 11.03.2026

Для цитирования:

Печегин Д. А. Согласительные процедуры в российском уголовном процессе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 185–191. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/185-191

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Pechegin D. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation, Professor of the Academy of Military Sciences

E-mail: 89654296391@bk.ru

Received: 11.03.2026

For citation:

Pechegin D. A. Conciliation procedures in Russian criminal proceedings // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 185–191. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/185-191

УДК 343
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/192-200

ОСНОВАНИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Г. В. Никоноров
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

THE GROUNDS FOR THE ALLOCATION OF CRIMINAL CASES IN THE MODERN RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

G. V. Nikonorov
Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Аннотация: исходя из значения института выделения уголовного дела как средства изменения пределов производства по делу подчеркивается значимость оснований для его реализации. В связи с этим приводится перечень оснований выделения уголовных дел, известных современному уголовно-процессуальному закону. Обоснование выведения некоторых оснований выделения уголовных дел, не имеющих прямого и недвусмысленного закрепления в тексте УПК РФ, строится на обращении к отечественной доктрине либо к аналогии уголовно-процессуального закона. В заключении обобщены критерии, лежащие в основе каждого из приведенных оснований для выделения уголовных дел.
Ключевые слова: выделение уголовных дел, связь уголовных дел, приостановление производства по уголовному делу, соучастники, совокупность преступлений.

Abstract: proceeding from the significance of the institution of severance of a criminal case as a means of altering the scope of proceedings, the importance of the grounds for its application is emphasized. In this connection, the author sets out a list of grounds for the severance of criminal cases recognized by contemporary criminal procedure legislation. The justification for identifying certain grounds for severance that are not directly and unambiguously enshrined in the text of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is based on recourse to domestic doctrine or to analogy of criminal procedure law. In conclusion, the author summarizes the criteria underlying each of the grounds for the severance of criminal cases presented above.
Key words: severance of criminal cases, connection of criminal cases, suspension of criminal proceedings, complicity, plurality of offenses.

Для уголовного процесса представляется важным своевременное разъединение единого производства на несколько автономных уголовных дел в случаях, в частности, единичных преступлений, обвиняемыми по которым выступают разные лица, соединения в одном деле абсолютно обособленных производств, формирования чрезмерно громоздких «осложненных» уголовных дел. Задачу такого разъединения традиционно выполняет комплекс норм о выделении уголовных дел[1]. Взгляд на выделение дел как на «процессуальное средство формирования пределов и изменения объема производства по уголовному делу посредством его сужения» можно обнаружить и в решениях Конституционного Суда Российской Федерации[2].

[1] Далее слова «выделение», «разъединение» и «разделение» применительно к исследуемому механизму будут употребляться нами как синонимы.

© Никоноров Г. В., 2026

[2] См., например, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2020 г. № 6-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефимова А. Е. на нарушение его конституционных прав статьей 109 УПК РФ» и от 21 июля 2022 г. № 2075-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дрыманова А. А. на нарушение его конституционных прав частями 3, 4 ст. 7, п. 1 ч. 1 ст. 39, ч. 3 ст. 153, частями 2, 3 ст. 154 и ч. 2 ст. 163 УПК РФ». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Полноценная работа механизма выделения уголовных дел невозможна без четкого определения его оснований. Основания выделения уголовных дел по большей части сгруппированы в ст. 154 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ, Кодекс), посвященной соответствующему полномочию следователя и дознавателя, однако в Кодексе можно найти и другие основания. Собственно, целесообразно перейти к их поочередному обзору.

I. «Сгруппированные» основания для выделения уголовного дела (ст. 154 УПК РФ)

Перечислим и прокомментируем закрепленные ст. 154 УПК РФ основания для разъединения уголовных производств:

(1) Наличие оснований для приостановления предварительного следствия. Основания приостановления производства по уголовному делу в стадии предварительного следствия закреплены ч. 1 ст. 208 УПК РФ: лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено (п. 1); обвиняемый (подозреваемый) скрылся от следствия либо его местонахождение не установлено по иным причинам (п. 2); местонахождение обвиняемого (подозреваемого) известно, но реальная возможность его участия в деле отсутствует (п. 3); призыв обвиняемого (подозреваемого) на военную службу, заключение им контракта о прохождении военной службы либо прохождение военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время (п. 3[1]); временное тяжелое заболевание обвиняемого (подозреваемого) препятствует его участию в производстве расследования (п. 4).

Изложенное основание выделения уголовных дел «соответствует процессуальной логике движения уголовного дела, позволяя исключать случаи неоправданной задержки в осуществлении правосудия в ситуациях, связанных с появлением определенных объективных причин, препятствующих расследованию и разрешению уголовного дела одновременно в отношении всех соучастников»[3].

(2) Недостижение возраста совершеннолетия одним из предполагаемых соучастников. Полномочие по выделению дела в отношении несовершеннолетнего обвиняемого в настоящее время закреплено не только в п. 2 ч. 1 ст. 154, но и в ст. 422 УПК РФ.

Признание необходимости разделения производств в отношении обвиняемого-несовершеннолетнего и его предполагаемых совершеннолетних соучастников связано с идеей защиты первого в ходе расследования и судебного разбирательства от отрицательного влияния на него вторых[4]. Однако в литературе можно встретить и критику подобного подхода, которая выстраивается вокруг возможных рисков нарушения баланса в установлении обстоятельств дела объективно, полно и всесторонне, что в конечном счете, напротив, навредит интересам несовершеннолетнего обвиняемого[5].

(3) Отсутствие связи между деяниями и (или) лицами. В доктрине справедливо, на наш взгляд, отмечается, что следователь и дознаватель, сталкиваясь с отсутствием связи между деяниями и (или) лицами, должны обращаться именно к этому основанию для выделения дела[6]. Стоит также обратить внимание на исследование данного основания через призму правоприменительной практики, произведенное А. Ю. Чекотковым, который пришел к выводу, что данное основание «применяется, когда в рамках расследования выясняется, что преступление не является групповым, отпадают признаки соучастия»[7].

Теоретически нельзя исключать и ситуацию, когда в ходе расследования по фактам совершения совокупности преступлений устанавливает-

[3] Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. 4-е изд., испр. и доп. М., 2025. С. 531.

[4] См.: *Быховский И. Е.* Соединение и выделение уголовных дел в советском уголовном процессе / отв. ред. В. И. Теребилов. М., 1961. С. 59 ; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев ; рук. авт. кол. В. А. Давыдов. М., 2014. С. 939 ; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 33–56 : постатейный науч.-практ. коммент. / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М., 2015. С. 630.

[5] См.: *Набоков В. Д.* Вопросы, возникающие при применении закона 2 июня 1897 г., и разъяснения, преподанные Прав. Сенатом // Право : еженед. юрид. газета. 1899. № 35. С. 1624–1625 ; *Багаутдинов Ф. Н.* Ювенальная юстиция начинается с предварительного следствия // Рос. юстиция. 2002. № 9.

[6] См., например: *Черкасов Д. А.* Соединение и выделение уголовных дел и материалов в российском уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 90, 140 ; Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. С. 532.

[7] Подробнее см.: *Чекотков А. Ю.* Выделить уголовное дело или материал проверки? // Адвокатская газета. 2022. № 20 (373). С. 14–15.

ся непричастность обвиняемого (подозреваемого) к ряду преступлений и итоговое обвинение содержит указание лишь на совершение одного преступления. Для установления же виновников иных преступлений дело должно подлежать, на наш взгляд, выделению.

(4) Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, (5) вынесение постановления об удовлетворении ходатайства о проведении дознания в сокращенной форме и о производстве такового. Последние два основания заслуживают объединенного освещения. Их появление было связано с дополнениями УПК РФ новыми особыми (упрощенными) порядками судопроизводства соответственно в 2009[8] и 2013 гг.[9]

Мы можем предполагать, что законодатель, закрепляя гарантии «льгот» при назначении наказания в приговоре, постановленном в одном из указанных порядков, также стремился к тому, чтобы, во-первых, гарантировать обвиняемым (подозреваемым), изъявившим желание «упростить» производство в своем отношении, расследование и разбирательство по делу в возможно короткие сроки, а также, во-вторых, обеспечить «привлекательность» и «жизнеспособность» положений о данных особых порядках судопроизводства.

Косвенное подтверждение этому можно обнаружить и при рассмотрении толкования п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, данного Пленумом Верховного Суда. Так, в целях применения особого порядка судебного разбирательства в порядке главы 40[1] УПК РФ «уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежит выделению в отдельное производство»; в случае, *если дело не было выделено* в рамках предварительного следствия, *суд должен рассмотреть вопрос о возвращении уголовного дела прокурору* в порядке ст. 237 УПК РФ[10].

(6) Большой объем уголовного дела или множественность эпизодов. Для постановки проблемы обратимся к тексту ч. 2 ст. 154 УПК РФ:

«Выделение уголовного дела в отдельное производство для завершения предварительного расследования допускается, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела, в случаях, когда это вызвано большим объемом уголовного дела или множественностью его эпизодов».

Вопрос о том, закреплено ли в этом тексте отдельное основание для разъединения производств либо общее условие для реализации возможности по выделению дел по описанным выше основаниям, носит дискуссионный характер.

По мнению Е. И. Жидковой, в ч. 2 ст. 154 УПК РФ сформулировано общее требование, не применимое разве что к ситуации отсутствия связи уголовных дел (т. е. к п. 3 ч. 1 ст. 154), а указание на большой объем уголовного дела или множественность эпизодов не более чем законодательный пример того, когда теоретически разделение дел не скажется на всесторонности и объективности производства[11].

Другого мнения придерживается Д. А. Черкасов, который отмечает, что в данном случае речь идет о допустимости (т. е. об особом основании) выделения уголовного дела, когда это вызвано большим объемом уголовного дела или множественностью его эпизодов[12]. Такого же толкования придерживается и Пленум Верховного Суда, о чем свидетельствует отмеченное выше указание Пленума: суд, исходя из формулировки приводившегося п. 5 постановления, не должен учитывать мотивацию следователя продолжить единое производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение, и его предполагаемых соучастников – даже если следователь таким образом избегал обоснованного риска снижения всесторонности и объективности следствия. Следовательно, можно предполо-

[8] См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 26. Ст. 3139.

[9] См.: О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013 № 9. Ст. 875.

[10] См.: Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Бюллетень ВС РФ. 2012. № 9.

[11] См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. С. 533–534. Автор параграфа – Е. И. Жидкова. См. также: *Денисов С. А.* Законность и обоснованность соединения и выделения уголовных дел : дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 100.

[12] См.: *Черкасов Д. А.* Указ. соч. С. 123, 153–155.

жить, что Пленум не толкует ч. 2 ст. 154 УПК РФ как обязательное условие реализации каждого из оснований выделения дела, установленных ч. 1 той же статьи.

Результаты обращения к советской доктрине свидетельствуют в пользу второго из обозначенных подходов. Исходя из проведенного автором настоящей статьи изучения доктринальных источников, впервые возможность выделения дел «в связи со сложностью и трудоемкостью расследования» была предложена И. Е. Быховским[13]. Он выделил отдельное основание для разъединения производств, отмечая, что «выделение допустимо и в тех случаях, когда между обвинением лиц, привлеченных к уголовной ответственности в различных производствах, останется *определенная связь* (курсив мой. – *Г. Н.*)»[14]. Фактически речь шла о разъединении объединенных в одном производстве *субъективно-объективных связей*[15].

Для понимания обратимся к одному из примеров: гражданин П. обвинялся в совершении (1) ряда единоличных хищений во время работы на промкомбинате, а также (2) в участии в хищении из учебно-производственного предприятия совместно с тремя другими обвиняемыми. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, отменяя решение по объединенному делу и возвращая его на дополнительное расследование, предложила выделить в отдельное производство «единоличные» хищения П.[16]. В описанном деле Верховный Суд РСФСР «разорвал» сплетение двух связей, отсоединив субъективную связь (совокупность всех преступлений П.) и одновременно в полной мере сохранив объективную связь (по соучастию Полякова и еще троих обвиняемых в совместном хищении).

Имеются основания полагать, что имперское законодательство также считалось с опасностью возникновения субъективно-объективных связей уголовных дел, способных излишне перегрузить уголовный процесс, что вытекает из ст. 213 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС): «Если один и тот же подсудимый участвовал в преступных деяниях, различными лицами совершенных и подсудных разным судам, то *по рассмотрении каждым судом отдельно подсудного ему деяния* (курсив мой. – *Г. Н.*), наказание подсудимому по правилам о совокупности преступлений определяется тем судом, который рассматривал важнейшее его преступление»[17].

Несмотря на то что эта статья закрепляла правило определения подсудности, трудно не заметить, что законодатель ориентировал суды на нормальность ситуации, когда субъективная (по совокупности преступлений) связь «проигрывает» в конкуренции с объективной (по соучастию) связью. В подтверждение представленного мнения сошлемся на И. Я. Фойницкого, по мнению которого, ст. 213 УУС «категорически провозглашается преимущество производной подсудности по соучастию перед такою подсудностью по совокупности, *и предупреждается возможность чрезмерного осложнения уголовных дел* (курсив мой. – *Г. Н.*)»[18].

В итоге перед законодателями встает вопрос о том, допустимо ли единое рассмотрение дел, в которых переплетаются субъективная и объективная связи. В советский период ответ на поставленный вопрос был изложен достаточно ясно, что подтверждается указанной выше позицией И. Е. Быховского. При таком подходе, по нашему мнению, особенно актуальным становится механизм выделения в связи с «трудоемкостью расследования».

При взгляде на дореволюционный период развития уголовного судопроизводства стоит учесть, что из приведенной выше позиции о «победе» объективной связи над субъективной по смыслу ст. 213 УУС напрямую, тем не менее, не следует обязательность разделения данных связей. Так, несмотря на продемонстрированное через призму ст. 213 УУС преимущество объективной связи над связью субъективной, Устав уголовного судопроизводства знал исключение из этого правила: ст. 515 УУС не дозволяла вы-

[13] См.: *Быховский И. Е.* Указ. соч. С. 49–50, 60–71.

[14] Там же. С. 60.

[15] Субъективной связью (связью по совокупности) принято называть связь, существующую между совокупностью преступлений одного лица; объективной связью (связью по соучастию) – связь, которая складывается между соучастниками преступления. Подробнее см.: *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. 3-е изд., пересм. и доп. СПб., 1910. Т. II. С. 147, 149, 153.

[16] См.: Там же. С. 61–62.

[17] Цит. по: Устав уголовного судопроизводства (Свод законов Российской империи, т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г. и по прод. 1906 г.) с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра юстиции (издание неофициальное) / сост.: М. П. Шрамченко, В. П. Ширков. 4-е изд., пересм. и доп. СПб., 1909. С. 332–333.

[18] *Фойницкий И. Я.* Указ. соч. С. 157.

делять наиболее тяжкое из обвинений при совокупности в отдельное производство, если по менее тяжкому обвинению того же лица имелись соучастники. Существование данной нормы, полагали дореволюционные исследователи, обусловлено опасениями о «безнаказанности этих соучастников» при выделении дела в их отношении[19]. Учитывая изложенное, можно прийти к выводу о том, что дореволюционные законодательство, практика и доктрина также не видели препятствий для существования субъективно-объективных связей. Более того, в некоторых случаях неразрывность такой связи требовалась *ipso jure*.

Небезынтересно обратить внимание на Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ. Согласно ч. 2 ст. 46 данного модельного кодекса прямо запрещается соединение в одном деле обвинений против нескольких лиц в совершении разных преступлений, *кроме* случаев, когда эти лица также обвиняются как соучастники какого-либо преступного деяния. Соответственно, ситуация сплетения субъективно-объективных связей считалась абсолютно нормальной. При этом ч. 3 той же статьи была направлена, как видится, на сдерживание чрезмерной громоздкости таких единых дел: «Не должны соединяться в одном производстве обвинения, рассмотрение которых из-за значительного объема собранных материалов или большого количества обвиняемых способно существенно замедлить или иным образом затруднить разбирательство уголовного дела судом».

Также стоит иметь в виду и то, что с бо́льшим объемом уголовного дела либо множественностью эпизодов органы расследования и суд могут столкнуться и при наличии *субъективной (по совокупности преступлений) связи*[20], в частности когда соединяются обвинения о совершении одним лицом совершенно разнородных преступлений. В этом смысле немаловажно повторно обратить внимание на уже упомянутую ст. 515 УУС, допускавшую разделение дел при совокупности преступлений одного лица в случаях, когда наиболее тяжкое из вменяемых преступлений в достаточной мере расследовано[21]. По мнению составителей Устава, было бы «непозволительно останавливать предание суду обвиняемого в убийстве, для расследования его неповиновения полиции… Из этого, конечно, не следует, чтобы по одному приведенному выше уважению можно было, после возбуждения преследования по более важному преступлению, прекращать или не возбуждать преследований по другим менее важным преступлениям»[22].

Подводя итоги, трудно не признать, что имеются веские доводы придерживаться позиции И. Е. Быховского о наличии особого основания для выделения уголовных дел, связанного со «сложностью и трудоемкостью расследования»[23]. В противном случае российский правоприменитель лишится легального механизма расплетания чрезмерно перегруженных субъективно-объективных либо субъективных связей.

II. Иные основания для выделения уголовного дела по действующему УПК РФ

Как было отмечено выше, в УПК РФ можно обнаружить и иные основания для выделения уголовных дел, а именно:

(7) При наличии оснований для приостановления производства по уголовному делу в судебных стадиях. В силу того что ст. 154 УПК РФ располагается среди общих условий предварительного расследования, она содержит в качестве основания разъединения производств лишь условия, предусмотренные ст. 208 Кодекса. В то же время основания для приостановления производства по уголовному делу не исчерпываются последней.

Полагаем, что логика, закрепленная п. 1 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, применима и к судебным стадиям уголовного судопроизводства, хоть нормативная регламентация механизма выделе-

[19] См.: Систематический комментарий / под ред. М. Н. Гернета. Вып. III. Ст. 249–594. М., 1914. С. 876.

[20] Например, при соединении обвинений о совершении лицом совокупности разнородных преступлений, место и (или) время совершения которых существенно отличаются между собой.

[21] Данное правило не работало в случаях, когда по менее тяжкому деянию был заявлен гражданский иск либо, как отмечалось выше, имело место соучастие.

[22] Объяснительная записка к проекту Устава уголовного судопроизводства. С. 246.

[23] Стоит сделать оговорку: автор настоящей статьи придерживается подхода о недопустимости формирования субъективно-объективных связей, однако в то же время не может отрицать актуальности подхода И. Е. Быховского, что подтверждается и современной правоприменительной практикой. Вместе с тем даже при опоре на авторское мнение описанное основание для выделения уголовных дел может использоваться для «разрыва» такого типа связей.

ния для таких случаев и не отличается ясностью. Основания и порядок приостановления производства по уголовному делу судьей (в стадии подготовки дела к судебному разбирательству) и судом (в стадии судебного разбирательства) установлены соответственно ст. 238 и 253 УПК РФ. Обращение к тексту ст. 253 УПК РФ позволяет прийти к выводу о наличии у суда полномочия по приостановлению производства по делу в отношении скрывшегося (в отсутствие оснований для заочного разбирательства согласно ч. 5 ст. 247 УПК РФ) либо тяжело заболевшего подсудимого и выделению дела в его отношении[24]. Статья 238 УПК РФ не содержит в своем тексте аналогичных возможностей, однако представляется возможным, с учетом установленного полномочия судьи по выделению дел при предварительном слушании (ст. 239[1] УПК РФ), в порядке аналогии уголовно-процессуального закона обращаться к ч. 3 ст. 253 УПК РФ.

(8) В отношении «гражданского» лица, совершившего преступление совместно с военнослужащим либо гражданином, проходящим военные сборы или пребывающим в добровольческих формированиях[25]. Согласно ч. 2[1] ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», ч. 7[1] ст. 31 УПК РФ, если в преступлениях, совершенных в соучастии, обвиняются совместно военнослужащие и гражданские лица, то в условиях невозможности выделения дела в отношении последних единое дело подлежит ведомству военного суда. Полагаем возможным согласиться с толкованием данной нормы, согласно которому правоприменитель наделяется полномочием по разделению производства в отношении военнослужащих от производства в отношении гражданских лиц[26].

Немаловажно, что по ранее действовавшей ч. 7 ст. 31 УПК РФ[27] вопрос о выделении должен был рассматриваться лицом, ведущим производство по делу, лишь *при наличии возражений* «гражданских» лиц.

(9) В отношении одного или нескольких обвиняемых, возражающих против разрешения дела составом суда с участием присяжных заседателей. В случаях возражений части обвиняемых против рассмотрения дела судом с участием коллегии присяжных следователь (п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ) либо суд (ч. 2 ст. 325 УПК РФ) решают вопрос о выделении дела в отношении возражающих в отдельное производство. При невозможности разделения производств, обусловленной угрозой полноте, всесторонности и объективности разрешения дела, дело в целом рассматривается с участием присяжных.

(10) В отношении одного или нескольких обвиняемых, возражающих против разрешения дела составом суда в виде коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции. Зависимость состава суда первой инстанции от воли обвиняемого характерна не только для состава суда с участием присяжных заседателей, но и для коллегии из трех профессиональных судей (п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ). Несмотря на отсутствие в УПК РФ даже косвенного указания возможности/необходимости выделения производства в случае, когда часть обвиняемых возражает против коллегиального рассмотрения дела, можно предположить, что в порядке процессуальной аналогии следователи и суды могут разделить производства. Достаточно сдержанный комментарий по вопросу дает и Конституционный Суд Российской Федерации: «В случае же возражения части подсудимых против данного ходатайства (о рассмотрении дела судом в составе трех судей. – *Г. Н.*) не исключается принятие судом решения о раздельном рассмотрении дел»[28].

Применительно к составу суда с участием коллегии присяжных заседателей данный вопрос решен, как представляется, вполне однозначно: в условиях, когда препятствий для пол-

[24] Частью 3 ст. 253 УПК РФ закреплено, что «суд приостанавливает производство в отношении этого подсудимого … и продолжает судебное разбирательство в отношении остальных подсудимых». В качестве альтернативы там же установлено, что при наличии препятствий рассмотрению дела раздельным производством всё производство (т. е. производство по единому делу в отношении всех предполагаемых соучастников) приостанавливается.

[25] Далее по тексту – военнослужащие.

[26] См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. С. 533.

[27] Данная часть была упразднена Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 346-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 52 (ч. 1). Ст. 6422.

[28] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2021 г. № 426-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мельника К. на нарушение его конституционных прав п. 8 ч. 1 ст. 236 УПК РФ». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела не имеется, суд (либо следователь) обязан выделить дело в отношении возражающих, подсудность которого будет определяться по общему правилу. Стремление выделить дело в отношении лиц, изъявивших волю на рассмотрение их дел судом при участии присяжных, вызвано тем, что право обвиняемых на рассмотрение дел таким составом суда, как известно, является конституционным (ч. 2 ст. 47 Конституции РФ). Как нам кажется, эта ценностная логика может быть применена и применительно к другому коллегиальному составу суда, в связи с чем правоприменитель, руководствуясь аналогией уголовно-процессуального закона, должен реагировать сходным образом.

(11) В отношении невменяемого «соучастника» или соучастника, у которого после совершения преступления возникло психическое расстройство, исключающее возможность назначения или исполнения наказания[29]. В соответствии со ст. 436 УПК РФ основанием для выделения уголовного дела может послужить одно из двух оснований, установленных в ходе расследования по факту совершения преступления несколькими лицами, предположительно в соучастии: 1) одно из лиц, участвовавших в совершении этого деяния, находилось в состоянии невменяемости[30]; 2) у одного из соучастников впоследствии наступило психическое расстройство, исключающее возможность назначения или исполнения наказания.

Применение ст. 436 УПК РФ в процессуальном смысле связано с разграничением производства по применению принудительных мер медицинского характера от ординарного производства в отношении остальных обвиняемых. Одновременно нельзя не обратить внимания на формулировку ст. 436 УПК РФ: уголовное дело *может быть* выделено. Как будет рассматриваться и разрешаться единое уголовное дело, в котором одновременно рассматриваются обвинение в отношении подсудимых и требование о применении принудительной меры медицинского характера в отношении лица, которое признано невменяемым или у которого наступило психическое расстройство? Ответ на этот вопрос можно обнаружить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ: «В случае совершения предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния несколькими лицами *суд вправе одновременно рассмотреть вопрос о виновности одних лиц и вынести постановление о применении принудительных мер медицинского характера* (курсив мой. – *Г. Н.*) в отношении других, совершивших это деяние в состоянии невменяемости, или лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишающее их возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими»[31].

III. Критерии создания оснований для выделения уголовных дел

Сформировав список из 11 оснований для разделения уголовных производств, можно обобщить те критерии, на основании которых они сконструированы в уголовно-процессуальном законе. По мнению автора настоящей статьи, их можно представить в следующем виде:

а) *наличие объективных препятствий для дальнейшего производства по уголовному делу;*

б) *наличие возражений против рассмотрения дела составом суда, зависящим от волеизъявления;*

в) *определенный статус одного либо нескольких из обвиняемых (подозреваемых);*

г) *отсутствие связи уголовных дел;*

д) *нецелесообразность единого рассмотрения дела при наличии субъективно-объективной либо субъективной связей.*

Для наглядности соотнесем приведенные критерии с описанными выше основаниями для выделения уголовных дел:

[29] Далее вместе – «лица, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера».

[30] Стоит отметить, что в ст. 436 УПК РФ употребляется термин «соучастник» применительно к невменяемому лицу, что, безусловно, некорректно.

[31] См.: Пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Бюллетень ВС РФ. 2011. № 7.

Критерий	Основания для выделения дел (№ из авторского списка)
Наличие объективных препятствий для дальнейшего производства по уголовному делу	Наличие оснований для приостановления предварительного следствия (1)
	Наличие оснований для приостановления производства по уголовному делу в судебных стадиях (7)
Наличие возражений против рассмотрения дела составом суда, зависящим от волеизъявления	Возражение части обвиняемых против разрешения дела составом суда с участием присяжных заседателей (9)
	Возражение части обвиняемых против разрешения дела составом суда в виде коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции (10)
Определенный статус одного либо нескольких из обвиняемых (подозреваемых)	Недостижение возраста совершеннолетия одним из предполагаемых соучастников преступления – при условии совершения преступления совместно с совершеннолетними (2)
	Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве (4)
	Вынесение постановления об удовлетворении ходатайства о проведении дознания в сокращенной форме и о производстве такового (5)
	Совершение преступления «гражданскими» лицами совместно с военнослужащим (8)
	Наличие оснований для производства о применении мер принудительного характера (11)
Отсутствие связи уголовных дел (3)	
Нецелесообразность единого рассмотрения дела при наличии субъективно-объективной либо субъективной связей – «большой объем уголовного дела или множественность эпизодов» (6)	

Таким образом, в рамках настоящей статьи представлены результаты авторского обобщения закрепленных в УПК РФ оснований выделения уголовных дел, а также сформулированы критерии, которыми мог руководствоваться законодатель при их конструировании.

Библиографический список

Багаутдинов Ф. Н. Ювенальная юстиция начинается с предварительного следствия // Рос. юстиция. 2002. № 9.

Быховский И. Е. Соединение и выделение уголовных дел в советском уголовном процессе / отв. ред. В. И. Теребилов. М., 1961.

Денисов С. А. Законность и обоснованность соединения и выделения уголовных дел : дис. … канд. юрид. наук. М., 2002.

Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. 4-е изд., испр. и доп. М., 2025.

Набоков В. Д. Вопросы, возникающие при применении закона 2 июня 1897 г., и разъяснения, преподанные Прав. Сенатом // Право : еженед. юрид. газета. 1899. № 35. С. 1624–1625.

Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев ; рук. авт. кол. В. А. Давыдов. М., 2014.

Объяснительная записка к проекту Устава уголовного судопроизводства.

Систематический комментарий / под ред. М. Н. Гернета. Вып. III. Ст. 249–594. М., 1914.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 33–56 : постатейный науч.-практ. коммент. / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М., 2015.

Устав уголовного судопроизводства (Свод законов Российской империи, т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г. и по прод. 1906 г.) с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министра юстиции (издание неофициальное) / сост.: М. П. Шрамченко, В. П. Ширков. 4-е изд., пересм. и доп. СПб., 1909.

Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 3-е изд., пересм. и доп. СПб., 1910. Т. II.

Чекотков А. Ю. Выделить уголовное дело или материал проверки? // Адвокатская газета. 2022. № 20 (373).

Черкасов Д. А. Соединение и выделение уголовных дел и материалов в российском уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2005.

References

Bagautdinov F. N. Juvenile justice begins at the stage of preliminary investigation // Russian Justice. 2002. No. 9.

Bykhovsky I. E. Joinder and severance of criminal cases in soviet criminal procedure / ed. by V. I. Terebilov. Moscow, 1961.

Denisov S. A. Legality and substantiation of joinder and severance of criminal cases : cand. of legal sci. dis. Moscow, 2002.

Course of Criminal Procedure / ed. by L. V. Golovko. 4th ed., revised and expanded. Moscow, 2025.

Nabokov V. D. Issues arising in the application of the law of June 2, 1897, and Clarifications Provided by the Governing Senate // Pravo : weekly legal newspaper. 1899. No. 35.

Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / ed. by V. M. Lebedev ; Head of the authors' team V. A. Davydov. Moscow, 2014.

Explanatory note to the Draft Charter of Criminal Procedure. Systematic commentary / ed. by M. N. Gernet. Issue III. Articles 249–594. Moscow, 1914.

Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Chapters 33–56. Article-by-Article Scientific and Practical Commentary / ed. by L. A. Voskobitova. Moscow, 2015.

Charter of Criminal Procedure (Digest of Laws of the Russian Empire, Vol. XVI, Part 1, ed. 1892 and as amended in 1906), with subsequent legislation, legislative motives, explanations of the Governing Senate, and circulars of the Minister of Justice (unofficial edition). Compiled by M.P. Shramchenko, V. P. Shirkov. 4th ed., revised and expanded. St. Petersburg, 1909.

Foinitsky I. Ya. Course of Criminal Procedure. Vol. II. 3rd ed., revised and expanded. St. Petersburg, 1910.

Chekotkov A. Yu. To sever a criminal case or preinvestigation materials? // Advocate newspaper. 2022. No. 20 (373).

Cherkasov D. A. Joinder and severance of criminal cases and materials in Russian criminal procedure : cand. of legal sci. dis. Tyumen, 2005.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Никоноров Г. В., ассистент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора

E-mail: gleb.nikonorow@gmail.com

Поступила в редакцию: 30.04.2026

Для цитирования:

Никоноров Г. В. Основания выделения уголовных дел в современном российском уголовном процессе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 192–200. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/192-200

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Nikonorov G. V., Assistant of the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision

E-mail: gleb.nikonorow@gmail.com

Received: 30.04.2026

For citation:

Nikonorov G. V. The grounds for the allocation of criminal cases in the modern Russian criminal process // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 192–200. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/192-200

УДК 343.14
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/201-207

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ХОДЕ ЗАОЧНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

С. Е. Пономарёв
Университет прокуратуры Российской Федерации

PROCEDURAL GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS DURING ABSENTEE PROCEEDINGS

S. E. Ponomaryov
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Аннотация: в статье рассматриваются процессуальные гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина в рамках заочного судопроизводства. Особое внимание уделяется обеспечению баланса между принципами справедливости, законности и эффективностью уголовного преследования. Анализируется роль государственного обвинителя в обеспечении соблюдения законных интересов личности и государства, а также механизмы восстановления нарушенных прав граждан, подвергшихся заочному рассмотрению дела. В работе подчеркивается значение соблюдения процессуальных сроков, надлежащего уведомления участников процесса, возможности обжалования судебных решений и иных инструментов правовой защиты. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства для укрепления доверия граждан к правосудию и реализации принципа неотвратимости наказания при одновременном обеспечении надежных гарантий прав человека.
Ключевые слова: заочное судопроизводство, процессуальные гарантии, права человека, государственный обвинитель, защита прав граждан, справедливость, правосудие, восстановление нарушенных прав, законность, уголовное преследование.

Abstract: the article examines the procedural guarantees for protecting the rights and freedoms of individuals and citizens in absentia proceedings. Special attention is paid to ensuring a balance between the principles of justice, legality, and the effectiveness of criminal prosecution. The article analyzes the role of the public prosecutor in ensuring the protection of the legitimate interests of individuals and the state, as well as the mechanisms for restoring the violated rights of citizens who have been subjected to absentia proceedings. The article emphasizes the importance of adhering to procedural deadlines, providing proper notification to participants in the process, and allowing for the appeal of court decisions and other legal remedies. The article concludes that it is necessary to further improve legislation in order to strengthen citizens' trust in the justice system and implement the principle of inevitability of punishment, while simultaneously ensuring reliable guarantees of human rights.
Key words: absentee proceedings, procedural guarantees, human rights, public prosecutor, protection of citizens' rights, justice, restoration of violated rights, legality, criminal prosecution.

Одной из ключевых и по-прежнему актуальных задач современного российского общества остается обеспечение действенной роли закона и иных нормативных правовых актов как инструмента формирования эффективных юридических гарантий прав и свобод человека. Только при условии реального и последовательного функционирования механизмов правовой

© Пономарёв С. Е., 2026

защиты можно утверждать, что положения ст. 1 и 2 Конституции РФ реализуются в полной мере, а Россия действительно выступает демократическим правовым государством, в котором права и свободы человека и гражданина признаются высшей ценностью и находятся под надежной защитой государства.

Обеспечение прав и свобод человека и гражданина невозможно вне рамок правовой системы – исключительно через нормы права государство реализует свою обязанность по охране личности и общества от произвола. Как справедливо подчеркивает Л. М. Володина, взаимодействие государства и общества осуществляется по множеству направлений, однако именно правовое регулирование является основным инструментом влияния государственной воли на общественные процессы. Вместе с тем оно не исчерпывает всех способов управления обществом: существуют иные организационные, политические и социальные механизмы, дополняющие юридическое воздействие[1].

Государство, выступая формой организации общественной системы, задает ей определенные параметры и устойчивость, формируя баланс интересов публичной власти и гражданского общества. Последнее при этом сохраняет относительную автономию и выступает своеобразным противовесом государственной власти, выражая интересы граждан и стремясь к их защите от возможных проявлений административного произвола. Общество и каждый его член, находясь под воздействием властных институтов, вправе рассчитывать на гарантии личной свободы, правовую защищенность и возможность самореализации. Только при таком соотношении власти и свободы обеспечивается подлинная демократичность правового государства и реализуется назначение Конституции Российской Федерации как основного гаранта справедливого общественного устройства.

Как отмечает Ю. П. Михальчук, «наибольшую актуальность и значимость вопросы, связанные с обеспечением защиты прав личности, приобретают в области уголовного судопроизводства. Основной целью проводимой в Российской Федерации судебной реформы являлось создание высокоэффективной системы уголовного судопроизводства, которая будет способна сочетать деятельность правоохранительных органов страны по предупреждению и раскрытию преступлений, расследованию и разрешению уголовных дел с охраной прав, свобод и законных интересов лиц, которые вовлечены в сферу уголовного судопроизводства»[2].

Современное развитие судебной системы Российской Федерации характеризуется стремлением к обеспечению эффективной и доступной правосудной защиты. Одним из проявлений процессуальной экономии является институт заочного судопроизводства, позволяющий рассматривать дела в отсутствие участвующих лиц при наличии надлежащего уведомления. Однако подобный порядок неизбежно ставит вопрос о сохранении конституционных гарантий права на судебную защиту и справедливое разбирательство.

Конституция РФ закрепляет право каждого на судебную защиту его прав и свобод (ст. 46), а также согласно ч. 3 ст. 123 Конституции РФ судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Эти нормы составляют фундаментальные гарантии, обеспечивающие баланс интересов государства и личности. Следовательно, любое процессуальное упрощение, в том числе заочное судопроизводство, не должно подрывать данные принципы.

Заочное судопроизводство в уголовном процессе – это особая форма рассмотрения уголовных дел, при которой суд принимает решение в отсутствие подсудимого, если он надлежащим образом уведомлен о месте и времени судебного заседания, но намеренно уклоняется от явки. Как отмечает А. Ф. Атряскина, «при уклонении подсудимого от явки в суд эффективный розыск подсудимого и применение к нему мер процессуального принуждения позволят реализовать права потерпевших на доступ к правосудию в разумный срок и на возмещение вреда, причиненного преступлением. Однако в большинстве случаев длительный розыск не приводит к требуемым результатам, что становится причиной

[1] См.: *Володина Л. М.* Механизм обеспечения прав личности в российском уголовном процессе : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 35.

[2] *Михальчук Ю. П.*, *Солодкая В. И.* Организационно-правовые и уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав и свобод личности при производстве по уголовным делам // Вестник Краснодар. ун-та МВД России. 2014. № 4 (26). С. 87.

для проведения судебного разбирательства в отсутствие подсудимого»[3].

Обращение к толковым словарям позволяет говорить об унифицированном подходе к понятию «заочный», т. е. «осуществляемый вне непосредственного контакта с кем-либо»[4]. Л. В. Тихомирова и М. Ю. Тихомиров под заочным судебным разбирательством понимают рассмотрение судом дела в отсутствие подсудимого[5]. Таким образом, «приведенные значения этимологически характеризуют сущность заочного механизма принятия итогового процессуального решения – это означает отсутствие подозреваемого, обвиняемого, подсудимого при принятии такого важного уголовно-процессуального акта»[6]. В действующем УПК РФ заложен аналогичный подход.

Основания для такого производства закреплены в ст. 247 УПК РФ и носят исчерпывающий характер. Есть два порядка заочного производства:

1. По ч. 4 ст. 247 УПК РФ. Преступление должно быть небольшой или средней тяжести, при этом подсудимым должно быть заявлено ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие.

2. По ч. 5 ст. 247 УПК РФ. В исключительных случаях судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу.

Заочное судопроизводство имеет свои особенности: подсудимому не разъясняются его права, не осуществляется его допрос, отсутствует последнее слово. Как верно отмечает Л. Г. Татьянина, «заочное рассмотрение уголовного дела длится не меньше, чем производство по такому же делу, которое рассматривается в общем порядке, так как, несмотря на проведение судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, соблюдаются все правила уголовного судопроизводства»[7].

Федеральным законом от 21 апреля 2025 г. № 101-ФЗ «О внесении изменения в статью 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» перечень преступных деяний небольшой и средней тяжести, по которым возможно вынесение заочного приговора, был расширен. В него вошел ряд нетяжких преступлений экстремистской и террористической направленности.

Защитник, как участник уголовного судопроизводства, привлекается с целью обеспечения законности процесса и недопущения процессуальных нарушений, однако его участие не должно служить инструментом затягивания или блокирования реализации принципа неотвратимости наказания. В случаях заочного производства обязательное участие защитника гарантирует соблюдение установленной законом процедуры, но главным ориентиром судопроизводства остается обеспечение прав и законных интересов потерпевших, а также защита общественной безопасности[8]. В условиях заочного рассмотрения дел важно не только соблюсти формальные процессуальные гарантии обвиняемого, но и предотвратить ущемление прав лиц, пострадавших от преступления, обеспечив им доступ к правосудию и возмещение причиненного вреда.

Государственный обвинитель, реализуя возложенные на него функции в рамках заочного судопроизводства, выступает не просто стороной обвинения, но и гарантом соблюдения законности и прав участников процесса. У. А. Мусеибов, описывая функцию обвинения, выполняемую прокурором, отмечает, что она (функция обвинения) «включает … формулирование, предъявление, доказывание и поддержание обвинения»[9]. То есть обвинение как процессуально значимое утверждение приобретает юридическую силу лишь при соблюдении установленной законом процедуры его выдвижения и обоснования.

---

[3] *Атряскина А. Ф.* Актуальные проблемы заочного вынесения приговора по уголовным делам // Фемида. Science. 2024. № 1 (14). С. 124.

[4] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка : 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений. М. : Азъ Ltd, 1992. С. 194.

[5] См.: *Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю.* Юридическая энциклопедия : ЮЭ. 6-е изд., доп. и перераб. М. : Тихомиров, 2009. С. 159.

[6] *Попова И. П.* Заочный механизм принятия итоговых процессуальных решений в российском уголовном судопроизводстве // Рос. судья. 2025. № 6. С. 26.

[7] *Татьянина Л. Г., Тенсина Е. Ф.* Заочное производство в уголовном процессе России // Вестник Удмурт. ун-та. Сер.: Экономика и право. 2022. Т. 32, № 4. С. 727.

[8] См.: *Балуев А. С.* К вопросу об участии защитника в уголовном судопроизводстве // Вестник Урал. юрид. ин-та МВД России. 2023. № 3 (39). С. 41.

[9] *Мусеибов У. А.* Процессуальные функции и полномочия прокурора // Рос. следователь. 2016. № 21. С. 8.

Поддержание обвинения в судебном заседании выражает закрепленную за прокуратурой функцию защиты государственных интересов и подтверждения законности и обоснованности позиции органов предварительного расследования в части доказанности вины подсудимого.

Согласно ст. 246 УПК РФ прокурор осуществляет поддержание государственного обвинения в суде, представляя интересы государства и общества. Его деятельность направлена на реализацию принципа справедливости, который предполагает не только установление виновности подсудимого, но и предотвращение нарушений прав человека, в том числе лица, не присутствующего на судебном разбирательстве. В ситуации заочного рассмотрения дела значение процессуальной роли прокурора существенно возрастает. Отсутствие подсудимого обусловливает необходимость более тщательного прокурорского надзора за соблюдением процессуальных гарантий: права на защиту, обязательного участия защитника, надлежащего уведомления обвиняемого о времени и месте судебного заседания, а также его права на пересмотр приговора. Тем самым прокурор реализует комплексную функцию: выступая от имени государства в поддержании обвинения, он одновременно обеспечивает законность и справедливость судебного процесса, предотвращая возникновение обвинительного уклона и обеспечивая баланс между публичными интересами и правами личности.

С точки зрения интересов государства и общества институт заочного рассмотрения уголовных дел имеет значительное правовое и социальное значение, поскольку он направлен на восстановление справедливости, защиту прав потерпевших и укрепление авторитета правосудия. В тех случаях, когда обвиняемый сознательно уклоняется от явки в суд, скрывается от органов предварительного расследования и правосудия, государство не может оставаться бездействующим. Невозможность рассмотрения дела в таких условиях фактически означала бы ущемление прав потерпевших на доступ к правосудию, а также подрывала бы принцип справедливости и неотвратимости уголовной ответственности.

Согласно ч. 1 ст. 247 УПК РФ судебное разбирательство проводится в присутствии подсудимого, однако закон допускает установленные исключения, что обусловлено балансом интересов личности и общества. Заочное производство выступает одной из таких процессуальных форм, которая, при соблюдении всех гарантий прав участников процесса, позволяет обеспечивать эффективность уголовного судопроизводства. Государство, реализуя функцию уголовного преследования, обязано не только привлекать виновных к ответственности, но и обеспечивать защиту прав тех, кто пострадал от преступных действий, что соответствует публично-правовой природе уголовного процесса.

По мнению И. П. Поповой, «заочный приговор, как итоговое процессуальное решение, принятое в отсутствие подсудимого, не должен обладать преюдициальным значением, если толковать ст. 90 УПК РФ, как то, что осужденный не участвовал в рассматриваемом в заочном порядке в его отсутствие уголовном деле. В таком случае итоговое процессуальное решение, принятое в отсутствие обвиняемого, утрачивая преюдициальность (заочный приговор) либо не обладая таковым (постановление о прекращении уголовного дела), не может служить восстановительным процессуальным средством, так как страдают и, по сути, остаются вне защиты государства интересы потерпевшего»[10].

Следовательно, институт заочного рассмотрения уголовных дел представляется механизмом, направленным на предотвращение попыток обвиняемых воспрепятствовать осуществлению правосудия путем уклонения от участия в процессе, а также средством обеспечения защиты публичных интересов. Данная процедура способствует реализации принципа неотвратимости наказания, сформулированного в уголовно-правовой доктрине и закрепленного в общих положениях уголовного законодательства, гарантируя, что виновное лицо не сможет избежать ответственности лишь вследствие своего отсутствия в суде. Вместе с тем государство обязано сохранять необходимое равновесие между задачами эффективного уголовного преследования и безусловным соблюдением процессуальных гарантий, определенных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Это обусловливает особую важность обеспечения прав всех участников судопроизводства в условиях заочного формата судебного разбирательства.

Согласно ч. 7 ст. 247 УПК РФ заочный приговор подлежит отмене по ходатайству осужден-

[10] *Попова И. П.* Итоговые процессуальные решения, принимаемые в отсутствие обвиняемого // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. 2024. № 3 (31). С. 218.

ного или его защитника в случае, если осужденный был задержан либо добровольно явился в суд. Данная норма отражает стремление законодателя обеспечить баланс между необходимостью эффективного правосудия и соблюдением фундаментальных процессуальных гарантий личности.

Юридическое значение данной нормы заключается в обеспечении реального механизма восстановления нарушенных прав осужденного, который ранее не мог присутствовать при рассмотрении дела и, соответственно, реализовать свое право на участие в исследовании доказательств, заявлении ходатайств и даче объяснений по существу обвинения. После отмены приговора уголовное дело подлежит новому рассмотрению в общем порядке, что дает возможность суду всесторонне исследовать доказательства с участием всех участников процесса, включая самого обвиняемого.

Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил, что заочное производство допустимо лишь при обеспечении всех гарантий прав участников уголовного судопроизводства. Так, в определении от 12 мая 2016 г. № 1002-О Суд сослался на ч. 2 ст. 123 Конституции РФ, прямо указывающую, что заочное разбирательство уголовных дел в судах не допускается, кроме случаев, предусмотренных федеральным законом. При этом Суд подчеркнул, что личное участие обвиняемого в судебном разбирательстве является необходимым элементом реализации права на справедливую судебную защиту, основанную на принципах состязательности и равноправия сторон. Эта позиция получает развитие в более поздних постановлениях Конституционного Суда РФ.

В постановлении от 14 июля 2011 г. № 16-П, а также в постановлениях от 18 июля 2022 г. № 33-П и от 11 июля 2023 г. № 38-П Суд неоднократно указывал на исключительное значение обеспечения сторонам возможности участвовать в судебном заседании, представлять доказательства, излагать свою позицию и осуществлять защиту своих прав в условиях равенства процессуальных возможностей. Тем самым подчеркивается, что заочное рассмотрение допустимо лишь при условии реальной гарантированности восстановления нарушенных прав обвиняемого, в частности посредством дальнейшего пересмотра заочного приговора в случае явки осужденного или его задержания.

Кроме того, суды обязаны тщательно проверять обстоятельства надлежащего уведомления подсудимого перед рассмотрением дела в его отсутствие, что прямо вытекает из разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». В указанном акте отмечается, что суду необходимо устанавливать, был ли обвиняемый своевременно извещен о дате, времени и месте судебного заседания и имел ли он достаточное время для подготовки к защите. Нарушение указанных требований, а также рассмотрение дела в отсутствие лица, не уведомленного надлежащим образом, согласно позиции Верховного Суда, является безусловным основанием для отмены судебного решения. Таким образом, институт заочного производства не может рассматриваться как средство упрощения судопроизводства, а должен реализовываться с неукоснительным соблюдением процессуальных гарантий, обеспечивающих право на защиту.

Итак, процессуальные гарантии защиты прав граждан в заочном судопроизводстве являются определяющим условием справедливого правосудия. Их соблюдение обеспечивает не только защиту прав личности, но и реализацию государственной функции по охране правопорядка и восстановлению нарушенных прав граждан.

Однако на практике нередко возникают ситуации, когда надлежащее уведомление обвиняемого о времени и месте судебного заседания фактически не достигает адресата, либо участие защитника оказывается формальным вследствие недостатка информации или невозможности согласования позиции с подзащитным. Такие обстоятельства ставят под угрозу гарантированное ст. 48 Конституции РФ право на защиту, а также принцип состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ).

Недостаточная конкретизация норм, регламентирующих порядок уведомления обвиняемого, может привести к нарушению принципов законности и справедливости, что требует дальнейшего совершенствования правоприменительной практики и уточнения процессуальных стандартов. С точки зрения обеспечения баланса между эффективностью уголовного правосудия и защитой фундаментальных прав личности в научной литературе отмечается необхо-

димость более четкого определения оснований допустимости заочного производства и гарантий достоверного уведомления участников процесса. При этом, как представляется, формулировки, содержащиеся в ст. 247 УПК РФ, могли бы быть уточнены в части подтверждения факта осведомленности обвиняемого о дате и месте судебного заседания, а также порядка последующего пересмотра заочного приговора при выявлении обстоятельств, препятствовавших его личному участию в суде.

Такое развитие процессуального регулирования, по мнению ряда исследователей, способствовало бы устранению правоприменительных пробелов, обеспечивая баланс между принципом неотвратимости наказания и реализацией права на справедливое судебное разбирательство.

Библиографический список:

Атряскина А. Ф. Актуальные проблемы заочного вынесения приговора по уголовным делам // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 122–128.

Балуев А. С. К вопросу об участии защитника в уголовном судопроизводстве // Вестник Урал. юрид. ин-та МВД России. 2023. № 3 (39). С. 41–44.

Володина Л. М. Механизм обеспечения прав личности в российском уголовном процессе : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 323 с.

Михальчук Ю. П., *Солодкая В. И.* Организационно-правовые и уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав и свобод личности при производстве по уголовным делам // Вестник Краснодар. ун-та МВД России. 2014. № 4 (26). С. 87–91.

Мусеибов У. А. Процессуальные функции и полномочия прокурора // Рос. следователь. 2016. № 21. С. 6–10.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений. М. : Азъ Ltd, 1992. 960 с.

Попова И. П. Заочный механизм принятия итоговых процессуальных решений в российском уголовном судопроизводстве // Рос. судья. 2025. № 6. С. 25–29.

Попова И. П. Итоговые процессуальные решения, принимаемые в отсутствие обвиняемого // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. 2024. № 3 (31). С. 210–221.

Татьянина Л. Г., Тенсина Е. Ф. Заочное производство в уголовном процессе России // Вестник Удмурт. ун-та. Сер.: Экономика и право. 2022. Т. 32, № 4. С. 727–731.

Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия : ЮЭ. 6-е изд., доп. и перераб. М. : Тихомиров, 2009. 526 с.

References

Atryaskina A. F. Actual problems of absentia sentencing in criminal cases // Themis.Science. 2024. No. 1 (14). P. 122–128.

Baluev A. S. On the issue of the participation of a defense counsel in criminal proceedings // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (39). P. 41–44.

Volodina L. M. The Mechanism of ensuring personal rights in the Russian criminal procedure : d-r of legal sci. dis. Yekaterinburg, 1999. 323 p.

Mihalchuk Yu. P., *Solodkaya V. I.* Organizational and legal and criminal procedural guarantees of ensuring the rights and freedoms of the individual in the proceedings on criminal cases // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 4 (26). P. 87–91.

Museibov U. A. Procedural functions and powers of the prosecutor // Russian investigator. 2016. No. 21. P. 6–10.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language : 72,500 words and 7,500 phraseological expressions. Moscow : Az Ltd, 1992. 960 p.

Popova I. P. The mechanism of making final procedural decisions in Russian criminal proceedings // Russian Judge. 2025. No. 6. P. 25–29.

Popova I. P. Final procedural decisions made in the absence of the accused // Criminalistics : yesterday, today, and tomorrow. 2024. No. 3 (31). P. 210–221.

Tat'yanina L. G., Tensina E. F. Absentee proceedings in the Russian criminal procedure // Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. 2022. Vol. 32, No. 4. P. 727–731.

Tikhomirova L. V., Tikhomirov M. Yu. The legal encyclopedia : YuE. 6th ed., add. and rev. Moscow : Tikhomirov, 2009. 526 p.

Университет прокуратуры Российской Федерации

Пономарёв С. Е., аспирант кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Ponomaryov S. E., Post-graduate Student of the Department of International Cooperation in the

деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах), прокурор Омского района Омской области

E-mail: s.e.ponomarev@mail.ru

Поступила в редакцию: 05.05.2026

Для цитирования:

Пономарёв С. Е. Процессуальные гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина в ходе заочного судопроизводства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 201–207. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/201-207

Field of Prosecutorial Activity, Representation and Protection of the Interests of the Russian Federation in Interstate Bodies, Foreign and International (Interstate) Courts, Foreign and International Arbitration Courts (Arbitrations), Prosecutor of the Omsk District of the Omsk Region

E-mail: s.e.ponomarev@mail.ru

Received: 05.05.2026

For citation:

Ponomaryov S. E. Procedural guarantees for the protection of human and civil rights and freedoms during absentee proceedings // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 201–207. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/201-207

УДК 343.8
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/208-216

ИНСТИТУТ ПРОБАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

В. Е. Фомина
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

THE INSTITUTE OF PROBATION: THE CONCEPT AND LEGAL NATURE

V. E. Fomina
Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Аннотация: в статье анализируется институт пробации, закрепленный в одноименном Федеральном законе от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Автор исследует предпосылки принятия данного нормативно-правового акта, отмечая разрозненное существование норм, посвященных оказанию осужденным и освобожденным лицам помощи в социальной адаптации и ресоциализации, а также отсутствие комплексного подхода в данной области. Особое внимание уделяется критическому анализу осуществленной законодателем терминологической рецепции, обосновывается позиция об ошибочном заимствовании англо-саксонского термина «probation» с предложением о замене понятия «пробация» на «ресоциализацию». Анализируются доктринальные подходы к правовой природе рассматриваемого института. Выдвигается предложение о необходимости расширения предмета уголовно-исполнительного права за счет включения в него отношений, возникающих на постпенитенциарном этапе, связанных с оказанием помощи освобожденным гражданам для повышения эффективности мер исправительного воздействия и снижения уровня рецидивной преступности.
Ключевые слова: пробация, ресоциализация, уголовно-исполнительное право, постпенитенциарное воздействие, рецидивная преступность.

Abstract: the article analyzes the institution of probation, which is enshrined in the federal Law of the same name dated 02.06.2023 No. 10 «Probation in the Russian Federation». The author considers the preconditions for the adoption of this normative legal act, noting the existence of various norms related to the provision of assistance to convicted and released persons in social adaptation and resocialization, as well as the lack of an integrated approach in this area. Special attention is paid to the critical analysis of terminological reception conducted by the legislator. The position on the incorrect borrowing of the Anglo-Saxon term «probation» is stated, with a proposal to change the concept of «probation» to «resocialization» is supported. A suggestion is made about the necessity of expanding the subject of penal law by including relations arising at the post-penitentiary stage related to the provision of assistance to released citizens to increase the effectiveness of corrective measures and reduce the level of recidivism.
Key words: probation, resocialization, penal law, post-penitentiary impact, recidivism.

Институт пробации представляет собой относительно новое для отечественного уголовно-исполнительного права явление, появление которого во многом обусловлено глобальными тенденциями гуманизации уголовной политики и сменой подходов в вопросе обращения с осужденными от карательного к реабилитационному. Введенный в отечественную правовую систему с принятием в 2023 г. одноименного Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (далее – Закон «О пробации»), он представляет собой комплексную систему мероприятий, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию

© Фомина В. Е., 2026

и социальную реабилитацию осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, а также освобожденных из исправительных учреждений, которые оказались в трудной жизненной ситуации, а также на защиту прав и законных интересов указанных лиц[1].

Стоит отметить, что идея о необходимости оказания помощи осужденным, которая была положена в основу создания института пробации, имеет глубокие корни и прослеживается в более ранних нормативных правовых актах.

Так, в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее – УИК РФ), принятом еще в 1997 г., в качестве одной из задач уголовно-исполнительного законодательства было закреплено оказание осужденным помощи в социальной адаптации[2]. Кроме того, в нем содержится отдельная глава, посвященная оказанию помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, нормы которой закрепляют конкретные мероприятия (проведение воспитательной работы в целях подготовки к освобождению, обеспечение бесплатного проезда к месту жительства, продуктами питания или деньгами на время проезда, необходимыми по сезону одеждой и обувью при их отсутствии), а также права освобождаемых осужденных на трудовое и бытовое устройство и другие виды социальной помощи[3].

Статус социальной адаптации как одной из ключевых задач Федеральной службы исполнения наказаний был определен также Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний»[4].

В 2006 г. был принят Приказ Министерства юстиции РФ от 13 января 2006 г. № 2 «Об учреждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы», который содержал различные положения о социальной адаптации данной категории лиц[5].

Отдельные аспекты помощи осужденным регулировались Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»[6], который закреплял норму об определении лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, в стационарные учреждения социального обслуживания.

Необходимо отметить, что вопрос о социальной адаптации лиц, освобожденных из пенитенциарных учреждений, также решался на региональном уровне. Так, в ряде регионов страны (Оренбургская, Архангельская, Кировская области, Республика Башкортостан) принимались отдельные законы о социальной адаптации лиц, освобожденных из пенитенциарных учреждений, а в некоторых субъектах (Красноярский край, Воронежская, Ульяновская области) для таких лиц даже были созданы центры социальной адаптации и реабилитации[7].

---

[1] См.: О пробации в Российской Федерации : федер. закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (последняя редакция) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 6. Ст. 917, 5.

[2] См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 1.

[3] См.: Там же. Гл. 22.

[4] См.: Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний : Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 (ред. от 02.02.2026) // Рос. газета. 19 октября 2004. 19 окт. № 230.

[5] См.: Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы : Приказ Минюста РФ от 13 января 2006 г. № 2 (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.02.2026).

[6] См.: Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ (ред. от 26.12.2024 ; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 30.12.2013).

[7] См.: О социальной адаптации лиц, освобождаемых и освобожденных из учреждений, исполняющих уголовные наказания : Закон Республики Башкортостан от 8 декабря 1997 г. № 126-з. URL: https://base.garant.ru/17751965 (дата обращения: 10.02.2026 г.) ; Об осуществлении реабилитации и адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы : Закон Оренбургской области от 6 ноября 2009 г. № 3186/732-IV-ОЗ. URL:https://base.garant.ru/27565322/ (дата обращения: 10.02.2026 г.) ; О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы : Закон Архангельской области от 16 декабря 2011 г. № 402-27-ОЗ. URL: https://base.garant.ru/25161288/ (дата обращения: 10.02.2026 г.) ; О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы : Закон Кировской области от 1 декабря 2011 г. № 98-ЗО. URL: https://www.garant.ru/hotlaw/kyrov/368511/ (дата обращения: 10.02.2026 г.).

Закономерным развитием данной идеи стало стремление к созданию специализированного органа, призванного оказывать помощь осужденным на системной основе[8]. Однако несмотря на многочисленные предложения чиновников, в том числе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, на федеральном уровне этот вопрос долгое время оставался нерешенным. Идея создания системы пробации последовательно закреплялась в Концепциях развития и модернизации уголовно-исполнительной системы, оставаясь актуальной задачей на протяжении длительного времени. В указанных нормативных актах отмечалось, что ее отсутствие приводит к потере социальных связей, отсутствию востребованности профессиональных навыков, жилья, средств к существованию таких лиц, что, в свою очередь, влечет за собой рост рецидивной преступности, вследствие чего необходимо принять дополнительные меры для достижения основной цели уголовно-исполнительного законодательства – исправления осужденных, а также их ресоциализации и социальной адаптации[9].

Таким образом, накопившаяся правовая база и практические наработки со всей очевидностью доказали потребность в создании отдельного нормативного правового акта, поскольку разрозненно существующие в федеральном, региональном законодательстве и ведомственных нормативных актах нормы, невзирая на их важность, не могли обеспечить комплексного подхода в вопросе оказания помощи осужденным и лицам, освободившимся из учреждений уголовно-исполнительной системы. Именно это побудило законодателя к созданию специального Федерального закона «О пробации», который был призван систематизировать нормативные положения в данной сфере, закрепить основные принципы пробации, определить правовое положение лиц, в отношении которых она применяется, а также направления деятельности и полномочия субъектов пробации в Российской Федерации. По мнению ряда ученых, данный закон стал основой для многочисленных аспектов реализации данного института на федеральном и региональном уровне[10].

Примечательно, что решение о создании современной системы пробации в Российской Федерации принималось в том числе с учетом положений ранее принятых международных документов и опыта зарубежных стран[11]. Попытка имплементации зарубежной практики по данному вопросу прослеживается и в решении законодателя заимствовать иностранное понятие для обозначения системы оказания помощи осу-

[8] См.: *Скороходова А. С.* Пробация в Российской Федерации : история и перспективы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 1 (260). С. 36–42 ; *Васильев К. А.* История становления и развития института пробации : зарубежный опыт // Вестник молодого ученого Кузбасского института : сб. науч. статей / отв. ред. Н. Н. Ивашко. Новокузнецк : Кузбас. ин-т Федер. службы исполнения наказаний, 2020. Вып. 4. С. 11–15 ; *Дорожинский А. А.* Пробация в России : возможности и потенциал в предупреждении повторных преступлений среди осужденных // Преемственность и новации в юридической науке : материалы междунар. науч. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей. Омск, 2023. С. 40–42 ; *Уткин В. А.* О перспективах пробации в России // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5–8 ; *Хуторская Н. Б.* Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства России на основе Правил Совета Европы о пробации // Международный пенитенциарный журнал. 2017. Т. 3 (1–4), № 1. С. 68–71 ; *Коровин А. А.* Перспективы создания службы пробации в России // III Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 19 декабря 2014 г.) / Санкт-Петербургский университет МВД России. Калининград : Калининград. филиал СПб. ун-та МВД России, 2015. С. 46–48 ; *Уткин В. А.* О системе специализированных воспитательно-профилактических органов // Проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Томск, 1982. С. 70.

[9] См.: О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5543 ; О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р (ред. от 27.05.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL http://pravo.gov.ru (дата обращения: 05.05.2021) ; *Уткин В. А.* Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы как доктринальный политико-правовой акт // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 431. С. 212.

[10] См.: *Скиба А. П., Скоморох О. А., Феоктистов С. В.* Всероссийская научно-практическая конференция «Введение пробации в Российской Федерации : взаимодействие государственных органов и общественных организаций» (10 марта 2023 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18 (1–4), № 1. С. 122–131.

[11] См.: *Агабекян А. Л.* К вопросу о гарантиях защиты частных интересов «клиента» пробации в новом Федеральном законе № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Вестник Кузбасского института. 2023. № 4 (57). С. 9–15.

жденным и лицам, освобождающимся из пенитенциарных учреждений. Однако следует констатировать, что подобного рода рецепция термина вызвала не только терминологическую путаницу, но и разночтения в понимании правовой природы пробации[12].

Как справедливо отмечают многие авторы, термин «пробация» был заимствован от английского понятия «probation» и переведен буквально, однако в англо-саксонской традиции этот термин чаще всего обозначает условное осуждение или отсрочку исполнения наказания и нахождение осужденного под надзором специализированных органов[13]. Особенностью пробации в данном случае является то, что на осужденного судом накладываются определенные обязанности, которые он выполняет добровольно. И несмотря на то что целью этого института по аналогии с введенным в Российской Федерации также является коррекция поведения осужденного, содействие в его социальной адаптации и предупреждение рецидивной преступности, акцент в англо-саксонской модели пробации делается именно на надзоре за правонарушителем[14]. Вместе с тем очевидно, что заложенное отечественным законодателем понимание пробации существенно отличается от значения английского термина «probation» и более точно соотносится с зарубежными моделями реабилитации осужденных («rehabilitation»), ориентированных как на оказание помощи осужденным в процессе их возвращения в общество и восстановлении социальных связей, так и на снижение уровня рецидивной преступности.

Таким образом, следует констатировать, что поскольку термин «пробация» по своему значению и его сущностное содержание противоречат друг другу, представляется обоснованным в целях устранения данной коллизии отказаться от его использования в тексте одноименного закона. Более точным и уместным видится использование понятия «ресоциализация», которое точнее отражает суть составляющих нынешний институт пробации процессов.

Неудачный опыт заимствования иностранной терминологии породил споры и о правовой природе пробации. Например, И. В. Дворянсков отмечает, что пробация является особой альтернативной уголовной (некарательной) формой социальной ответственности, нейтрализующей причины и последствия совершения преступления. По его мнению, отличительной особенностью пробации по сравнению с уголовно-правовыми мерами является то, она применяется за пределами уголовного преследования и уголовно-исполнительной деятельности[15].

Иную точку зрения высказывал П. В. Голодов, отмечавший, что пробацию следует рассматривать именно с учетом ее уголовно-правового содержания, а все иные социально-реабилитационные мероприятия необходимо относить к иным функциям системы пробации[16].

Существует позиция, в рамках которой пробация определяется в качестве особого правового режима реализации наказаний и иных мер уголовно-правового характера, который применяется к осужденным к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества (что позволяет осужденному оставаться в обществе, одновременно с этим находясь под надзором судебного органа, службы пробации или иного учреждения с аналогичными функциями), к осужденным к принудительным работам и лишению свобо-

[12] См.: *Голодов П. В.* Пробация в Российской Федерации : некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 196–197.

[13] См.: Term ‘probation’, Garner, B. A. (Ed.). (2024). Black's Law Dictionary (12th ed.). Thomson Reuters ; *Кароли Б.* Альтернативные меры уголовного наказания // Альтернативы тюремному заключению в Республике Казахстан : материалы международной конференции. М. : PRI, 2000. С. 67–68 ; *Верина Г. В.* Исполнительная пробация в контексте корреляции с уголовно-правовыми институтами // Вестник Сарат. гос. юрид. академии. 2025. № 5 (166). С. 214.

[14] См.: *Пертли Л. Ф., Чернышева Д. В.* Историко-правовой аспект и организация исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : монография. М., 2012. С. 198–199 ; *Аккулев А. Ш.* Отдельные вопросы пробации // Вестник Евразийского гуманитарного института. 2010. № 4. С. 45–47 ; *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. М. : Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001. С. 21.

[15] См.: *Дворянсков И. В.* Перспективы внедрения системы пробации в России // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тезисов выступлений и докладов участников : в 9 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2021. Т. 1. С. 114–120 ; *Его же.* Пробация в России : концептуальные основы и перспективы реализации // Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции (Вологда, 18–19 июня 2024 г.) / редкол.: О. А. Димони (отв. ред.), И. Ю. Коробкина, В. Н. Некрасов. Череповец : ИП Мочалов С.В., 2024. С. 25–38.

[16] См.: *Голодов П. В.* Указ. соч. С.198.

ды, а также к тем, кто освободился из мест лишения свободы[17].

Некоторые авторы говорят о том, что пробация – комплексный институт, совмещающий в себе испытание лица, совершившего преступление, путем возложения на него предусмотренных законом обязанностей, ограничений и запретов (надзоре), и применение различных мер (оказание психологической, медицинской, правовой помощи, содействие в трудовом и бытовом устройстве, помощь в восстановлении социально полезных связей и т. д.) по ресоциализации осужденных и коррекции их поведения в целях исправления и предупреждения совершения ими новых преступлений[18].

Резюмируя существующие позиции, рассмотренные выше, отметим, что для определения правовой природы пробации, как представляется, принципиальное значение имеет уточнение предмета уголовно-исполнительного права как отрасли права. Несмотря на то что законодатель в настоящее время не включает в предмет уголовно-исполнительных отношений постпенитенциарную социальную адаптацию освободившихся из исправительных учреждений лиц, отметим, что, по нашему мнению, в него следует включать не только общественные отношения, возникающие в связи с исполнением и отбыванием уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера и применением к осужденным основных средств исправления, но также и общественные отношения, связанные с исполнением мер постпенитенциарного воздействия применительно к освободившимся из исправительных учреждений лицам[19]. Данная позиция находит свое отражение в работах некоторых авторов[20]. Таким образом, можно заключить, что пробация выступает институтом уголовно-исполнительного права. Однако следует подчеркнуть, что, поскольку она включает в себя в том числе и социально-реабилитационные мероприятия, ориентированные на коррекцию поведения правонарушителей в целях их исправления и социальной адаптации в обществе после освобождения их мест лишения свободы, а их реализация невозможна без использования норм «социального» законодательства», пробация приобретает комплексный межотраслевой характер[21]. Представляется, что подобное понимание пробации позволит не только устранить существующие проблемы в правовом регулировании, но и обеспечить эффективное применение мер исправительного воздействия, способствуя тем самым достижению главных целей уголовно-исполнительного законодательства – исправлению осужденных и предупреждению совершения новых преступлений.

Проведенный анализ правовой природы института пробации позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, сама идея оказания помощи осужденным и освобожденным лицам имеет глубокие исторические предпосылки. Существование разрозненных норм, носящих фрагментарный характер и не способных обеспечить комплексный подход к ресоциализации

[17] См.: *Агабекян А. Л.* Указ. соч. С. 12.

[18] См.: *Антонян Е. А.* Принудительные меры воспитательного воздействия : проблемы назначения и применения // Lex Russica. 2018. № 9. С. 112–118 ; *Лузгин С. А.* Служба пробации Федеральной службы исполнения наказаний : научно-практические подходы к формированию и организации деятельности // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тезисов выступлений и докладов участников : в 9 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2021. Т. 5, ч. 2. С. 344–347 ; *Новиков Р. В.* К вопросу о законодательном регулировании системы пробации в России // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тезисов выступлений и докладов участников : в 9 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2021. Т. 2, ч. 2. С. 304–309.

[19] См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 2.

[20] См.: *Чорный В. Н.* Тенденции развития уголовно-исполнительного права в современных условиях // От исправительно-трудового права к уголовно-исполнительной отрасли : материалы междунар. науч.-практ. семинара. Рязань : Академия права и управления ФСИН ; Рязан. обл. ин-т развития образования, 2006. С. 28 ; *Южанин В. Е.* Общественная опасность личности преступника и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 1. С. 41 ; *Фильченко А. П.* Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности (проблемы отраслевого и межотраслевого согласования) : монография / под ред. д-ра юрид. наук, профессора А. В. Наумова. М., 2014. С. 21 ; *Горобцов В. И.* Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия : монография. Орел : Орлов. школа МВД РФ, 1995. С. 15–16 ; *Головастова Ю. А.* Концептуальные вопросы понимания модернизации предмета уголовно-исполнительного права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. С. 91–96 ; *Громов В. Г.* Пробация и проблемы ее реализации в Российской Федерации // Известия Сарат. ун-та. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 185.

[21] См.: *Уткин В. А.* Ресоциализация освобожденных от наказания : история и современность // Уголовная юстиция. 2014. № 1 (3). С. 75–80.

данных категорий граждан, подтолкнуло законодателя к созданию специализированного нормативно-правового акта – Федерального закона № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Во-вторых, несмотря на несомненную прогрессивность самой идеи внедрения в отечественный правопорядок института пробации как эффективного инструмента исправления осужденных и ресоциализации освобожденных лиц, использование самого термина «пробация», заимствованного из англо-саксонской системы права, представляется ошибочным ввиду сущностного терминологического противоречия – в зарубежных правопорядках пробация связана с надзором за лицами, осужденными условно, и выступает аналогом отечественного института условного осуждения, в то время как российская модель пробации ориентирована на оказание помощи осужденным, а также на успешную реинтеграцию в общество освобожденных лиц. В связи с этим использование термина «ресоциализация», точнее передающего сущность мероприятий, составляющих в настоящее время пробацию, видится более правильным. В-третьих, неудачный опыт заимствования иностранной терминологии породил доктринальные дискуссии о правовой природе рассматриваемого института. Наиболее обоснованным видится рассмотрение пробации как комплексного правового явления, имеющего как уголовно-исполнительную, так и социальную природу. Наконец, представляется необходимым расширить предмет уголовно-исполнительного права за счет включения в него общественных отношений, регулируемых институтом пробации, возникающих на постпенитенциарном этапе и направленных на оказание помощи освобожденным из исправительных учреждений гражданам с целью их успешной социальной адаптации и реинтеграции в общество в качестве законопослушных его членов.

Библиографический список

Агабекян А. Л. К вопросу о гарантиях защиты частных интересов «клиента» пробации в новом Федеральном законе № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Вестник Кузбасского института. 2023. № 4 (57). С. 9–15.

Аккулев А. Ш. Отдельные вопросы пробации // Вестник Евразийского гуманитарного института. 2010. № 4. С. 45–47.

Антонян Е. А. Принудительные меры воспитательного воздействия : проблемы назначения и применения // Lex Russica. 2018. № 9. С. 112–118.

Васильев К. А. История становления и развития института пробации : зарубежный опыт // Вестник молодого ученого Кузбасского института : сб. науч. статей / отв. ред. Н. Н. Ивашко. Новокузнецк : Кузбас. ин-т Федер. службы исполнения наказаний, 2020. Вып. 4. С. 11–15.

Верина Г. В. Исполнительная пробация в контексте корреляции с уголовно-правовыми институтами // Вестник Сарат. гос. юрид. академии. 2025. № 5 (166). С. 210–215.

Головастова Ю. А. Концептуальные вопросы понимания модернизации предмета уголовно-исполнительного права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. С. 91–96.

Голодов П. В. Пробация в Российской Федерации : некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 196–197.

Горобцов В. И. Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия : монография. Орел : Орлов. школа МВД РФ, 1995. С. 15–16.

Громов В. Г. Пробация и проблемы ее реализации в Российской Федерации // Известия Сарат. ун-та. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 184–191.

Дворянсков И. В. Перспективы внедрения системы пробации в России // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тезисов выступлений и докладов участников : в 9 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2021. Т. 1. С. 114–120.

Дворянсков И. В. Пробация в России : концептуальные основы и перспективы реализации // Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции (Вологда, 18–19 июня 2024 г.) / редкол.: О. А. Димони (отв. ред.), И. Ю. Коробкина, В. Н. Некрасов. Череповец : ИП Мочалов С.В., 2024. С. 25–38.

Дорожинский А. А. Пробация в России : возможности и потенциал в предупреждении повторных преступлений среди осужденных // Преемственность и новации в юридической науке : материалы междунар. науч. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей. Омск, 2023. С. 40–42.

Каролi Б. Альтернативные меры уголовного наказания // Альтернативы тюремному заключению в Республике Казахстан : материалы международной конференции. М. : PRI, 2000. С. 67–68.

Коровин А. А. Перспективы создания службы пробации в России // III Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 19 декабря 2014 г.) / Санкт-Петербургский университет МВД России. Калининград :

Калининград. филиал СПб. ун-та МВД России, 2015. С. 46–48.

Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. М. : Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001.

Лузгин С. А. Служба пробации Федеральной службы исполнения наказаний : научно-практические подходы к формированию и организации деятельности // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тезисов выступлений и докладов участников : в 9 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2021. Т 5, ч. 2. С. 344–347.

Новиков Р. В. К вопросу о законодательном регулировании системы пробации в России // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тезисов выступлений и докладов участников : в 9 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2021. Т. 2, ч. 2. С. 304–309.

Пертли Л. Ф., Чернышева Д. В. Историко-правовой аспект и организация исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : монография. М., 2012. С. 198–199.

Скиба А. П., Скоморох О. А., Феоктистов С. В. Всероссийская научно-практическая конференция «Введение пробации в Российской Федерации : взаимодействие государственных органов и общественных организаций» (10 марта 2023 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18 (1–4), № 1. С. 122–131.

Скороходова А. С. Пробация в Российской Федерации : история и перспективы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 1 (260). С. 36–42

Уткин В. А. О системе специализированных воспитательно-профилактических органов // Проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Томск, 1982. С. 63–73.

Уткин В. А. Ресоциализация освобожденных от наказания : история и современность // Уголовная юстиция. 2014. № 1 (3). С. 75–80.

Уткин В. А. О перспективах пробации в России // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5–8.

Уткин В. А. Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы как доктринальный политико-правовой акт // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 431. С. 210–214.

Фильченко А. П. Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности (проблемы отраслевого и межотраслевого согласования) : монография / под ред. д-ра юрид. наук, профессора А. В. Наумова. М., 2014.

Хуторская Н. Б. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства России на основе Правил Совета Европы о пробации // Международный пенитенциарный журнал. 2017. Т. 3 (1–4), № 1. С. 68–71.

Чорный В. Н. Тенденции развития уголовно-исполнительного права в современных условиях // От исправительно-трудового права к уголовно-исполнительной отрасли : материалы междунар. науч.-практ. семинара. Рязань : Академия права и управления ФСИН ; Рязан. обл. ин-т развития образования, 2006.

Южанин В. Е. Общественная опасность личности преступника и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 1.

Garner B. A. (Ed.). (2024). Black's Law Dictionary (12th ed.). Thomson Reuters.

References

Agabekyan A. L. On the issue of guarantees for the protection of the private interests of the probation «client» in the new Federal Law No.10-FZ «On Probation in the Russian Federation» // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2023. No. 4 (57). P. 9–15.

Akkulev A. S. Selected probation issues // Scientific Journal : Bulletin of the Eurasian Humanitarian Institute. 2010. No. 4. P. 45–47.

Antonyan E. A. Compulsory measures of educational influence: problems of appointment and application // Lex Russica. 2018. No. 9. P. 112–118.

Vasiliev K. A. The history of the formation and development of the probation Institute : foreign experience // Bulletin of the young scientist of the Kuzbass Institute : collection of scientific articles / ed. by N. N. Ivashko. Novokuznetsk : Kuzbas. in-t Feder. penitentiary services. 2020. Issue 4. P. 11–15.

Verina G. V. Executive probation in the context of correlation with criminal law institutions // Bulletin of the Saratov State Law Academy. No. 5 (166). 2025. P. 210-215.

Golovastova Y. A. Conceptual issues of understanding the modernization of the subject of penal enforcement law // Humanities, socio-economic and social sciences. 2016. No.11. P. 91–96.

Golodov P. V. Probation in the Russian Federation : some problems of detention and legal regulation // Penitentiary Science.2022. Vol.16. No. 2 (58). P. 196–197.

Gorobtsov V. I. Theoretical problems of the implementation of post-emergency measures : monograph. Orel : Orel School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1995. P. 15–16.

Gromov V. G. Probation and the problems of its implementation in the Russian Federation // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right. 2024. Vol. 24, issue. 2. P. 184–191.

Dvoryanskov I. V. Prospects for the implementation of the probation system in Russia // V International Penitentiary Forum «Crime, punishment, correction» : a collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 9 volumes. Volume 1. Ryazan : Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. P. 114–120.

Dvoryanskov I. V. Probation in Russia : conceptual foundations and prospects for implementation // Proceedings of the interregional scientific and practical conference (Vologda, June 18-19, 2024) / editors: O. A. Dimoni (editors), I. Y. Korobkina, V. N. Nekrasov. Cherepovets : IP Mochalov S.V., 2024. P. 25–38.

Dorozhinsky A. A. Probation in Russia : opportunities and potential in preventing repeat crimes among convicts // Continuity and innovations in legal science: proceedings of the international scientific conference of adjuncts, postgraduates and applicants. Omsk, 2023. P. 40–42.

Karoli B. Alternative measures of criminal punishment // Alternatives to imprisonment in the Republic of Kazakhstan : proceedings of the international conference. Moscow : PRI, 2000. P. 67–68.

Korovin A. A. Prospects of creating a probation service in Russia // III Baltic Legal Forum «Law and Order in the third Millennium» : proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Kaliningrad, December 19, 2014 / St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Kaliningrad: Kaliningrad. branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. P. 46-48.

Christie N. The fight against crime as an industry. Moscow : NGO «Center for Assistance to Criminal Justice Reform», 2001. P. 21.

Luzgin S. A. Probation Service of the Federal Penitentiary Service: scientific and practical approaches to the formation and organization of activities // V International Penitentiary Forum «Crime, Punishment, correction» : collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 9 volumes. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. Vol. 5. Part 2. P. 344–347.

Novikov R. V. On the issue of legislative regulation of the probation system in Russia // V International Penitentiary Forum «Crime, punishment, correction» : a collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 9 volumes. Ryazan : Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. Vol. 2. Part 2. P. 304–309.

Pertli L. F., Chernysheva D. V. Historical and legal aspect and organization of execution of punishments and measures of a criminal-legal nature without isolation from society : monograph. Moscow, 2012. P. 198–199.

Skiba A. P., Skomorokh O. A., Feoktistov S. V. All-Russian scientific and practical conference «Introduction of probation in the Russian Federation : interaction of state bodies and public organizations» (March 10, 2023) // Penal Enforcement Law. 2023. Vol. 18(1-4), No. 1. P. 122–131.

Skorokhodova A.S. Probation in the Russian Federation: history and prospects // Bulletin of the penal enforcement system. 2024. No. 1 (260). P. 36–42.

Utkin V. A. On the system of specialized educational and preventive bodies // Problems of theory and practice of combating crime. Tomsk, 1982. P. 63–73.

Utkin V. A. Re-socialization of those released from punishment : history and modernity// Criminal Justice. 2014. No. 1(3). P. 75–80.

Utkin V. A. On the prospects of probation in Russia // Penal enforcement system : law, economics, management. 2016. No. 4. P. 5–8.

Utkin V. A. The concept of modernization of the penal enforcement system as a doctrinal political and legal act // Bulletin of Tomsk State University. 2018. No. 431. P. 210–214.

Filchenko A. P. The emergence, mitigation and termination of criminal liability (problems of sectoral and intersectoral coordination): the monograph / Edited by Dr. jurid. Sciences, Professor A.V. Naumov. M., 2014. P. 21.

Khutorskaya N. B. Improving the penal enforcement legislation of Russia on the basis of the Council of Europe Rules on Probation // International Penitentiary Journal. 2017. Vol. 3 (1-4), No. 1. P. 68–71.

Chorny V. N. Trends in the development of penal enforcement law in modern conditions // From correctional labor law to the penal enforcement branch: materials of international scientific and practical the seminar. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service; State Educational Institution institution of additional Prof. Ryazan Region Institute of Educational Development, 2006. P. 28.

Yuzhanin V. E. The social danger of the criminal's personality and the subject of penal enforcement law // Penal enforcement law. 2012. No. 1. P. 41.

Garner B. A. (Ed.). (2024). Black's Law Dictionary (12th ed.). Thomson Reuters.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Фомина В. Е., аспирант кафедры уголовного права и криминологии
E-mail: valera-titova@mail.ru

Поступила в редакцию: 22.05.2026

Для цитирования:
Фомина В. Е. Институт пробации: понятие и правовая природа // Вестник Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 208–216. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/208-216

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Fomina V. E., Post-graduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology
E-mail: valera-titova@mail.ru

Received: 22.05.2026

For citation:
Fomina V. E. The institute of probation: the concept and legal nature // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 208–216. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/208-216

УДК 341
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/217-220

ОБЗОР II МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 60-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПРИНЯТИЯ ПАКТОВ ООН О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

К. В. Андриевский, Е. В. Годованик, Д. В. Зарубин

Севастопольский филиал Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

REVIEW OF THE II INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE DEDICATED TO THE 60TH ANNIVERSARY OF THE ADOPTION OF THE UN COVENANTS ON HUMAN RIGHTS

K. V. Andrievskii, E. V. Godovanik, D. V. Zarubin

Sevastopol branch of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Аннотация: приведен обзор докладов, представленных 19 мая 2026 г. в городе-герое Севастополе на II Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы международного публичного и частного права в условиях формирования многополярного мира», посвященной 60-летнему юбилею принятия Пактов ООН о правах человека. На Конференции обсуждались актуальные вопросы международного публичного и международного частного права, морского, таможенного, интеграционного права, международного гражданского процесса, международного коммерческого арбитража.
Ключевые слова: международная научно-практическая конференция, актуальные проблемы международного публичного и частного права, формирование многополярного мира, Пакты ООН о правах человека.

Abstract: this article presents an overview of the reports submitted on May 19, 2026, in the Hero City of Sevastopol at the II International Scientific and Practical Conference «Current problems of international public and private law in the context of the formation of a multipolar world». The Conference discussed current issues in international public and international private law, maritime, customs, and integration law, international civil procedure, and international commercial arbitration.
Key words: international scientific and practical conference, current issues of international public and private law, formation of a multipolar world, UN Human Rights Covenants.

19 мая 2026 г. в городе-герое Севастополе состоялась II Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы международного публичного и частного права в условиях формирования многополярного мира» (далее – Конференция). Организаторами выступили Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (ИЗиСП) совместно с Юридическим институтом Севастопольского государственного университета (СевГУ), Институтом государства и права имени Г. С. Сапаргалиева Казахского национального университета (КазНУ) имени аль-Фараби, Севастопольским региональным отделением Ассоциации юристов России (АЮР), Коллегией адвокатов «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры» и ООО «НПО Консультант».

© Андриевский К. В., Годованик Е. В., Зарубин Д. В., 2026

В 2022 г. академик РАН Т. Я. Хабриева обратила внимание на то, что «многополярная система – это не только желательное, но и необходимое условие возрождения международного права, основанного на Уставе ООН, и преодоления его нынешнего кризисного состояния»[1]. Это предопределило лейтмотив Конференции, ставшей площадкой для дискуссии и выработки решений, которые могут стать основой для преодоления современных международно-правовых проблем. В юридической литературе подчеркивается, что «сейчас многополярный мир находится в стадии значительных изменений в условиях деформации понимания человеком самого человека»[2]. Данный тезис коррелирует с необходимостью осмысления современных проблем реализации положений Международных пактов ООН о правах человека, 60-летнему юбилею принятия которых была посвящена Конференция.

Конференцию открыл заведующий кафедрой «Международное, морское и таможенное право» СевГУ, главный научный сотрудник Севастопольского филиала ИЗиСП, доктор юридических наук, доцент *Е. В. Годованик*.

С приветственными словами к участникам Конференции обратились: первый заместитель директора ИЗиСП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ *И. И. Кучеров*; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации *Я. В. Лантратова*; директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России – Уполномоченный МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права, кандидат юридических наук *Г. Е. Лукьянцев*; заместитель губернатора города Севастополя *С. В. Пирогова*; председатель Суда ЕАЭС *А. А. Дронов*; председатель Верховного Суда Республики Абхазия *С. Р. Бутба*; специалист Департамента развития ООО «НПО Консультант» *Е. И. Ваганова*.

А. Я. Капустин, доктор юридических наук, профессор, заведующий Центром международного права и сравнительно-правовых исследований ИЗиСП, заслуженный деятель науки РФ, отметил, что все крупные и масштабные события, которые характеризуют геополитическую обстановку в мире в нулевые, десятые и последующие годы, отличались тем, что Запад использовал военные либо невоенные средства для того, чтобы обеспечить продвижение удобных им представлений о правах человека, демократии и иных принципов организации человеческого общества.

В. М. Шумилов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) Минэкономразвития России, заслуженный юрист РФ, подчеркнул, что русский мир – это больше, чем территория в границах России – его можно обозначить термином «Россия плюс». Одна из главных проблем русского мира – суметь закрепить в общественном сознании всесторонний баланс между национальными и культурными интересами всех наций в России.

А. С. Скаридов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и морского права Государственного университета морского и речного флота (ГУМРФ) имени адмирала С. О. Макарова, профессор кафедры «Международное, морское и таможенное право» СевГУ, обратил внимание на отсутствие имеющих юридическую силу определений так называемому «теневому флоту».

П. Н. Бирюков, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, подчеркнул, что мировые элиты готовят масштабную внесудебную конфискацию через изменения в праве собственности (так называемый «великий захват»). Запад хочет завладеть большей частью мирового имущества путем цифровизации подконтрольных активов и распространить эти правила на весь мир. России таким попыткам необходимо активно противодействовать, разрабатывая собственные правила в данной сфере.

П. Ю. Буцай, Уполномоченный по правам человека в городе Севастополе, выразил твердую уверенность в том, что рано или поздно состоится международный трибунал над Украиной за военные преступления против человечности, за геноцид русского и русскоязычного населения.

[1] *Хабриева Т. Я.* «Аксиология» национальных конституций в условиях международной турбулентности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения (9–10 июня 2022 г.). СПб. : СПбГУП, 2022. С. 176.

[2] Феномен регионализма в условиях современных вызовов : монография / отв. ред. А. Я. Капустин. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ : Норма : ИНФРА-М, 2024. С. 196.

Д. В. Морозова, Уполномоченный по правам человека в ДНР, отметила, что вооруженный конфликт на Донбассе стал суровым испытанием для всей системы международных отношений, выявил хрупкость многих аспектов, несостоятельность однополярной международной правозащитной архитектуры.

С. В. Мышак, Уполномоченный по правам человека в Краснодарском крае, подчеркнул, что цифровизация принесла нам новые риски и вызовы. Право на неприкосновенность частной жизни, на защиту персональных данных и другое – всё это работает в совершенно новой реальности.

В. П. Кот, кандидат технических наук, почетный председатель Севастопольского морского собрания, представил подробную историю освоения Арктики, начиная с 1596 г., когда стартовала экспедиция Виллема Баренца, до сегодняшних дней.

Ю. Э. Монастырский, доктор юридических наук, профессор кафедры международного частного и гражданского права имени С. Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России), профессор кафедры «Гражданское право и процесс» СевГУ, сделал акцент на том, что против борьбы с незаконными мерами ограничительного характера не используется широчайший спектр частноправовой защиты.

Д. К. Лабин, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, профессор кафедры «Международное, морское и таможенное право» СевГУ, и аспирант *С. Г. Карапетян* отметили, что в условиях беспрецедентного санкционного давления и формирования многополярного миропорядка происходит глубокая трансформация традиционного баланса интересов между принимающим государством и иностранным инвестором.

В. В. Груздев, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист ЛНР, директор Азовского морского института, рассказал о прошлом и настоящем юридического образования и науки на новых исторических территориях России, а также поделился соображениями о будущем развитии этого направления.

А. В. Полищук, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Международное, морское и таможенное право» СевГУ, презентовал учебное пособие «Применение системы управления рисками при осуществлении внешнеэкономической деятельности».

Также особый интерес участников Конференции вызвали доклады кандидата юридических наук, заместителя декана юридического факультета Белорусского государственного университета по международному сотрудничеству и интернационализации образования *О. В. Емельянович*; кандидата юридических наук, советника экспертно-аналитического отдела Секретариата Суда ЕАЭС *Е. Е. Рафалюк*; кандидата юридических наук, доцента, доцента кафедры международного права МГИМО МИД России *А. В. Кукушкиной*; кандидата юридических наук, доцента, доцента кафедры истории и теории государства и права Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского *А. П. Шумиленко* и кандидата юридических наук, доцента, доцента кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева *Л. В. Пастуховой*; руководителя Центра европейских и евразийских правовых исследований Национального исследовательского Нижегородского государственного университета (ЦЕЕАПИ ННГУ (Университета) имени Н. И. Лобачевского *А. С. Леонова*.

Кроме того, с докладами выступили директор ООО «КБ ФОТОНИКА» *Е. В. Епихин*, начальник юридического отдела Института природно-технических систем Российской академии наук (ИПТС РАН) *М. Е. Пекарникова,* соискатель ВАВТ Минэкономразвития России *И. А. Пинчук,* соискатель ГУМРФ имени адмирала С. О. Макарова *А. С. Мбанзани,* юрист ООО «Прецедент и право» *Т. Д. Володин*.

Выступления участников сопровождались дискуссиями, в ходе которых присутствующим удалось обменяться мнениями по многим теоретическим и практическим вопросам международного публичного и частного права. Участники отметили важность дальнейшего осмысления рассмотренных на Конференции вопросов и выразили надежду на то, что данное мероприятие будет проведено в третий раз в г. Севастополе в 2027 г.

Библиографический список

Феномен регионализма в условиях современных вызовов : монография / отв. ред. А. Я. Капустин. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ : Норма : ИНФРА-М, 2024. 240 с.

Хабриева Т. Я. «Аксиология» национальных конституций в условиях международной турбулентности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения (9–10 июня 2022 г.). СПб. : СПбГУП, 2022. С. 176.

References

Phenomenon of regionalism in the context of modern challenges : monograph / editor-in-chief A. Y. Kapustin. Moscow : The Institute of legislation and comparative law under the government of the Russian Federation : Norma : INFRA-M, 2024. 240 p.

Khabrieva T. Y. «Axiology» of national constitutions in the conditions of international turbulence // Global conflict and the contours of the new world order : XX International Likhachev Scientific Readings, June 9–10, 2022. St. Petersburg : St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2022. P. 175–182.

Севастопольский филиал Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Андриевский К. В., доктор юридических наук, доцент, руководитель Севастопольского филиала ИЗиСП

E-mail: k.andrievskii@mail.ru

Годованик Е. В., доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Севастопольского филиала ИЗиСП

E-mail: conferencemdgu@mail.ru

Зарубин Д. В., кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Севастопольского филиала ИЗиСП

E-mail: dimaaa95.95@mail.ru

Поступила в редакцию: 30.06.2026

Для цитирования:

Андриевский К. В., Годованик Е. В., Зарубин Д. В. Обзор II Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летнему юбилею принятия Пактов ООН о правах человека // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 217–220. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/217-220

Sevastopol branch of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Andrievskii K. V., Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Sevastopol branch of the ILCL

E-mail: k.andrievskii@mail.ru

Godovanik E. V., Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Chief Researcher of the Sevastopol branch of the ILCL

E-mail: conferencemdgu@mail.ru

Zarubin D. V., Cand. Sci. (Law), Leading Researcher of the Sevastopol branch of the ILCL

E-mail: dimaaa95.95@mail.ru

Received: 30.06.2026

For citation:

Andrievskii K. V., Godovanik E. V., Zarubin D. V. Review of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the 60th anniversary of the adoption of the UN Covenants on Human Rights // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 217–220. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/217-220

УДК 341
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/221-231

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПРАВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПРОБЛЕМЫ АСИММЕТРИИ И ПУТИ ГАРМОНИЗАЦИИ

А. Д. Басова

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

REGULATION OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES ACTIVITIES IN THE LAW OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: PROBLEMS OF ASYMMETRY AND WAYS TO HARMONIZATION

A. D. Basova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Аннотация: отсутствие единой правовой базы регулирования деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) препятствует реализации интеграционного потенциала ЕАЭС и ограничивает свободу предпринимательской деятельности на общем экономическом пространстве. Выявлены различия в национальных подходах к квалификации субъектов МСП, а также в установлении количественных и финансовых параметров, что создает препятствия для применения согласованных мер правовой поддержки. Правовая гармонизация национальных режимов регулирования МСП будет способствовать снижению барьеров, повышению правовой определенности и укреплению интеграционных процессов в ЕАЭС.
Ключевые слова: Евразийский экономический союз, право ЕАЭС, малое и среднее предпринимательство, поддержка МСП, правовые механизмы, интеграция, гармонизация.

Abstract: the absence of a unified legal framework governing the activities of small and medium-sized enterprises (SMEs) within the Eurasian Economic Union (EAEU) hampers the realization of the Union's integration potential and constrains the freedom of entrepreneurial activity in the common economic space. Significant divergences have been identified in national approaches to the classification of SMEs, as well as in the quantitative and financial criteria applied, which creates obstacles to the implementation of coordinated legal support measures. The harmonization of national SME regulatory regimes would contribute to reducing regulatory barriers, enhancing legal certainty, and strengthening integration processes within the EAEU.
Key words: the Eurasian Economic Union, EAEU law, small and medium-sized businesses, support for SMEs, legal mechanisms, integration, harmonisation.

Введение

В условиях углубления евразийской интеграции правовое регулирование деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) является системообразующим фактором для функционирования общего рынка, реализации свобод, закрепленных в ст. 1, 4 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС)[1], а также для достижения целей экономического развития, предусмотрен-

© Басова А. Д., 2026

[1] См.: Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. (в ред. от 25 мая 2023 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855 (дата обращения: 01.12.2025).

ных ст. 3 данного Договора. Сектор МСП характеризуется высокой адаптивностью к экономическим и регуляторным изменениям, способствует развитию инноваций, обеспечению занятости, активизирует трансграничные экономические связи. Согласно Распоряжению Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) от 11 октября 2022 г. № 179 объем взаимной торговли государств – членов Союза отнесен к числу ключевых индикаторов интеграции[2]. В этом контексте особую значимость приобретает развитие МСП, поскольку предприятия данного сектора непосредственно способствуют наращиванию взаимной торговли, усиливают конкуренцию на внутреннем рынке, повышают гибкость экономической системы, ускоряют ее технологическую адаптацию.

В то же время нормативно-правовая, институциональная база в сфере МСП в ЕАЭС остается фрагментарной и несогласованной[3]. Отсутствие единых критериев, унифицированных процедур и международных механизмов стимулирования предпринимательства снижает инвестиционную привлекательность евразийского экономического пространства. Указанные проблемы проявляются в отсутствии согласованного подхода к определению статуса хозяйствующих субъектов, значительных различиях национальных критериев отнесения к категории МСП, а также в расхождении применяемых налоговых, финансовых, информационных инструментов поддержки. Регуляторная неоднородность затрудняет реализацию положений Договора о ЕАЭС, создает барьеры для свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, ограничивает участие МСП в общем экономическом пространстве Союза.

В российской научной литературе, посвященной национальным правовым режимам поддержки МСП, выделяются работы М. В. Баевой, где подробно исследуются внутригосударственные правовые, институциональные инструменты регулирования данного сектора[4]; вместе с тем интеграционный уровень правового воздействия, специфика правового пространства ЕАЭС остаются вне рамок анализа. В статье С. С. Агеева и А. Д. Нижник проводится сравнительное изучение налоговых режимов для МСП в государствах — членах ЕАЭС, при этом рассмотрение также ограничивается национальными правовыми рамками[5]. В российской доктрине постепенно формируется корпус исследований, ориентированных на наднациональные аспекты регулирования предпринимательской деятельности. И. Д. Доценко анализирует основные тенденции правового регулирования предпринимательской деятельности в Европейском союзе (ЕС), включая вопросы конкуренции, банкротства, инвестиционной и корпоративной деятельности, что позволяет выявить особенности функционирования развитого интеграционного правопорядка[6]. Однако данное исследование сосредоточено преимущественно на общесистемных механизмах предпринимательского права, тогда как МСП как самостоятельный объект правового регулирования специально не рассматривается. В отечественной научной литературе по-прежнему сохраняется пробел, связанный с правовым статусом МСП в интеграционных объединениях.

Единое понятие МСП как первый шаг к гармонизации

Несмотря на позитивные тенденции гармонизации, в правовых системах государств – членов ЕАЭС сохраняются существенные различия[7], обусловленные историческими, экономическими и социальными факторами. Условиями обеспечения эффективной экономической интегра-

[2] См.: Об утверждении Методологии формирования системы ключевых показателей и индикаторов, характеризующих влияние процессов евразийской экономической интеграции на условия ведения предпринимательской деятельности : распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 октября 2022 г. № 179» // Информационно-правовой портал «Альта-Софт». URL: https://www.alta.ru/tamdoc/22r00179 (дата обращения: 04.10.2025).

[3] См.: *Иванченко Л. А., Ильиных А. И.* Институциональные и экономические аспекты регулирования деятельности малого и среднего предпринимательства в странах ЕАЭС // Экономика и предпринимательство. 2023. № 10. С. 63.

[4] См.: *Баева М.* Поддержка МСП в ЕАЭС : мониторинговый отчет. М. : Всерос. академия внешней торговли, 2019.

[5] См.: *Агеев С. С., Нижник Д. А.* Налогообложение субъектов малого и среднего предпринимательства в Евразийском экономическом союзе // Вестник С.-Петерб. ун-та. Право. 2025. Т. 16, № 2. С. 470.

[6] См.: *Доценко И. Д.* Основные тенденции правового регулирования предпринимательской деятельности на наднациональном уровне // Юрист. 2021. № 12.

[7] См.: *Лаптев В. А.* Нормы международного права о предпринимательстве : общие положения // Вестник РГГУ. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2016. № 3 (5). С. 141–150.

ции являются согласование понятия МСП и унификация критериев отнесения субъектов к категории малого и среднего бизнеса. Отсутствие единых критериев порождает системное неравноправие между хозяйствующими субъектами на уровне Союза, в том числе при реализации права на защиту в Суде ЕАЭС. Понятие хозяйствующего субъекта, закрепленное в Статуте Суда ЕАЭС, охватывает юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных как в государствах – членах Союза, так и в третьих странах. При этом оно не всегда совпадает с национальными определениями МСП. Так, в Российской Федерации лица, подпадающие под экспериментальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (их временное включение в реестр МСП предусмотрено в ряде регионов Российской Федерации до 31 декабря 2028 г.), формально включаются в соответствующий реестр, однако с точки зрения правового статуса в рамках ЕАЭС не относятся к субъектам МСП. Согласование единого понятия МСП является первоочередным шагом к гармонизации регулирования и опирается на два ключевых элемента.

Во-первых, необходимо определить и согласовать критерии отнесения хозяйствующих субъектов к категории МСП. Анализ национальных норм показывает, что ключевыми критериями по-прежнему выступают численность работников и размер выручки, при этом их конкретные значения существенно различаются между государствами[8]. Целесообразно выработать единые количественные и качественные критерии с учетом опыта всех государств ЕАЭС, что создаст основу для согласованной правоприменительной практики и предсказуемых механизмов поддержки во всём Союзе[9].

Во-вторых, при разработке интеграционного подхода наряду с двумя базовыми организационно-правовыми формами, такими как индивидуальный предприниматель[10] и ООО, необходимо учитывать и иные модели осуществления предпринимательской деятельности, в том числе специальные экспериментальные режимы, вводимые государствами – членами ЕАЭС. Ограничение анализа только указанными субъектами не позволяет отразить весь спектр участников экономического оборота.

Правовая база ЕАЭС как основа для формирования общего подхода к МСП в ЕАЭС: достижения и вызовы

В Договоре о ЕАЭС отсутствует отдельная глава, специально посвященная МСП. Данный пробел представляется симптоматичным: в условиях провозглашенного курса на углубление экономической интеграции отсутствие специализированной нормативной конструкции объективно сдерживает выработку согласованных политик в рассматриваемой сфере. Вместе с тем интеграционные процессы в ЕАЭС сопровождаются поступательным развитием правовых институтов, ориентированных на стимулирование предпринимательской активности как ключевого фактора устойчивого экономического роста[11]. Важным ориентиром международной политики в данной сфере выступают Цели устойчивого развития Организации объединенных наций (ООН) до 2030 г., в частности цель 8.3, предусматривающая поддержку расширения МСП[12].

Согласно позиции ЕЭК, система МСП в ЕАЭС имеет многоуровневую архитектуру, включающую национальный, наднациональный (уровень интеграционных объединений), отраслевой

[8] См.: *Касьянов Р. А., Басова А. Д.* Значение правового регулирования общего финансового рынка ЕАЭС для субъектов малого и среднего предпринимательства // Законы России : опыт, анализ, практика. 2025. № 5. С. 81.

[9] См.: *Андреев В. К.* Гармонизация законодательства о предпринимательской деятельности государств – участников Евразийского экономического союза и СНГ // Международное сотрудничество евразийских государств : политика, экономика, право. 2016. № 4 (9). С. 46–47.

[10] См.: Статистические данные по субъектам МСП на январь 2025 года. URL: https://opora.ru/site/assets/files/77211/statisticheskie_dannye_po_msp_yanvar_2025g.pdf (дата обращения: 01.12.2025) ; О малом и среднем предпринимательстве в Казахстане // Бюро национальной статистики Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/publications/347146 (дата обращения: 01.12.2025) ; Число ИП и организаций МСП в Беларуси // Агентство финансовых новостей Беларуси. URL: https://news.afnfn.com/news/i/330010 ; Минус 12 тысяч за год : число ИП в Беларуси сокращается // Наша Ніва. URL: https://nashaniva.com/ru/335519 (дата обращения: 01.12.2025).

[11] См.: *Kargina L., Masolletti M.* Eurasian Economic Union : current concept and prospects. 2021 // arXiv. URL: https://arxiv.org/abs/2109.03644 (date of access: 01.12.2025).

[12] См.: Sustainable Development Goals. United Nations, Department of Economic and Social Affairs. URL: https://sdgs.un.org/goals (date of access: 01.12.2025).

уровни, а также уровень отдельных субъектов предпринимательства. Каждый из этих уровней обладает собственными приоритетами и спецификой реализации мер поддержки, определяемыми институциональной средой и текущими экономическими условиями[13]. Национальные органы власти сосредоточены на формировании благоприятной нормативно-правовой среды, совершенствовании законодательства, а также финансовых механизмов. Институты ЕАЭС обеспечивают гармонизацию требований, координацию совместных программ, расширяющих возможности МСП в рамках общего экономического пространства Союза.

Отдельные положения, затрагивающие МСП, закреплены в приложениях к Договору о ЕАЭС. В частности, в Приложении № 25 (раздел V) допускается предоставление преимуществ субъектам МСП при проведении закупок, если это предусмотрено законодательством государства – члена Союза. Данное положение не является нормой прямого действия, а отсылает к национальному регулированию. Это также свидетельствует о сохраняющейся фрагментарности подхода ЕАЭС к правовому оформлению поддержки МСП, при котором каждое государство сохраняет автономию в реализации соответствующих мер. Подобная конструкция формирует риск нормативной асимметрии и регулятивного арбитража, подрывает идею единого экономического пространства: преференции могут быть предусмотрены в одном государстве и недоступны в другом, что снижает предсказуемость результатов правового регулирования.

В Приложении № 27 к Договору о ЕАЭС декларируется содействие участию субъектов МСП в кооперации в сфере промышленности. При этом данное положение сформулировано как общая целевая установка и не подкреплено перечнем конкретных механизмов реализации. В отсутствие нормативно закрепленных мер она носит преимущественно декларативный характер и допускает широкую вариативность толкований в зависимости от национальных экономических приоритетов государств – членов Союза. В результате интеграционная ценность указанной нормы остается ограниченной, а институциональная роль МСП в промышленной политике ЕАЭС оказывается во многом риторической, а не инструментальной.

В то же время более детальная регламентация соответствующих положений содержится в правовых актах органов ЕАЭС. Решением Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2021 г. № 5 утверждены Основные направления промышленного сотрудничества. Участие МСП в производственных цепочках, поддержка через сети кооперации и субконтрактации, а также вовлечение в трансфер технологий свидетельствуют о намерении интегрировать эти предприятия в крупные индустриальные проекты. Упоминание цифровой повестки Союза указывает на использование цифровых платформ для поддержки МСП. Таким образом, МСП отведена отдельная роль как участникам[14] реализации проектов индустриализации; промышленной кооперации; трансфера технологий; цифровых платформ в рамках цифровой повестки Союза. Указанный документ демонстрирует переход от преимущественно декларативного к проектно-ориентированному регулированию, при этом существенным ограничением остается отсутствие механизма юридического принуждения: реализация предусмотренных мероприятий зависит от политической воли и ресурсных возможностей государств – членов ЕАЭС. Это может привести к неравномерной реализации и, как следствие, к институциональному разрыву между странами ЕАЭС.

Реализация проектов индустриализации и промышленной кооперации

Наблюдается активное развитие кооперационного промышленного сотрудничества, осуществляемого на основе карты индустриализации Союза. Согласно официальным данным ЕЭК, в государствах – членах ЕАЭС разрабатывается и реализуется свыше 270 инвести-

[13] См.: Евразийская экономическая комиссия. Доклад о предложениях по формированию благоприятной конкурентной среды для развития предпринимательства, раскрытию потенциала малого и среднего бизнеса (в рамках выполнения п. 1.7.2 Плана мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденного Советом Евразийской экономической комиссии 5 апреля 2021 г.). URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/eb4/Doklad.pdf (дата обращения: 01.12.2025).

[14] См.: Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2025 года : решение Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2021 г. № 5. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/21ms0005 (дата обращения: 01.12.2025).

ционных проектов индустриального характера общей стоимостью более 240 млрд долларов США, из которых более 150 осуществляются в форме совместных производств в 25 отраслях промышленности[15]. Значительная часть проектов сосредоточена в таких ключевых секторах, как машиностроение, химическая промышленность, сельскохозяйственное машиностроение, производство металлоконструкций и электрооборудования. Утвержденный Решением Межправительственного совета от 26 октября 2023 г. № 3[16] механизм финансовой поддержки кооперационных проектов способствует стимулированию их реализации и повышению уровня технологического импортозамещения, что отражает стратегическую цель Союза – формирование единого индустриального пространства с развитой производственной кооперацией.

В данном контексте показательным является проект «Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий»[17], который устанавливает целевые индикаторы: к 2026 г. планируется вовлечь около 130 тыс. предприятий, включая более 20 тыс. МСП, а номенклатуру продукции увеличить до 239 тыс. наименований, из которых 16,3 % должны производить МСП. Хотя такая количественная конкретизация способствует метрификации политики, остается неясным, как будет организован мониторинг достижения показателей и какая ответственность предусмотрена за их невыполнение. Без системной отчетности и эффективного контроля эти ориентиры рискуют остаться декларативными.

В 2024 г. в рамках ЕАЭС были предприняты шаги по развитию производственной кооперации и созданию совместных предприятий, включая утверждение основных направлений промышленного сотрудничества до 2030 г. и запуск наднационального механизма финансирования кооперационных проектов за счет бюджета Союза. Дополнительную институциональную поддержку обеспечивают Евразийская перестраховочная компания и Евразийский банк развития, призванные снижать финансовые и инвестиционные риски кооперационных инициатив[18].

В дополнение к карте индустриализации, выступающей основным инструментом кооперации, для субъектов МСП предусмотрены иные механизмы поддержки: единый перечень производителей кабельно-проводниковой продукции, единый перечень производителей продукции судостроения и судоремонтных заводов, а также единый перечень заинтересованных предприятий, – готовых к кооперации в производстве промышленной продукции для железнодорожного транспорта. Эти перечни формируются в рамках ЕАЭС и направлены на упрощение поиска партнеров и инвестиционных возможностей, что способствует более эффективному развитию промышленной кооперации между государствами Союза[19].

Трансфер технологий. Евразийская сеть трансфера технологий позиционируется как инструмент стимулирования инновационной активности в ЕАЭС, однако ее потенциал для субъектов МСП существенно ограничен отсутствием необходимой нормативной детализации на уровне ЕАЭС.

В праве Союза по-прежнему отсутствуют единые процедуры участия МСП в проектах технологического трансфера, общие критерии допуска к технологическим ресурсам, согласованный механизм распределения ответственности между участниками таких проектов, а также уни-

[15] См.: На 2025 год предусмотрено порядка 3 млрд рублей на кооперационные проекты в рамках ЕАЭС. URL: https://eec.eaeunion.org/news/speech/na-2025-god-predusmotreno-poryadka-3-mlrd-rubley-na-kooperatsionnye-proekty-v-ramkakh-eaes/ (дата обращения: 01.12.2025).

[16] См.: Об утверждении Положения об отборе совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности и оказании финансового содействия при их реализации государствами – членами Евразийского экономического союза : решение Евразийского межправительственного совета от 26 октября 2023 г. № 3. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/23ms0003/ (дата обращения: 01.12.2025).

[17] См.: О паспорте проекта Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий : решение Евразийского межправительственного совета от 9 августа 2019 г. № 8. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331423/92d3e3d03094ed76da5c15fa72b687f1cebd5931 (дата обращения: 01.12.2025).

[18] См.: *Нигматуллина Р. А., Габитова З. Р.* Цифровизация как фактор интеграции Евразийского экономического союза // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. 2025. № 1 (51). С. 33–39.

[19] См.: *Оглоблина Е. В.* Особенности промышленно-технологической кооперации в ЕАЭС на современном этапе // Мировая экономика и мировые финансы. 2025. № 2. С. 44–50.

фицированные требования к охране интеллектуальной собственности и распоряжению правами на результаты интеллектуальной деятельности в трансграничных сделках.

Указанная правовая неопределенность усиливает фрагментацию национальных практик и препятствует формированию общего инновационного пространства ЕАЭС. Устранение указанных пробелов возможно лишь через принятие специализированного международного документа, который закрепит стандарты трансфера технологий, минимальные требования к правовому режиму технологий и порядок включения МСП в трансграничные инновационные цепочки[20].

Роль цифровых платформ в рамках цифровой повестки Союза

Цифровизация деятельности субъектов МСП выступает не только механизмом повышения их конкурентоспособности, но и важным инструментом упрощения административных процедур, обеспечения доступа к рынкам и ресурсам, а также участия в трансграничной торговле.

В рамках реализации Основных направлений цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. и иных актов, в частности Решения Межправительственного совета от 30 апреля 2019 г. № 6 «Об Описании эталонной модели национального механизма "единого окна" в системе регулирования внешнеэкономической деятельности», активно развиваются инициативы по формированию цифровых экосистем для торговли, включая трансграничные электронные платформы. Эти платформы способствуют снижению административных барьеров, упрощению процедур регистрации, отчетности и получения государственных услуг, тем самым повышают правовую доступность для МСП. Ключевыми инструментами в данном контексте являются системы электронного правительства и электронной подписи, а также цифровые площадки для заключения договоров и осуществления трансграничной торговли. Требуется согласованный комплекс правовых и институциональных мер, направленных на формирование единого цифрового пространства ЕАЭС для успешной реализации цифровой стратегии Союза и развития интеграционного права в сфере поддержки МСП[21].

В 2018 г. АНО «Центр исследований в сфере экономики и права» представила отчет по цифровой повестке ЕАЭС, в котором были обозначены инициативы по поддержке МСП. Среди них – предложение компании «ТАСС Информационные технологии» о создании единой коммуникационной платформы «Бизнес-Навигатор», призванной консолидировать данные о товарах, услугах, контрагентах, закупках и мерах государственной поддержки, включая инновационные проекты. Указанная платформа ориентирована как на предпринимателей, нуждающихся в оперативной и структурированной информации, так и на инвесторов и органы государственной власти, определяющие приоритеты социально-экономического и инновационного развития[22].

В 2021 г. был внедрен сервис «Работа без границ», обеспечивающий трансграничный доступ к национальным базам вакансий и формирующий цифровую экосистему трудовой мобильности[23]. В дополнение к формируемой цифровой инфраструктуре в 2021 г. был внедрен Евразийский реестр промышленной продукции (ЕРПП), который функционирует как наднациональный инструмент верификации происхождения товаров, обеспечивающий унификацию критериев допуска промышленной продукции на рынок ЕАЭС. Его практическая значимость заключается в снижении регуляторной неопределенности и асимметрии национальных требований, что особенно важно для МСП при участии в государственных закупках и трансграничных цепочках поставок.

Однако сохраняющиеся пробелы в реализации цифровой стратегии ЕАЭС не только тормозят процессы цифровой интеграции, но и пре-

[20] См.: *Макарян Э. А.* Евразийская сеть трансфера технологий и ее роль в развитии инновационной деятельности малых предприятий // Экономика и бизнес : теория и практика. 2021. № 5-2. С. 151.

[21] См.: *Mikhaliova T. N.* Upgrading legal regulation of integration in the context of digital economy : the Eurasian Economic Union Agenda // Smart Technologies for the Digitisation of Industry : Entrepreneurial Environment. 2022. P. 221–222.

[22] См.: *Сухоруков А. В.* Роль актов ЕАЭС в правовом регулировании инновационной предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Образование и право. 2022. № 4. С. 204–209.

[23] См.: Евразийская экономическая интеграция. В ЕАЭС запущен первый цифровой проект «Работа без границ». URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_eaes_zapushchen_pervyy_cifrovoy_proekt_rabota_bez_granic.html (дата обращения: 13.10.2025).

пятствуют формированию эффективных механизмов правового регулирования деятельности МСП в Союзе. Необходим согласованный комплекс правовых и институциональных мер, направленных на формирование единого цифрового пространства ЕАЭС, что является фундаментом успешной реализации цифровой повестки и дальнейшего развития интеграционного права в сфере поддержки МСП.

Отдельные сферы правового регулирования МСП в ЕАЭС, требующие международного регулирования

Несмотря на развитие интеграционных механизмов, отдельное правовое регулирование МСП в ЕАЭС остается фрагментарным и не формирует целостного комплексного режима. Это обусловливает необходимость системного анализа сохраняющихся пробелов и выявления сфер, в которых наднациональное регулирование представляется наиболее востребованным. Рассмотрим некоторые из них.

1. Система юридического сопровождения МСП при выходе на новые рынки

В праве ЕАЭС до настоящего времени не сформирована целостная, институционализированная система юридического сопровождения МСП при выходе на новые рынки. Не обеспечиваются: упорядоченный доступ к актуальной правовой информации, специальные механизмы защиты прав при трансграничной деятельности, а также устойчивые форматы правового сопровождения экспортных сделок и инструменты сглаживания различий в национальных правопорядках государств – членов Союза.

Выход на новые рынки МСП в рамках ЕАЭС сопряжен с комплексом правовых рисков: корпоративных, договорных, налоговых, имущественных, а также рисков, связанных с реализацией права на судебную защиту[24]. Корпоративные риски проявляются, в частности, при использовании управленческих контрактов и аутсорсинга. Несовпадение интересов сторон, высокая зависимость от подрядчика и прекращение его деятельности способны повлечь как прямые финансовые потери, так и значительный репутационный ущерб для МСП. В Рекомендации Коллегии ЕЭК от 4 октября 2022 г. № 39 «О формировании или улучшении условий для создания и деятельности в государствах – членах Евразийского экономического союза совместных предприятий в секторах производственной деятельности» подчеркивается необходимость сокращения подобных барьеров, а в Приложении № 27 к Договору о ЕАЭС закреплены правовые предпосылки для участия МСП в промышленной кооперации.

Правовые риски при заключении договоров с контрагентами включают, с одной стороны, возможную утрату предпринимательской автономии при построении франчайзинговых отношений, с другой – обязанность строгого соблюдения таможенных и налоговых требований при экспорте товаров и услуг. Таможенный кодекс ЕАЭС и п. 1 ст. 72 Договора о ЕАЭС предусматривают возможность применения нулевой ставки НДС при экспорте, при этом несоблюдение установленных условий чревато наступлением административной либо уголовной ответственности.

Часть регуляторной и процедурной нагрузки компенсируется за счет наднациональных инструментов упрощения внешнеэкономической деятельности, прежде всего системы «единого окна», которая способствует ускорению заключения контрактов, снижению бюрократических издержек и повышению прозрачности операций[25]. Вместе с тем этих мер явно недостаточно для формирования по-настоящему безопасной и предсказуемой среды выхода МСП на международный рынок.

Эффективная модель юридической поддержки МСП в условиях ЕАЭС предполагает внедрение комплексного подхода, включающего системный мониторинг изменений наднационального и национального законодательства; разработку внутренних регламентов и процедур управления правовыми рисками; активное использование цифровых сервисов (электронные платформы заключения сделок, онлайн-инструменты проверки контрагентов и дистанционного консультирования); проведение квалифицированной правовой экспертизы договоров и контроль соблюдения налоговых и таможенных требований; обращение к наднациональным механизмам защиты прав, в том числе в Суд ЕАЭС, и к правовым позициям, формируемым решениями ЕЭК.

[24] См.: *Трунцевский Ю. В.* Правовые риски : понятие и виды (статья) // Актуальные вопросы публичного права. 2014. № 4. С. 115–120.

[25] См.: *Кириллов Ю. Г., Павента Е.* Факторы, способствующие интернационализации для малых и средних компаний в новых условиях российской экономики // Вестник ОмГУ. Сер.: Экономика. 2015. № 4. С. 46–50.

Реализация такого подхода позволяет существенно сократить вероятность финансовых потерь, минимизировать юридические и репутационные риски, повысить предсказуемость трансграничных операций и, как следствие, укрепить конкурентные позиции МСП на интегрированном рынке Союза.

2. Поддержание честных рыночных правил и эффективное противодействие монополизации

Существующая в Союзе система правового регулирования конкуренции в настоящее время не в полной мере гарантирует поддержание честных рыночных условий и эффективное противодействие монополизации. Прежде всего это проявляется в недостаточной развитости специальных инструментов правовой защиты МСП от недобросовестных действий крупных компаний, злоупотребления ими господствующим положением и необоснованных препятствий в доступе к инфраструктуре. Конкурентная модель ЕАЭС основана на сочетании унифицированного международного регулирования с координацией действий государств-членов, что позволяет выстраивать единые правила на трансграничных рынках и одновременно обеспечивать гармонизацию национального законодательства в сфере конкуренции[26].

В Договоре о ЕАЭС закреплены базовые запреты: на антиконкурентные соглашения между хозяйствующими субъектами, злоупотребление доминированием на товарных рынках, использование недобросовестных методов конкурентной борьбы и реализацию согласованных практик, ведущих к ограничению конкуренции[27]. Вместе с тем в рамках права Союза предусматривается возможность заключения ряда «вертикальных соглашений», критерии допустимости которых конкретизированы в приложении № 19 к Договору[28]. Подобное регулирование отражает стремление к балансу между универсальностью правовых норм и их адаптивностью к экономическим условиям государств – членов Союза.

Отдельный блок норм в праве ЕАЭС посвящен регулированию естественных монополий. Протоколы № 20–22 содержат детальное описание моделей регулирования, требований к обеспечению и условиям предоставления доступа к услугам монополистов, принципов тарифной и нетарифной политики, а также разграничивают компетенцию национальных регулирующих органов и ЕЭК[29]. Четкое нормативное определение сфер деятельности естественных монополий и их подчинение праву Союза формируют прозрачный и предсказуемый режим для всех участников рынка, в том числе для малого и среднего бизнеса[30], снижают вероятность чрезмерной концентрации в отдельных отраслях и ограничивают пространство для недобросовестных рыночных практик.

Кроме того, в ЕАЭС создана система противодействия недобросовестному внешнеторговому воздействию, прежде всего демпинговому импорту. Она включает процедуры расследования подозрительных ценовых практик, установление факта и масштаба ущерба, наносимого национальной промышленности, а также применение антидемпинговых пошлин и иных защитных мер[31]. В совокупности такие инструменты не только поддерживают необходимый уровень конкуренции, но и создают для МСП более устойчивую и прогнозируемую среду выхода на интегрированные рынки Союза, уменьшают риск вытеснения малого и среднего бизнеса крупными транснациональными и государственными структурами.

Заключение

Таким образом, правовая база ЕАЭС формирует предпосылки для развития МСП, однако ее потенциал в значительной степени остается нереализованным. Формирование общего правового подхода к регулированию сектора

[26] См.: *Дьяченко Е. Б., Энтин К. В.* Суд ЕАЭС о защите конкуренции. Соотношение национального и наднационального права // Конкуренция и право. 2017. № 4. С. 65–69.

[27] См.: *Росляков А. В.* Коллективное доминирование, группа лиц, согласованные действия и свобода договора // Закон. 2019. № 1. С. 171–187.

[28] См.: *Серегин Д. И.* Законодательство о защите от недобросовестной конкуренции в Евразийском экономическом союзе // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2017. № 11. С. 59–69.

[29] См.: *Доценко И. Д.* Правовое регулирование предпринимательской деятельности в рамках региональных интеграционных объединений : дис.… канд. юрид. наук. М. : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2024. 154 с.

[30] См.: *Габов А. В., Лизикова М. С.* Энергетическое право Евразийского экономического союза : формирование и основы // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 13–24.

[31] См.: *Шепенко Р. А.* Антидемпинговые правила ЕАЭС // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 68–78.

МСП в рамках ЕАЭС является необходимым условием повышения эффективности интеграционной политики Союза и развития единого экономического пространства через принятие единого нормативного документа. Современный этап евразийской экономической интеграции характеризуется объективной потребностью в правовой гармонизации национального законодательства государств – членов ЕАЭС в сфере регулирования деятельности МСП, включая разработку единой системы критериев отнесения хозяйствующих субъектов к сектору МСП. Отсутствие согласованного понятийного аппарата, различия в количественных и финансовых параметрах, используемых в национальных правопорядках государств – членов ЕАЭС, затрудняют реализацию целевых механизмов поддержки и ограничивают трансграничную активность субъектов МСП.

В условиях углубления евразийской экономической интеграции система поддержки МСП в ЕАЭС должна эволюционировать в единый, внутренне непротиворечивый правовой режим, основанный на согласованных минимальных стандартах, действующих во всех государствах – участниках Союза. Достижение указанной цели предполагает реализацию комплекса последовательных мер.

Во-первых, для комплексного решения выявленных проблем представляется целесообразным дополнить Договор о Евразийском экономическом союзе специальной статьей, посвященной МСП. Закрепление такой нормы создаст компетенцию Союза в данной сфере на уровне первичного права, формализует полномочия органов ЕАЭС и задает рамки для дальнейшей нормативной работы.

Во-вторых, параллельно с внесением статьи целесообразно разработать и включить в структуру Договора отдельный Протокол, который будет регулировать ключевые понятия, основные направления поддержки и базовые процедуры взаимодействия субъектов МСП в рамках Союза. В частности, это сделает возможным закрепление наднациональной дефиниции МСП, а именно обязательные исходные критерии отнесения к МСП (численность работников, финансовые показатели). При этом за государствами – членами ЕАЭС может быть сохранено право уточнять и детализировать такие параметры в пределах допустимого коридора на уровне национального законодательства. Более узкие и технические вопросы должны решаться посредством международных договоров в рамках ЕАЭС, а также через решения и акты его органов, что обеспечит гибкость и актуальность регулирования.

В-третьих, до принятия комплексного системного решения отдельные проблемы могут быть урегулированы уже на текущем этапе путем точечного включения норм, направленных на поддержку МСП, в действующие смежные соглашения и решения Союза. В частности, это может касаться: актов, регулирующих промышленное сотрудничество; документов по цифровой трансформации и развитию цифровой экономики; нормативных актов, обеспечивающих функционирование и развитие внутреннего рынка.

В-четвертых, необходимо конструирование особого правового режима взаимного признания статуса МСП в пространстве ЕАЭС, оформленного отдельным международным договором – Соглашением о трансграничном признании статуса субъектов МСП в ЕАЭС. В таком соглашении целесообразно закрепить правовые и технические механизмы стыковки национальных реестров, унифицированную процедуру подтверждения статуса МСП, закрытый перечень трансграничных льгот и инструментов поддержки, предоставляемых таким субъектам, а также наднациональные процедуры обжалования решений компетентных органов, способных негативно повлиять на права и законные интересы малого и среднего бизнеса. Реализация данного режима должна минимизировать риски дискриминации МСП по территориальному признаку и гарантировать равный доступ к преференциям на всей территории Союза.

В-пятых, требуются разработка и внедрение наднациональной цифровой платформы ЕАЭС, призванной обеспечить координацию, информационное сопровождение и оценку интеграционных инициатив в сфере МСП. Предполагается, что платформа будет включать межгосударственный реестр субъектов МСП, специализированный модуль для доступа к структурированной информации о доступных мерах поддержки, сервисы правового и организационного сопровождения трансграничных проектов, а также инструменты мониторинга интеграционных и социально-экономических результатов реализуемых программ. Для правового закрепления и практического запуска этого инструмента необходимы принятие Решения Коллегии ЕЭК и заключение протокола к Договору о ЕАЭС, в ко-

тором будут определены стандарты и форматы обмена данными, правовой режим обрабатываемой информации и процедурные принципы функционирования цифровой платформы.

Библиографический список

Агеев С. С., Нижник Д. А. Налогообложение субъектов малого и среднего предпринимательства в Евразийском экономическом союзе // Вестник С.-Петерб. ун-та. Право. 2025. Т. 16, № 2. С. 470–484.

Андреев В. К. Гармонизация законодательства о предпринимательской деятельности государств – участников Евразийского экономического союза и СНГ // Международное сотрудничество евразийских государств : политика, экономика, право. 2016. № 4 (9). С. 46–47.

Баева М. Поддержка МСП в ЕАЭС : мониторинговый отчет. М. : Всерос. академия внешней торговли, 2019.

Габов А. В., Лизикова М. С. Энергетическое право Евразийского экономического союза : формирование и основы // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 13–24.

Доценко И. Д. Основные тенденции правового регулирования предпринимательской деятельности на наднациональном уровне // Юрист. 2021. № 12.

Доценко И. Д. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в рамках региональных интеграционных объединений : дис. … канд. юрид. наук. М. : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2024. 154 с.

Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Суд ЕАЭС о защите конкуренции. Соотношение национального и наднационального права // Конкуренция и право. 2017. № 4. С. 65–69.

Иванченко Л. А., Ильиных А. И. Институциональные и экономические аспекты регулирования деятельности малого и среднего предпринимательства в странах ЕАЭС // Экономика и предпринимательство. 2023. № 10. С. 63–70.

Касьянов Р. А., Басова А. Д. Значение правового регулирования общего финансового рынка ЕАЭС для субъектов малого и среднего предпринимательства // Законы России : опыт, анализ, практика. 2025. № 5. С. 80–86.

Кириллов Ю. Г., Павента Е. Факторы, способствующие интернационализации для малых и средних компаний в новых условиях российской экономики // Вестник ОмГУ. Сер.: Экономика. 2015. № 4. С. 46–50.

Лаптев В. А. Нормы международного права о предпринимательстве : общие положения // Вестник РГГУ. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2016. № 3 (5). С. 141–150.

Макарян Э. А. Евразийская сеть трансфера технологий и ее роль в развитии инновационной деятельности малых предприятий // Экономика и бизнес : теория и практика. 2021. № 5-2. С. 151–156.

Нигматуллина Р. А., Габитова З. Р. Цифровизация как фактор интеграции Евразийского экономического союза // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика. 2025. № 1 (51). С. 33–39.

Оглоблина Е. В. Особенности промышленно-технологической кооперации в ЕАЭС на современном этапе // Мировая экономика и мировые финансы. 2025. № 2. С. 44–50.

Росляков А. В. Коллективное доминирование, группа лиц, согласованные действия и свобода договора // Закон. 2019. № 1. С. 171–187.

Серегин Д. И. Законодательство о защите от недобросовестной конкуренции в Евразийском экономическом союзе // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2017. № 11. С. 59–69.

Сухоруков А. В. Роль актов ЕАЭС в правовом регулировании инновационной предпринимательской деятельности в российской федерации // Образование и право. 2022. № 4. С. 204–209.

Трунцевский Ю. В. Правовые риски : понятие и виды (статья) // Актуальные вопросы публичного права. 2014. № 4. С. 115–120.

Шепенко Р. А. Антидемпинговые правила ЕАЭС // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 68–78.

Kargina L., Masolletti M. Eurasian Economic Union : current concept and prospects. 2021 // arXiv. URL: https://arxiv.org/abs/2109.03644

Mikhaliova T. N. Upgrading legal regulation of integration in the context of digital economy : the Eurasian Economic Union Agenda // Smart Technologies for the Digitisation of Industry : Entrepreneurial Environment. 2022. P. 221–232.

References

Ageev S. S., Nizhnik D. A. Taxation of small and medium-sized enterprises in the Eurasian Economic Union // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2025. Vol. 16, No. 2. P. 470–484.

Andreev V. K. Harmonization of legislation on entrepreneurial activity of the member states of the Eurasian Economic Union and the CIS // International Cooperation of the Eurasian States : Politics, Economics, Law. 2016. No. 4 (9). P. 46–47.

Baeva M. Support for SMEs in the EAEU : Monitoring Report. Moscow : All-Russian Academy of Foreign Trade, 2019.

Gabov A. V., Lizikova M. S. Energy Law of the Eurasian Economic Union : Formation and Foundations // Entrepreneurial Law. 2022. № 2. P. 13–24.

Dotsenko I. D. Main Trends in the Legal Regulation of Entrepreneurial Activity at the Supranational Level // Jurist. 2021. No. 12.

Dotsenko I. D. Legal Regulation of Entrepreneurial Activity within Regional Integration Associations : cand. legal sci. diss. Moscow : Lomonosov Moscow State University, 2024. 154 p.

Dyachenko E. B., Entin K. V. The EAEU Court on the Protection of Competition : Correlation between National and Supranational Law // Competition and Law. 2017. No. 4. P. 65–69.

Ivanchenko L. A., Ilinykh A. I. Institutional and Economic Aspects of Regulating Small and Medium-Sized Enterprises in the EAEU Countries // Economics and Entrepreneurship. 2023. No. 10. P. 63–70.

Kasyanov R. A., Basova A. D. The Significance of Legal Regulation of the EAEU Common Financial Market for Small and Medium-Sized Enterprises // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2025. No. 5. P. 80–86.

Kirillov Yu. G., Paventa E. Factors Facilitating the Internationalization of Small and Medium-Sized Enterprises under New Conditions of the Russian Economy // Omsk University Bulletin. Series : Economics. 2015. No. 4.

Laptev V. A. Norms of International Law on Entrepreneurship : General Provisions // RSUH Bulletin. Series «Economics. Management. Law». 2016. No. 3 (5). P. 141–150.

Makaryan E. A. The Eurasian Technology Transfer Network and Its Role in the Development of Innovative Activities of Small Enterprises // Economics and Business : theory and practice. 2021. No. 5-2. P. 151–156.

Nigmatullina R. A., Gabitova Z. R. Digitalization as a Factor of Integration of the Eurasian Economic Union // Bulletin of USPTU. Science, Education, Economics. Series: Economics. 2025. No. 1 (51).

Ogloblina E. V. Features of Industrial and Technological Cooperation in the EAEU at the Present Stage // World Economy and World Finance. 2025. No. 2. P. 44–50.

Roslyakov A. V. Collective Dominance, Group of Persons, Concerted Actions and Freedom of Contract // *Law*. 2019. No. 1. P. 171–187.

Seregin D. I. Legislation on Protection against Unfair Competition in the Eurasian Economic Union // Patents and Licenses. Intellectual Property Rights. 2017. No. 11. P. 59–69.

Sukhorukov A. V. The Role of EAEU Acts in the Legal Regulation of Innovative Entrepreneurial Activity in the Russian Federation // Education and Law. 2022. No. 4.

Truntsevsky Yu. V. Legal Risks : Concept and Types // Topical Issues of Public Law. 2014. No. 4. P. 115–120.

Shepenko R. A. Anti-Dumping Rules of the EAEU // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2018. No. 3. P. 68–78.

Kargina L., Masolletti M. Eurasian Economic Union : current concept and prospects. 2021 // arXiv. URL: https://arxiv.org/abs/2109.03644

Mikhaliova T. N. Upgrading legal regulation of integration in the context of digital economy : the Eurasian Economic Union Agenda // Smart Technologies for the Digitisation of Industry : Entrepreneurial Environment. 2022. P. 221–232.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Басова А. Д., аспирант

E-mail: anna.basova.1999@mail.ru

Поступила в редакцию: 28.01.2026

Для цитирования:

Басова А. Д. Регулирование деятельности малого и среднего предпринимательства в праве Евразийского экономического союза: проблемы асимметрии и пути гармонизации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 221–231. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/221-231

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Basova A. D., Post-graduate Student

E-mail: anna.basova.1999@mail.ru

Received: 28.01.2026

For citation:

Basova A. D. Regulation of small and medium-sized enterprises activities in the law of the Eurasian Economic Union: problems of asymmetry and ways to harmonization // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 221–231. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/221-231

УДК 341.6+347.459+349.4
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/232-241

ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ СТРОИТЕЛЬНОМ КОНТРАКТНОМ ПРАВЕ

Д. С. Белкин
Славяно-Греко-Латинская Академия (Москва)

SOURCES OF INTERNATIONAL LAW AND THEIR APPLICATION IN INTERNATIONAL CONSTRUCTION CONTRACT LAW

D. S. Belkin
Slavic-Greek-Latin Academy (Moscow)

Аннотация: в статье отражены результаты проведенного исследования, посвященного систематизации иерархии международно-правовых источников и их прямому влиянию на регулирование международного строительного контрактного права (МСКП). Раскрывается правовой статус **Устава ООН** и ключевых конвенций, а также рассматривается значимость стандартов МФИК и международных обычаев в унификации условий для трансграничных строительных проектов. Анализируются доктринальные подходы и правоприменительная практика, выявляются преимущества интеграции стандартов МФИК в национальные правовые системы, уделяется внимание вопросу института адьюдикации как механизма оперативного разрешения строительных споров. Новизна работы заключается в обосновании комплексного включения МФИК-стандартов в обязательный цифровой реестр, разрабатываемый Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, что позволит минимизировать правовые риски и повысить инвестиционную привлекательность отрасли. Полученные результаты подтверждают, что синергия договорных и обычных норм международного права, дополненная рекомендациями по имплементации МФИК, обеспечивает устойчивость международных строительных контрактов и способствует укреплению доверия между участниками трансграничных проектов.
Ключевые слова: источники международного права, международное строительное право, международное строительное контрактное право (МСКП), Международная федерация инженеров-консультантов (МФИК), адьюдикация.

Abstract: in the article, the results of the conducted research are presented, dedicated to the systematization of the hierarchy of sources of international law and their direct impact on the regulation of international construction contract law (ICCL). The legal status of the United Nations Charter and the key conventions is elucidated, while the significance of FIDIC standards and international customary practices in harmonizing the conditions for cross-border construction projects is examined. Doctrinal approaches and legal practice are analyzed, demonstrating the advantages of integrating FIDIC standards into national legal systems, with particular attention accorded to the institution of adjudication as an expedient mechanism for resolving construction disputes. The novelty of the study lies in substantiating the comprehensive inclusion of FIDIC standards in a mandatory digital registry being developed by the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation, which is anticipated to minimize legal risks and enhance the investment attractiveness of the sector. The obtained results confirm that the synergy of contractual and customary norms of international law, supplemented by recommendations for the implementation of FIDIC, guarantees the sustainability of international construction contracts and contributes to the strengthening of trust among participants in cross-border projects.
Key words: sources of international law, international construction law, international construction contract law (ICCL), International Federation of Consulting Engineers (FIDIC), adjudication.

© Белкин Д. С., 2026

Введение

В условиях построения многополярного мира и усиления международного сотрудничества в сфере строительства роль источников международного права в регулировании международных строительных контрактов становится всё более значимой. Как подчеркивает И. А. Годдард, эффективная система международно-правового регулирования трансграничного строительного подряда основана на гармоничном сочетании международных норм и национального законодательства, что является ключевым фактором успешной реализации крупных инфраструктурных проектов[1]. Как отмечает Л. А. Морозова, понятие правовой системы и ее структуры играет важную роль в понимании механизма правового регулирования, особенно в условиях глобализации[2]. Правовая основа, обеспечиваемая такими инструментами, как Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. (Устав ООН)[3], Венская конвенция 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров (КМКПТ)[4] и Нью-Йоркская конвенция 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений[5], а также стандарты Международной федерации инженеров-консультантов (МФИК), определяет условия взаимодействия участников трансграничных проектов. Однако вопрос иерархии указанных источников и практики их применения в различных национальных правовых системах остается предметом дискуссий, связанных с различиями национальных подходов к приоритетности международных норм и стандартов МФИК. Гипотеза исследования состоит в том, что систематизация и интеграция международных правовых норм, включая стандарты МФИК с национальным правом в области регулирования международных строительных проектов, возможны при их классификации и системной имплементации.

Согласно данным отчета Всемирного банка «Benchmarking Infrastructure Development» (2023), глобальные инвестиции в инфраструктурные проекты продолжили рост, достигнув значительных уровней благодаря проведению реформ в области государственно-частного партнерства (ГЧП). В период с июня 2019 по июнь 2022 г. 45 экономик внедрили ключевые регуляторные изменения, что способствовало увеличению инфраструктурных инвестиций в ГЧП на сумму примерно 488 млрд долларов[6]. Данные реформы, особенно в области управления контрактами, подчеркивают необходимость эффективных правовых механизмов для обеспечения защиты интересов всех участников и содействия устойчивому развитию международных строительных проектов.

Цель исследования – разработка и обоснование практических подходов к унификации и имплементации источников международного права и стандартов МФИК в международном строительном праве, а также определение инструментов их гармонизации с национальным законодательством.

Для достижения поставленной цели исследование направлено на решение следующих задач:

1. Идентификация основных источников международного права, влияющих на международные строительные контракты, с целью определения их круга и характеристик.

2. Определение иерархии и принципов функционирования этих источников, что позволит понять их взаимовлияние и приоритетность в контексте международного строительного контрактного права (МСКП).

3. Анализ возможностей интеграции международных стандартов МФИК в национальные правовые системы.

4. Разработка рекомендации по повышению эффективности и стабильности реализации международных строительных проектов.

---

[1] См.: *Годдард И. А.* Международно-правовое и национально-правовое регулирование трансграничного строительного подряда // Ленинград. юрид. журнал. 2018. № 3 (53).

[2] См.: *Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. 464 с.

[3] См.: Устав ООН. (1945). Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/en/about-us/un-charter (дата обращения: 20.09.2024).

[4] См.: Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. (1980). UNCITRAL. URL: https://uncitral.un.org/en/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg (дата обращения: 20.09.2024).

[5] См.: Секретариат ЮНСИТРАЛ. Руководство по Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 год). URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1604041_ebook-r.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

[6] См.: World Bank. (2023). Benchmarking Infrastructure Development Executive Summary. Всемирный банк. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/099091724141037054/pdf/P50045810d358f075197c918677ad819a0e.pdf (дата обращения: 09.12.2024)

Научная новизна исследования. В отличие от многих работ, посвященных общим вопросам применения международных договоров или практике применения стандартов МФИК в отдельных практических вопросах, данное исследование впервые комплексно рассматривает влияние международных договоров и стандартов МФИК на правовое регулирование трансграничных строительных контрактов.

В более широком контексте современная доктрина стремится сформировать универсальную концепцию источников права, используемую в правоприменительной практике. При этом особое внимание уделяется международно-правовой доктрине, исследующей процедуру формирования и имплементации источников права на глобальном уровне[7]. Так, категория «источник права» охватывает не только материальные факторы и социальные предпосылки, обусловливающие необходимость правового регулирования, но и формирование содержания и императивность самих норм. Подобный подход акцентирует значимость источников права в механизмах правотворчества и правоприменения, однако не обеспечивает детальной методологии их применения в конкретных отраслях права.

Основные аспекты МСКП

В результате проведенного исследования установлено, что правовую основу международного строительного контрактного права (МСКП) составляют как общие источники международного права, так и специальные правовые документы и стандарты. К числу универсальных международных документов, применимых в контексте МСКП, относятся Устав Организации Объединенных Наций 1945 г.[8], закрепляющий основополагающие принципы международного сотрудничества, КМКПТ, устанавливающая единообразные подходы к международным коммерческим договорам, и Нью-Йоркская конвенция 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений[9], обеспечивающая обязательность решений международного арбитража. Однако следует заметить, что Гаагская конвенция 1986 г. о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров[10], несмотря на потенциальное значение, имеет ограниченное применение вследствие недостаточного количества ратификаций и отсутствия ее вступления в силу.

Кроме того, важно учитывать международные обычаи, сложившиеся в отрасли, и доктринальные подходы, берущие начало в классических трудах по международному праву, таких как исследование Г. Гроция[11], подчеркивающее роль международных договоров в согласовании интересов государств и развитии стабильного международного сотрудничества, имеющее непосредственное значение и для современных трансграничных строительных проектов.

Принципы Международного института унификации частного права (УНИДРУА)[12] не только устанавливают общие принципы взаимодействия хозяйствующих субъектов, но и служат основой для разработки специализированных правовых норм, применимых в международных строительных контрактах.

Для обеспечения корректного восприятия результатов исследования необходимо дать

[7] *Ордина О. Н.* Международные акты, содержащие общепризнанные принципы и нормы международного права, как источники административного права // Административное право и процесс. 2015. №. 3. С. 63–65; *Воронцова И. В.* Нормы международного права как источник гражданского процессуального права : дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2015; *Мингазов Л. Х.* Источники современного международного права (теоретические аспекты проблемы) // Евразийский юридический журнал. 2012. №. 1. С. 26–33; *Сафронова Е. В.* Становление и развитие отечественной доктрины источников международного права // Ленинград. юрид. журнал. 2010. №. 1. С. 25–35; *Самхарадзе Д. Г.* Взаимодействие источников современного международного права. М., 2005.

[8] См.: Устав ООН. (1945). Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/en/about-us/un-charter (дата обращения: 20.09.2024).

[9] См.: Секретариат ЮНСИТРАЛ. Руководство по Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 год). URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1604041_ebook-r.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

[10] См.: Hague Conference on Private International Law. (1986). Convention on the Law Applicable to Contracts for the International Sale of Goods. URL: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=61 (дата обращения: 20.09.2024).

[11] См.: *Гроций Г.* О праве войны и мира : репринт с изд. 1956 г. М. : Ладомир, 1994. 868 с.

[12] См.: UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts. URL: https://www.unidroit.org/ (дата обращения: 11.03.2025).

разъяснение используемых в работе терминов и понятий в рамках МСКП.

Международное коммерческое право (МКП) представляет собой сложившуюся отрасль международного права, основанную на международных договорах и конвенциях, регулирующих вопросы заключения, исполнения и прекращения договорных обязательств между субъектами международных правоотношений. Основополагающим нормативным актом в данной сфере является КМКПТ, которая устанавливает единые правовые рамки для международных коммерческих контрактов и служит основой для регулирования международных строительных контрактов.

Международное строительное право (МСП) – сравнительно новая, но динамично развивающаяся отрасль международного права, охватывающая правовое регулирование строительных процессов, связанных с проектированием, возведением и эксплуатацией объектов на транснациональном уровне. Важность данного направления подтверждается фундаментальными научными трудами ведущих исследователей и специалистов в области международного строительства. Так, в работе В. Брейера «International Construction Law: An Overview»[13] представлен комплексный анализ международных строительных контрактов. У. К. Веноит в исследовании «International Construction Law»[14] рассматривает вопросы разрешения трансграничных строительных споров. В издании «International Construction Law Review» под редакцией Д. Уайтмена и Х. Ллойда[15] детально рассматриваются вопросы гармонизации контрактных стандартов и взаимодействия различных национальных правовых систем. Работа Ч. Б. Молинё «International Construction Law»[16] является важным теоретическим фундаментом, освещающим эволюцию международного строительного права от ранних форм договорного регулирования до современных стандартов.

МСКП является формирующейся подотраслью международного строительного права, обеспечивающей правовое регулирование заключения и исполнения контрактов, заключаемых в рамках трансграничных строительных проектов. Несмотря на относительную молодость, МСКП уже достаточно подробно освещено в доктринальных исследованиях известных международных ученых. Так, Л. Клии в монографии «International Construction Contract Law»[17] анализирует ключевые аспекты применения стандартов МФИК в международной строительной практике, рассматривая их влияние на распределение рисков и урегулирование споров. Важным практическим руководством по международным строительным контрактам является работа У. Годвина «International Construction Contracts: a handbook»[18], посвященная ключевым вопросам структурирования контрактов и управления строительными рисками. Также следует отметить исследование Д. И. Имамовой «The concept of an international construction contract»[19], в котором рассматриваются особенности правового регулирования международных строительных контрактов с учетом современных тенденций в области международного частного права.

МСКП представляет собой комплексную межотраслевую правовую подсистему, находящуюся на стыке международного частного и международного публичного права. В теоретическом плане МСКП обладает элементами обоих направлений международного права, что обусловлено спецификой его предмета и метода правового регулирования. С одной стороны, МСКП регулирует договорные отношения между частными субъектами (компаниями, подрядчиками, инвесторами) в трансграничных строительных проектах, что свидетельствует о его принадлежности к сфере международного частного права. Основные правовые инструменты МСКП, такие как типовые формы контрактов МФИК, принципы lex mercatoria, а также механизмы международного коммерческого арбитража, подтверждают его частноправовую природу. С другой стороны, МСКП включает в себя элементы международного публичного права, поскольку транснациональные строительные проекты нередко затрагивают интересы государств, регулируются

[13] См.: *Breyer W.* International Construction Law : An Overview. Taylor & Francis, 2024.

[14] См.: *Venoit W. K.* International Construction Law. American Bar Association, 2009.

[15] См.: *Wightman D, Lloyd H, editors*. International Construction Law Review. Informa Professional, 2002.

[16] См.: *Molineaux C. B.* International Construction Law. John Wiley & Sons, Incorporated, 1998.

[17] См.: *Klee L.* International construction contract law. – John Wiley & Sons, 2018.

[18] См.: *Godwin William*. *International Construction Contracts : a Handbook.* Wiley-Blackwell, January 2013.

[19] См.: *Imamova D. I.* The concept of an international construction contract // Review of Law Sciences. 2023.

международными соглашениями и требуют соблюдения международных стандартов безопасности и экологических норм. В этом контексте интересно исследование Я. А. Аносова «Правовое регулирование международного строительного подряда в странах ЕАЭС»[20].

Следует отметить, что арбитражная практика по строительным спорам развивается в двух основных направлениях. С одной стороны, разрешение таких споров традиционно осуществляется в рамках международного коммерческого арбитража, в частности в арбитражных институтах, таких как Международная торговая палата (ICC) и Арбитражный институт при Торговой палате Стокгольма (SCC). В этих юрисдикциях строительные споры рассматриваются преимущественно с позиции частноправовых аспектов, регулируемых условиями контрактов, составленных на основе стандартов МФИК и иных отраслевых стандартов. С другой стороны, практика арбитражных разбирательств показывает, что в ряде случаев строительные споры могут подпадать под компетенцию Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС). Прецедентом, подтверждающим такую возможность, является дело *Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco*. ICSID Case No. ARB/00/4 (дело Salini)[21].

В зависимости от характера и правовой природы строительного спора его рассмотрение может осуществляться либо в международном коммерческом арбитраже, где споры решаются на основании договорных обязательств сторон, либо в инвестиционном арбитраже, если проект соответствует критериям инвестиционной деятельности и затрагивает публично-правовые аспекты, такие как гарантии защиты инвестиций и суверенные обязательства государств. При этом некоторые исследователи отмечают потенциал соглашений об инвестициях для гармонизации интересов частных подрядчиков и государства[22].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого понимания механизмов формирования и применения международных правовых норм в контексте строительных контрактов. В современных условиях разнообразие правовых систем и культурных особенностей участников международных проектов создает потребность в единых стандартах, способных минимизировать правовые риски и способствовать успешной реализации проектов. Анализ источников международного права позволяет выявить ключевые элементы, влияющие на регулирование строительных контрактов, и определить пути их гармонизации. Среди таких путей особое значение уделяется модели «партнерства в проекте»[23].

Важную роль в теоретическом обосновании источников международного права играют исследования ведущих ученых. Н. Ю. Завьялова в своей работе «Источники международного права и их особенности»[24] проводит детальный анализ сущностных черт и свойств источников международного права с позиции общей теории права. Она подчеркивает, что развитие общественных отношений с иностранным элементом является основным фактором, предопределяющим создание новых правовых норм на международном уровне. Н. Ю. Завьялова также обращает внимание на специфические особенности субъектов международного правотворчества и процессы согласования воли государств при формировании международных договоров, что свидетельствует о согласительном характере международного правообразования.

Б. Кривокапич в своей статье «Важнейшие источники международного права и их иерархическое взаимоотношение (Часть 2)»[25] рассматривает проблему иерархии между основными источниками международного права: международными договорами, международными обычаями и решениями международных организаций. Ученый отмечает, что, несмотря на традиционное признание международных договоров как

[20] См.: *Аносов Я. А.* Правовое регулирование международного строительного подряда в странах ЕАЭС // Образование и право. 2022. № 11.

[21] См.: Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco [I], ICSID Case No. ARB/00/4. URL: https://www.italaw.com/cases/958 (date of access: 22.01.2025).

[22] См.: *Yerniyazov I.* Interaction between international construction contracts and investment treaties : opportunities for harmonizing commercial and public interests // Rev Law Sci. 2023. Sep 27.

[23] См.: *Skeggs C.* Project partnering in the international construction industry. Int Constr Law Rev. 2003.

[24] См.: *Завьялова Н. Ю.* Источники международного права и их особенности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. №. 124. С. 201–209.

[25] См.: *Кривокапич Б.* Важнейшие источники международного права и их иерархическое взаимоотношение (Часть 2) // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 1. С. 71–79.

первоочередных источников права, в некоторых случаях международные обычаи и решения международных организаций могут обладать большей юридической силой. Особое внимание он уделяет роли решений Совета Безопасности ООН и других международных организаций, которые благодаря своей оперативности и универсальной применимости часто оказываются превалирующими над другими источниками права.

Л. П. Ануфриева в работе «Об источниках международного частного права (некоторые вопросы теории)»[26] акцентирует внимание на теоретических аспектах проблемы определения источников международного частного права. Она указывает на недостаточную разработанность данной темы в отечественной и зарубежной научной литературе, что, по ее мнению, создает определенные пробелы в понимании и применении источников права в практике международных частноправовых отношений. Л. П. Ануфриева подчеркивает необходимость систематизации теоретических подходов к определению источников международного частного права, учитывая их двойственность – как объективного, так и формального выражения права.

Работа Дж. Фитцмориса[27] представляет глубокий анализ процедуры и юрисдикции Международного суда ООН, что имеет непосредственное значение для понимания правовых механизмов разрешения споров в международных строительных проектах. Его выводы могут быть применены для улучшения процедур арбитража и судебного рассмотрения споров, возникающих в ходе реализации трансграничных строительных контрактов.

В исследовании использовались методы сравнительного анализа правовых норм и принципов, регулирующих международные строительные контракты. Изучены ключевые международные конвенции и договоры, обычаи[28], а также доктринальные исследования, связанные с арбитражем и урегулированием споров. Особое внимание уделялось анализу роли стандартов, разработанных МФИК, и их применению в различных правовых системах. Информация была собрана из авторитетных источников, таких как публикации МФИК, исследования ведущих ученых в области международного строительного и инвестиционного права.

Изучены теоретические основания, представленные Г. И. Муромцевым в его работе «Источники права: теоретические аспекты проблемы»[29]. Автор подчеркивает сложность и многогранность понятия «источник права», что свидетельствует о необходимости междисциплинарного подхода к его исследованию и рассмотрению с точки зрения не только международного публичного права, но и международного частного права.

Источники международного права и их влияние на МСКП

По итогам исследования выявлены основные источники международного права, оказывающие воздействие на международные строительные контракты. Определено, что ключевыми из них являются международные соглашения, правовые обычаи и признанные отраслевые стандарты, регулирующие юридические аспекты взаимодействия сторон в трансграничных строительных проектах. Устав Организации Объединенных Наций (ООН) закрепляет базовые принципы, такие как суверенитет государств, невмешательство во внутренние дела и мирное урегулирование конфликтов. Эти принципы создают основу для международного сотрудничества и защиты прав участников строительных контрактов на глобальном уровне. КМКПТ регулирует вопросы, касающиеся поставок строительных материалов и оборудования, обеспечивая единообразие правового регулирования коммерческих сделок и минимизируя правовые риски при исполнении контрактов. Гаагская конвенция 1986 г., регулирующая право, применимое к договорам международной купли-продажи, обеспечивает механизм выбора применимого права и юрисдикции, что имеет решающее значение для трансграничных строительных проектов, так как способствует юридической определенности и защите интересов участников. Установлено, что стандарты

[26] См.: *Ануфриева Л. П.* Об источниках международного частного права (некоторые вопросы теории) // Московский журнал международного права. 2021. №. 4. С. 60–74.

[27] См.: *Fitzmaurice G.* The law and procedure of the international court of justice, 1951-4 : Points of Substantive Law, Part II // Brit. YB Int'l L. 1955. Vol. 32. P. 20.

[28] См.: *Slouka Z. J.* International custom and the continental shelf : a study in the dynamics of customary rules of international law. Springer, 2012.

[29] См.: *Муромцев Г. И.* Источники права (теоретические аспекты проблемы) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. №. 2. С. 23–30.

МФИК представляют собой универсальный инструмент для урегулирования отношений между заказчиками и подрядчиками, регулируя вопросы распределения рисков, технические аспекты выполнения проектов и разрешение споров. Решения международных арбитражных судов, таких как МЦУИС, оказывают значительное влияние на правоприменительную практику в строительной сфере. Эти решения служат важным ориентиром при разрешении конфликтов, возникающих в процессе реализации международных строительных контрактов. Международные обычаи, основанные на устоявшейся практике, дополняют положения международных договоров, особенно при пробелах в нормативном регулировании. Помимо перечисленных источников, значимое место занимают Нью-Йоркская конвенция 1958 г. и Принципы УНИДРУА международных коммерческих контрактов, способствующие унификации арбитражных решений и стандартизации контрактных отношений.

Иерархия источников права в контексте МСКП

По результатам анализа установлены иерархия и принципы действия источников международного права, регулирующих международные строительные контракты. Подтверждено, что КМКПТ и Гаагская конвенция 1986 г., формируют основу нормативного регулирования строительных контрактов. Стандарты МФИК, хотя и не имеют обязательного юридического характера, признаны профессиональным сообществом и широко применяются в строительной отрасли для унификации условий контрактов и повышения предсказуемости их исполнения. Международные обычаи и общие принципы права играют вспомогательную роль, устраняя пробелы в правовом регулировании и обеспечивая гибкость правоприменительной практики. Выявлено, что наиболее значимым для международной строительной отрасли является дело *Salini*, в ходе которого был сформулирован так называемый «тест Салини», представляющий критерии для рассмотрения строительных споров в рамках МЦУИС. Установлено, что данный тест включает такие критерии, как вклад капитала, наличие риска, определенная продолжительность проекта и вклад в экономическое развитие принимающего государства. Его применение позволило квалифицировать строительные проекты как инвестиции и дает возможность рассматривать соответствующие споры в МЦУИС.

Анализ возможностей интеграции МФИК в национальные правовые системы

В ходе исследования установлено, что национальные ассоциации МФИК всех пяти стран–основателей БРИКС: Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики – являются членами МФИК. Это подчеркивает важность стандартов МФИК для России с точки зрения взаимодействия со странами – участницами БРИКС. Интеграция стандартов МФИК в национальные правовые системы, в том числе в российскую, возможна через официальное признание и адаптацию типовых контрактов МФИК к национальным условиям, и этот процесс уже начался с совещания под руководством заместителя председателя Правительства Российской Федерации Д. Н. Козака[30]. Ключевым препятствием для полноценного внедрения стандартов МФИК в российское законодательство остается отсутствие института адьюдикации, который широко применяется в мировой строительной практике и помогает оперативно разрешать споры. Вместе с тем унификация контрактных условий и снижение правовых рисков существенно повышают инвестиционную привлекательность отрасли, что ранее отмечалось в работе О. Шахтер[31], где подчеркивается тесная связь между теоретической базой международного права и ее практическими механизмами в трансграничном строительстве.

Практические рекомендации по использованию стандартов МФИК

По результатам исследования основной рекомендацией является интеграция стандартов МФИК в единый цифровой реестр требований в строительстве, формируемый Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. № 653-ФЗ. Имплементация стандартов МФИК в реестр обеспечит единые правовые условия для реализации международных строительных контрактов, упростит доступ строительных компа-

[30] См.: СРО РОДОС. URL: https://rodosnpp.ru/media/F.pdf (дата обращения: 04.03.2025).

[31] См.: *Schachter O.* International law in theory and practice Dordrecht : Martinus Nijhoff, 1991.

ний дружественных стран в российский строительный сектор, повысит конкурентоспособность отечественных строительных компаний в рамках БРИКС. Важным направлением является проведение образовательных программ для участников строительного рынка, направленных на освоение принципов применения стандартов МФИК, а также создание предпосылок для имплементации института адъюдикации в отечественном строительном секторе.

Заключение

В результате проведенного исследования доказана значимость в регулировании МСКП таких источников международного права, как КМКПТ и Нью-Йоркская конвенция 1958 г. В ходе анализа выявлена возможность классификации строительных контрактов в качестве инвестиционных при соблюдении критериев «теста Салини», выработанного в практике МЦУИС.

Установлено, что стандарты МФИК являются де факто признанным во всём мире инструментом унификации договорных условий и распределения рисков в трансграничных строительных проектах.

Отсутствие в некоторых национальных правопорядках (в частности, в правовой системе Российской Федерации) механизма адъюдикации рассматривается как препятствие для оперативного разрешения строительных споров. В связи с этим сформулирована рекомендация об институциональном закреплении данного механизма, а также о системной интеграции стандартов МФИК в российское законодательство.

В результате проведенного исследования установлено, что интеграция стандартов МФИК в единый цифровой реестр строительных требований, формируемый Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на основании Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 653-ФЗ, представляет собой перспективный инструмент для повышения прозрачности договорных отношений, гармонизации нормативно-правовой базы и укрепления принципа взаимного доверия между субъектами строительной деятельности, включая иностранных участников.

С теоретической позиции в работе обосновано, что понятие «источник права» в международном праве охватывает как договорные, так и обычные нормы, а также решения международных судебных органов и практику арбитража. Установлено, что признание стандартов МФИК способствует развитию гибких механизмов адаптации международных норм к национальным правопорядкам, исключая при этом утрату публично-правовых гарантий.

Комплекс правовых средств (международные конвенции, международные обычаи, стандарты МФИК и практика инвестиционных арбитражей) формирует основу эффективного регулирования трансграничных строительных проектов. Последующая детализация правоприменительной практики, а также совершенствование национальных правовых режимов с учетом опыта национальных правопорядков и интересов государства представляются ключевыми направлениями дальнейших исследований.

Библиографический список

Аносов Я. А. Правовое регулирование международного строительного подряда в странах ЕАЭС // Образование и право. 2022. № 11.

Ануфриева Л. П. Об источниках международного частного права (некоторые вопросы теории) // Московский журнал международного права. 2021. №. 4. С. 60–74.

Воронцова И. В. Нормы международного права как источник гражданского процессуального права : дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.

Годдард И. А. Международно-правовое и национально-правовое регулирование трансграничного строительного подряда // Ленинград. юрид. журнал. 2018. № 3 (53).

Гроций Г. О праве войны и мира : репринт с изд. 1956 г. М. : Ладомир, 1994. 868 с.

Завьялова Н. Ю. Источники международного права и их особенности // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. №. 124. С. 201–209.

Кривокапич Б. Важнейшие источники международного права и их иерархическое взаимоотношение (Часть 2) // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 1. С. 71–79.

Мингазов Л. Х. Источники современного международного права (теоретические аспекты проблемы) // Евразийский юридический журнал. 2012. №. 1. С. 26–33.

Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. 464 с.

Муромцев Г. И. Источники права (теоретические аспекты проблемы) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. №. 2. С. 23–30.

Ордина О. Н. Международные акты, содержащие общепризнанные принципы и нормы международного права, как источники административного права // Административное право и процесс. 2015. №. 3. С. 63–65.

Самхарадзе Д. Г. Взаимодействие источников современного международного права. М., 2005.

Сафронова Е. В. Становление и развитие отечественной доктрины источников международного права // Ленинград. юрид. журнал. 2010. № 1. С. 25–35.

Breyer W. International Construction Law : An Overview. Taylor & Francis, 2024.

Fitzmaurice G. The law and procedure of the international court of justice, 1951-4: Points of Substantive Law, Part II // Brit. YB Int'l L. 1955. Vol. 32.

Godwin William. International Construction Contracts : a Handbook. Wiley-Blackwell, January 2013.

Imamova D. I. The concept of an international construction contract // Review of Law Sciences. 2023.

Klee L. International construction contract law. John Wiley & Sons, 2018.

Molineaux C. B. International Construction Law. John Wiley & Sons, Incorporated; 1998.

Schachter O. International law in theory and practice. Dordrecht : Martinus Nijhoff, 1991.

Skeggs C. Project partnering in the international construction industry. Int Constr Law Rev. 2003.

Slouka Z. J. International custom and the continental shelf : a study in the dynamics of customary rules of international law. Springer, 2012.

Venoit W. K. International Construction Law. American Bar Association; 2009.

Wightman D, Lloyd H, editors. International Construction Law Review. Informa Professional; 2002.

Yerniyazov I. Interaction between international construction contracts and investment treaties : opportunities for harmonizing commercial and public interests // Rev Law Sci. 2023. Sep 27.

References

Anosov Ya. A. Legal regulation of international construction contracts in the EAEU countries // Education and law. 2022. No. 11.

Anufrieva L. P. On the sources of private international law (some questions of theory) // Moscow journal of international law. 2021. No. 4. P. 60–74.

Vorontsova I. V. Norms of international law as a source of civil procedure law : dr legal sci dis. Saratov, 2015.

Goddard I. A. International and national legal regulation of cross-border construction contracts // Leningrad law journal. 2018. No. 3 (53).

Grotius G. On the law of war and peace : reprint from ed. 1956. Moscow : Ladomir, 1994. 868 p.

Zavyalova N. Yu. Sources of international law and their features // Political network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2016. No. 124. P. 201–209.

Krivokapich B. The most important sources of international law and their hierarchical relationship (Part 2) // Legal Bulletin of Samara University. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 71–79.

Mingazov L. Kh. Sources of modern international law (theoretical aspects of the problem) // Eurasian Law Journal. 2012. No. 1. P. 26–33.

Morozova L. A. Theory of state and law : textbook. 6th ed., revised. and add. Moscow : Norm: INFRA-M, 2024. 464 p.

Muromtsev G. I. Sources of law (theoretical aspects of the problem) // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1992. No. 2. P. 23–30.

Ordina O. N. International acts containing generally recognized principles and norms of international law as sources of administrative law // Administrative law and process. 2015. No. 3. P. 63–65.

Samkharadze D. G. Interaction of sources of modern international law. 2005.

Safronova E. V. Formation and development of the domestic doctrine of sources of international law // Leningrad law journal. 2010. No. 1. P. 25–35.

Breyer W. International Construction Law : an Overview. Taylor & Francis; 2024.

Fitzmaurice G. The law and procedure of the international court of justice, 1951-4: Points of Substantive Law, Part II // Brit. YB Int'l L. 1955. Vol. 32.

Godwin William. International Construction Contracts : a Handbook. Wiley-Blackwell, January 2013.

Imamova D. I. The concept of an international construction contract // Review of Law Sciences. 2023.

Klee L. International construction contract law. John Wiley & Sons, 2018.

Molineaux C. B. International Construction Law. John Wiley & Sons, Incorporated; 1998.

Schachter O. International law in theory and practice. Dordrecht : Martinus Nijhoff, 1991.

Skeggs C. Project partnering in the international construction industry. Int Constr Law Rev. 2003.

Slouka Z. J. International custom and the continental shelf : a study in the dynamics of customary rules of international law. Springer, 2012.

Venoit W. K. International Construction Law. American Bar Association; 2009.

Wightman D, Lloyd H, editors. International Construction Law Review. Informa Professional; 2002.

Yerniyazov I. Interaction between international construction contracts and investment treaties : opportunities for harmonizing commercial and public interests // Rev Law Sci. 2023. Sep 27.

Славяно-Греко-Латинская Академия (Москва)
Белкин Д. С., старший преподаватель, доцент кафедры международного права
E-mail: dmitryb81@gmail.com

Поступила в редакцию: 24.03.2025

Для цитирования:
Белкин Д. С. Источники международного права и их применение в международном строительном контрактном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 232–241. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/232-241

Slavic-Greek-Latin Academy (Moscow)
Belkin D. S., Senior Lecturer, Associate Professor of the Department of International Law
E-mail: dmitryb81@gmail.com

Received: 24.03.2025

For citation:
Belkin D. S. Sources of international law and their application in international construction contract law // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 232–241. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/232-241

УДК 34.347.73
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/242-248

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИННОВАЦИОННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

М. В. Гудкова
Саратовская государственная юридическая академия

ON THE QUESTION OF USE OF INNOVATIVE DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE BANKING SPHERE IN THE RUSSIAN FEDERATION: FINANCIAL AND LEGAL ASPECT

M. V. Gudkova
Saratov State Law Academy

Аннотация: на сегодняшний день становление безопасной и доступной цифровой среды в денежно-кредитной и банковской сферах играет важную роль для стабильности и конкурентоспособности финансово-экономического сектора Российской Федерации в рамках противостояния санкционному режиму со стороны недружественных государств. Цель – рассмотреть актуальные направления развития и использования цифровых технологий и искусственного интеллекта в денежно-кредитной и банковской системе, а также сформулировать авторскую позицию о перспективе их финансово-правового регулирования в Российской Федерации. Методологическая основа: общенаучные методы познания (анализ, синтез, системный подход), а также сравнительно-правовой и формально-юридический методы познания. Результаты: проанализировано современное состояние цифровой среды в денежно-кредитной и банковской системе Российской Федерации, констатируется начало нового этапа в развитии цифровых финансовых экосистем, связанного с внедрением цифровых финансовых платформ, основывающихся на использовании и применении искусственного интеллекта, выделены основные направления использования инновационных технологий искусственного интеллекта в обозначенной сфере, сформулирована авторская позиция касаемо дальнейших перспектив модернизации основ правового регулирования в области внедрения цифровых технологий в денежно-кредитную и банковскую сферу государства. Выводы: констатируется необходимость своевременного принятия правовых норм, регулирующих пределы доступности получения и распространения персональных данных, в рамках использования искусственного интеллекта. Подчеркивается необходимость в жестких протоколах использования данных, заложенных в цифровых технологиях, основанных на сформированной заранее законодательной базе для предотвращения утечки информации, мошеннических действий и превышения должностных полномочий.
Ключевые слова: финансовое право, публичное денежное право, публичное банковское право, финансово-правовые нормы, цифровые финансовые экосистемы, денежная система, санкции, цифровизация, искусственный интеллект.

Abstract: today, the formation of a safe and accessible digital environment in the monetary and banking sector plays an important role in the stability and competitiveness of the financial and economic sector of the Russian Federation in the context of countering the sanctions regime of unfriendly states. The objective is to consider current directions of development and use of digital technologies and artificial

© Гудкова М. В., 2026

intelligence in the monetary and banking system, and also to formulate the author's position on the prospects of their financial and legal regulation in the Russian Federation. Methodological basis: general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, systems approach), as well as comparative legal and formal-legal methods of cognition. Results: the current state of the digital environment in the monetary and banking system of the Russian Federation is analyzed, the beginning of a new stage in the development of digital financial ecosystems associated with the introduction of digital financial platforms based on the use and application of artificial intelligence is stated, the main areas of use of innovative artificial intelligence technologies in the designated area are highlighted, the author's position is formulated regarding the further prospects for modernizing the foundations of legal regulation in the field of implementation of digital technologies in the monetary and banking sphere of the state. Conclusions: the need for timely adoption of legal norms regulating the limits of accessibility of obtaining and disseminating personal data in the framework of the use of artificial intelligence is stated. The need for strict protocols for the use of data embedded in digital technologies, based on a pre-formed legislative framework to prevent information leakage, fraudulent actions and abuse of power, is emphasized.

Key words: financial law, public monetary law, public banking law, financial and legal norms, digital financial ecosystems, monetary system, sanctions, digitalization, artificial intelligence.

Последние несколько лет финансово-экономический сектор Российской Федерации постоянно противостоит вызовам иностранных недружественных стран. Количество введенных санкций против Российской Федерации начинает приближаться к 20 000 тысячам, а большая часть из них направлена на сдерживание экономического роста и потенциала государства. Однако ужесточение давления на отечественный финансово-экономический сектор Федерации вызвало обратный эффект. Введенные ограничения послужили колоссальным стимулом и толчком для становления независимой отечественной цифровой среды, базирующейся на цифровых финансовых экосистемах[1], постоянно наращивающих потенциал для удовлетворения потребностей граждан и государства. Данные процессы заставляют государство в ускоренном режиме реагировать на внедрение новых технологий, использование и применение которых должно быть регламентировано на законодательном уровне.

Следует отметить, что актуальной тенденцией в банковской и денежно-кредитной сферах Российской Федерации является распространение цифровых экосистем[2], развивающихся на базе крупных банков (банковских экосистем). Активное становление цифровых финансовых экосистем в Российской Федерации началось с 2020 г., когда пандемия коронавирусной инфекции и вынужденная изоляция граждан стали толчком для организации удаленной доставки продуктов, работ и услуг. Деятельность таких цифровых финансовых экосистем тесно сопряжена с использованием персональных и биометрических данных граждан для получения различных видов финансовых услуг и продуктов.

Актуальность рассмотрения цифровых технологий и искусственного интеллекта в банковской и денежно-кредитной сферах обусловлена всеобщей цифровой трансформацией общества, именно поэтому многие научные деятели отечественной науки рассматривают данный аспект с технической, экономической и правовой точки зрения, к примеру З. В. Архипова, Е. С. Беляева, Э. В. Горян, М. Г. Ерохина, К. Х. Зоидов, А. Х. Малаев, С. В. Пономарева и др.[3]

[1] См. подробнее: *Бадмаева Б. С.* К вопросу об основных компонентах банковских экосистем в контексте цифровой трансформации финансовых институтов // Вестник Академии знаний. 2023. № 54 (1). С. 290–294 ; *Галимова А. Ш., Хужиахметова Э. Р.* Современное состояние цифровых экосистем в российских финансовых компаниях // Экономика и управление : научно-практический журнал. 2024. № 6 (180). С. 133–136.

[2] См. подробнее: *Покачалова Е. В., Гудкова М. В.* К вопросу о публично-правовом регулировании финансовых экосистем в рамках цифровизации экономики Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 291–296.

[3] См. подробнее: *Архипова З. В.* Анализ влияния цифровых технологий на развитие банковской сферы // System Analysis and Mathematical Modeling. 2019. Т. 1, № 1. С. 47–54 ; *Беляева Е. С., Коваленко П. В., Сотников А. А.* Цифровые технологии в системе дистанционного обслуживания // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2023. № 2 (95). С. 34–42 ; *Горян Э. В.* Этическое регулирование искусственного интеллекта как фактор безопасности финансово-банковского сектора : опыт Китая // Вопросы безопасности. 2022. № 2. С. 41–52 ; *Ерохина М. Г.* К вопросу о правовом регулиро-

П. А. Самнев, В. Р. Закирова, Д. В. Швандар отмечают, что «банковский рынок активно включается в процессы глобализации, которые характеризуются расширением каналов продаж, оцифровкой всех внутренних процессов и налаживанием онлайн-коммуникаций с клиентами»[4]. Безусловно, в настоящее время всё больше и больше граждан – потребителей финансовых услуг – стараются использовать цифровые технологии для получения кредитов, страховых полисов или открытия вкладов. Однако ужесточение санкционного давления со стороны недружественных стран послужило началу следующего этапа в развитии цифровых финансовых экосистем и внедрению цифровых финансовых платформ, основывающихся на использовании и применении искусственного интеллекта. К примеру, с помощью биометрических данных клиенты банков могут оплачивать покупки с помощью улыбки.

Основу правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации закладывает «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. от 15.02.2024 № 124-У) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[5]. В рамках данной стратегии 31 июля 2020 г. был принят Федеральный закон № 258-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 № 223-ФЗ) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»[6], регламентирующий внедрение цифровых инноваций в финансовый рынок, сельское хозяйство, промышленность, медицину и другие направления. Также 28 октября 2020 г. Правительство РФ постановлением № 1750 утвердило «Перечень технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций»[7], а Министерство экономического развития РФ 29 июня 2021 г. выпустило Приказ № 392 «Об утверждении критериев определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта»[8] с целью выделения государственной поддержки в перспективные проекты искусственного интеллекта.

Видится, что органы власти стараются как можно скорее создать массив правового регулирования в сфере использования информационных технологий и искусственного интеллекта. Однако в настоящее время отдельного законодательного акта на федеральном уровне, который бы именно регламентировал внедрение, использование и сохранность данных в системе искусственного интеллекта в различных сферах жизнедеятельности общества, пока не принято. Констатируется, что принятие такого нормативно-правового акта способствует снижению фактов мошенничества и хищения данных и информации, связанных с потребителями таких услуг. Тем не менее интерес общества к передовым технологиям стремительно растет, а количество задействованных персональных и биометрических данных, вливаемых в высокотехнологические программы искусственного интеллекта, постоянно увеличивается. В данной связи стоит поддержать точку зрения Н. Л. Зуевой о том, что для того «чтобы не возникало серьезных проблем,

вании современных технологий // Власть Закона. 2019. № 4 (40). С. 168–175 ; *Зоидов К. Х., Пономарева С. В., Серебрянский Д. И., Дубровина Е. П.* Проблемы применения инновационных цифровых технологий и искусственного интеллекта в банковском секторе России // Экономика и управление. 2019. № 8 (166). С. 45–53 ; *Малаев А. Х.* Применение цифровых технологий и искусственного интеллекта при предупреждении экстремистских и террористических преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 4. С. 263–267.

[4] *Самнев П. А., Закирова В. Р., Швандар Д. В.* Экосистемы и маркетплейсы : обзор рынка финансовых услуг // Финансовый журнал. 2020. № 5. С. 89.

[5] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года : утв. Указом Президента РФ от 10 декабря 2019 г. № 490 (в ред. от 15.02.2024 № 124-У) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700 ; 2024. № 8. Ст. 1102.

[6] Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5017 ; 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4919.

[7] Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций : постановление Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 1750 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 44. Ст. 7003.

[8] Об утверждении критериев определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта : Приказ Минэкономразвития России от 29 июня 2021 г. № 392 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 29.07.2021).

необходимо обеспечить оперативное правовое сопровождение внедряемым цифровым технологиям»[9].

Хотелось бы отметить, что одним из главных участников развития и становления доступного цифрового пространства в финансово-экономическом секторе государства, безусловно, является Центральный банк Российской Федерации (Банк России). Как справедливо отмечает Банк России, «по многим параметрам цифровизации Россия входит в число лидирующих стран – инновации и онлайн-сервисы востребованы населением, есть технологические и инфраструктурные условия для их ускоренного развития»[10]. Именно поэтому в 2024 г. Банк России опубликовал на своем официальном сайте «Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 годов[11]», которые закрепили основные перспективные направления по внедрению информационных технологий и искусственного интеллекта в Российской Федерации на ближайшее будущее.

В связи с этим, освещая аспект развития и внедрения искусственного интеллекта и цифровых инноваций в банковском секторе государства, следует обратить внимание на перспективный и важный проект Банка России – «Маркетплейс»[12], который окажет значительное влияние на предоставление финансовых услуг на рынке. Идея данного проекта появилась еще в 2017 г.; в 2020 г. в связи с принятием Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовых платформ»[13] начали работать два первых пилотных продукта – банковские вклады и государственные облигации. Благодаря грамотному подходу к внедрению искусственного интеллекта и популярных цифровых технологий на сегодняшний день граждане Российской Федерации имеют возможность, не выходя из дома, в режиме реального времени воспользоваться такими финансовыми продуктами, как: получение полюсов ОСАГО, открытие денежных вкладов и депозитов, получение выплат по купонам облигаций, получение кредитов и т. д. Одним из ключевых направлений в проекте «Маркетплейс» является расширение потоков анализа данных в финансовой и экономической сферах, с помощью которого потребитель может ознакомиться с различными продуктами от большого числа финансовых организаций, сравнить их, узнать об имеющихся рисках благодаря системе просчета и аналитики, и, следовательно, сделать выбор в пользу наиболее выгодного, перспективного и подходящего финансового продукта для себя.

В настоящее время популярными цифровыми технологиями в банковской сфере стали: технология компьютерного зрения, технология обработки естественного языка, технология рекомендации и персонализации[14] и др. Используя технологию компьютерного зрения через онлайн-банкинг, можно легко оплатить покупки в магазине с помощью штрихкода или произвести оплату с помощью распознания лица на камере смартфона. С технологиями обработки естественного языка можно встретиться в чатах-ботах клиентской поддержки, голосовых и текстовых ассистентах банков и небанковских организациях. С помощью технологии рекомендации и персонализации, на основе запросов в поисковиках и информации из новостной ленты, финансовые организации могут внутри своих онлайн-приложений предлагать своим клиентам индивидуальные акции, скидки или продукты.

Внедрение и развитие искусственного интеллекта и цифровых технологий в сфере финансового рынка, в денежно-кредитной и банковской сферах – одно из прогрессивных и необходимых направлений денежно-кредитной поли-

[9] *Зуева Н. Л.* Цифровизация социальной сферы // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2022. № 2 (49). С. 285.

[10] Доклад для общественных консультаций «Экосистемы : подходы к регулированию» // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf (дата обращения: 16.07.2025).

[11] Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 годов // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/166399/onfintech_2025-27.pdf (дата обращения: 16.07.2025).

[12] Маркетплейс // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/fintech/market_place/ (дата обращения: 16.07.2025).

[13] О совершении финансовых сделок с использованием финансовых платформ : федер. закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ (в ред. 11.03.2024 № 45-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 30. Ст. 4737 ; 2024. № 12. Ст. 1569.

[14] Искусственный интеллект в России – 2023 : тренды и перспективы / Яков и Партнеры, Яндекс / Национальный портал в сфере искусственного интеллекта. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/infrastrukturaii/2023_iskusstvennyy_intellekt_v_rossii_2023_trendy_i_perspektivy_yakov_i_partnery_yandeks/ (дата обращения: 16.07.2025).

тики Российской Федерации[15]. Во-первых, это связано с финансовой безопасностью, т. е. созданием надежных каналов передачи персональных данных для предотвращения финансового мошенничества и киберпреступности; во-вторых, с привлечением инвесторов для развития отечественных финансовых продуктов; в-третьих, с внедрением персонализации в сфере финансовых и банковских услуг, отвечающей всем требованиям каждого клиента; в-четвертых, с возможностью в режиме реального времени получить необходимый финансовый, банковский, страховой продукт или услугу; в-пятых, с повышением уровня доверия к отечественным цифровым экосистемам и платформам, с целью сохранения денежных средств внутри экономики государства.

Наиболее популярными примерами использования искусственного интеллекта в банковской сфере являются технологии сегментации клиентов и релевантные предложения, а также кредитный скоринг[16]. Первая технология направлена на анализ данных о покупках и денежных транзакциях с применением персонализированного подхода, когда потребитель будет осуществлять поиск других предложений. Вторая технология искусственного интеллекта направлена на статистический анализ потенциального заемщика по всем операциям в финансовых учреждениях и определение его кредитоспособности.

Из анализа нормативно-правовых актов, правовых актов Банка России и научной литературы следует, что в настоящее время можно выделить несколько перспективных направлений для использования инновационных технологий искусственного интеллекта в денежно-кредитной и финансовой сфере в целом:

1) осуществление автоматического контроля за налоговыми требованиями, которое окажет существенную помощь в проверке налоговой отчетности, исчислении в уплате налогов, поможет автоматически проводить сравнительный анализ и выявлять ошибки, неточности, опечатки в сведениях налогоплательщиков;

2) автоматическое прогнозирование инвестиционных и рыночных показателей – поспособствует подбору инвестиционных инструментов, направленных на выявление вероятности рисков, указанием сроков получения прибыли, просто быстрому и полному анализу статистических данных в различных финансовых областях и прогнозированию различных ситуаций;

3) расширение потоков анализа данных в финансовой и экономической сферах – возможность получения информации из большого объема источников уже проанализированной и упорядоченной искусственным интеллектом в области транзакций, рыночных и экономических тенденциях, данных анализа потребительского и корпоративного поведения;

4) прогнозирование, просчет и управление рисками в кредитовании, инвестировании и страховании – инновация, которая может помочь не только финансовым организациям, но и непосредственно гражданам, которые хотят воспользоваться одной из услуг финансового рынка. Данная технология полностью включает в себя функцию риск-менеджеров, выполняя расчет с помощью искусственного интеллекта, упрощает процесс, увеличивает скорость получения необходимой информации, а также показывает наиболее выгодные варианты с минимальными рисками, но со сплошными перспективами и бонусами;

5) выявление и предотвращение финансового мошенничества – одно из наиболее необходимых направлений для граждан Российской Федерации на сегодняшний день. Из-за роста числа социальной инженерии, совершающей атаки на сбережения граждан, рост заявлений о фактах мошенничества в финансовой сфере постоянно растет. Именно поэтому, в настоящее время так важно развитие искусственного интеллекта способного распознавать и противостоять финансовым мошенникам с помощью выявления подозрительных, необычных операций и схожих схем, вовремя обезопасив простых граждан;

6) автоматизация рутинных и трудоемких процессов, связанных с обработкой данных и отчетностью в финансовой сфере. Внедрение искусственного интеллекта в данной области поможет сократить и упростить работу финансо-

[15] Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/150582/on_2024(2025-2026).pdf (дата обращения: 16.07.2025) ; Искусственный интеллект в банках // Официальный сайт Tadviser. Государство. Бизнес. Технологии. URL: https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения: 16.07.2025).

[16] *Ткаченко С. Н.* Технологии искусственного интеллекта в банковской сфере : учеб. пособие. Калининград : Балт. федер. ун-т им. И. Канта, 2024. С. 26.

вых консультантов, выполнять ее более эффективно и клиентоориентированно. Быстрая обработка данных и получение информации из большого количества информационных ресурсов помогут удовлетворять потребности клиентов по приобретению наиболее выгодного продукта в сфере кредитования и страхования.

Видится, что внедрение информационных технологий и искусственного интеллекта в денежной и банковской сферах по обозначенным перспективным направлениям станет надежной базой для оптимизации процессов контроля и надзора, повышения уровня безопасности и доверия потребителей финансовых услуг к финансовым организациям и органам власти.

Безусловно, Банк России и органы законодательной власти активно поддерживают развитие и внедрение инноваций в финансово-экономический сектор государства. Однако на федеральном уровне должен быть принят закон, который урегулировал бы нормами права процесс использования и применения данных технологий, обозначив пределы и меры ответственности за злоупотребление техническими инновациями с целью совершения мошеннических действий.

Можно сделать вывод, что банковская и денежно-кредитная системы Российской Федерации находятся на этапе динамичной цифровой модернизации. Многочисленные государственные и частные ресурсы вливаются в систему развития финансово-экономического сектора государства, базой которого должна стать персонифицированная, доступная цифровая среда, работающая в режиме реального времени, способная противостоять вызовам социальной инженерии, при этом сохраняя конфиденциальную персональную информацию своих клиентов и удовлетворяя их потребности. Однако следует иметь в виду, что внедрение инновационных технологий в обозначенной области требует и своевременного принятия правовых норм, регулирующих новые аспекты человеческой жизнедеятельности. В большей степени это связано с предотвращением утечки данных, мошеннических действий и превышением должностных полномочий, для чего необходимы жесткие протоколы использования данных цифровых технологий, основанные на сформированной заранее законодательной базе.

Библиографический список

Архипова З. В. Анализ влияния цифровых технологий на развитие банковской сферы // System Analysis and Mathematical Modeling. 2019. Т. 1, № 1. С. 47–54.

Бадмаева Б. С. К вопросу об основных компонентах банковских экосистем в контексте цифровой трансформации финансовых институтов // Вестник Академии знаний. 2023. № 54 (1). С. 290–294.

Беляева Е. С., Коваленко П. В., Сотников А. А. Цифровые технологии в системе дистанционного обслуживания // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2023. № 2 (95). С. 34–42.

Галимова А. Ш., Хужиахметова Э. Р. Современное состояние цифровых экосистем в российских финансовых компаниях // Экономика и управление : научно-практический журнал. 2024. № 6 (180). С. 133–136.

Горян Э. В. Этическое регулирование искусственного интеллекта как фактор безопасности финансово-банковского сектора : опыт Китая // Вопросы безопасности. 2022. № 2. С. 41–52.

Ерохина М. Г. К вопросу о правовом регулировании современных технологий // Власть Закона. 2019. № 4 (40). С. 168–175.

Зоидов К. Х., Пономарева С. В., Серебрянский Д. И., Дубровина Е. П. Проблемы применения инновационных цифровых технологий и искусственного интеллекта в банковском секторе России // Экономика и управление. 2019. № 8 (166). С. 45–53.

Зуева Н. Л. Цифровизация социальной сферы // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2022. № 2 (49). С. 277–287.

Малаев А. Х. Применение цифровых технологий и искусственного интеллекта при предупреждении экстремистских и террористических преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 4. С. 263–267.

Покачалова Е. В., Гудкова М. В. К вопросу о публично-правовом регулировании финансовых экосистем в рамках цифровизации экономики Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 291–296.

Самнев П. А., Закирова В. Р., Швандар Д. В. Экосистемы и маркетплейсы : обзор рынка финансовых услуг // Финансовый журнал. 2020. № 5. С. 86–98.

Ткаченко С. Н. Технологии искусственного интеллекта в банковской сфере : учеб. пособие. Калининград : Балт. федер. ун-т им. И. Канта, 2024. 120 с.

References

Arkhipova Z. V. Analysis of the impact of digital technologies on the development of the banking sector // System Analysis and Mathematical Modeling. 2019. Vol. 1, No. 1. P. 47–54.

Badmaeva B. S. On the issue of the main components of banking ecosystems in the context of the digital transformation of financial institutions // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2023. No. 54 (1). P. 290–294.

Belyaeva E. S., Kovalenko P. V., Sotnikov A. A. Digital technologies in the remote service system // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2023. No. 2 (95). P. 34–42.

Galimova A. Sh., Khujiakhmetova E. R. Current state of digital ecosystems in Russian financial companies // Economy and Management : scientific and practical journal. 2024. No. 6 (180). P. 133–136.

Goryan E. V. Ethical regulation of artificial intelligence as a security factor in the financial and banking sector : the experience of China // Security Issues. 2022. No. 2. P. 41–52.

Erokhina M. G. On the issue of legal regulation of modern technologies // Power of Law. 2019. No. 4 (40). P. 168–175.

Zoidov K. Kh., Ponomareva S. V., Serebryansky D. I., Dubrovina E. P. Problems of applying innovative digital technologies and artificial intelligence in the banking sector of Russia // Economy and Management. 2019. No. 8 (166). P. 45–53.

Zueva N. L. Digitalization of the social sphere // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2022. No. 2 (49). P. 277–287.

Malaev A. Kh. Application of digital technologies and artificial intelligence in preventing extremist and terrorist crimes // Gaps in Russian legislation. 2023. Vol. 16, No. 4. P. 263–267.

Pokachalova E. V., Gudkova M. V. On the issue of public-law regulation of financial ecosystems in the framework of digitalization of the economy of the Russian Federation // Legal policy and legal life. 2022. No. 2. P. 291–296.

Samnev P. A., Zakirova V. R., Shvandar D. V. Ecosystems and marketplaces : an overview of the financial services market // Financial Journal. 2020. No. 5. P. 86–98.

Tkachenko S. N. Artificial intelligence technologies in the banking sector : a tutorial. Kaliningrad : Immanuel Kant Baltic Federal University, 2024. 120 p.

Саратовская государственная юридическая академия

Гудкова М. В., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой

E-mail: mvgudkova@mail.ru

Поступила в редакцию: 16.07.2025

Для цитирования:

Гудкова М. В. К вопросу об использовании инновационных цифровых технологий в банковской сфере в Российской Федерации : финансово-правовой аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 242–248. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/242-248

Saratov State Law Academy

Gudkova M. V., Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva

E-mail: mvgudkova@mail.ru

Received: 16.07.2025

For citation:

Gudkova M. V. On the question of use of innovative digital technologies in the banking sphere in the Russian Federation: financial and legal aspect // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 242–248. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/242-248

УДК 340
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/249-255

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ ЮЖНОГО КАВКАЗА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

З. Т. Золоева

Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова (Владикавказ)

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE SOUTH CAUCASUS STATES IN THE SPHERE OF PERSONAL DATA PROTECTION

Z. T. Zoloeva

North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov (Vladikavkaz)

Аннотация: в статье осуществляется анализ законодательства государств Южного Кавказа в сфере защиты персональных данных. Автор предпринимает попытку сравнения подходов Грузии, Республики Армения и Азербайджанской Республики в данной сфере. Обосновывается вывод о том, что законодательство государств Южного Кавказа в сфере защиты персональных данных имеет общие черты, такие как: общие подходы регулирования обработки данных; выделение особых категорий информации и требования к защите. Однако выявлены и различия как терминологического, так и содержательного характера, различные подходы к регулированию прав субъекта персональных данных. В Грузии Закон «О защите персональных данных» прописывает особенности обработки данных в контексте видеонаблюдения, что не является распространенным подходом. Различия наблюдаются и по структуре нормативных актов: в Азербайджане регулирование биометрических данных осуществляется при помощи отдельного законодательного акта, а в Грузии и Армении – в рамках законов о защите персональных (личных) данных. Наблюдаются также различия в определении ключевых понятий и механизмов контроля. При этом все страны учитывают международные стандарты, но уровень детализации и комплексности регулирования различен.
Ключевые слова: информационное право, защита персональных данных, Южный Кавказ, право, персональные данные.

Abstract: the article analyzes the legislation of the South Caucasus states in the field of personal data protection. The author attempts to compare the approaches of Georgia, the Republic of Armenia, and the Republic of Azerbaijan in this area. The author substantiates the conclusion that the legislation of the South Caucasus states in the field of personal data protection has common features, such as: general approaches to regulating data processing; identification of special categories of information and protection requirements. However, differences in both terminology and content were also identified. In Georgia the Law «On the Protection of Personal Data» prescribes the specifics of data processing in the context of video surveillance, which is not a common approach. Differences are also observed in the structure of regulatory acts: in Azerbaijan the regulation of biometric data is carried out through a separate legislative act, and in Georgia and Armenia it is carried out within the framework of laws on the protection of personal (personal) data. Differences are also observed in the definitions of key concepts and control mechanisms. At the same time, all countries take into account international standards, but the level of detail and complexity of regulation varies.
Key words: Information law, personal data protection, South Caucasus, law, personal data.

© Золоева З. Т., 2026

Проблематика защиты персональных данных остается актуальной на протяжении многих лет. Во многом это обусловлено активным развитием современных информационных технологий. Однако развитие информационных технологий и внедрение их во все сферы жизни общества и государства сопряжены не только с повышением уровня комфорта и удобства жизнедеятельности, но и с возникновением новых вызовов и угроз[1]. В частности, возникает реальная опасность неконтролируемого сбора и обработки персональных данных, что создает риск их неправомерного или нежелательного использования. Масштабное распространение указанных технологий способно поставить под угрозу само существование института частной жизни. В связи с этим установление адекватного правового режима регулирования персональных данных выступает значимой гарантией защиты прав личности и служит реальным инструментом защиты информационной безопасности личности.

Опыт государств Южного Кавказа в сфере правового обеспечения защиты персональных данных представляет большой научный интерес в силу важного геополитического расположения государств региона и недостаточной изученности данной проблематики в нашей стране.

Значимое место в регулировании отношений в сфере защиты персональных данных занимают конституционные основы. Так, в Конституции Грузии в ст. 15 закрепляется неприкосновенность личной и семейной жизни, в ст. 17 – свобода мнения и его выражения; право получать и распространять информацию; право доступа к Интернету и основания ограничения этих прав. В ст. 18 содержатся положения, закрепляющие право знакомиться с имеющейся в публичных учреждениях информацией о гражданах или иной информацией либо официальными документами[2]. Таким образом, в Конституции Грузии не закреплены положения, непосредственно направленные на защиту персональных данных, так как их регулирование осуществляется специальным законодательством.

В ст. 33 Конституции Республики Армения закрепляется «право на свободу и тайну переписки, телефонных переговоров и иных форм сообщений», а также возможность их ограничения, а ст. 34 закрепляет право на: защиту личных данных (п. 1)[3], ознакомление с собранными о лице данными (п. 3); правила обработки персональных данных (п. 2); возможности ограничения указанных прав (п. 4) и подробное регулирование защиты данной информации нормами специальных законов (п. 5)[4].

Конституция Азербайджанской Республики в ст. 32 устанавливает запрет: сбора, хранения, использования и распространения сведений о чьей-либо частной жизни без его согласия (п. III); использования информационных ресурсов, ведущихся в электронной форме или на бумаге, в целях получения данных о третьих лицах (п. VI); использования информационных технологий для разглашения данных о личной жизни, в том числе относительно убеждений, религиозной и этнической принадлежности (п. VII). В ст. 50 закрепляется право на информацию[5].

Таким образом, анализ норм конституций государств Южного Кавказа показал, что государства используют разные подходы к регулированию персональных данных. Модель, применяемая в Республике Армения, характеризуется конституционным закреплением норм о защите персональных данных. Модель Республики Грузия характеризуется закреплением общей нормы о праве на неприкосновенность частной жизни, личного пространства и коммуникации, а также закрепление права знакомиться с содержащейся у органов публичной власти и учреждений информацией о себе. Модель регулирования в Азербайджанской Республике схожа с реализуемой в Грузии, но имеет ряд отличительных черт. В ней не только закреплено право на личную неприкосновенность, но и содержится запрещающая норма относительно разглашения и иного использования закрытой информации о частной жизни лица.

---

[1] См.: *Минбалеев А. В.* Перспективные направления правового регулирования персональных данных // Юрид. вестник Дагестан. гос. ун-та. 2024. Т. 52, № 4. С. 152.

[2] См.: Конституция Грузии : принята 24 августа 1995 г. URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36 (дата обращения: 09.04.2026).

[3] См.: *Жалова А. А.* Правовое регулирование защиты персональных данных : международные стандарты и зарубежный опыт конституционного закрепления // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2024. № 2 (48). С. 62.

[4] См.: Конституция Республики Армения : принята 6 декабря 2015 г. URL: https://www.president.am/ru/constitution-2015/ (дата обращения: 09.04.2026).

[5] См.: Конституция Азербайджанской Республики : принята на всенародном голосовании (референдуме) 12 ноября 1995 г. URL: https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution (дата обращения: 09.04.2026).

Переходя к анализу правового обеспечения в сфере защиты данных персонального характера, необходимо отметить, что в Грузии правовые основы защиты исследуемых данных содержатся в Законе «О защите персональных данных» от 14 июня 2023 г. №3144-XIმს-Xმპ. Данный закон регулирует обработку данных на территории Грузии с использованием автоматических, полуавтоматических и неавтоматических средств, если данные являются частью файловой системы или обрабатываются для внесения в нее.

Закон вводит должность сотрудника по защите персональных данных, который обязан консультировать ответственных за обработку данных, рассматривать жалобы, представлять интересы граждан перед Службой защиты персональных данных и выполнять иные функции. Назначить такого сотрудника обязаны: страховые и медицинские организации, банки, операторы связи, авиакомпании, аэропорты, бюро кредитных историй, общественные организации, а также лица, обрабатывающие данные не менее 3 % населения Грузии или систематически отслеживающие большие объемы информации[6].

Обработку личных данных органами власти, муниципалитетами, юридическими и физическими лицами регулирует Закон Республики Армения от 18 мая 2015 г. № ЗР-49 «О защите личных данных». Данный законодательный акт определяет правовые основы и условия обработки персональных данных различными субъектами, включая органы государственной власти и местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, а также юридические и физические лица. Из сферы регулирования исключены два блока данных: информация, обрабатываемая в целях журналистики, литературы или художественного творчества, и сведения, составляющие государственную тайну[7].

Анализируя систему защиты персональных данных Армении, С. И. Конев и И. Л. Саркисян справедливо отмечают, что в Армении модель регулирования обработки персональных данных, помимо традиционных участников – субъекта и оператора, – включает категорию третьих лиц, что отражает влияние GDPR (Регламента ЕС 2016/679 от 27 апреля 2016 г.), который обязателен для всех, кто обрабатывает данные граждан ЕС, вне зависимости от страны нахождения оператора[8].

В правовой системе Азербайджанской Республики центральное место в регулировании защиты исследуемого вида данных занимает Закон от 11 мая 2010 г. № 998-IIIQ «О персональных данных». В данном документе установлены: правила сбора и обработки данных персонального характера; меры по обеспечению защиты; порядок формирования специализированного раздела в национальном информационном пространстве; требования к трансграничной передаче данных[9].

Анализ законодательства государств Южного Кавказа в сфере защиты персональных данных позволяет сделать вывод, что Армения и Азербайджан применяют схожий подход к понятию персональных данных – это любые сведения, прямо или косвенно идентифицирующие лицо, а в Грузии – это любая информация, связанная с идентифицируемым или идентифицированным физическим лицом.

В результате исследования законодательства в сфере защиты персональных данных государств Южного Кавказа было установлено, что некоторые из них в своих законах закрепили также понятие «общедоступных персональных (личных) данных». Их особенностью является отсутствие требования обеспечения конфиденциальности. Анализ нормативных актов показывает следующие критерии отнесения данных к общедоступным: по Закону Азербайджанской Республики «О персональных данных» (ст. 5) – это сведения, раскрытые субъектом самостоятельно или внесенные в общедоступные информационные системы с его согласия; по Закону Республики Армения «О защите личных данных» (ст. 3) – это информация, которая становится доступной определенному либо неопределенному кругу лиц при наличии согласия субъекта дан-

[6] См.: О защите персональных данных : закон от 14 июня 2023 г. № 3144-XIმს-Xმპ. URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/5827307?publication=3 (дата обращения: 09.04.2026).

[7] См.: О защите личных данных : закон от 18 мая 2015 г. №ЗР-49 (вступил в силу с 1 июля 2015 г.). URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5275&lang=rus(дата обращения: 09.04.2026).

[8] См.: *Конев С. И., Саркисян И. Л.* Перспективы развития законодательства о персональных данных : опыт России и Армении // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 187.

[9] См.: *Койбаев Б. Г., Золоева З. Т.* Развитие информационного общества в Азербайджанской Республике. Владикавказ : Сев.-Осетин. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова, 2024. 172 с.

ных либо вследствие совершения им сознательных действий[10].

Сравнительный анализ законодательства Грузии, Азербайджана и Армении в сфере защиты персональных данных выявляет различия в терминологии и содержании некоторых видов персональных данных. Так, Грузия и Азербайджан используют понятие «персональные данные особой категории», в то время как Армения применяет формулировку «личные данные специальной категории». По объему охватываемых сведений среди подвергнутых исследованию государств лидирует Грузия, где к особой категории отнесен наиболее широкий спектр данных, включая биометрические и генетические сведения, информацию об административных арестах и т. д. Закрепление более узкого перечня, с фокусировкой на таких базовых категориях, как раса, семья, религия, здоровье, судимость, характерно для Закона Азербайджанской Республики «О персональных данных». Подход Республики Армения близок к применяемому в Азербайджанской Республике, но включает дополнительные элементы, касающиеся частной жизни.

Общими для всех трех юрисдикций являются закрепление института письменного согласия (в том числе в электронной форме) на обработку персональных данных (ст. 9 Закона Республики Армения «О защите личных данных»; ст. 5 Закона Грузии «О защите персональных данных»; ст. 8 Закона Азербайджанской Республики «О персональных данных») и регламентация процедуры его отзыва. В Армении и Азербайджане также дача согласия в электронной форме допустима, если такое согласие подтверждено электронной цифровой подписью, а в Грузии такого уточнения нет. В Армении также допускается возможность выражения устного согласия.

В соответствии со ст. 10 Закона Грузии «О защите персональных данных» видеонаблюдение и аудиомониторинг считаются обработкой персональных данных. Применение видеонаблюдения в соответствии с данным законом допустимо для: предотвращения/раскрытия преступлений, обеспечения безопасности, защиты имущества и несовершеннолетних, охраны секретной информации, проведения экспертиз, а также в рамках законных интересов. По оценке М. А. Городецкой, это один из немногих законов о защите персональных данных, который четко прописывает особенности обработки данных в контексте видеонаблюдения[11].

В результате сравнительного анализа законодательства государств Южного Кавказа в исследуемой сфере выявлено, что данные государства по-разному подходят к вопросу регулирования прав субъекта персональных данных. Так, подход Республики Армения характеризуется классической трехэлементной схемой – право на доступ, участие в принятии решений и обжалование действий оператора. Такая модель обеспечивает базовый уровень защиты, но не учитывает ряд современных цифровых вызовов. Подход Грузии характеризуется более продвинутым уровнем детализации. Помимо доступа к информации, Закон Грузии «О защите персональных данных» закрепляет также право на исправление, обновление, удаление, блокировку и перенос данных.

В то же время можно констатировать большую, по сравнению с другими государствами Южного Кавказа, полноту регламентации в Законе Азербайджанской Республикой «О персональных данных», где помимо стандартных прав закрепляются и дополнительные механизмы контроля: требование обоснования обработки, информация об источниках данных, возможность возражать против их сбора. Представляется, что это создает комплексную систему защиты прав субъекта[12].

Важно также отметить, что в государствах Южного Кавказа такой вид персональных данных, как биометрические, также получил правовое закрепление. Однако в регулировании данного вопроса отсутствует единство подходов. Так, правила обработки биометрических персональных данных закреплены в ст. 13, 19, 23

[10] См.: О защите личных данных : закон Республики Армения от 18 мая 2015 г. № ЗР-49. URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5275&lang=rus (дата обращения: 09.04.2026).

[11] См.: *Городецкая М. А.* Правовое регулирование обработки персональных данных посредством видеонаблюдения : зарубежные и национальные подходы // Правосудие и правоохранительная деятельность : законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. Вып. 4 / Ин-т переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: О. Н. Здрок (гл. ред.) [и др.]. Минск : РИВШ, 2025. С. 271–280.

[12] См.: *Zoloeva Z. T., Koybaev B. G.* Features of the development of e-government in the Republic of Azerbaijan // Modern Science and Innovations. 2025. No. 3(51). P. 171–177.

Закона Республики Армения «О защите личных данных» и характеризуются фрагментарным регулированием; а ст. 9 Закона Грузии «О защите персональных данных» более детально рассматривает данные вопросы. Кроме того, отличительной особенностью Закона Грузии «О защите персональных данных» является фигурирование в нем такого вида данных персонального характера, как генетические.

Регулирование биометрических персональных данных в Азербайджанской Республике характеризуется большей детальностью. Так, правовую базу страны в исследуемой сфере дополняет Закон «О биометрической информации» № 651-IIIQ от 13 июня 2008 г.[13], устанавливающий правила работы с биометрическими данными. Он определяет: требования к биометрическим информационным ресурсам; принципы функционирования биометрической идентификационной системы; области применения биометрических технологий; порядок обработки и защиты данных[14]. Документ также регулирует отношения при создании и эксплуатации биометрических систем и закрепляет права и обязанности их участников[15].

Необходимо обратить внимание и на подходы, реализуемые государствами Южного Кавказа в сфере обеспечения безопасности обрабатываемых персональных данных. Анализ законодательства показывает фрагментарный характер регулирования данной сферы. Так, Закон Республики Армения «О защите личных данных» не предусматривает комплексной системы правовых, организационных и технических мер безопасности; ограничивается отдельными требованиями – шифрованием данных в информационных системах и общими правилами для носителей биометрических данных (ст. 19); не обеспечивает нормативного охвата всего спектра потенциальных угроз (неправомерный доступ, уничтожение, изменение, блокирование, копирование, распространение и т. д.).

В Азербайджанской Республике ситуация похожая: Закон «О персональных данных» также не формирует целостной системы мер защиты персональных данных и закрепляет лишь отдельные нормы в области информационной безопасности (ст. 6, 10, 18).

Это свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства обеих стран с целью создания единой, многоуровневой системы защиты персональных данных, соответствующей современным киберугрозам.

Более детально вопросы обеспечения безопасности персональных данных рассматриваются в Законе Грузии «О защите персональных данных», ст. 27 которого довольно подробно рассматривает данные аспекты. А главы IX и X посвящены закреплению правила производства по делу об административном правонарушении и установлению административной ответственности за совершение нарушений в процессе обработки или хранения данных персонального характера.

Кроме того, Закон устанавливает обязанность вести учет инцидентов, наступивших последствий, принятых мер, а также по информированию субъекта данных об инциденте, связанном с раскрытием данных персонального характера.

На развитие законодательства о персональных данных в государствах Южного Кавказа значительное влияние оказала Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, принятая Советом Европы 28 января 1981 г., которая была ратифицирована Грузией в 2005 г., а Арменией – в 2012 г. Кроме того, Общий регламент ЕС по защите данных (GDPR) также стал катализатором совершенствования законодательства в сфере защиты данных[16] на Южном Кавказе, особенно в Армении и Грузии. Это влияние проявилось в адаптации принципов GDPR, гармонизации норм и усилении механизмов защиты данных. Анализ законодательства Азербайджанской Республики позволяет сделать вывод о том, что в целом оно тоже соответствует международным стандартам, но не полностью гармонизировано с GDPR.

[13] Azərbaycan Respublikasinin Qanunu «Fərdi məlumatlar haqqında» 11 may 2010-cu il 998-IIIQ. URL: https://mincom.gov.az/storage/pages/376/998-iiiq-ferdi-melumatlar-haqqinda.pdf (дата обращения: 09.04.2026).

[14] См.: Гуманитарное законодательство государств – участников СНГ : общая характеристика и тенденции развития / Н. С. Волкова, О. Ю. Еремина, Т. Е. Мельник [и др.]. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2013. 444 с.

[15] См.: О биометрической информации : закон Азербайджанской Республики 13 июня 2008 г. URL: https://republic.preslib.az/ru_d4-81.html (дата обращения: 09.04.2026).

[16] См.: *Гиш Т. А., Ржевская Н. В., Медведева А. С.* Анализ законодательства разных стран по обеспечению защиты персональных данных // Auditorium. 2023. № 4 (40). С. 29–34.

Анализ законодательства государств Южного Кавказа в сфере трансграничной передачи персональных данных показывает, что все три страны закрепили соответствующие нормы на уровне национальных законов: Грузия – глава V Закона «О защите персональных данных»; Армения – ст. 27 Закона «О защите личных данных»; Азербайджан – ст. 14 Закона «О персональных данных». Ключевыми сходствами данных законов являются: единый акцент на необходимости гарантий защиты данных при передаче за рубеж; приоритет соблюдения прав субъектов персональных данных; признание важности международного обмена данными при условии соблюдения стандартов безопасности. Во всех трех законах согласие субъекта данных выступает одним из оснований для передачи данных. Основные различия данных законодательных актов следующие: дифференциация подходов к определению допустимых оснований для передачи; неодинаковые требования к процедурам подтверждения уровня защиты в принимающей стране; вариативность механизмов контроля и ответственности за нарушения при трансграничной передаче. Так, Закон Грузии «О защите персональных данных» наиболее детализирован в части особых случаев и процедур, Закон Армении «О защите личных данных» – в части списка стран, а Закон Азербайджанской Республики «О персональных данных» – более лаконичен и ориентирован на общие принципы.

Кроме того, важным вопросом, получившим закрепление в законах, регулирующих правовой режим данных персонального характера в государствах Южного Кавказа, является закрепление статуса контролирующих органов. В Грузии таким органом, начиная со 2 марта 2026 г., является Служба государственного аудита; в Армении – Агентство по защите персональных данных Министерства юстиции Республики Армения, обладающее независимым статусом; а в Азербайджане – Служба электронной безопасности, входящая в структуру Министерства цифрового развития и транспорта Азербайджанской Республики.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодательство Грузии, Армении и Азербайджана в сфере обработки и защиты персональных данных является достаточно развитым, опирается на конституционно-правовые нормы и развивается в специальных законах, посвященных защите данных персонального характера. Анализ законодательства государств Южного Кавказа показал, что оно имеет общие черты, такие как: общие принципы регулирования обработки данных; выделение особых категорий информации; требование согласия субъекта на обработку данных; требования защиты данных; создание специализированных органов для надзора за соблюдением законодательства и др. Однако государства Южного Кавказа демонстрируют и специфические черты в подходе к правовому регулированию исследуемых отношений (Грузия и Армения, делают акцент на защиту данных персонального характера); структуре нормативных актов (в Азербайджане, например, регулирование биометрических данных осуществляется при помощи отдельного законодательного акта); определению ключевых понятий и механизмам контроля и др. При этом все страны учитывают международные стандарты, но уровень детализации и комплексности регулирования различен.

Библиографический список

Гиш Т. А., Ржевская Н. В., Медведева А. С. Анализ законодательства разных стран по обеспечению защиты персональных данных // Auditorium. 2023. № 4 (40). С. 29–34.

Городецкая М. А. Правовое регулирование обработки персональных данных посредством видеонаблюдения : зарубежные и национальные подходы // Правосудие и правоохранительная деятельность : законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. Вып. 4 / Ин-т переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: О. Н. Здрок (гл. ред.) [и др.]. Минск : РИВШ, 2025. С. 271–280.

Гуманитарное законодательство государств – участников СНГ : общая характеристика и тенденции развития / Н. С. Волкова, О. Ю. Еремина, Т. Е. Мельник [и др.]. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2013. 444 с.

Жалова А. А. Правовое регулирование защиты персональных данных : международные стандарты и зарубежный опыт конституционного закрепления // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2024. № 2 (48). С. 57–63.

Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Развитие информационного общества в Азербайджанской Республике. Владикавказ : Сев.-Осетин. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова, 2024. 172 с.

Конев С. И., Саркисян И. Л. Перспективы развития законодательства о персональных данных :

опыт России и Армении // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 186–189.

Минбалеев А. В. Перспективные направления правового регулирования персональных данных // Юрид. вестник Дагестан. гос. ун-та. 2024. Т. 52, № 4. С. 152–156.

Zoloeva Z. T., Koybaev B. G. Features of the development of e-government in the Republic of Azerbaijan // Modern Science and Innovations. 2025. No. 3(51). P. 171–177.

References

Gish T. A., Rzhevskaya N. V., Medvedeva A. S. Analysis of the legislation of different countries on ensuring the protection of personal data // Auditorium. 2023. No. 4 (40). P. 29–34.

Gorodetskaya M. A. Legal regulation of the processing of personal data through video surveillance : foreign and national approaches // Justice and Law Enforcement : Legislation and Law Enforcement : coll. of scientific papers. Issue 4 / Educational Institution «Institute for Retraining and Advanced Training of Judges, Prosecutor's Office Employees, Courts and Justice Institutions of BSU» / edit. board: O. N. Zdrok (editor-in-chief) [and others]. Minsk : RIVSh, 2025. P. 271–280.

Humanitarian legislation of the CIS member states : general characteristics and development trends / N. S. Volkova, O. Yu. Eremina, T. E. Melnik [et al.]. Moscow : Institute of legislation and comparative law under the government of the Russian Federation, 2013. 444 p.

Zhalova A. A. Legal regulation of personal data protection : international standards and foreign experience of constitutional enshrinement // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2024. No. 2 (48). P. 57–63.

Koybaev B. G., Zoloeva Z. T. Development of the Information Society in the Republic of Azerbaijan. Vladikavkaz : North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, 2024. 172 p.

Konev S. I., Sarksyan I. L. Prospects for the development of legislation on personal data : the experience of Russia and Armenia // Legal Science. 2023. No. 3. P. 186–189.

Minbaleev A. V. Promising directions of legal regulation of personal data // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2024. Vol. 52, No. 4. P. 152–156.

Zoloeva Z. T., Koybaev B. G. Features of the development of E-government in the Republic of Azerbaijan // Modern science and innovations. 2025. No. 3 (51). P. 171–177.

Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова (Владикавказ)

Золоева З. Т., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теоретико-исторических правовых дисциплин

E-mail: 4noiabria@mail.ru

Поступила в редакцию: 05.05.2026

Для цитирования:

Золоева З. Т. Сравнительно-правовой анализ законодательства государств Южного Кавказа в сфере защиты персональных данных // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 3 (66). С. 249–255. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/249-255

North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov (Vladikavrfz)

Zoloeva Z. T., PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Theoretical and Historical Legal Disciplines

Email: 4noiabria@mail.ru

Received: 05.05.2026

For citation:

Zoloeva Z. T. Comparative legal analysis of the legislation of the South Caucasus States in the sphere of personal data protection // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 3 (66). P. 249–255. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/3/249-255

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

1. Общие положения

1.1. К публикации принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций (форумов, семинаров).

1.2. Содержание присылаемых в редакционную коллегию журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям (см. сайт журнала: http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/; http://www.law.vsu.ru/science/publications/vestnik.html).

1.3. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по электронной почте или через личный кабинет пользователя на сайте журнала (https://journals.vsu.ru/law).

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

– индекс УДК;

– название статьи на русском и английском языках;

– инициалы и фамилию(-и) автора (соавторов);

– наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает (или занимает соответствующую должность);

– дату направления материала в редакцию журнала;

– аннотацию статьи на русском и английском языках;

– ключевые слова на русском и английском языках;

– текст статьи;

– библиографический список на русском и английском языках, который составляется в порядке алфавита из научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи;

– сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо прислать в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения организации) о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале или краткий отзыв научного руководителя с рекомендацией опубликования статьи.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. Требования к оформлению материалов, направляемых в редакционную коллегию журнала для опубликования

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц (к сведению: 22 страницы, или 40 000 знаков, включая пробелы и знаки препинания, составляют один печатный лист).

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация сквозная.

2.5. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.7. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.8. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем

могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, то приводится полностью его название.

2.9. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.10. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg.

3. Рецензирование материалов, поступающих в редакцию

3.1. Все материалы, поступающие в редакцию журнала, соответствующие его тематике, подвергаются рецензированию с целью их экспертной оценки.

3.2. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов.

3.3. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции журнала в течение 5 лет.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

4. Решение о публикации и отказ в публикации

4.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

4.2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

4.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и поясняющее все произведенные в статье изменения.

4.4. Отказ в публикации возможен в случаях:

– несоответствия статьи профилю и специфике журнала;

– грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;

– несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;

– отрицательного заключения редакционной коллегии;

– опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания;

– несоответствия статьи предъявляемым требованиям к оформлению материалов.

4.5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

4.6. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.-

THE REGUIREMENTS TO THE MATERIALS, SENT TO THE EDITORIAL STAFF FOR PUBLISHING

1. General provisions

1.1. To the publication the materials containing the results of scientific researches issued in the form of full articles, short messages, reviews are accepted. Reviews and materials reviews of the held scientific conferences (forums, seminars) can be published in the journal.

1.2. The content of the materials sent to the editorial board of the journal and their arrangement must conform to the established requirements (see website: http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/; http://www.law.vsu.ru/science/publications/vestnik.html).

1.3. Materials should be sent to the editorial board by e-mail or through the user's personal account on the journal's website (https://journals.vsu.ru/law).

1.4. The text of the publication signed by the author (coauthors) should be made out by one file which contains the following information and structure:

– UDC identifier;

– article heading in Russian and in English;

– author's (coauthors') initials and surnames;

– name of educational, scientific or other organization where the author (coauthors) works (or holds any appointment);

– date of directing materials to the editorial board of the journal;

– summary of the article in Russian and in English;

– key words in Russian and in English;

– text of article;

– list of bibliography (this list shall be prepared in alphabetical order and contain names of scientific sources mentioned in footnotes);

– data on the author (coauthors) in Russian and in English with the full indication of a surname, name, middle name, academic degree, academic status, primary place of employment, post, e-mail.

1.5. For postgraduate students and degree-seeking students it is also necessary to send an extract from the minutes of chair (sector, division of the organization) about the recommendation of the sent material to publication in the journal or a short response of the research supervisor with the recommendation of publication of article to editorial board of the journal.

1.6. Articles sent to the editorial board shall be reviewed, and in case of the positive review – scientific and control correcting.

1.7. The decision on the publication of the article is made by the editorial board of the journal.

1.8. The publication of articles is free of charge.

2. Requirements to arrangement of the materials directed to the editorial board of the journal for publication

2.1. The text is printed in a text editor of WinWord; font – Times New Roman; size – 14th; interval – 1,5.

2.2. All page-sides shall be 2 centimeters.

2.3. The volume of article shouldn't exceed 16–18 pages (note: 22 pages, or 40 000 symbols, including gaps and punctuation marks, make one printed page).

2.4. References are made out page by page. Numbering goes through.

2.5. References are arranged according to state standard specification 7.0.5 – 2008 "The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up". In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

2.6. All pages of the manuscript should be numbered.

2.7. Names of the organizations, public authorities, institutions, international organizations aren't reduced. All abbreviations and reductions, except for well-known, shall be deciphered at the first use in the text.

2.8. All tables shall be mentioned in the text. Each table is printed on the separate page and numbered according to its first mention in the text. Each column must have short heading (reductions and abbreviations can be used there). Explanations of terms, abbreviations are located in references (notes), but not in the table headings. The symbol – * is applied for references. If data from other published or unpublished source are used, its heading has to be named completely.

2.9. Schemes and charts shall be numbered and submitted in separate files.

2.10. Illustrations (photos) can be black-and-white or colored, scanned with the dimension of 300 dots per inch and kept in the separate file in the tif or jpg format.

3. Reviewing of the materials coming to edition

3.1. All materials sent to editorial office of the magazine, corresponding to its subject are exposed to reviewing for the purpose of their expert assessment.

3.2. All reviewers are recognized specialists in subject of the reviewed materials.

3.3. Reviews are stored in the publishing house and in editorial office of the magazine within 5 years.

3.4. Editorial office of the magazine sends the copy of reviews or motivated refusal to authors of the presented materials.

4. The decision to publish and to refuse publication

4.1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

4.2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of law is necessary to make decision on the publication.

4.3. According to the recommendation of the editorial board completion (quality improvement) of article by the author is in some cases possible. Article sent to the author to completion has to be returned in the corrected form together with its initial version in the shortest terms. The author (co-authors) needs to attach the letter containing answers to the remarks made by edition and explaining all changes made in article to the processed manuscript.

4.4. Refusal in the publication is possible in cases:

– article's discrepancy to a profile and specifics of the journal;

– the rough violations in citing including references to statute rules;

– article's discrepancy to scientific level and practical usefulness criteria;

– negative conclusion of the editorial board;

– the article (or identical materials) is published or submitted for publication in other printed editions;

– non-compliance of the article with the requirements for the design of materials.

4.5. Manuscripts submitted for publication are not returned.

4.6. The opinion of the editorial board does not always coincide with the author's point of view.

ВЕСТНИК
ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПРАВО. 2026. № 3 (66)

Дата выхода в свет 30.09.2026

Ведущий редактор *Ю. С. Гудкова*
Компьютерная верстка *Л. О. Мещеряковой*

Формат 60×84/8.
Уч.-изд. л. 31,2. Усл. п. л. 30,2. Тираж 40 экз. Заказ 333

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3